

Пётр Червинский

**Пространства в снах.
Семантика ориентационных мотивов**

Рецензент:
доктор наук,
профессор Южного федерального университета
Александра Пономарёва

Червинский П. Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов. –
Тернополь: Крок, 2015. – 294 с.
ISBN 978-617-692-276-6

Предмет рассмотрения в данной работе связывается с семантикой тех представлений, которые, с одной стороны, относясь к отражениям, привычно определяемым в категориях бессознательного, подводят, фактически и с другой стороны, к значениям языковым, воплощаемым в лексике как общепринятого (узуального), так и ограниченного и потенциального. Характерного для того слоя сознания, который себя проявляет или способен себя проявить в различных, в том числе и маргинальных, ментальных и коммуникативных условиях. Пространственные объекты, толкуемые по словарям сновидений, интерпретируются как различным семантическим образом сопровождаемые когнитивы, находящие свой видовой характер и смысл в сфере внутренних ощущений, ориентаций и представлений. Знания, полужнания, чувственные мотивы и пр., претворяясь в наглядные образы, эти самые образы делают формами выражения внутренне не осознаваемого, но управляющего и управляемого неким Субъектом "языка". Будучи "языком", эта внутренняя коммуникативно-ментальная сущность, действует как парадигматико-синтагматическое устройство. Характеристике некоторых элементов такого устройства в их отнесении к общему и посвящено настоящее представление.

ISBN 978-617-692-276-6

© Piotr Czerwiński, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| ПОДХОДЫ К НЕКОТОРОЙ ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ..... | 7 |
| ОПЫТ ТРАНСПОЗИЦИОННОГО ПРОЧТЕНИЯ ПОДЗЕМНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ОДНОЙ ИЗ СКАЗОК У БР. ГРИММ | 13 |
| О возможной смещенности сказочного восприятия..... | 13 |
| Переходящие одно в другое вмещенные положения | 16 |
| О позиционных "местах" являющего себя положения..... | 22 |
| 'Аллея' как открывающийся проход-переход..... | 29 |
| Подземное положение 'замка' и возможное его разрешение..... | 32 |
| ПРОСТРАНСТВЕННО ВЫРАЖАЕМЫЕ "ВИДИМОСТИ" СЕБЯ НАБЛЮДАЮЩЕГО МЕНТАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ | 41 |
| Имагинативные смыслы и образы..... | 46 |
| Две возможных позиции "имагинативного" пребывания..... | 53 |
| О трансмутивности видимого для имагинативного состояния..... | 60 |
| 'Аллея' как сновиденческий образ (на материале снотолкований) | 67 |
| 'Аллея' как таковая и 'аллея среди деревьев' | 71 |
| Об уточняющих признаках имагинатива | 73 |
| Аспект "подключаемых" состояний | 78 |
| Создаваемые "впечатления" видимого..... | 87 |
| Положения (situs'ы) проживаемых состояний | 91 |
| Объявляемые образы как продуцируемое..... | 96 |
| Мотивы и обстоятельства 'попадания' | 100 |
| Об интенциональных механизмах имагинативного порождения..... | 105 |
| О парадигматике имагинативного "языка" | 107 |
| О предикатных конкретизаторах образа | 109 |
| О значениях и формах возможной реализации..... | 115 |
| Погружение в переживание как категориальный аспект..... | 118 |
| Сопровождающие аспекты переживаемого погружения | 124 |
| Сенситивный образ и его составляющие | 128 |
| Реальное и сенситивное на примере 'амбара'..... | 131 |
| Первый подход к типологии..... | 135 |
| 'Аквариум' в имагинативно-типологическом отображении..... | 143 |
| Кажущаяся идентичность объектов | 146 |
| Различающе-характеризующие признаки как средства реализации образа..... | 151 |
| Замечание к типологии: о подгруппах сновиденческих образов..... | 154 |
| Категориальные и предизирующие признаки компонентов состава | 159 |
| Взаимная обусловленность и связанность образных компонентов | 161 |
| Единое (целостное) и разложимое восприятие образов..... | 164 |
| Различия в положениях, рождающие различия образов | 172 |
| Обобщенное и вариантное в ориентирующих представлениях образа | 175 |

| | |
|--|-----|
| <i>ЯЗЫКОВОЕ И ИМАГИНАТИВНОЕ: СЛОВО, ОБЪЕКТ, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ОБРАЗ (ДЛЯ 'ЗООПАРКА')</i> | 181 |
| Малосущественные (нередко) отличия, выражаемые разными при этом словами.... | 184 |
| Хронологическая динамика представлений и их возможное отображение в образах | 189 |
| Характер переносных значений (употреблений) и имагинативные образы | 191 |
| 'Люди' и 'звери' ориентационной характеристики их содержащих пространств | 196 |
| 'Зверинец' и 'зоопарк' сновиденческих толкований..... | 199 |
| 'Зверинец' возможных контактов с людьми..... | 202 |
| 'Зоопарк' возможного (либо отсутствующего) в нем локатива..... | 208 |
| 'Пространственность' локатива как переживание..... | 209 |
| Сновиденческий локатив как форма реализации проецируемых представлений | 212 |
| 'Зоопарк' как граничное место контактного переживания и пребывания в нем.. | 216 |
| Семантика переносов в их отношении к способности имагинативного расширения..... | 218 |
| Ментально-оценочное в представлении о 'зоопарке' и его возможное имагинативное отражение..... | 222 |
| Компрессия и экспрессивно-концептуальные ходы движения от прямого значения к переносным..... | 226 |
| Восприятие объекта и возможное экспрессивное представление о нем как основа деривативной "образности"..... | 230 |
| Ощущение как основа определенного типа и вида лексических переносов | 234 |
| Еще раз (в связи с деривацией) о трех составляющих имагинативного образа | 238 |
| "Имагинативное" представление как основа лексических переносов и сновиденческих образов | 241 |
| Различия ментальных проекций имагинативно единого | 245 |
| Пространственные представления объектов в их возможных отличиях и совпадениях..... | 249 |
| 'Зоопарк' как сепаратив (отделенный местообъект от всего остального и прочего) | 256 |
| 'Зоопарк' как сепаратив проекций не обязательно имагинативно единого..... | 262 |
| Об аспектуальности ментально-имагинативных проекций | 268 |
| | |
| О КОНСТРУКТИВНОЙ РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРИЗНАКОВ (ЗАМЕЧАНИЯ К БУДУЩЕЙ ТИПОЛОГИИ) | 273 |
| О роли входящих в формулу компонентов | 276 |
| О концептуально-оценочных свойствах имагинативных образов..... | 279 |
| 'Зоопарк', 'аквариум' и пр. обобщенного представления..... | 282 |
| | |
| ЛИТЕРАТУРА | 287 |

Пётр Червинский (Piotr Czerwiński), профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Силезского университета, специалист в области семасиологии, этносемантики, этимологии, семантического языка фольклорных традиций, автор учебников, словарей, монографий, компьютерных курсов. Имеет более 480 опубликованных научных работ (в Польше, России, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Испании, Румынии, Литве, Белоруссии, Украине, Грузии, Латвии; около 100 из них помещено в Интернете, в международных журналах гуманитарного профиля). Основные (книжные) публикации: “Семантический язык фольклорной традиции”, “Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)”, “Ступени Храма. Этапы этнического сознания. Эскиз модели Священной еврейской истории” (серия из пяти книг), “Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации”, “Наречие. Дидактический словарь”, “Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики”, “Семантико-операциональный язык для диалога с машиной”, “Словари толкования сновидений. Заметки к строению интерпретативной модели”, „Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц”, „Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные”, „Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц”, „Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики”, „Формы и виды бега русской ментальной действительности: семантика узуальных мотивов и обстоятельств”; а также написанные в соавторстве: “Логика курса «Русский язык»”, “Русский язык. Введение”, “Русское произношение и правописание”, “Теория и практика русской речи”, “Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика”, “Большой толковый словарь иностранных слов” (в 3-х тт.), “Энциклопедический мир Владимира Даля” (в 6-ти тт.), “Иностранные слова и словосочетания с ними” (в 2-х частях), “Лингвopsихологический учебник здоровья”, “Иноязычная лексика русского языка (с методикой дидактической игры и творческих заданий)”, “Мой язык и компьютер. Этимологический словарь иноязычной лексики русского языка” (в 2-х частях), “Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs.” (серия выпусков), “Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление” (в 2-х частях), “Аспекты лингвopsихологической диагностики партнерских отношений”, “Язык сознания в его вербальных и невербальных реализациях”, “Метафоры русского сексуального EGO: концептуальный подход к описанию лексики и составлению словаря”. Научные интересы связаны с этнолингвopsихологическими проблемами языка и сознания: сопоставительная лексикология, словообразование, ономастика, язык политики и средств массовой коммуникации, язык поэзии и художественной литературы, современный речевой узус, развитие речи и интеллекта, прогрессивные методики обучения. Персональный сайт автора: <http://piotr-czerwinski.narod.ru>, <http://czerwinski.ucoz.net>.

ПОДХОДЫ К НЕКОТОРОЙ ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Особенностью человеческого нормально-обыденного существования, в определенном смысле, можно считать, по-видимому, то обстоятельство, что, находясь в каком-то пространстве, привычным образом человек не склонен, как правило, этого замечать, пространственно ориентируясь скорее внутренним и боковым ощущением или чутьем. Пребывание в каком-то пространственном месте, если оно обычно, настолько естественно, что не требует специфического контроля с необходимостью отдавать себе в этом отчет, определяя, что это, где я, с установлением его параметров, внутренних свойств, проявлений, влияний, и с определением границ. Возникающие в этой связи, философские по своему существу, проблемы, упираются, в конечном итоге, к определению, что такое и чем предстает пространство¹. В отношении человека, в его сознании, для него самого и для его проективного бытия. Сводится ли оно лишь к материи и ее отражению,

¹ Мы не ставили перед собой целью входить в рассмотрение существующих точек зрения, подходов и взглядов в отношении как пространства, так и представлений о сновидениях, снах и связываемых с ними воображений "реальности", усматривая свою задачу в том, чтобы постараться увидеть на материале то, чем оно, то и другое, может быть и каким предстает для сознания, а не то, как можно или как следует его интерпретировать и понимать. Существует довольно обширная и многообразная литература по всем этим вопросам, аналитическое исследование которой могло бы составить идею и смысл не одной работы. Говоря о пространстве применительно к постановке вопроса, ограничимся следующим определением, вполне достаточным для поставленной цели: «...признаками..., определяющими содержательную сторону и отражающими представление о пространстве «наивного» носителя языка, являются представление о нем как целостности, вмещающей человека, осознаваемой вокруг него и видимой перед ним, как среде всего сущего, заполненной предметами и людьми, как форме бытия всех предметов и явлений физического мира, как сущности, обладающей протяженностью, трехмерностью, непрерывностью и дискретностью одновременно, структурированностью. Дистинктивными признаками пространства, определяющими его объем, является представление о пространстве как о сущности, неотделимой от понятий «предмет» и «место», базовой категории, которая осмысливается метафорически, определяя другие сферы жизнедеятельности человека. В исходных значениях лексем, репрезентирующих пространство, мы наблюдаем тесную связь собственно пространственной семантики с предметной, отмечая, таким образом, что пространство предметно, абстрактное пространство стремится быть выраженным в конкретной физической реальности (например, линия — *дорога, река*; верх — *верхушка дерева*), при метафорическом переносе могут актуализироваться как пространственные, так и предметные семы исходного значения.» [выделено мной — П. Ч.] (Мухачева А.М. Концепт «пространство» в русской языковой картине мира // <http://konferent.ru/nauka/931> [25.02.2015])

выступая ее атрибутом и неизменным сопровождающим следствием? Оборачивается ли только видимостью и кажимостью? В какой мере и как воплощает оно реальность в себе и какую реальность? Какой она сама может быть, чем является и чем предстает? Насколько осознаваема, контролируема, а потому и реальна она, в созерцании, в наблюдении, в отслеживании ее – для того, кто ее созерцает и для самой себя? Все эти проблемы, так или иначе, начинают, не вполне неожиданно, но с достаточной остротой и в собственном повороте, себя проявлять при вхождении в реальность (назовем это так, за неимением лучшего) чего-то еще, какого-то еще состояния, помимо привычного бодрствования, каковым является состояние сна, обнаруживающее себя для возможности знакового и значимого говорения о нем в сновидении. Не столько, может быть, при вхождении, сколько, для большей точности, при обращении к ней, с тем чтобы вывести на этой ее основе то, что будет нас интересовать – особенности (перцептивных, по-видимому) значений (хотя то и другое придется еще уточнить), связывающих себя (и себя в них проявляющих) с проективами некоторых (будем так полагать) локально, пространственно (для сознания) объявляемых объектов и мест (и здесь также все это будет требовать своего уточнения).

Выводом из всего проговоренного будет простая по своей сути мысль, что ничего из того, что принято, что бы можно считать, полагаясь на кем-то когда-то высказанное и как более или менее общее представление имеющееся и в научной литературе отслеживающееся, находящее свое воплощение и отпечаток в сознании, постараемся для начала пока что и по возможности не прилагать, оттолкнувшись от материала. Не для того, чтобы проанализировать под новым каким-то углом этот материал, что бы, может, и было разумно и объяснимо, а для того (пусть это несколько странно и зазвучит), чтобы найти этот угол. Не новый, но не в том отношении, что он не нов, а в том смысле, что, не важно, нов он или не нов. С тем чтобы попытаться найти в материале тот поворот, который, будучи по возможности более близким и адекватным материалу, позволит увидеть в нем стороны, свойственные ему, его в большем виде и свете приоткрывающие.

Поскольку задача эта, отчасти подобная прохождению вброд, хотя бы и не вслепую и не наугад, в уверенности, что брод должен быть, коли есть в этом месте на подобную мысль наводящая соответственная вода, поскольку задача эта, отталкиваясь от того, что есть что-то и это что-то дано, хотя мы не знаем, что оно есть такое, а тем самым и что в результате дано, предполагает для своего решения установление, что же именно есть, прежде чем его далее куда-то вписывать и как-то определять, начнем ее разрешать с другого. С того, что рядом, близко, где-

то сбоку и около, но не оно. С мыслью об аналогии, демонстрации неслучайности, а отчасти и тренировки. Если конкретно – то видимость сновидения, в самом своем отражении, будучи не явна и не очевидна, при анализирующем обращении к ней, в том ключе, который будет интересовать, поскольку речь пойдет о какой-то близкой понятию знаково-языковой семантики, но и не вполне о ней (однако никоим образом не психологической и терапевтической), эта видимость сновидения, с этой точки зрения, не представима. Обращение к записям, кем-то когда-либо виденных снов, равно как и к сонникам, снотолкованиям, энциклопедиям, словарям сновидений, ничего или почти ничего не дает для того, чтобы понять и увидеть – не то, что может присниться, и даже не то, что оно может значить, хотя это, пожалуй, самый тяжелый и трудный вопрос, но, прежде всего, то, что оно есть такое. То, что, видится или не видится, но интерпретируется далее и потом, как какой-то объект, и объект ли?

Выбор пространственной составляющей, скажем так, у того, что будет предметом нашего интереса, пусть и не вполне случайный, был вызван, в первую очередь, не столько тем, чтобы его ограничить, каким-то образом, этот самый предмет, сколько тем, чтобы иметь возможность его для сознания закрепить, в виде формы, структуры, вида. Не материальных, само собой разумеется, но каких-то все же и как-нибудь там еще, что, в свою очередь, также потребует определения и уточнения, но их представляется более вероятным и поддающимся описанию произвести, чем если бы были выбраны, предположим, действия, лица и даже вещи. Эти последние, как "восчеловеченные", не фигурируют для сознания как нечто вне создавших и их использующих для себя людей, сопровождаясь шлейфами самых разных следствий, причин и связей. Нельзя сказать, чтобы те объекты с пространственной их составляющей, о которых речь, совсем не связывались или мало связывались с имеющим к ним отношение человеком, скорее напротив, но отношение это, предполагая нечто другое, помимо втянутости в орбиту использования, нередко может восприниматься то как не обусловленное и не зависимое, то даже как себе подчиняющее или в себя включающее. Не говоря обо всем остальном. Однако об этом после.

Исходя из сказанного, а именно из того, что сновидческие пространственно значимые места и объекты трудно представить в их данности на основании отражающего их словесного материала, в то время как есть, пусть не подобный и не параллельный, но близко связанный с ним, неважно по каким основаниям на данном этапе, другой материал, объективно и значимо воплощающий нечто такое же, – исходя из этого, обратимся на этом первом этапе к нему. С тем чтобы

вывести то, что даст возможность, увидев сходства, наметить пути подхода к представлению всего последующего. Неясность не определяемого в самом начале предмета отчасти следует воспринимать как намеренную. Но не потому, что неясным видится этот самый предмет, а потому, что неясным может быть и во многом должно быть в начале о нем представление. Чтобы увидеть потом и понять, не приписывая исходно того, что не то, чтобы не было данному проявлению свойственно, но что было бы свойственно ему не вполне, не только и не столько ему, а чему-то еще, какому-то прикрепляемому о нем представлению. Ибо сознанию свойственно, если не ошибаться, то отождествлять, находя в искомом черты уже где-то найденного. Не претендуя на недопущение подобного для себя, отчасти все же желая уменьшить подобную неизбежность, автор выбрал для предстоящего описания такой подход, который будет предполагать постепенное, поэтапное раскрытие того, чем является, что представляет собой исследуемый предмет, который будет, складываясь, являться и проступать, с тем, чтобы обнаружить себя в каком-то свойственном для себя развороте и виде. Отсюда стремление изначально не определять – не столько то, что такое пространственный по своему типу объект, но что такое этот объект в отношении и в той проекции, которая определяется как иная, по сравнению с обыденно существующей перед бодрствующими глазами, реальность, или реальность сна, со всем дальнейшим, что из этого следует. Не будем, однако, на данном этапе входить в уточнение сказанного, руководствуясь избранным принципом постепенности и связывая многое из этого сказанного и не сказанного также и с языком. С языком описания, поскольку и то, что такое объект, и что есть пространство, и что есть реальность, не говоря уже обо всем остальном, не может быть ясным применительно к сновиденческой сфере, а потому и не следовало бы при описании для нее характерных явлений как нечто известное применять.

Остановимся в этом месте в намеченном предварении, обратившись к задуманному в качестве подводящего ко всему последующему представлению, цель которого в том, чтобы выявить нечто похожее на интересующее как предмет остальное и определить на его основе видящийся наиболее подходящим взгляд и подход. Выбран был для такого анализа текст, традиционно определяемой как волшебная, сказки из сборника братьев Гримм. И то, что сказка, и то, что волшебная, и сам выбранный для анализа текст объясняться должно и будет причинами, представляющимися близко лежащими к рассматриваемому предмету – чему-то, что видится, фигурируя как объекты, воспринимаемые в сознании как пространственные, в подаваемых в различных источниках перечнях сновиденче-

ских знаков сна. Логико-семантическую нелепость характеристики так обозначенных знаков оставим пока что без рассмотрения, равно как и все, что сказано в предыдущем данному предложении, имея в виду возвращение к этому после анализа. С тем чтобы получить возможность, уточнив кое-что на конкретном материале, более обстоятельно и наглядно это представить и показать. Итак, выбранной для такого анализа сказкой будет 133. *Die zertanzten Shue*².

² *Стоптаные туфли* (переводимое *туфельки*) в русском соответствующем переводе, поскольку более точно передать немецкое *zertanzten* было бы невозможным: *zer-* приставка, соответствующая рус. *раз-*; *tanzten* – причастная форма от *tanzen* ‘танцевать’, туфли, туфельки были бы *растанцованные*, выразительно, заметно амортизированные, использованные в танце, в танцах (впрочем, не это нас в данном месте будет интересовать). Текст цит. по изд. Brüder Grimm Kinder- und Hausmärchen. Herausgegeben von Heinz Rölleke. Stuttgart, 1997. (Göttingen, 1857)

ОПЫТ ТРАНСПОЗИЦИОННОГО ПРОЧТЕНИЯ ПОДЗЕМНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ОДНОЙ ИЗ СКАЗОК У БР. ГРИММ

О возможной смещенности сказочного восприятия

Слушатель или читатель попадает сначала в зал (*in einem Saal*), в котором спят принцессы, числом двенадцать, дочери короля, и где стоят их *кровати* близко одна к другой (*wo ihre Betten nebeneinander standen*). Вечером, когда они в них ложились (*wenn sie darin lagen*), король запирает *дверь* и задвигал ее на засов (*schloß der König die Tür zu und verriegelte sie*). Утром, когда он дверь отпирал (*aufschloß*), то видел, что их туфельки были истанцованы (*zertanzt waren*), и никто не мог вывести, букв. ‘вынести’ (*herausbringen*), как дошло до этого, букв. ‘как это пришло’ (*wie das zugegangen war*). В контексте рассматриваемого предмета ‘вынести’ можно и следует понимать в отношении ‘на поверхность, наружу, из скрытого, из того, что не видимо и внутри’. В свою очередь, ‘как это пришло’ – как ‘накатило, явилось, откуда-то взявшись и вдруг себя объявив’.

Зал представляет не слишком большое, по-видимому, помещение, поскольку кровати стоят в нем тесно, близко одна к другой. Такой он или не такой, впрочем, не объясняется, да и не важно, поскольку важна сама близость расположения кроватей, а следовательно, и принцесс, рядом одна к другой. Зал этот к тому же, с вечера начиная и до утра, предстает помещением замкнутым, с запирающейся дверью, задвигаемой также и на засов. Обнаружение (*herausbringen*) утром (*am Morgen*) в этом замкнутом помещении происходящего, равно как и само то, что случается (*wie das zugegangen war*), предстают в развороте, аспекте движения, как уже говорилось, как вынесение наружу, наверх (*heraus + bringen*), и как то, что приходит, букв. приближается, идет по направлению к кому-л. или чему-л. (*zu + gehen*) с вопросом как (*wie*). Из чего может следовать закономерный вопрос – этот зал помещение ли? пространственный ли объект в обычном своем представлении, и объект ли вообще? И куда ложатся, внутрь чего (*darin*), а

тем самым, и где, и внутри ли, и если внутри, то чего, оказываются принцессы, запираемые и оставляемые запертыми наедине по вечерам до утра? Если все это далее выглядит в терминах *zu + gehen*, приводящее к тому, что *zer-(tanzt)*, для которого необходимо *wie*, чтобы вывести, вынести (*heraus + bringen*) происходящее, прояснив, как своего рода «на чистую воду».

Можно, конечно же, не вдаваясь в искания, оставить все это в понятийных определениях реальности "бодрствующего" сознания, т.е. понять, как написано, что был зал и кровати, в которые принцессы легли, и все прочее. Все это и далее сказанное как волшебную сказку с ее необычно привычной реальностью воспринять. Но можно, задумавшись и отойдя от известных схем, попытаться что-нибудь, по-другому увидев и интерпретировав, в этом сказанном, переданном словами, не то, чтобы необычное, но что-то свое и свойственное найти. Не забегая пока что вперед, поскольку такое сопоставление еще предстоит, можно увидеть и интерпретировать сказанное, скажем, в аспекте чего-то такого, что виделось бы во сне, но, не будучи сном, не давая возможности отождествлять его со сновидением, можно было бы говорить о нем как о чем-то таком, что проецирует собственное (но никак не сновиденческое) ощущение и свое о себе представление (не хочется говорить мировидение, чтобы не навязывать характеризующему мысль о какой-нибудь там реальности, неважно какой, намеренно уходя от подобного подключения). Не будем поэтому так это определять, обратившись к тому, что можно увидеть, точнее, *как (wie)*, – можно увидеть, чтобы представить, сказанное, в искомом для нас ключе. Как, если не по-другому, а как бы так, исходя из него самого.

Прежде всего оттолкнемся от мысли представлять описанное в привычных понятиях вероятно знакомой каждому, поскольку видимо наблюдаемой, действительности, сместив восприятие в нечто, способное быть, если не увиденным, то воображенным в иной как бы так перспективе, понимая под перспективой не способ изображения предметов с учетом их удаления от наблюдателя, а 'смотрение сквозь', 'проникание взором' (фр. *perspective* от лат. глагола *perspicere* с таким значением). 'Смотрение сквозь' в том отношении, что проходит, проникая предметы, которые при таком смотреии, не меняя принципиально своих очертаний и формы, служат своеобразной каркасной средой (вроде призмы), позволяющей, проходя, не увидеть, а перейти в какое-то инородное перцептивное состояние, в котором важно не что, а как (*wie*) существует и предстает. Причем бытование этого, в себе для себя, а тем самым, и для созерцающего и одновременно в нем, как в присутствующем и как участвующем, определяется не визуальными,

а имагинативными, свойственными воображению, признаками. То, что, если и видится, поскольку можно, сместив восприятие, его себе вообразить, есть не форма, предметность и вид, а некий изгиб, кривизна, неровность, выпуклость, складка, извив, т.е. некая синусоидальность (лат. *sinus*, однокор. к *sinuo* ‘сгибать, изгибать’ в себе все эти смыслы содержит), преобразующаяся во что-нибудь там свое. Так это можно, по крайней мере, выразить, поскольку для нашего представления всякое нечто начинается, видимо, там и тогда, где и когда появляется некоторое взбугрение и ровность либо отсутствие переходит в присутствующее либо являющееся искривление и какой-то залом. Впрочем, не будем входить в обстоятельства, более очевидные и понятные физикам, тем более что это к тому же не наш предмет, обозначив возможно-доступными языковыми средствами, что то, о чем пойдет речь, отличается от того, что можно подумать, читая слова, в какую-то по-другому представляемую сторону.

Первое, с чего в указанном смысле, следовало бы начать, это что названное в тексте термином *зал (Saal)* можно и следовало бы, с учетом иной природы, воспринимать не как помещение, в котором, внутри которого что-то и кто-то может быть, находиться и пребывать, т.е. в нем себя обрести, а как что-то совсем другое. В этой связи хотелось бы также и имело бы смысл обратить внимание на языковую сторону представляемого, которую также можно начать понимать в преобразующем (синусоидальном, ‘сгибающем’) отношении.

Двенадцать дочерей короля, одна красивее другой (*eine immer schöner als die andere*³) спали вместе в одном зале (*schlafen zusammen in einem Saal*). Смещенное представление о времени – когда (они спали) может дать представление о вневременности, точнее вне отношения к определенному времени и вообще ко времени как таковому их пребывания в состоянии, определяемом как *schlafen* (впрочем, не будем его, это их состояние, уточнять). Тогда и вечер, и утро (*abends, am Morgen*), как позиции и (условно) места-промежутки подобного их пребывания, также могут быть чем-то другим. Но и эти аспекты опустим. Внимание обратим на *in einem Saal*, которое можно начать понимать не только как то, что все двенадцать спали вместе в одном общем зале (*schlafen zusammen in einem Saal*), и не только как то, что в одном из залов (*in einem Saal*), а были там, следовательно и возможно, другие, но как *в одном (in einem)* как ‘в каком-то’,

³ Что само по себе наводит на мысль о “математичности” представления, пусть и с учетом устойчивости соответствующего выражения: что значит *одна другой*, от какого конца считать, имеет ли этот счет начало или представляет неразрешимую замкнутость множества себе подобных внутри себя самих, внутри которых (которого) одно не отделяется от другого и каждое последующее равенствует самому себе (впрочем, не это предмет рассмотрения, хотя и наводит на мысль о пространственности, по крайней мере, вызывает сходствующее представление о ней).

точнее 'где-то' (без представления о нормальном «где»), что только названо словом *Saal*, поскольку *in einem* подобного понимания не исключает. Имеется некое нечто, что фигурирует в тексте как *Saal* (чтобы его для сознания и восприятия обозначить), что допускает возможность для себя представлять, что, оказываясь в его "изгибающем", преломляющем, к нему подключении, некое двенадцатеричное существование в нем *королем*-управителем "замыкается" и, будучи замкнутым, "отключается" (спит). В известном смысле речь при таком восприятии должна идти о смысловой и акцентной аранжировке повествуемого. Мысль, качаясь синусоидально, идет от *schlafen*, которое обозначает что-то такое, какое-то состояние подключенного отключения, через *zusammen*, которое предстает двенадцатью как одно и одного в двенадцати (*eine immer ... als die andere*, как в парадоксе типа «сам себя шире»), к *in einem*, как акцентируемому чему-то, будучи представляемо как 'нечто', поскольку оно 'какое-то', но вместе с тем и одновременно 'одно', а потому определенно известное, подразумеваемое, хотя и не называемое, поскольку нет названия ему в языке.

Переходящие одно в другое вмещенные положения

Показав возможность смещенно-синусоидального понимания, точнее прочтения, того, о чем говорится в повествовании, обратимся теперь только к той его части в обозначающих, которые связываются с представлением о 'заключать' и 'включать' (а также вбирать, охватывать, держать, содержать – в себе, в себя), поскольку в таком повороте можно было бы, объясняя, интерпретировать видимо пространственную составляющую в словах типа *Saal* (зал), *Bett* (кровать), *darin* (там внутри) и т.п. Оттолкнемся от представления о том, что названное словом *Saal* можно в воображении воспринимать как то, что допускает либо направленно предполагает способность пребывания в замкнутом отключении. Представим себе это как некое энергетическое, но не поле, а сферический сектор-каркас, что-то вроде плазменно-призматической кубатуры о двенадцати гранях, объемный двенадцатигранник, дуодекаэдр (за неимением лучшего), в который (хотя и это определение будет неточно, как, впрочем, и все остальное) что-то такое, в него заключаясь, может входить, а может и не входить, находясь постоянно в нем у него *там внутри (darin)*. И находясь, либо имеясь, у него там внутри, оно это что-то в своем собирающемся единстве своих каких-то там положений (*ihre Betten*) то оказывается в замкнутом, то в разомкнутом фазовом состоянии

(закрываемая и открываемая с задвигающимся засовом дверь), предполагающем положение *schlafen*, которое в другое не сказано, что может переходить, поскольку *abends* (*abends*) *zwölf Töchter*, когда *lojilic* (*wenn sie darin lagen*), то утром (*am Morgen*), когда дверь открывалась, туфельки виделись королем истанцованными (*sah er, daß ihre Schuhe zertantz waren*), но нет ни слова о том, что те, которые *schlafen* и *lagen*, проснувшись, вставали.

Можно разумно предполагать, что изменение их какого-то там положения (*lagen*), если не состояния (*schlafen*), при этом происходило, но, не будучи важно, оно в своей изменившейся фазе не обозначилось. В связи с чем также можно предполагать, что состояние *schlafen* имело положение *lagen*, не будучи в принципе им обусловленным, а потому и способно восприниматься внефазовым и вневременным. Из этого прямо не следует, что эти двенадцать находились в состоянии вечного сна, но во что-то такое все-таки в некоей фазе бывали, если не были, погружены, что не предполагает возможности совершения действий, реализующихся в наблюдаемых после этого *ihre Schuhe zertantz*. А поскольку нечто такое можно воспринимать и вне времени, то и сказанное в отношении 'были' или 'бывали' не представляется сколько-нибудь актуальным.

Объяснением происходящему, фигурой всему повествуемому и будет, по видимому, это самое *ihre Schuhe zertantz*, поскольку оно должно раскрывать представление о состоянии *schlafen*, о том, как положено, как назначается ему протекать (с позиции замыкающего и отмыкающего – управителя-короля). К этому по этой причине мы еще возвратимся, рассмотрев предварительно те проявления в тексте повествования смыслов-обозначений, которые, связываясь с представлениями о пространственной составляющей, могут дать впечатление о перемещениях, сдвигах, взбугрениях синусоидально воспринимаемого в изображении. Приведем для этого весь начальный фрагмент целиком, обозначив курсивами соответствующие пространственностно заряженные вербально-текстовые места:

Es war einmal ein König, der hatte zwölf Töchter, eine immer schöner als die andere⁴. Sie schliefen *zusammen in einem Saal, wo ihre Betten nebeneinander standen*, und abends, wenn sie *darin lagen*, schloß der König *die Tür* zu und verriegelte sie. Wenn aber am Morgen *die Türe* aufschloß, so sah er, daß ihre Schuhe zertantz waren, und niemand konnte *herausbringen*, wie das *zugegangen* war.

⁴ К слову сказать, хотя это и не будет предметом разбора, повторяющиеся в своей симметрии *ö* в слове *König*, затем близко стоящие две *ö_ö* в *zwölf Töchter* и на расстоянии, большем от *König*, четвертое *ö* у *schöner* видятся не просто не случайными, но как бы "пространственно" задающими, как числом четыре и симметрическим расположением, так и "переносящим" с помощью *ö* звучанием, при этом пространственность эта предстает не повседневной, если не прямо относящейся к потустороннему.

Опираясь на существующие классификационные, хотя и колеблющиеся в предлагаемых составах⁵, представления о пространстве, согласно которым к объектам с пространственной составляющей относятся те, которые, будучи способны в себе содержать, могут служить представлению о нахождении на поверхности либо внутри, равно как и быть связываемыми с осуществлением какой-либо деятельности, в том числе и по перемещению (все остальное, касающееся пространственности, пока опустим), – опираясь на данные представления, выделенные курсивом слова можно было бы распределить а) в отношении помещающих, определяемых терминами контейнеры, или вместилища⁶; б) в отношении позиционирующих, определяющих, прежде всего, конфигурации, или расположения, объектов; в) в отношении, предполагающих перемещение – к ним, от них, на них, внутри них, передаваемое в представлениях направления, или вектора, и, наконец, г) в отношении ограничителей, или границ.

В соответствии с этим к вмещающим следовало бы отнести то, что касается *Saal, wo, Betten, darin, lagen*, подразумевая под этими двумя последними не направленность, а положение: *darin* '(там) внутри', а не 'внутрь', *lagen* прош. вр. от *liegen* 'лежать', не 'ложиться'. Описываемое в этом фрагменте, соответственно, выглядит так, что *в зале (in einem Saal)* они спали, *где (wo) их кровати (wo ihre Betten)* стояли, *когда в которых они лежали (darin lagen)*, тогда король и т.д.

К позиционирующим относились бы *nebeneinanderstanden*, отмечающее положение кроватей в их стоянии (*standen*) рядом (*neben*) одна к другой (*einender*) и, отчасти, через *nebeneinanderstanden, zusammen (вместе)*, если воспринимать его в отношении совместности положения двенадцати спящих в зале во время сна.

К векторным, соответственно, относились бы *herausbringen* в его направлении изнутри наружу (*heraus*) для *bringen* (приносить, приводить, доставлять) и *zugegangen* в его направлении *zu* (к, в, при) для *gehen* (идти), прич. прош. вр. *ge-*

⁵ Различия в классификационных подходах, на материале лексики русского языка в связи с размещением ее в тематических группах, рассматривает в своей работе О.А. Волчек, со ссылками на литературу предмета, выделяя при этом слова с общей локальной семантикой (*мир, планета*); потусторонние пространства (*ад, рай*), объекты суши (*берег, холм*) и воды (*река, озеро*) и т.п., вплоть до цветовых и световых понятий (*голубизна, темнота*), веществ и материалов (*глина, бумага*), конкретных предметов (*чашка, холодильник*) и др. С опорой на психолингвистический эксперимент она предлагает подход, опирающийся на представление о поле с центром, периферией и переходными зонами (напр., постройки), говоря, тем самым, о различных степенях проявления семы пространственности, в том числе и в контексте (*доехал автобусом – непространство, в автобусе – скорее пространство*) для сознания носителей языка. (Волчек О.А. Состав лексико-тематической группы «пространство» (по данным психолингвистического эксперимента) // Веснік БДУ. Серія 4. 2013, № 2, с. 30-34.)

⁶ «Под вместилищем понимается, в первом приближении, объект, имеющий внутреннюю полость, которая служит для хранения, укрытия или перемещения других объектов.» (Плунгян В.А. К семантике русского локатива ("второго предложного" падежа) // Семиотика и информатика. Вып. 37. Москва, 2002. с. 251)

gangen. *Bringen* и *gehen* в составе их уточняющих векторных положений, предполагающих в первом случае извлечение (*heraus*) и приближение, наступление (*zu*) во втором, можно и следовало бы воспринимать в отношении акциональности добывания, выдобывания, выведения, вынесения для *bringen* из чего-то держащего и скрывающего, в себе содержащего, что требует направления *heraus*, в составе которого *her-* означает направленность приближения (при, к), а *aus-* (из, от), напротив, направленность отдаления, извлечения, удаления. Соответственно, *gehen* с его сопровождением в *zu* можно было бы интерпретировать акционально для восприятия как прибытие, наступление, приближение, накатывание, приход чего-либо, что имело место. Что происходило (*war*) каким-то его определяющим, для него специфическим, образом, приводящим к тому, что вело к изменению положения бывшего (*Schuhe zertantz waren*). Для которого важно, как оно, собственно, происходило. Как было (*wie das war*), как получилось то, что произошло.

И, наконец, если не к ограничивающим, то к замыкающим, очевидно, в каких-то пределах, характеризуемых положением *Saal*, относилось бы определяемое как *die Tür* (дверь), в отношении которой возможно движение при замыкании к ней (*schloß zu*), движение типа *za* (*verriegelte sie*), при задвигании чего-то типа засова, задвижки (*Riegel, verriegeln*) и открывающее, отмыкающее движение в его направлении вверх – *auf*(*schloß*).

Описанное в повествовании выглядит, следовательно, как замыкание в чем-то чего-то в его не предполагающем изменения к убыванию либо ущербу (скажем так) положении, что при отмыкании вдруг обнаруживает его в замыкании посетивший ущерб, не давая к тому же сигнальной возможности ни для кого (*niemand konnte*) для вынесения, выведения наружу, обнаружения происходящего. Сказанное можно представить в виде модели с позициями положений и расположений внутри, замыкания и отмыкания, открывающего не обнаруживаемость, не проступаемость, скрытость, неявность происходящего.

Возвращаясь к мысли о том, что же такое может быть это самое *Saal*, его можно представить не столько как локус и место, т.е. пространственный по своей природе объект, сколько как положение, обнаруживающее, проявляющее себя, начинающее действовать, точнее начинающее проявлять свое действие, при векторном обращении в нем и к нему, в отношении того, что в нем оказывается, что в него входит, что пребывает, присутствуя в нем. Пространственность в этом случае, понимаемая в отношении способности, включая в себя, помещать, содержать, наполняться в себе другим, претворяется в представление о фазовом

(*abends – am Morgen*) векторно регулируемом (включается роль короля) пропитывании некоторым состоянием, что обуславливается каким-то аккумулирующим действием. Представить это можно в виде сгустка энергии, проявляющей себя в позициях, не в границах, в котором оказываются не потому что в него приходят, а потому что входят в него, но не как в место, а как в состояние. Это вхождение, транспозицию, переход, типа фазовых смен дня и ночи, поддается интерпретации также в понятиях и семантике состояния сна. Впрочем, не будем навязывать тексту сказки данной интерпретации, тем более что не в этом состояла задача, а в том, чтобы постараться найти и увидеть с помощью текстовых ее единиц то, что и как можно воспринимать в отношении вербализуемых как пространственные проявления обозначений сновидческих расположений. Обозначим их пока так, поскольку неточным, если не искажающим, было бы представлять их как локативы, ибо за ними, со всей очевидностью, что-то другое должно стоять, что следует из того, что недостаточно верно за неимением лучшего в литературе предмета обозначают реальностью сновидения-сна (не будем пока разграничивать то и другое, оставив такую возможность для дальнейшего рассмотрения).

Итак, перед нами *Saal*, фигурирующее как условное обозначение того, «где-когда спят», т.е. переводящее «спящего» в положение замкнутого отключения. И *спят* и *спящего*, равно как и *где-когда*, в данном случае следует понимать не буквально, а *Saal* интерпретировать не как само состояние, но как то, что его собой отмечает, предполагая соответствующий переход-перевод. *Saal*, тем самым, есть своего рода переключатель и переводчик, отмечающий состояние отключения для того, что фигурирует в тексте в вербализованной форме в виде *zwölf Töchter* (двенадцати дочерей) короля как единое целое, поскольку оно есть *zusammen* (вместе), а также *eine immer schöner als die andere* (одна постоянно краше другой) и *nebeneinander* (рядом друг с другом). Не будем определять, что или кто это может быть, поскольку это не будет предметом нашего рассмотрения, достаточным будет представить это как то, что способно, если не изменять свое состояние *schlafen* на другое, то проходить, переживать его фазы, подвергаясь им либо впадая в них, будучи равным образом как наделенным, так и не наделенным сознанием естеством.

Saal, на основе сказанного, тем самым, можно представить как что-то похожее на транспозиционирующий метроном, отмеряющий замыкаемой внутренностью своей фазы в себе пребывания в расположении рядом друг с другом поставленных промежутков в виде того, что в тексте названо словом *кроватьи* (*ihre*

Betten). И тогда весь фрагмент, показывающий фактически то, что и как нормально должно было бы происходить, с учетом управляющей роли того, что названо словом *король* (*ein König*), относящееся к положению *einmal es war* (*некогда* или *однажды когда-то было*), предполагало бы, через нарушение (а может, и нет) существовавшего в этом 'однажды' порядка, наблюдавшее себя в том, что *ihre Schuhe zertanzt waren* (*их туфельки были истанцованы*), – все это можно рассматривать как повествование об ожидаемой смене указанного порядка, начинающей о себе в этих 'туфельках' и через них заявлять. Смене порядка, касающегося, затрагивающего, в первую очередь, управителя-короля и позиции двенадцатеричных его производных, управляемых им *zwölf Töchter*.

Во избежание недоумений еще раз хотелось бы подчеркнуть, что речь не идет о трактовке либо о новом прочтении фольклорного текста сказки с целью раскрыть в ней какой-то ей свойственный и укрытый смысл. Данный текст используется как материал, который, будучи выражен с помощью слов, а одновременно являясь текстом фольклорной традиции, позволяет смотреть на себя в том числе и с позиций возможной семантики сновидения-сна, что не означает, что может быть, а уж тем более должен быть, так воспринят сам для себя, но допускает, предполагая такую возможность. Волшебная сказка, будучи изначально повествованием о переходе иницируемых на тот свет, как было показано В.Я. Проппом и что теперь принято как неперемное знание о ней, об умирании и возрождении, умирании в одном состоянии с тем, чтобы возродиться в другом, о преобразующем погружении в некое транзитивное состояние, эта сказка может рассматриваться и как сновиденческий текст. Ничто не мешает ее так толковать. Другое дело, в каком отношении, насколько неоднозначным и неоднозначным ли, следует представлять этот текст. Вопрос этот, сам по себе показательный, важный и интересный, поскольку не будет предметом нашего интереса, оставим поэтому в стороне.

Не исключено, что рассматриваемая волшебная сказка, как, впрочем, и любая другая, может и должна относиться повествовательльно не только к тем или иным обстоятельствам иницирующего перехода, но и к каким-то фазам его и сторонам. Не исключено также, что циклы подобных повествований отображают собою циклы самих таких ритуалов. Однако ни то, ни другое не будет предметом данного обсуждения ни с какой стороны. Предметом будет показ возможностей онейролептического⁷ толкования в отношении текста, который, не противореча

⁷ Образование, складывающееся из двух элементов греческого происхождения: *δνειρος* 'сновидение, сон' и *ληπτικός* 'присваивающий', 'склонный брать, принимать', от *ληπτός* 'удобный для взятия'; *ληπτά* 'то, что может быть взято,

такому подходу к себе, сам по себе не является таковым, но предоставляет способность увидеть то, что по-другому увидеть было бы и сомнительно, и не вполне достоверно, не будучи традиционно, а потому и достаточно объективно. Фольклорный текст как нельзя более соответствует данного рода ограничительным требованиям, как мало какой другой являя собою в отлитой форме достояние, следствие и результат не индивидуального, но коллективного опыта, с одной стороны, и не сугубо практического (прагмареалистического), с другой, но ритуально-мифологического, а потому затрагивающего как экзистенциальную, так и мировоззренческую, способа видения и восприятия, составную часть. В связи с чем предпринятую интерпретацию, точнее прочтение, сказки 133. *Die zertanzten Schue* из сборника братьев Гримм, необходимо рассматривать не как способ ее толкования и не как то, как можно еще на нее посмотреть, на то, что и как в ней рассказано, а как то, как можно смотреть на слова и ими обозначаемое, исходя из мысли об "инородности" не повествуемого, а каким-то и как-то образом отражаемого в них. Но "инородности" не как таковой и только как какая-то там "инородность" значимой, а "инородности" не случайной и повторяющейся, раскрывающей смысл чего-то стоящего, чего-то скрываемого за собой как еще одна некая, если не существующая пространственность, то виртуальная парадигма.

О позиционных "местах" являющего себя положения

Руководствуясь сказанным, вернемся к анализу выбранного нами текста, обращая внимание лишь на "пространственный" аспект, выражаемый соответствующими словесными средствами, с тем чтобы, с одной стороны, увидеть возможности его продолжающегося по ходу текста развития, а с другой, чтобы, выведя получившийся в своем сложении результат, обрести, точнее нащупать, возможность истолкования и объяснения чего-то такого, что, не представляя собою повествования и текста, не может дать само по себе и само для себя материал для такого, а не иного какого-нибудь понимания или прочтения. Речь идет о словарях толкования сновидений, точнее о тех словарях, в которых представлены в виде словарных статей то, что видят сновидцы во время сна, какие-то формы,

схвачено, постигнуто', прич. от *λατφάτω* 'брат', что можно было бы в целом передать словами 'вбираемый, присваиваемый, входящий сном, с помощью сна, во время сна'. Ср.: *органолептический* 'выявляемый с помощью органов чувств', а также *нейролептический*, *нарколептический*, с тем же вторым составляющим элементом, хотя и в несколько смещенном значении.

картинки, образы, что можно, имея намерение, стараться расшифровать, воспринимая их как имеющие знаковую и значимую природу. Небезразлично при этом, что́ они есть и что собой представляют, в обращении к этому также будет отчасти задуманная задача стоять, проблема, однако, в том, что, не представляя собою текстов, эти самые образы в своих словарях не дают материала необходимо достаточной интерпретации для себя самих. Описания или повествования кем-то когда-то и где-то увиденных снов, мало того что неизбежно и субъективны, и искажены, к тому же обрывочны и неполны, не говоря о том, что имеют обычно случайный, недостаточно основательный и со всей своей психологической очевидностью избирательно задающий, что-то свое заранее предопределенное иллюстрирующий, а потому и не подходящий для наших целей характер.

Итак, опуская существенное для понимания всего дальнейшего предварение о том, что велел король объявить, что тот, кто сможет открыть (*könnte ausfindig machen*, букв. 'сделать обнаруживаемым'), где (*wo*) они ночью (*in der Nacht*) танцуют (ибо это *wo* и составляет искомый смысл), тот должен (*sollte*) одну из них (*eine davon*, букв. 'одно (или одну) отсюда', 'от (э)того', 'из (э)того', что не случайно содержит в себе и "пространственный" компонент) себе в жены выбрать и после его смерти стать королем. Кто же объявится, а по истечении трех дней и ночей не дознается (*nicht herausbrächte*, букв. 'не проломает, не вырвет наружу'), тот должен проститься с жизнью (*sein Leben verwirkt*). Опуская все это для разбора, но не для понимания общего смысла, переносимся в следующую (очередную, еще одну?) плоскость (вид, форму, способ воображения, выражения?) пространства. Им будет *комната*, одна из или некая (*ein Zimmer*), куда вечером отвели королевича, взявшегося за дело, *примыкавшая к спальному залу* (*das an den Schlafsaal stieß*).

Данная комната интерес представляет в том отношении, что, примыкая к спальному залу, дает возможность с *кровати* (*sein Bett*), поставленной в ней, вести наблюдение (*achthaben*), куда они ходят, чтоб танцевать; а чтобы это было возможно (*чтоб ничего не смогли они сделать тайком или куда-то в другое место уйти* – *damit sie nichts heimlich treiben konnten oder zu einem andern Ort hinausgehen*), двери зала (*Saaltüre*) оставались открытыми (*offen gelassen*). Опустим, однако, разбор и этого нового, с точки зрения повествования, позиционного "места", вернувшись к нему после просмотра других таких же позиционных "мест", с тем чтобы вывести на их основе нечто общее, какую-то, в позиционных проекциях отображаемую, картину чего-то, что можно в каких-то пунктах раскладываемого восприятия вообразить. Раскладываясь, разворачиваясь последова-

тельно и постепенно в тексте, пункты эти, или позиции, следует как единое целое, т.е. в одновременности, а не в последовательности воспринимать, поскольку как существующее (наличествующее, имеющееся?) в собственной данности, оно не может каким-либо образом восприниматься, привычным нашему восприятию, если восприниматься вообще, может, скорее, переносить, принимая, переводя в себя. Но оставим и это, чтобы, начав с чего-то, к какому-то заключению подойти.

Следующим таким пространственно характеризуемым пунктом (опуская последующее) становится *путь* (*Weg*), направляющий к *городу* (*Stadt*), где жил король, на котором оказывается один бедный солдат, в связи с ранением не способный более к службе. Описывается все это в дословном изображении как *привнесение*: *Nun trug sich's zu, daß ein armer Soldat ... sich auf dem Weg nach der Stadt befand, wo der König wohnte, – принеслось* (*trug sich's zu*) так, что один бедный солдат на пути к городу оказался, где жил король. Появление королевича перед этим, а за ним и многих других, расстававшихся с жизнью, через это самое 'привнесение на путь к городу' не обозначалось. Вполне понятно и объяснимо, что в повествовании, тем более сказочном, опускается очень многое, и не об этом речь, но о том, что, если что-то обозначается, то это что-то имеет отнюдь не случайный и далеко не только сюжетно развертывающий характер. Не будем, однако, входить в проблему установления роли подобного рода упоминаний, отметив попутно, впрочем, известную многим, специфику данных фольклорных повествований, занимавшую неоднократно исследователей, прежде всего в отношении уже упомянутой социальности адаптирующей функции сказки (определим это примерно так, с тем чтобы не вдаваться в подробности и уточнения). Не случайность в разбираемом тексте чего-то, что предполагает нечто, передаваемое внешне средствами, наводящими на мысль о пространственной ориентации, будет иметь для нас, прежде всего, проективно-транспозитивный характер, т.е. предполагать позиции в расставлении внутренних "плоскостей" не прямо определяемого (ибо прямо нельзя это передать) в изображении. Уподобить сказанное, чтобы как-то наглядно представить, можно чему-то, что вызывает в сознании внесение декораций. С той особенностью, что декорации эти, как в театре Шекспира, условны, представляя написанные слова, а потому полагают домысливание, и к тому же, сменяясь, напоминают не сцену с ее квадратом, поперечными плоскостями, задником, а не имеющий ни горизонтальной, ни другой какой-то опорной поверхности в виде пола, дороги, стен, окружения, потолка, зависающий в воздухе безвоздушно картинный, образный, в своем пробегании, путь.

Там (здесь, тут, тогда, ибо немецкое *da* многозначно, отмечая некую точку движения повествования-мысли) встретила его одна старая женщина (*eine alte Frau*), которая спросила его, *wo er hin wollte* (букв. ‘куда (или где) он отсюда (либо туда) хотел’). Очень любопытно в контексте рассматриваемого это *wo hin*, первое из которых (*wo*) характеризует направленность, а второе (*hin*) – отодвижение, отделение, движение прочь. Дальнейший их разговор, передающий его намерение разузнать, где королевские дочери свои туфельки стаптывают, интересен позицией *придвижения*, в ответ на направленно отодвигающее *wo hin*, через использование *hinzu* (*hin* + *zu*, букв. *от* + *к*, переводимое как рус. ‘при’, ‘до’) при глаголе *setzen* (букв. ‘ставить, сажать, надвигать’). В шутку он добавляет (*setzte im Scherz hinzu*), отвечая сначала, что точно не знает и сам, *wo er hin wollte*, но что имеет желание (*Lust*) разузнать (*ausfindig zu machen*) и т.д. – *und darnach König zu werden (а там (и после этого) и королем стать)*.

Тем самым, желание стать королем возникает в "декорационном" изображении как *придвигающееся* (*hinzu*), *надвигающееся* как бы извне, позиционное становление (при *setzen*). „Да это и не так трудно (*Das ist so schwer nicht*)”, сказала старая, „ты не должен пить вина, которое вечером принесут, и сделать вид, что заснул.” Способность узнать, что происходит со спящими королевнами, тем самым, предполагает необходимость самому быть в подобном, хотя бы по видимости, с ними состоянии крепкого сна (*mußt tun, als wärst du fest eingeschlafen*). Она дает ему плащик, небольшую накидку (*ein Mäntelchen*), накинув который, он станет невидимым и сможет тогда прокрасться за [теми] двенадцатью (*den zwölfen dann nachschleichen*). Преобразование видимого в невидимое, семантику в этом контексте прикидывания (перекидывания), изображения себя крепко спящим, с тем чтобы невидимым для иначе невидимого иметь возможность за ним, числом двенадцать, без указания, кто и что (не обозначаются они в этом месте как дочери короля), красться следом (*nachschleichen*), – все это, как показатель известного ритуально-мифологического перехода и обращения в потустороннее и к потустороннему, для встречи, контакта, хотя бы и визуального, с ним, отметим попутно. Для понимания, но не разбора.

Получив совет, солдат отправляется к королю, где его хорошо принимают, облачают в королевское платье и вечером отводят в *переднюю комнату* (*in das Vorzimmer*). Опустим другие подробности, ясно следующие из повествования, отметив попутно, что, если первый желающий разузнать (*ein Königssohn* ‘королевский сын’) был *in ein Zimmer geführt, das an den Schlafsaal stieß* (‘отведен в комнату, которая к спальному залу примыкала’), то солдат – *in das Vorzimmer*,

без указания на ее положение по отношению к этому самому *Schlafsaal*. Можно представить, тем самым, *Vorzimmer* как позицию *перед*, но не исключительно и даже не обязательно в отношении к *Schlafsaal*. Это нечто *переднее* – как преддверие, предварение, *перед*-вход.

Заслышав его храпение, изображавшее глубокий сон, засмеялись двенадцать королевен, и сказала старшая: „*Der hätte auch sein Leben sparen können* (букв. ‘Этот должен бы также свою жизнь поберечь суметь’)”, что в контексте изображаемого, представляемого как отправление-переход. Храп, глубокий сон, слышание со стороны двенадцати королевен, их смех непосредственно связываются как признаки сопровождения с положением живого в потустороннем, вхождение, обращение его к неживому и неживым. В данном случае можно было бы говорить об обратности, перевертываемости, переворачивании и оборачивании с одной стороны на другую, с этой на ту, равно как и с той на эту, ибо зависит все это от того, где находится и с какой стороны смотреть. Однако не потусторонность происходящего видимого будет нас интересовать, а если потусторонность, то в представлении, скорее, ее инаковости, инородности, непохожести как состояния и бытия. И тут опять возникает вопрос – по отношению к чему? что считать исходным как наблюдаемое в проживании, а что другим, что вовсе не означает обратным, ему? Оставим пока его, этот вопрос, без ответа.

Происходящее далее, со вскакиванием, открыванием ими шкафов, ящиков и сундуков (*Schränke, Kisten und Kasten*), вытягиванием роскошных платьев, наряжением перед зеркалом, прыганьем по кругу и радостью в [предвкушении] танца, – продолжает развитие того же мотива отправления-перехода. Младшая чувствует в охватившей всех радости *приближающееся к нам* несчастье (*gewiß widerfährt uns ein Unglück*), старшая ее успокаивает – „*Hast du vergessen, wieviel Königssöhne schon umsonst dagewesen sind?*” (‘Ты забыла, сколько королевских сыновей уже напрасно *здесь побывало?*’). *Здесь* (там, тут – *da*) побывало напрасно, побывало, не возвратясь, поскольку не обнаружив, не выявив, не разузнав (*nicht ausfindig machen*). Возникает вопрос, где же именно побывало, поскольку не в спальном зале двенадцати королевен, и не в комнате, к нему примыкающей? Первое было бы невозможно в силу их охватившего сна, препятствующего проникновению в то, чем есть это *da*, куда можно попасть и где очутиться, если сон только изображать, не будучи самому в состоянии сна. Второе было бы малосущественно, поскольку *рядом* и *примыкая* не то, что *здесь* (или *там*) внутри. Различение *здесь* и *там* в данном случае не проводимо, и немецкое *da*, потенциально включая то и другое, хорошо это передает.

И им, чтобы *там* или *здесь* оказаться, куда они с такой радостью собирались, вовсе не надо было никуда выходить: *Da ging* (и снова *da*, которое в данном случае можно бы понимать как *и тут*, *и вот*, в значении приближения, наступания, подступания, приступания, т.е. в значении ожидавшийся перед этим смены) *die älteste an ihr Bett und klopfte daran*; *alsbald sank es in die Erde, und sie stiegen durch die Öffnung hinab, eine nach der andern, die älteste voran*. ‘И подошла (букв. шла) старшая к своей кровати и постучала в нее; как тут же опустилась та (кровать) в землю, и они влезли (вылезли) через отверстие оттуда, одна за другой, старшая впереди (во главе)’.

Немецкое многозначное *an* при *кроватьи* (*an ihr Bett*) и в составе *daran* (*dar* + *an* ‘на (э)то’, ‘на (э)том’, ‘у (э)того’, ‘к (э)тому’), передаваемое в русском предложениями *на*, *у*, *подле*, *возле*, *к*, ср.: *an der Wand hängen* ‘висеть на стене’, *an die Wand hängen* ‘вешать на стену’, *an der Wand stehen* ‘стоять у стены’, *an die Wand stellen* ‘ставить к стене’, *am Tisch setzen* ‘сидеть за столом’ и т.д., предполагающее в этом всем все ту же идею придвинутости, близости, как направляемой, так и статичной, т.е. близости устремления, равно как и близости положения, размещения, позиции, – это самое *an*, в связи с этим, оставляет неоднозначно открытым вопрос о характере проявления старшей (*die älteste*) по отношению к кровати. Можно, конечно же, понимать это так, как бы следовало передать в переводе, поскольку иначе было бы трудно, если вообще возможно, понять: ‘старшая подошла к своей кровати (для *an* при *ihr Bett*) и постучала в нее (для *an* при *daran*)’. Но не о переводе в данном случае речь и не о его вразумительности, а о том, что можно увидеть внутренним взором, т.е. в воображении, в представлении чего-то, передаваемого вербально как действия *ging* и *klopfte*, которые не вербально могли таковыми не быть, в отношении все той же *кроватьи*.

Старшая оказалась (будем как-то так полагать) в отношении позиционного соположения с некоторым "своим", т.е. привычным для себя в какие-то фазы, полаганием (*кроватью*), какого-то вида, возможно условный и кратно активный, контакт с которым (*постукивание*), воспринимаемый либо только передаваемый словесно как подобного рода контакт, вызвал реакцией ‘опускание’, ‘погружение’ той ‘в землю’ (*alsbald sank es in die Erde*). И ‘опускание’ это, и ‘в землю’ вовсе не обязательно следует так и воспринимать. Это может быть открыванием, раздвиганием плоскости, чего-то, что можно как плоскость воображать, типа "завесы", за которой что-то такое другое, пропускающей в некое иновидение, если не инобытие, дающей возможность "видеть" что-то иначе и как-то еще. Останемся при подобном ключе восприятия.

Далее в тексте появляется *und sie stiegen durch die Öffnung hinab*, что и в словесном своем оформлении можно представить как переход, отдаление через открывшееся отверстие (*Öffnung*) в направлении *от + туда*. Хотя *hinab* и может предполагать направлением ‘вниз’, ср.: *den Berg hinab* ‘(вниз) с горы’, но складывается из *hin* ‘туда’ и *ab* ‘с’, ‘от’. Направление *вниз*, тем самым, возможным становится в силу того, что *с горы*. При отверстии (*Öffnung*) это не выглядит так однозначно. К тому же и *auf und hinab* – это не только ‘вверх и вниз’, но, в первую очередь, также и ‘взад и вперед’, из чего следует, что *hinab* не указывает как таковое на спуск, но лишь на отдаление. В свою очередь, также и *stiegen*, прош. вр. от *steigen* передается словарно в значениях ‘подниматься’, ‘повышаться’, ‘прибывать (о воде)’; ‘садиться (в поезд, на лошадь)’, ‘влезать, вылезать (из чего-л.)’. Никакого, тем самым, в себе указания на спуск, опускание вниз не содержит, если едва ли не наоборот – восхождение вверх и подъем. Однако и это не будем считать в нем проявленным, предполагая ведущий куда-то через отверстие переход, открывавшийся старшей. Она открыла его для всех и всех их одну за другой за собой вела (*eine nach der andern, die älteste voran*).

Притворявшийся спящим солдат, видя все это, отправляется следом за младшей точно таким же путем (*stieg hinter der jüngsten mit hinab*), накинув перед этим свою накидку (*hing sein Mäntelchen um*). Появляется далее *лестница*, посреди которой (*Mitten auf der Treppe*) он наступил ей слегка на платье. Лестница эта предполагает ступени, этапы, отодвижения, удаления, не означая при этом, что однозначно вниз или вверх (ср. известное своей парадоксальностью выражение *Вверх по лестнице, ведущей вниз*, а также *лестницу Иакова*, во сне открывавшую то, что воспринято было как небеса и как постоянный, по-разному объясняемый, мотив в сновидениях). Равно как и *Mäntelchen*, делающее невидимым, позволяя перенесению, переходу, трансценденции, или трансдукции, в “мир иной”, являя собой оболочку, “тело”, “глаза и шкуру” иного способа видения бытия (звериная накидка отправляющегося на “тот свет” жреца-волхвователя была с глазами, поскольку с мордой и головой). Но мы не будем все это трактовать в таких категориях.

Тут, тогда (da erschrak sie und rief) она испугалась и крикнула: „Что это? Кто держит (*Wer hält mich am Kleid?*) меня за платье?” Возникает мотив непущания, невпущания, неотпущания, удерживания – за платье, за облачение, все ту же другого видения-бытия оболочку. Младшая замыкает шествие, она ближе других к тому, что, если не здесь, то еще и не там, в то время как открывает, первой следует старшая, и она же ведет с этой младшей, последней и замыкающей,

подкрепляющий, укрепляющий, отводящий от мыслей о том, что не следует, разговор, по-своему интерпретируя происходящее: „Не будь такой простодушной (наивно-ограниченной, глупой)” – „Sei nicht so einfältig” (что само по себе показательно: разумное "здесь" оборачивается в наивное простодушие "там", отмечая собой неспособность выйти за рамки сдерживающих ограничений). И продолжает: „du bist an einem Naken hängengeblieben“ – „ты осталась завешенной (подвешенной) на одном (на каком-то) крюке“, представляя сказанное старшей дословно, что можно в избранном нами интерпретирующем ключе понимать и как то, что она, эта младшая, пусть и незначительной частью, остается, продолжает оставаться в таком состоянии, которое допускает возможность неполного, сдерживаемого в чем-то и как-то еще, а потому и завешивающего ее, перехода. В связи с чем и крюк – возникающая на переходе сдерживающая неровность, обратно направленное острие, можно рассматривать как не преодоленную, внутреннюю *не до конца подготовленность*, трансцендентную "простодушно-наивную" трудность, уже посвященного, но не проработавшего в себе в совершенстве всего, что необходимо, чтоб оборот удавался сразу и без помех.

Полнота совершившегося выражается словом: *Da gingen sie vollends hinab*, и только тут появляется то, что можно интерпретировать однозначно как ‘низ’ – *und wie sie unten* (‘внизу’) *waren*. Но при *wie* (как), оно, это *unten*, может восприниматься не только как указание на место, но и как на то, что оно каким-то таким своим способом (*wie* через *unten*, поскольку так виделось-изображалось) было достигнуто в условной одновременности по отношению к остальному, что оказалось, выступило, проявило себя *внизу*, по отношению к происходившему продвижению-переходу.

'Аллея' как открывающийся проход-переход

Далее следует крайне важное для дальнейшего пространственного понятия и представления *standen sie in einem wunderprächtigen Baumgang, da waren alle Blätter von Silber und schimmerten und glänzten* (‘стали (находились, оказались, стояли) они в одной (некоей) распрекрасной (чудесной, невыразимо прекрасной) аллее (букв. ‘ряд’, ‘проход’, ‘коридор’ (*Gang*) [из] деревьев), там (тут) были все листья из серебра, и мерцали [они], и блестели’). Причем связывается это их положение *in einem wunderprächtigen Baumgang* с предшествующим вербально, но, видимо, не изобразительно, *und wie sie unten waren* (‘как были они внизу’). Ряд деревьев из серебра возникает, тем самым, оказывается, показывает, объявляет себя *внизу*. Что это за низ, по отношению к чему? к совершившемуся при нем,

предполагающему его, переходу? Как "погружение" если не "нисхождение" и "спуск"?

Переход или же погружение, приводящее к положению *unten* ('внизу'), само по себе не описывается, известно только, что некая лестница подводит к нему. Внимание привлекает ряд деревьев, чудесность которого состоит в мерцающих и блестящих листьях из серебра. Не будем входить в подробности представления о серебре и мерцании в сказке как признаках потустороннего и попадания на тот свет. Для нас будет важным это самое *Baumgang*, как и лестница, отмечающее собой, в первую очередь, то, что переход, но теперь уже не погружение, а прохождение далее, может, точнее, скольжение, не закончился, и деревья в ряду, с одной стороны, отмечая начало чего-то, что в своей полноте появляется далее, с другой, к этому появившемуся также, будучи таким рядом, проходом и коридором, ведут.

Солдату приходит в голову взять примету (*Wahrzeichen mitnehmen*), отламывает он ветвь, из дерева раздается ужасный шум (*da fuhr ein gewaltiger Krach aus dem Baume*). Младшая снова крикнула: „Es ist nicht richtig, habt ihr den Knall gehört? (Что-то не ладно, вы слышали этот треск?)” *Es ist nicht richtig* дословно надо бы переводить как 'это неправильно', речь, тем самым, идет о нарушении, о том, как не делается, не происходит обычно. И опять реагирует только младшая. При этом *gewaltiger Krach* ('сильный грохот, шум'), воспринимаемый ею как *Knall* ('треск'), объясняется старшей как *Freundenschüsse* (выстрелы приятелей, друзей, кавалеров), *weil wir unsere Prinzen bald erlöst haben* 'так как мы наших принцев вскорости выручим (избавим, спасем)'

Три способа передачи произведенного звука – шум (грохот), треск и выстрелы, видимо, не случайны. Солдат своим действием вызывает выходящий из дерева шум, который младшая, ближе других к нему находящаяся не только по месту следования в процессии-череде, но и по позиции "(э)того и другого" в перцептивно-экзистенциональном смысле, слышит, находясь как бы так в связующе-передающем позиционном расположении. Шум этот, в свою очередь, старшая, не говоря, что слышит его, определяет как звук, исходящий из этого третьего, скажем так, "пространственного" формирования, куда они направляются. Для нее это выстрелы тех, кого они вскоре намереваются выручить. В чем? Что означает это *erlöst haben*? То ли что они с ними встретятся, и те будут этому рады, поскольку их ждут, то ли что их ожидают совместные танцы, то ли по третьей причине, себя приоткрывшей в самом конце? Воспринимающий текст об этом может только догадываться. Важно, что королевны, числом двенадцать, собой что-то

такое ночами привносят в положение их ожидающих принцев, что можно интерпретировать как для них состояние *erlöst*.

После этого они *входят* (и тут появляется соответствующий глагол – *Sie kamen darauf*, до этого их перемещения так не обозначались) в аллею (*in einen Baumgang*), проход, коридор, ряд деревьев (в предыдущем подобном позиционном "месте" они стояли: *standen sie in einem wunderprächtigen Baumgang*), где все листья [были] из золота (*wo alle Blätter von Gold*) и, наконец, в некую третью (*in einen dritten*), где они были из прозрачных алмазов (*wo sie klarer Demant waren*). От обеих он [солдат] отломил по ветке, и раздающийся треск их приводил в ужас младшую и объяснялся снова как *Freundenschüsse* старшей. Продвигаясь далее, подходят они к большой воде (*zu einem großen Wasser*), там стоят двенадцать лодок (*darauf standen zwölf Schiffelein*), в каждой из которых сидит по прекрасному принцу (*saß ein schöner Prinz*), ожидавших эти двенадцать (*die hatten auf die zwölfte gewartet*). И каждый [из этих принцев] взял себе [в лодку] одну – *und jeder nahm eine zu sich* ('и каждый взял одну к себе'), солдат же пристроился к младшей (*setzte sich mit der jüngste ein*). Принц почувствовал тяжесть, о чем тут же сказал, выразив это через понятие силы (*auß allen Kräften* 'изо всех сил'), с которой ему необходимо грести (*rudern*), с тем двигать ее вперед (*wenn ich es fortbringen soll*). И на этот раз уже младшая, что, видимо, не случайно, поскольку при осуществившей себя для нее теперь окончательно "переправе" с одной стороны на другую, объясняет это жаркой погодой (*vom warmen Wetter*), от которой ей [также] не по себе (*es ist mir so heiß zumut*).

Пребывание солдата, как инородного элемента, его проявления – наступание на платье, ломание веток, наконец, его тяжесть в лодке, воспринимаемая сначала младшей, потом и принцем, вынужденным изо всех сил грести, отмечаясь ими как нарушение, отклонение и неправильность в том, что и как должно быть, объясняется через что-то, что, с точки зрения здравого смысла поддаваясь верификации, удовлетворяется внешне правдоподобным, казалось бы, объяснением, но не случайным и значимым также самим по себе. Шум, треск, выстрелы могут быть интерпретированы как прорыв – проникания, разрывания завесы двух состояний, двух положений, того и другого, из которого приходящий солдат и в котором принцы, связующими между которыми выступают двенадцать дочерей короля. Тяжесть лодки и жар погоды – свидетельство, знак того же присутствия приходящего в данное состояние извне, отчего, в конечном итоге, младшей становится *so heiß zumut*, т.е. 'жарко не по себе'. Происшедшие нарушения, отмечающие вторжение и прорыв, не могут пройти бесследно, что неизменно в конеч-

ном итоге скажется и на изменившемся статусном положении королевен и на не изменившимся вследствие этого положении принцев, о чем будет речь впереди.

Подземное положение 'замка' и возможное его разрешение

По ту сторону воды (Jenseits des Wassers) стоял красивый, ярко освещенный замок (*stand ein schönes, hellerleuchtetes Schloß*), откуда неслась веселая музыка, издаваемая контрабасами и трубами (*woraus eine lustige Musik erschallte von Pauken und Trompeten*). Переплыв, они [в него] входят (*traten ein*), каждый принц танцевал со своей возлюбленной (*mit seiner Liebsten*), солдат, *невидимо (unsichtbar)*, с ними, а когда одна [из них] держала кубок с вином, он его выпивал, пока тот не становился пустым (*daß er leer war*), как только она его подносила ко рту. Младшая испытывала страх и по этому поводу (*ward auch angst darüber*), но старшая принуждала ее все время к молчанию (*brachte sie immer zum Schweigen*). При этом *brachte* от *brechen* 'ломать, нарушать, преодолевать' можно воспринимать как то ее каждый раз (*immer*) "сламывание", которое не дает заметить, обратить внимание, а тем самым и сделать действительным, происходящий пролом, это "сламывание" заделывания, замалчивания (*zum Schweigen*), замазывания происходящего нарушения и разрыва. Не сказать, не назвать означает сделать невидимым (*unsichtbar*), а следовательно, и не действительным происходящее для остальных.

Солдат выпивает кубок с вином (как следует из представления, кубок каждой), что можно интерпретировать как не состоявшееся по этой причине их приобщение, двенадцати королевен, возможно, что каждой по очереди, позиционному "положению замка" (назовем это так, за неимением лучшего, и что будет важно для определения дальнейшего; наиболее полным обозначением, возможно, было бы в этом случае, в контексте "пространственных" различий, лат. *situs* 'положение, расположение', а также 'строение, постройка, здание' и 'страна света', от *sino, situm* 'ставить, класть').

"Погружение" ("вылезание сквозь" – *steigen durch hinab*), отметившееся *unten* ('внизу') "стоянием" (*standen*) в ряду деревьев, с дальнейшим перемещением в форме *kamen* 'пришли' (*in einen Baumgang, und endlich in einen dritten* 'в (некую) одну аллею и, наконец, в некую третью'), *gingen weiter, kamen zu* 'шли дальше, подошли к' (*einem großen Wasser* '(некоей) большой воде'), *ruderten hinüber* 'переправились', вплоть до *traten in* 'вошли', – все это собой отмечает, возможно последовательное, "вхождение" в замок, приобщение к нему, к находению, позиционному положению в нем. В нем, в этом замке, королевны танцуют,

каждая со своим "возлюбленным" принцем (хотя, скорее, mit seiner Liebsten, относясь к королевнам, не относится к ним), выпивают, каждая, из кубка вина, отмечая, тем самым, в нем, в этом *situs*, свое пребывание. И именно этого не происходит, солдат лишает их этой возможности, перенося это *контагиозное*, имеющее смыслом вхождение-приобщение, действие на себя. Небезразличным в этом контексте будет припомнить, что кубок вина, принесенный ему старшей в самом начале, перед тем как он намеривался идти в кровать (als er zu Bette gehen wollte), не был им выпит, ни капли не выпил он от него (trank keinen Tropfen). Кубок вина по этой причине можно воспринимать как то, что собой отмечает, что "держит", "привязывает" и приобщает к тому либо иному положению (*situs*) *da* ('тут', 'здесь', 'там', 'тогда' и 'вот'). И кубок в дальнейшем послужит знаком, приметой такого своей связи, подобного своего отношения к преминувшему некогда *situs*.

Они танцевали ('там', 'тогда' – *da*) до трех часов следующего ('другого') утра, ('где все') туфли истанцевались ('насквозь истанцованы были'), и они [танцевавшие] должны были остановиться: Sie tanzten da bis drei Uhr am anderen Morgen, wo alle Schuhe durchgetanzt waren und sie aufhören mußten. В предложении, передающем данное положение, внимание на себя обращают три обстоятельства. Во-первых, то, что туфли 'насквозь истанцованы были' *где (wo)*, не *когда*, что связывало бы сказанное в придаточном не со временем (bis drei Uhr am anderen Morgen), что скорее бы следовало предполагать, а с все тем же *da*, воспринимаемым как *situs*, в котором все происходит. Следуя данному представлению, туфли истанцовываются к известному времени именно в нем, в этом *situs*, представляемом в тексте как место, и это его определяющая черта и особенность. Во-вторых, то, что *все (alle)* туфли, а не *их (ihre)*, как можно было бы ожидать. И это также указывает на все ту же особенность: в данном *situs*, определяемом термином *замок (Schloß)*: туфли истанцовываются у всех, независимо от того, на ком они и кому принадлежат. В-третьих, остановиться они должны были, как следует из представления, потому, что все туфли истанцевались, а не потому что время пришло. Время лишь отмечает собой происшедшее, хотя оно не случайно. Знаком же необходимости остановиться, точнее долженствования, вынужденности, поскольку *sie mußten*, становится положение *wo alle Schuhe durchgetanzt waren* ('где все туфли насквозь истанцованы были').

Из чего следует, что танцы до истанцовывания туфель имеют какой-то существенно важный смысл, связанный с вхождением и пребыванием в замке, питьем из кубка вина и необходимостью завершения всего этого до определенного

времени, указанного как три часа следующего ('другого') утра – *drei Uhr am anderen Morgen*. Само это *anderen*, обозначаемое как *другого*, можно воспринимать не столько как наступившего, сколько и как *другого* в смысле следующего, и как *другого* в значении иного. Время оказывается смещенным, как в сторону допустимо возможного пропуска целого дня (наступивший за этим день *там*, которое *здесь*, *тогда* и *вот* (*da*), оказался пропущенным, незамеченным), так и в сторону его инаковости. При этом вряд ли можно бы было сказать, что время в (э)том состоянии *da* при положении *Schloß* исчезло, перестало существовать, это просто *другое* время.

Принцы отвозят водой их обратно, при этом солдат в этот раз садится спереди к старшей: *Die Prinzen fuhren sie über das Wasser wieder zurück, und der Soldat setzte sich diesmal vornenhin zur ältesten*. В ту сторону он садился к младшей, в обратную – к старшей, всякий раз оказываясь ближе в ряду плывущих водой двенадцати к той стороне, которая дальше от *замка* (*Schloß*), что можно усматривать как несомненную связь его с противоположной от этого *Schloß* стороной, с позицией, положением исхода, т.е. тем *откуда*, а не *куда*. На берегу они попрощались со своими принцами, пообещав быть обратно и следующей ночью. На лестнице солдат, забежав вперед, лег в кровать, и когда эти двенадцать медленно и устало подымались (*heraufgetrippelt kamen*), храпел уже так громко, что они все это слышали, и сказали: „От этого [спящего] нам ничего не грозит.“; букв. 'Перед этим мы безопасны (надежны, уверенны)' (*Vor dem sind wir sicher*). Сняли они свои прекрасные платья, отложили их прочь (*brachten sie weg*), поставили истанцованные туфельки ('туфли' – *Schue*) под кровать и легли (*legten sie nieder*).

На другое утро решил солдат ничего не рассказывать, а увидеть еще раз это дивное диво (*wunderliche Wesen*), и ходил (*ging*) во вторую и в третью ночь с ними. Все было, как в первый раз, и они каждый раз танцевали, пока туфли не оказывались разбиты – *bis die Schuhe entzwei waren*. Появляется важное уточнение, касающееся характера "повреждения" туфель в танцах: *entzwei waren* 'были разбиты', от *entzwei sein*, можно также буквально воспринимать как то, что они были (*waren*) надвое, пополам (*entzwei*). Раздвоение их в танцах, распадение надвое можно воспринимать и как знак разделения – *этого* и *того* (в отношении все того же не разделяющего в '(э)том' *da*), *данного* и *другого* (*anderen*) в их перевертываемой попеременности, и как знак наступившего расхождения, разведения их (по принципу разводящегося моста), после чего появляется необходимость остановиться и возвратиться к позиционному положению исхода в 'лечь' (*legten sie nieder*).

Третий раз отмечается тем, что взял он [солдат] с собой (*nahm er mit*) для приметы (*zum Wahrzeichen*) кубок (*einen Becher*). Когда пришло время ему отвечать – *Als die Stunde gekommen war, wo er antworten sollte* (и опять в отношении времени появляется *где*), *сунул* он (*steckte er*) с собой три ветки и кубок и пошел к королю, букв. ‘шел перед’ (*ging vor den König*), *die zwölf aber standen hinter die Türe* (двенадцать же *стояли за дверью*) и подслушивали, что он скажет. Подчеркнутые указания представляются значимыми, расставляя своими акцентами позиции и направления выдвигаемых отношений. Двенадцать стояли *за* дверью, *позади* дверей (*hinter die Türe*). Пошел он [предстать] *перед* королем (*ging vor den König*). Три ветки и кубок – *zu sich* (с собой, к себе, в себя) *steckte er* (*stecken* имеет значением ‘втыкать, совать’; ‘находиться, торчать’). Это *steckte zu sich* что-то вроде как пригвоздил, воткнув в себя, как знак “прикрученного”, пробито-торчащего из себя и в себе контакта с тем, откуда оно это все. Он – *перед* королем в направленности движения *ging vor*, с пригвожденными в себе, всунутыми в себя, тремя (четырьмя) приметами. Двенадцать – за дверью, позади двери, и в неподвижном стоянии – их положение *standen*, видимо, не случайно согласуется номинативно с *die Stunde* (часом), который *gekommen war* (подошел), но не как то, что *когда* (*wenn*), а как то, что *где* (*wo*). Представленные позиции четко описывают, характеризуют, соотношения участвующих.

На вопрос короля „Где мои двенадцать дочерей свои туфли ночью ищали?” (*Wo haben meine zwölf Töchter ihre Schuhe in der Nacht vertanzt?*) так отвечал он: „С двенадцатью принцами в одном тайном (подземном) замке” (*Mit zwölf Prinzen in einem unterirdischen Schloß*), *unterirdisch* имеет значением ‘подземный’ и ‘тайный’, т.е., фактически, также и скрытый, спрятанный, недоступный для наблюдения, глаз. Доложил (*berichtete*), *как* (*wie*) это происходило (*zugegangen war*) и представил свои приметы (*holte die Wahrzeichen hervor*). Король призвал дочерей, спросил, правду ли рассказал солдат, и тогда те увидели (*und da sie sahen*), что они были выданы (преданы) – *daß sie verraten waren* (*verraten* при этом имеет значением ‘изменять, предавать, выдавать (кого-л., что-л.)’).

Не без значения, видимо, что все это воспринимается ими в отношении “видения” – *und da sie sahen*, как, прежде всего, ‘измена’, ‘предательство’, ‘выдача’. “Увидели” значит до этого “не видели”, не могли видеть, стоя за дверью (*hinter die Türe*), находясь в другом положении, а теперь были вызваны, чтобы прийти – *Da ließ der König seine Töchter kommen*. Отрицание не поможет, и должны они были все подтвердить – *Leugnen nichts half, so mußten sie alles eingestehen*. В рассматриваемом контексте и отрицание (*Leugnen*), и подтверждение

(*eingestehen*) можно рассматривать как оборачиваемое возвращение того, что обратно, к тому, что здесь, другого к данному, как нечто другой своей стороной, обращение скрытого, тайного к явному, невидимого до этого в видимое. Словно бы сон становится явью, точнее яви сна, не переставая быть явными сна, начинают в другое, будучи в нем "пригвожденными", перетекать, осознаваться в нем, в этом другом, становясь для него не явлениями своего состояния, а его в другом лишь приметам (*Wahrezeichen hervor*).

После чего спросил его король, какую он хотел бы взять в жены. Он ответил: „*Ich bin nicht mehr jung, so gebt mir die älteste.*” (*Я [более] не молод, так отдайте мне старшую*). В этом контексте не случайным можно воспринимать это самое *mehr* (*более*). О его возрасте ранее не говорилось, было только о ранении и невозможности по этой причине служить. *Mehr* поэтому можно представить и как показатель "старения" вследствие произошедшего: после этого всего я более не молод (перестал им быть, о смещенности времени уже говорилось, к тому же и в сказках подобное, при переходе туда, на ту сторону, происходит нередко). Старшая, вместе с тем, ближе, как было замечено, к состоянию *da*, что также можно воспринимать как причину его объяснимого выбора. Свадьба состоялась еще в тот же день (*Da ward noch ab selbigem Tage die Hochzeit gehalten*, тем самым, опять появляется представление о времени, его самотождестве себе самому – *ab selbigem Tage*), ему было обещано после смерти короля государство. *Aber die Prinzen wurden auf so viel Tage wieder verwünscht, als sie Nächte mit den zwölfen getanzt hatten* ('Но принцы были на так много дней опять заколдованы (прокляты), сколько ночей с двенадцатью протанцевали'). Такими словами заканчивается повествование.

Не будем касаться вопроса о том, кем или чем могут быть эти самые принцы, обратив внимание на соотношение дней и ночей (*so viel Tage, als Nächte*), на то, что можно представить для состояния "прокляты" (*verwünscht*), и что понимать под еще одним состоянием – *getanzt hatten*, точнее как его можно воспринимать. Поскольку все это, так или иначе, связывается с позицией положения-*situs* 'замка' (*Schloß*), объявившего себя к концу как 'подземный' и 'тайный' (*unterirdisch*), а именно это и представляется важным. Интересовать при этом нас будет не интерпретация сказки как текста фольклорно-мифологического и ритуального, а как способ воображения, представления чего-то другого, повествования об этом другом, что принято объяснять, за неимением других выражений и слов, как ирреальное, потустороннее, иное, невидимое, не земное, не среднего мира, в известном смысле также как "не свое", понимая под всем этим какую-то,

скажем так, обратную сторону, изнанку наблюдаемого видимого, какой-то его сопровождающий, соотносимый с ним коррелят. Такие понятия, как «иной мир», «четвертое измерение», «инобытие», «другая реальность» и т.п., хотелось бы избежать, чтобы не навязывать представлений об экзистенциальности того, что видится более в аспекте сознания и воображения, настроенных, или настраиваемых, на какой-то определенный перцептивный характер и лад.

Начнем с возможного представления танцев, имеющих очевидный иницирующий и включающий, а также, с учетом разваленных туфелек, и эротически-прокреативный смысл. Сюда же можно добавить идею о плясках смерти, плясках вхождения в транс, плясках мертвых и с мертвыми, объясняя происходящее (с позиции принцев) необходимостью пробуждения их на том свете от мертвого сна (ср. известный фольклорный мотив «жених-мертвец»). А может, и наоборот, приводящее, в конечном итоге, в подобное состояние танцующих с принцами королевен. Сюда же можно добавить идею обратного времени, с поворотами ночи и дня и сутками, в которых двенадцать плюс двенадцать = двадцать четыре часа, идею календарного года с двенадцатью месяцами здесь и двенадцатью там, сменяющимися друг друга в каком-то, стремительном в своем вращении движении в обратной, ненаблюдаемой, невидимой стороне.

Можно задаться вопросом – производимые с принцами танцы имели целью освободить зачарованных принцев? Если имели, то что понимать под этим «освободить» и что представляет собой их «зачарование», или заклятие? Столько дней продолжают еще они оставаться под его не пускающим их воздействием, сколько ночей они с двенадцатью протанцевали. Получается, что не к освобождению от заклятия их это вело. Можно также интерпретировать сказанное в совершенно ином ключе, объясняя происходивший контакт взаимодействием женского аспекта души с мужским в его полноте, выражаемом числом двенадцать с той и другой стороны, от анима к анимус и в обратную сторону, а танцы – динамизирующим выходом, освобождением, избавлением от статики и рутины.

Однако как первое, так и второе не будет предметом нашего интереса, поскольку первое – цель и объект ритуально-мифологических, фольклористических, этнологических разысканий, второе – психоаналитических, терапевтических, психологических. В то время как нашим предметом является что-то, что как-то так можно вроде бы выразить с помощью слов, но то, что так либо иначе как-то там выражено, соответствуя чему-то такому в себе, не соответствует ничему такому, что можно об этом подумать на основе знания и семантики языка. Это что-то, с одной стороны, невидимо, в смысле привычно вокруг существую-

шей и окружающей человека реальности, т.е. нельзя его, находясь в обыденно-бодрствующем сознании, наблюдать, а с другой, оно в принципе, и не выразимо, если иметь под этим в виду то, что складывается у человека вследствие знания им языка, поскольку язык в своем узусе к выражению этого не приспособлен.

Вместе с тем это что-то не следует относить к сфере не поддающейся объективизации (скажем так), индивидуально не ограничиваемой и буйной, как принято это определять, фантазии. Оно имеет свой узуальный, а потому не вполне случайный и в чем-то, возможно, закономерный характер, отображая свойства воображающего, т.е. образами оперирующего, сознания, как правило и обычно, в не до конца контролируемом состоянии. Точнее было бы говорить о состоянии, поддающемся его движению, току, ходу, перемещению, бегу, в момент которого (может быть и достаточно длительным этот момент) находящийся в нем участник присутствует и наблюдает все перед ним появляющееся, плывущее, проходящее и проводящее, ведущее его с собой, за собой. Такое определение вполне закономерно принято относить к состоянию сновидения и сна (не будем пока еще то и другое расподоблять), и из него, из его имагинативно-словарных ресурсов, описанных и подробно представленных в самых разных источниках, будем брать мы, в конечном итоге, характеризуемый далее материал.

Но не сны и не сновидения как состояние спящего, а потому и не бодрствующего, но видящего сознания и по этой причине как-то так по-своему продолжающего, принимая участие в чем-то, в каких-то картинах и действиях, существовать, – не это все будет нас интересовать. Но само то, что через "видимое" и выражаемое, разумеется, в интерпретирующем его искажении с помощью не приспособленных для этого слов, находит свое воплощение. То есть, иными словами, то, что и как еще можно выразить с помощью языка и средствами языка, предполагая, имея в виду, что это что-то, имея собственную природу, отходит, будучи смещено, от того, что принято видеть в собственно языковой узуальной природе. Исходя из мысли о том, что язык не способен, поскольку не приспособлен, нечто подобное выражать, необходимо искать в нем (ибо иного решения нет) такие интерпретирующие в смысле смещенного представления способности, которые могут фигуры, значения, смыслы и формы не только бодрствующего состояния сознания передавать. Под этим бодрствующим состоянием можно и следует понимать самый широкий спектр чего угодно, над чем человек в своем сознании имеет, думает, что имеет, либо потом начинает иметь включающе-выключающий, отмеряющий и дозирующий контроль, вплоть до так называемого потока сознания и имитируемого бреда ради каких-то целей. Не поддающееся

такому контролю при этом вовсе не может и не должно означать какого-то бреда не имитируемого, но обычное состояние, в котором сознание действует, проявляет себя в каком-то режиме, который, будучи осознаваем, может быть малознаком.

Входить в представление о том, что это – подсознание, полусознание, надсознание, сверхсознание или что-то еще из подобной серии, мы также не будем, предполагая, что это еще один, все того же сознания, для него обычный, хотя языком до конца и не отображаемый, режим. Тем самым, фактически, нас будет интересовать та сфера семантики, которая, передаваясь с помощью языка, с семантикой языка в привычном и узуальном смысле имеет немного общего, а если имеет, поскольку должна иметь, то каким-то своим специфическим и перемещенным образом. Чтобы войти в эту сферу, возьмем для примеров то, что принято обозначать как сигналы, имагинативные, т.е. образные по своей осязаемой природе, знаки видимого, являющегося в сновидении, возможно, что представляемого только как видимое и являющееся, но это не важно для нас. Достаточно, что оно выражается и описывается с помощью слов, за которыми что-то стоит, что не обязательно при этом передается или передается как-то не так. И что это что-то имеет, должно иметь, не случайно привычный, известный и повторяющийся характер, а потому и далеко не сугубо индивидуальный, и если не конвенциональный, то свойственный многим и обобщенный. То есть, фактически, узуальный, что дает основания рассматривать данную сферу как вполне поддающийся объективному описанию, в том числе и с лингвистической точки зрения, объект, по крайней мере, с позиций семантики, если не формы.

Однако вернемся к оставленным танцам и принципам, с тем чтобы посмотреть на три выбранных для характеристики представления (заклятие, танцы, соотношение дней и ночей) с указанной стороны. Оттолкнемся от положения, определенного нами как *situs*, 'замка'. Будем воспринимать его как состояние, обозначенное в своем "протекании" (не вполне удачное это слово, но и "пробыванием" данное его проявление не следует обозначать) как положение *замкнутое* и *замкнутого* (и русское *замок* от *закрывать*, и немецкое *Schloß* от *schließen*, того же значения, вполне подходят для этого). Отвлечемся от передаваемого в тексте с помощью, хотя и далеко не случайных, но не полностью передающих искомое представление, слов. Воображением, внутренними глазами, как говорят в таких случаях, представим, что, собственно, было "показано", что перед этими внутренними глазами, на протяжении повествования прошло, чему, если не завершением, то объяснением, послужил этот 'замок', точнее им *заключаемое*, передава-

емое им. Отвлекаясь при этом, по мере возможности, от соблазнов той либо другой, пусть и логичной, интерпретации и концентрируясь только на "видимых" сменах и переходах участвующего во всем этом и отмечающего их соответствующим образом ментального состояния.

ПРОСТРАНСТВЕННО ВЫРАЖАЕМЫЕ "ВИДИМОСТИ" СЕБЯ НАБЛЮДАЮЩЕГО МЕНТАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Итак, вначале является *зал*, отмечающий состояние *сна* для двенадцати, находящихся в позиции обусловленной производности от *закрывающего* (речь здесь о дочерях короля). Первая фаза начавшего свое продвижение состояния, тем самым, сводилась бы к чему-то, что напоминает приостанавливающую, *тормозящую*, на определенное время (будем использовать этот термин за неимением лучшего), включающую в себя и в себя поглощающую оболочку того, что имеет способность пульсации и биения (представим это как двенадцатеричный плазменный квант, чтобы как-то представить). Обладая такой способностью, оно, пульсируя, предполагает возможностью проявления "течь", продвигаться, переходить, проходя последовательно фазы своего такого, а не другого какого-то состояния. Состояние, в котором оно находится, которое охватило его, в себя *закрывив*, от первой фазы – *включения* (в замыкаемую и замкнувшую теперь оболочку), переходит к последующей, каковой предстает, обусловленная необходимостью невключения потустороннего, исключения его из себя (речь идет о "присутствующих в примыкающих комнатах"), отключающее (от всего прочего) *облачение*, подготавливающее (условно) к дальнейшему. Эта фаза предполагает то, что выражено через открывание ящиков и шкафов, доставание роскошных нарядов, скакание в радости в предвкушении танцев. Начавшееся *подключение* к дальнейшему переходит в фазу *отверстия* – отверзания "впускающих врат" и затем *погружения*, втягивания, восхождения (лестницей) к тому, что в конце погружения объявляет себя как *внизу*.

Если уподобить сказанное тому, что обычно трактуется как состояние сна (впрочем, такого уподобления хотелось бы избежать, здесь он приводится лишь для примера), то всё перед этим можно представить как фазы предшества собственно сну, отмечающие состояние предсна, постепенного погружения соб-

ственно в сон, который и начинается с этого самого, отмеченного в тексте как *unten* (*внизу*), момента. Не случайно поэтому здесь они застывают на время, останавливаются и стоят, что выражается с помощью *standen*. Приведенное уподобление, не объясняя то, о чем речь, вместе с тем не случайно в том смысле, что некое состояние А, испытываемое сознанием, проходит закономерные фазы, знакомые и понятные, проявляющие себя для него тем же образом, что и фазы его состояния В. Как сон традиционно уподобляется смерти, не только характером, скажем так, своей отключенности и постепенного отключения, но и фазами поэтапного "видения", вместе с тем не являясь ею, так и то, о чем речь, не будучи сном, поэтапно только может быть ему уподоблено, ибо природе сознания, видимо, свойственно разное в некоем подобии одного другому переживать. Отойдем по этой причине от поисков, в первую очередь феноменального, сходства того, что сейчас разбирается, сну, иначе мало что удастся увидеть в нем и объяснить. Можно будет по завершении представить рассматриваемое как "увиденный" сон, дающий и содержащий в себе те или иные понятия, но это, будучи частным интерпретативным случаем, ничего само по себе не представит и не объяснит.

Фаза стояния, *застывания* в момент совершившего себя погружения далее предполагает троекратно себя полагающий в проявлении *проход* – рядами мерцающих блестками серебра, затем золотых (предположим, что втягивающих блеском в себя) и, наконец, растворяющих, поглощающих в прозрачно-алмазном сверкании листьев деревьев. Тем, что выражено с помощью листьев деревьев, что можно бы интерпретировать в представлении сыплющихся "звезд-лепестков", означающих для сознания переход-вхождение его в какую-то, ассоциирующуюся ему с неземной и "небесной", сферу. Не будем, однако, данное положение уточнять, не имея к тому же достаточных представлений об этом и оснований. Сверкание, блеск, чистоту, прозрачность воспримем просто как признаки характерного для данного состояния свойства (ср. для этого случая, хотя и не в полной мере, – *звезды увидеть*, как знак потери сознания от удара по голове).

Далее следует соединение с принцами и *переправа* на лодках большой водой. Договорившись не вводить представлений мифологического характера, следует, однако, отметить момент переплывания на другую сторону как окончательное пересечение, переход от промежуточно-смежного и подводящего положения *там* к положению *там* с выдвиганием к его центру. После чего наступает *вхождение* под звуки музыки (контрабасов и труб), где начинаются танцы.

Если вспомнить, что принцы были опять зачарованы на так много дней, сколько ночей они протанцевали с двенадцатью, сказанное можно воспринимать таким образом, что этими танцами с ними они на эти ночи от чар избавлялись. Танцами, следовательно, снималась, преодолевалась застывшесть, приостановленность, замирание *замкнутого* в *замкнутом* его положении *замка*. Временно-периодическое *одушевление* их (так это можно бы было представить) наступало, производилось при посредстве вступавших в соединение с ними их половин, соединением женского и мужского. Если рассматривать то и другое как целое (а так это следовало бы рассматривать), то через снятие противопоставления этого и того, ночей и дней, женского и мужского, статического и динамического, через внутреннее, укрытое, "подземное", тайное (*unterirdisch*) объединение их в одушевляющем, вихревом, кружащем движении происходит *освобождение*, высвобождение, отчарование отделенного замкнутого. На то время, на которое это возможно. *Предательством* этого оргиастического, скажем так, состояния целостности и динамизирующей, энергетизирующей, одушевляющей полноты, с вынесением, объявлением его наружу, "восстанавливается" сонный, мертвящий порядок спального зала (*Schlafsaal*). Тайное становится явным, и *очарование* бывшего перестает существовать, оборачиваясь в сковывающее *зачарование* разделенности этого и того, мужского и женского, дозволенного и недозволенного. Роль и значение истанцованных тувфелек в этой связи можно было бы воспринимать как связываемое с необходимостью возвращения разведение на время, распад, выступающий одновременно материализованным напоминанием о том, что действительно было, происходило, имело место (находясь под кроватью), как свидетельство яви, а не фантазии и не сна.

Возвращаясь к пространственным метам изображаемого состояния, их можно расставить в порядке от *спального зала с передней комнатой*, как исходных в позиции, к *замку*, замыкающему собой всю череду, таким устанавливающим порядки образом, при котором *отверстие, лестница, три ряда деревьев*, следующих один за другим, *лодки, большая вода, та ее сторона* займут свое вполне понятное и объяснимое место. Это позиции, или места, прохождение, перехода (вкладывая в слово *места* не локальный, а валентностный смысл), отмечающие собой наступление фаз, продвижение в фазах переживаемого состояния, в периоды нахождения в нем. И само тогда состояние можно было бы воспринять как своего рода включение, подключение, "приглашение к танцу". Своего рода вхождение в *игру*, смысл и роль которой заключается в том, чтобы переключить, отключить от нахождения в чем-то одном, рутинном и постоянном, с

его порядком и распорядком, и подключить на время, до "разбития туфель", к другому, переживаемому на это время, состоянию и пребыванию, с его нерутичной и своим распорядком, очарованием, необычностью и переживаемой энергетической остротой. Игра проходит, но след пережитого состояния после нее остается.

Играющий, тот, кто способен, тот, кто играет, тот, кто умеет играть, прекращая в известный момент игру, останавливаясь в нужный момент, существенным образом отличается от не играющего, от того, кто никогда не играет, не играл и не умеет играть. Детские игры, равно как и добрые игры играющей в них молодежи неизменно имеют укрытой целью такое значение и подобную роль. В природе человеческого естества лежит скрытая необходимость переключаться, переводя себя, переходя, из одного положения в другое, от состояния бодрствования к состоянию сна, от состояния игрового к состоянию неигровому, от отдыха и покоя к осмысленной деятельности и работе.

Все это объяснимо понятные, обусловленные физиологией и психологией, вещи. Не столько хотелось о них напомнить, сколько, представив, вписать в контекст разбираемых особенностей и проявлений, с тем чтобы посмотреть, не на семантику, собственно, слов, а на то, что с их помощью можно передавать в этом несколько, как бы так сказать, игровом, танцующем, пляшущем, отключающем отвлечении. Сказав по-другому, хотелось бы подойти к тому, что отображается в словарях толкования сновидений с помощью слов, воспринимаемых в их имажинативном употреблении, натурально не так, как это дается в толковых и объяснительных словарях, не с позиции сновидения-сна, как сферы физиологических состояний спящего, т.е. не бодрствующего, человека, а с какой-то еще другой. Представив, что отображаемое ими, имажинативно воображаемыми и представляемыми словами, содержит в себе некий полусерьезный, преодолевающий рутину и распорядки, условно "игровой" и "танцующий", будоражащий элемент (все это, конечно, условно). Порывающий сознание, переводящий его в состояние, но не другой какой-то реальности (реальность не то, чтобы будет та же, но она растворяется и уходит, оставаясь где-то там позади и внутри, ее как бы и нет, служа своими признаками и образами лишь материалом, как в кинофильме, в художественном произведении или на полотне), не четвертого, пятого и т.д. измерения, которое сознание человека не может объять, но в состояние собственного пребывания в себе.

От распространенной мысли о том, что в сновидении, высвобождаясь, человек находится внутренне сам в себе, в согласовании с собственным «я», неред-

ко не понимая и не воспринимая, что́ ему это «я» его в сновидении хочет сказать, и что потом требует объяснений и толкований, через мысль о том, что в сновидении спящий выступает объектом откуда-то на него нисходящего, погружающего его в себя состояния, что в сновидении человек этим в себе, в своем сознании возникающим состоянием, оказывается ведóмым, переходим к мысли об «его», о самости этого состояния. То есть, фактически, будем его рассматривать как самостоятельную, саму в себе пребывающую, самодостаточную смысловую когнитивно-субстанциональную данность.

Отвлекаясь, для того чтобы уподобить что-то чему-то, для представления, а не показания сути, как можно, в известном смысле условно (но до какой меры будет условен сам этот "известный смысл"?), вообразить, но не изображаемое в отдельном произведении искусства, а само "состояние", продуцирующее художественные произведения, картины, образы, персонажей и смыслы, как таковые, любые, все и вообще, продуцирующее то, что часто обозначают термином "художественная действительность", или "реальность", продуцирующее, не будучи вместе с тем ни ею, ни равным ей, – как можно вообразить это как соответствующее состояние, следующее из свойства сознания (чтобы не использовать понятия *духа*, ибо тот переводит в данное состояние, но не продуцирует и образов не создает)? Как еще одно состояние сознания, в котором оно способно, погружаясь, входя в него, пребывать.

Так, приблизительно, можно представить и вообразить также и то, о чем речь. Подобно тому как в состоянии художественного или другого какого-то пребывания. Вдохновения, озарения, воспарения не хотелось бы говорить, поскольку иступленность вовсе не обязательно должна при этом присутствовать. И если уж говорить о том, что связывается с *энтузиастическим* состоянием *транса* (возвращаясь к исходному пониманию значений того и другого⁸), то предполагая идею *повеявшего* откуда-то как из ниоткуда, вдруг *осетившего*, перенесения, перехода, куда-то, во что-то, что не такое, как то, что привычно, перед глазами и постоянно, рутинно и неизменно здесь. В категориях состояния переживающего его, участвующего в нем и наблюдающего его сознания, следовательно, хотелось бы, представлялось бы смыслом, вести весь последующий разговор.

⁸ Др.-гр. ἔνθουσιastic и ἔνθουσιastic божественное вдохновение, восторг, воодушевление; ἔνθουσιastic быть боговдохновенным (от ἔνθεος, ἔνθεος букв. в божестве); быть в восторге, в иступлении, неистовствовать; фр. trans, англ. trance, из лат. transeo 1) переходить, переселяться; 2) пересекать, переправляться; 3) преступать; ... 6) превращаться; ... 10) пробивать, пронзать.

Имагинативные смыслы и образы

Разберем для его начала, с тем чтобы выработать пути и подходы, но с опорой на достигнутый опыт прочтения выбранной сказки из сборника братьев Grimm, какой-нибудь один, из словарей толкования сновидений, образ, имея в виду его не психологический, не психоаналитический, не терапевтический, не диагностический, не ритуально-магический, не гадательный либо какой-нибудь там еще, а чисто имагинативный смысл (назовем это так). Смысл, который по этой причине в его специфичности надо будет представить и показать. Как в отношении указанного ранее состояния, в которое входит сознание, порождающего подобного типа образы (порождает образы состояние, не сознание, которые только воспринимает, при этом нередко участвуя в них), так и в его отношении к семантике слова, равно как и к чему-то еще, похожему, но не равному и не тождественному. Пусть таким словом-образом будет встретившаяся уже *аллея* (в тексте рассмотренной сказки переданная как *Baumgang*).

Начнем с того, что собой представляет аллея, с точки зрения вида и формы, как воспринимаемый зрением объект, попытавшись увидеть ее как можно подробнее, в совокупности признаков и возможных деталей. Обязательными составными частями аллеи необходимо, по-видимому, считать полосу земли, точнее земной поверхности, по бокам которой, с одной и с другой стороны, в ряд стоят растущие вдоль деревья. Аллея, тем самым, представляет собой проход, открытый для входа и продвижения либо пребывания, нахождения внутри, в одну и в другую стороны. Дополнительными чертами аллеи могут быть наличие в рядах растущих деревьев кустарников и цветов, посаженных как непосредственно в землю, так и в горшках или кадках; наличие лавок вдоль полосы земли в рядах деревьев или под ними, небольших беседок, навесов и пр. Полоса земли, предназначенная для перемещения или пребывания на ней, может иметь асфальтовое, песчаное, плиточное, каменистое, щебневое либо другое покрытие, либо вообще его не иметь, т.е. характер покрытия не имеет значения. Аллея может быть в парке, в саду, идти вдоль берега моря, озера или реки, представлять собой городскую или деревенскую улицу либо дорогу для движущихся по ней пешеходов и транспорта. Аллеи высаживаются, т.е. их следует относить к артефактам ландшафтного типа. Деревья, растущие вдоль аллеи, имея целью давать защиту и тень, от солнца, ветра, отчасти дождя, чтобы аллея считалась аллеей, должны иметь соответствующий возраст и высоту: посаженные недавно и не дающие до-

статочной тени не могут считаться аллеей, в лучшем случае это будет *аллейка*, наделяемая совершенно иными признаками и чертами.

Исходя из сказанного, аллея представляет собой вытянутый в длину проход между двумя рядами деревьев, открытый с обоих концов и сквозной по бокам и сверху, пронизываемый сквозь деревья для воздуха, света и обозрения. В отношении структуры аллея складывается из полосы земной поверхности, двух рядов деревьев, растущих вдоль по бокам, и открытых для входа и выхода двух концов, каждый из которых может служить для того и другого. С точки зрения формы аллея, тем самым, являет собой фигуру, напоминающую ров или паз, т.е. вытянутый в длину шестигранник, три плоскости которого – верхняя и две по концам, отсутствуют, или открыты. Выполняя защитную функцию, как уже говорилось, служит аллея для перемещения, движения, прохода по ней, в направлении вдоль, в ту и в другую сторону (транзитивная роль), а также и дополнительно для нахождения, пребывания внутри для прогулки и отдыха, т.е. имеет рекреативное предназначение.

Все остальное, имеющее отношение к аллее, пока не будем затрагивать, с тем чтобы перейти к этому, оттолкнувшись от материала, содержащегося в словарях толкования сновидений. Аллея, как снящийся образ, толкуется в них неоднобразно. «Сонник, или толкование снов» Г.Х. Миллера⁹ дает такое об этом образе представление:

Видеть во сне аллею – означает, что Ваша судьба не будет столь благополучной, как раньше. Множество неприятных, раздражающих забот возникнет у Вас.

Для молодой женщины в темноте бродить по аллее – это предостережение от сомнительных друзей, способных запятнать ее репутацию.

Внимание обращается на два возможных при этом участвующих состояния – обсервативное созерцательно-наблюдающее (видеть во сне аллею), и кинетическое, контактно-взаимодействующее (бродить по аллее). Это последнее с уточнениями «для молодой женщины» и «в темноте». Аллею, следовательно, можно как видеть во сне, так и бродить по ней. Первым существенным уточнением имажинативной семантики в отношении слова-образа будет, следовательно, способность как видеть определяемый им, в данном случае внешний, а также объект, так и взаимодействовать с ним каким-либо образом. Характер взаимодействия, приведенного в словаре, не выходит за рамки стандартно-типичного

⁹ Г.Х. Миллер: Сонник, или что происходит во сне. Научное и практическое изложение. Санкт-Петербург, 1993.

представления о транзитивно-рекреативном (функционального) предназначении. Поскольку *бродить* предполагает нецеленаправленно-медленное, не обремененное определенным заданием, медитативное и медиативное, передвижение в не-обозначенном направлении, что для аллеи может иметь в виду движение в одну, а потом, хотя и не обязательно, в обратную сторону вдоль растущих деревьев слева и справа. По бокам, выполняющих ограничительную и защитную функцию. Внутри двух рядов по бокам стоящих деревьев можно себя ощущать, с одной стороны, концентрированнее и собраннее, а с другой, увереннее и тверже, надежнее, чем, скажем, на совершенно открытом пространстве, и вместе с тем свободнее и незамкнутее, чем в четырех стенах. Открытость верха и двух концов, не давая простора, создает ощущение выхода, не закрытости, точнее не полной закрытости, подчеркиваемой к тому же признаками 'просвечиваемости' и 'сквозоты' неплотно обычно друг к другу стоящих деревьев в рядах.

Медитативным такое движение можно считать потому, что *бродить* полагает идеей передвижение с помощью ног без сосредоточения мысленно на каком-то определенном предмете, т.е. не думая специально ни о чем таком, что может особенно увлекать, волновать, раздражать, беспокоить. Бродят, прежде всего, для того, чтобы, переключившись, ото всего такого отвлечься, успокоить чувства, переживания, мысли, привести их в порядок. Дав нагрузку ритмически движущимся ногам, психологически, головой и духом, обрести равновесие и достигнуть покоя. В свою очередь, медиативным такое движение становится потому, что, поскольку нередко не совсем безразлично, где именно производится это *бродить*, для которого выбирают, пусть не намеренно и не специально, спокойные, тихие улочки и переулки, парк, лес, берег моря, реки и т.п., т.е. располагающие к обретению внутреннего равновесия и эмоциональной разрядки места, места эти служат средством, посредником (медиатором) достижения искомого, хотя бы и ненамеренно, состояния.

Темнота аллеи предполагает, во-первых, то, что деревья могут быть стары, а потому и густы, а во-вторых, что движение по аллее осуществляется не среди яркого дня, возможно, под вечер, если не ночью. В уточнение имагинативного смысла объясняемого словом образа следовало бы попутно сказать, что для представление темноты аллеи, по которой *бродят*, совершенно неважно ни первое, ни второе, ни то, что деревья могут быть стары и/или густы, ни то, что вечер или темная ночь. Имагинативность высвечивает некий признак, играющий определенную, опять же 'имагинативную' по своему значению и характеру, роль, оставляя без указания все то остальное, что в реальной действительности, если

подобное состояние аллеи, как в данном случае, наблюдать, должно быть, но чего нет, не может быть, не должно быть, если специально оно не высвечивается, при том состоянии, о котором речь. К этому свойству 'высвечивания' впоследствии обращаться придется не раз.

Указанную темноту имеет смысл рассматривать также в связи с еще одним проявившим себя обстоятельством – молодой женщиной, находящейся в указанном положении 'бродить' по аллее. Поскольку не толкование смысла приснившегося в данном случае нас будет интересовать, а сам 'видимый' образ, молодая женщина, в этой связи, фигурировать будет не тем, кому все это снится, а тем, кто может при каких-то известных условиях (при каких?) на этой самой аллее бродить в темноте. Определяющими должны быть в этом случае сами эти сопровождающие и предполагающие поэтому данное положение обстоятельства.

Аллея, будучи защитно-ограничительным местообъектом рекреативного назначения с медиативно-контактной, как для себя существенно важной ролью и функцией, допускает возможность межсубъектных взаимодействий, в том числе и представителей разных полов, с целью или без цели завязывания отношений, не обязательно и не только облигаторного и перспективного типа. Аллея может служить местом семейных и одиноких прогулок, местом встречи влюбленных пар, местом отдыха стариков, подростковой активности не всегда одобряемого вида и пр. Аллея в этом своем аспекте вписывается в сферу социально-психологических, общественно-бытовых, а следовательно, и морально-оценочных отношений, связываясь с понятием общепринятой и одобряемой нормы – того, что и как прилично, достойно и надлежит, а что отнюдь и напротив. Молодая женщина, одиноко бродящая в темноте аллеи, не относится к этому первому, но, скорее, ко второму. Такая женщина, намеренно или, как неизбежное следствие и результат, становится объективно ищущей, если не приключений, то неожиданностей, которые могут быть самого разного свойства.

Имагинативное впечатление, образ 'молодой женщины + в темноте + бродить по аллее' следовало бы относить по этой причине к категории настораживающих, вызывающих интуитивное беспокойство, возможно сочувствующее, возможно не одобряющее, но в каждом из этих случаев связываемое с предположением о том, что что-то может произойти. И что это что-то, скорее, следовало бы относить к разряду представлений об 'утерпеть', 'пострадать', 'претерпеть', оказаться в неловком, тяжелом и обусловленном, в смысле 'связанном' и зависимом от кого-либо или чего-либо, положении. Первое можно было бы определять показателем *passio*, лат. 'претерпевание', *patior*, *passus sum* 'терпеть, претерпевать,

переносить; терпеливо сносить, переносить' 'испытывать; понести'. Второе интерпретировать в представлении лат. *vincula* 'веревка (для связывания)'; 'перевязь, обвязка, скрепа'; 'путы, оковы'; 'темница, тюрьма'; 'связующее начало, узы, связь'; 'помеха, препятствие'; *vincio, vinctum* 'обвязывать, обвивать': *boves vincti cornua vittis Ov.* 'быки, рога которых обвиты повязками'; *digitum anulo v.* 'надевать на палец кольцо'; 'привязывать; связывать'; 'сковывать; заковывать в цепи': *vinctus somno* 'скованный сном'; *перен.* 'сковывать чарами, околдовывать'; 'скреплять'; 'связывать, обвязывать'; 'сдерживать, удерживать'; 'окружать, опоясывать, защищать'. И то и другое, в своем обобщении (множественность лат. значений позволяет подобное произвести), следует относить к тем признакам, которые обуславливают свойство имагинативности слова-образа.

Имагинативное в отношении образа, как уже говорилось, высвечивает что-то одно, не высвечивая и не затрагивая всего остального. В этом его отличие, скажем, от образа непосредственно наблюдаемого, равно как и образа при художественном отображении, кинематографическом, живописно-изобразительном либо словесно-литературном. Первое позволяет увидеть и рассмотреть наблюдаемое с разных сторон, хотя обычно и чаще что-то одно привлекает внимание, все остальное предполагая фоном. К такому же перцептивному типу следовало бы относить отчасти и кинематографический или изобразительный образ, хотя в меньшей степени. Второе дает возможность домысливать и довосстанавливать, поскольку чтение текста, с одной стороны, оставляет по себе впечатление, способное иметь вариативно-неоднозначный характер, а с другой, допускает возможность интерпретации, обобщения и развития изображенного.

Имагинативное слова-образа (которое не следует смешивать с его толкованием, приукрашиванием и развитием при пересказе и при работе с подобного вида образом) должно оставлять впечатление, не то, чтобы недоговоренности, не то, чтобы неполноты, но, в силу своей не обозначенной, обобщенно не обозначенной, а потому и не наблюдаемой, конкретности, исходно, по самой природе своей, ничего подобного не предполагает. Не должно во всяком случае предполагать. Поскольку, если в соннике говорится, в одном, а потом в другом, третьем, четвертом, «видеть во сне аллею» или «по аллее бродить в темноте», то о какой конкретно, с какими и как посаженными деревьями, с какими дорожками и т.п., в этом случае говорится? Аллея, следовательно, может быть и должна быть любой, аллея как таковая, *аллеей для каждого*, так же как и «бродить по ней в темноте», которое предполагает, что аллея, будучи не освещенной и темной, никакая конкретно, любая, но темная, в отличие от просто любой. Однако при этом она же

'высвечивается' в сознании и для сознания как аллея какая-то там, а не что-то другое и на аллею никак не похожее.

В данном месте имело бы смысл сопоставить сказанное в отношении имажинативности слова-образа с тем представлением, которое возникает и которое находит свое отражение при толковании слова в объяснительном словаре как единицы языкового узуса. Называя класс однородных предметов, точнее каждого потенциального представителя данного рода и класса, такое "языковое узуальное" слово не предполагает при своем представлении ничего конкретного, выступая как бы так в семантическом обобщении – любого и никакого в денотативном смысле и отношении. Не предполагает оно также и необходимости образного, при таком толковании, восприятия. Встречая, скажем, представление *аллеи* в виде «полоса земной поверхности, обсаженная по бокам деревьями, представляющая собой проход» (МАС), а *бродить* как «медленно, едва передвигая ноги, ходить», не обязательно видеть перед глазами данную полосу или способ описываемого движения, достаточно это себе осознать.

В то время как при толковании аллеи с указанием или без него, но с вполне понятным предположением «видеть во сне», известная образность впечатления и восприятия неизбежно предполагается. И эта образность имеет характер 'видимого во сне', такого, как видится обыкновенно во сне, таким, каким представляется этот образ, в его неясности, недостаточной четкости и размытости. То есть образность эта интерпретируемая во впечатление образа, передаваемого часто при пересказе с позиции *как бы*: «вижу как бы аллею, по которой брожу, как бы иду, передвигаясь медленно по этой аллее». Возможно, на данное представление также накладывается выражаемое с помощью языка, характеризующееся как что-то неясное, не до конца оформленное, не полностью воспринимаемое, осознаваемое, не вполне контролируемое положение, состояние: *вижу как во сне, как сквозь сон; хожу как во сне; он сегодня как во сне; спать на ходу* и т.п. Важно при этом не то, насколько все это соответствует действительному положению вещей, важно, что то, что во сне, происходит во сне, видится в нем, таким именно образом воспринимается. Общепринятая нечеткость *сонного* впечатления, отображаясь в характере интерпретируемого как соответствующий образ, с помощью слова передаваемого представления, неизменно, конвенционально и узуально, нечетким, размытым, не до конца проступающим, а потому и высвечиваемым, его, этот образ, передаваемый в слове, отражает и передает¹⁰. Именно

¹⁰ Хорошо иллюстрирующим данное положение в этой связи можно считать особенность образа сновидения, отличающую его от образа наблюдаемого в реальности, отмеченную В.А. Подорогой: «всякий предмет сна задается в

эту особенность будем мы понимать под определяемым признаком имагинативного в отношении слова-образа при его восприятии и затем толковании.

Что касается признаков, выделенных по основаниям 'претерпевания' и 'связывания', *passio* и *vincula* в латинизированной номенклатуре, они будут свойствами имагинативного образа-представления в иной связи. В то время как предыдущий признак, 'высвечиваемости-размытости', обращен к характеру внешнего впечатления образа для сознания, попадающего, находящегося или, затем, представляемого как находившееся в соответствующем состоянии, создаваемым во сне, эти последующие связываются с впечатлениями переживания и подключенности. Осознание образа, подключение его к сознанию, рефлексирование и отслеживание его, происходит, сопровождаясь реакцией не отвлеченной, а взаимодействующей адаптации. Сновиденческий образ, а точнее то, что видят во сне, существует и представляется для сознания и осознания не как внешняя, не зависящая от сферы субъекта данность, а как ее, этот сферы процессуальный продукт. С помощью данного образа его породившая внутренне сфера что-то такое сигнализирует и передает, означая, втягивая и подключая в себя. А раз так, то одно ли и то же, скажем, для молодой женщины «бродить в темноте по аллее» в реальной действительности, в кинокартине (романе, рассказе) или во сне? Знание, опыт того, что подобное состояние потенциально небезопасно и может ей чем-то грозить, в каждой из этих проекций предполагает какой-то отклик, какое внутреннее движение, готовит реакцию ожидания. Однако, если в первом случае то, что может произойти, и то, чем это может грозить, более или менее определимо и предсказуемо (хорошо, если все обойдется и пронесет), т.е. ситуативно возможный образ, слепок реального, скажем так, при возможности полагаемого выбора, более или менее известен и общезначим, и самоё ситуацию следует относить к разряду нежелательных, в которые лучше, избегая их, не попадать. Если во втором случае, в силу художественности эстетического восприятия, что бы ни произошло, читатель и зритель будет трактовать, воспринимая изображенное, в категориях обобщения, художественного, философского или житейского, с мыслью о том, что такова уж ее, героини, судьба, такова вообще человечья жизнь, все мы живем, равно настолько, насколько под Б-гом ходим, и проч. То в третьем случае, отчасти и в чем-то подобном первому и второму, предположение о воз-

оптике кажимости. Именно в силу этого он может то исчезать, то появляться, являясь своего рода ничейным знаком (или знаком неизвестно чего), скорее иероглифом, не следом, указывающим на "тело", что могло бы его оставить. ... сновидение – это экран для размещения неких графических знаков или следов, которые вызывают в нас образы любых вещей и событий, но сами к этим образам не имеют никакого отношения." (*Подорога В.А.* Кодекс сновидца // Грани познания: наука, философия, культура в XXI в.: В 2 кн. Кн. 2. Отв. ред. Н.К. Удумян. Москва, 2007, с. 285)

можной угрозе (если вообще о ней может быть речь) имеет характер не ясной, не до конца понятной либо вообще непонятной, а потому и смещенной, неопределенности. Что-то и как-то может последовать и быть, и это что-то и как-то, скорее всего, нехорошее, – но что и как, в каком отношении и чего это может касаться, не ясно.

Положение это, именно оно, и создает своим проявлением признак, определенный нами как 'связывание', с одной стороны, – связывание в том отношении, что, привязывая сознание к образу и не давая понятный ответ, видимое во сне удерживает сознание при себе этой самой неясностью, следуя одновременно из представления о неизбежности порожденного образом 'претерпевания', с другой, и этим признаком дополнительно 'связывая', 'сковывая', 'приковывая', 'зачаровывая' и т.п. сознание, пытающееся данную "видимость", адаптировав, осознать.

Тем самым, три выделенных нами для имажинативного слова-образа признака – высвечиваемость на фоне всего остального не прорисованного и неясного, претерпеваемость, предполагающая соучаствующий ожидающий и заряженный отклик, и связываемость, во всех перечисленных смыслах, – все эти признаки следуют один из другого, обусловлены между собой, представляют стороны, аспектуальные проявления единого, что также можно рассматривать и определять как имажинативное свойство, точнее как свойство имажинативного.

Две возможных позиции "имажинативного" пребывания

Говоря об аспектах, представляется немаловажным для дальнейшего рассмотрения обратить внимание на характер разграничения в приведенной цитате из словаря толкования сновидений того, что содержится при «Видеть во сне аллею» и «Для молодой женщины в темноте бродить по аллее». Первый случай, определенный как созерцательно-наблюдающее, обсервативное, состояние связывается, во-первых, с позицией по отношению к аллее, в первую очередь, вне, одновременно с этим, из наблюдения аллеи, ее созерцания, во-вторых, извлекая то, что касается, скажем так, внутренне, заданно обусловленной стороны. Стороны бытийного, экзистенциального проявления. То, что «Ваша судьба не будет столь благополучной, как раньше», предполагает в аллее, как в снящемся образе, способность переводить существующее положение вещей, точнее показывать, демонстрировать, обозначая, их переход, их движение, продвижение к менее благополучному состоянию. Касается это, как далее уточняется, «множества не-

приятных, раздражающих забот», которые вдруг (добавим это *вдруг* от себя для представления признака 'претерпеваемости') «возникнут у Вас». Множество неприятных и раздражающих забот отмечают, с одной стороны, необходимость постоянного отвлечения и им посвящения, выводя, тем самым, с другой стороны, из состояния покоя и равновесия.

Аллея, являющаяся и видимая во сне, таким образом, есть объявлением, выходом на поверхность из не состоявшейся, не произошедшей пока еще, но предчувствуемой уже глубины, положения выведенного равновесия, беспокойства и непокоя – существования в его втягивающих в себя и требующих постоянного разрешения мимолетных, но мало приятных и неотложных задач. Аллея, тем самым, становится знаком подвергающейся внешним, препятствующим, отвлекающим и "долбящим" воздействиям жизни, в которой, чтобы не потерять над ней свое управление и контроль, предстоит начать вести себя в режиме ответного, реагирующего и постоянно преодолевающего возникающие помехи участия. Аллея, тем самым, в рассматриваемом имажинативном значении предполагает экзистенциальный аспект, проецирующий взаимодействие «я» со своим другим, отмечая способность выхода «я» за пределы одного своего состояния в свое для себя другое и обозначая этот выход как связанный с необходимостью множественно-отвлекающего реагирования в состоянии возникшего «раздражения по мелочам». Снятое, как неактуальное, время, сопровождающее нередко позиционное положение сна, относит данное состояние не к будущему, не к тому, что ожидает и произойдет, не к тому, чего пока еще нет, но может произойти или скоро произойдет, а к тому, что как таковое есть постоянно, а с пришедшей во сне аллеей себя объявило, дало себя, увидев во сне, познать. В состоянии сна происходит как бы так поворот, при котором «я» оборачивается к своему в себе одному, другому, третьему и т.д. проективному положению, проступающему, высвечиваемому с помощью того либо иного экрана. Аллея, которую «видят во сне», и есть один из таких возможных экран.

Второй аспект, о котором следует говорить в связи с рассматриваемой аллеей, проявляет себя в случае «для молодой женщины в темноте бродить по аллее», определенном с позиции контактно-взаимодействующего, кинетического положения «я». Важным становится переживание нахождения, пребывания внутри, в пространственно ограничиваемых пределах аллеи, в составе ее, при котором медленное перемещение, связываемое с действием по глаголу *бродить*, позволяет в последовательности производимого внутри перемещения дополнительно переживаемое состояние пребывания прочувствовать. Небезразличным в

этой связи представляется вероятный вопрос – что меняется при условии «в темноте бродить по аллее» для молодой женщины? для не женщины? Уточняется ли характер предполагаемого «предостережения от сомнительных друзей, способных запятнать ее репутацию» на другое какое-то? Или меняется общий смысл, и увиденное предостережения не будет предполагать? Или само состояние «в темноте бродить по аллее» способно быть проявлением только того, что может встретить лишь молодую женщину? Все эти вопросы представляются важными для рассматриваемого предмета, поскольку они позволяют более точно и обоснованно определить, что же именно есть это самое «в темноте бродить по аллее», как для аллеи, так и для контактно-взаимодействующего и кинетического положения в ней и не только в ней спящего «я». Однако останемся в пределах того, что предлагает имеющийся у нас материал.

Аспект, который начинает себя проявлять в связи представленным положением «для молодой женщины», связывается, так или иначе, со сферой общественно регулируемых контактов, взаимодействий «я» в его окружении. В непосредственно данной, имеющейся либо же им самим для себя создаваемой (созданной?) социальной среде. Выбор «друзей», т.е. тех, кого определяют в контексте интересующего нас предмета *друзьями*, требует уточнения в двух отношениях. Во-первых, кто такие сами эти друзья, которых определяют далее словом *сомнительные*? И, во-вторых, если это предостережение, то эти друзья в какой позиции и в каком отношении находятся к спящему (спящей)? Либо они уже имеются как друзья, либо друзьями они только могут в каком-то ближайшем времени стать, либо грозят ей такие друзья, либо особенность, характер и свойство «я» таковы, что притягивает оно, попадает, имеет предрасположенность попадать, в окружение, нахождение рядом, пребывание постоянно около данного вида и типа «друзей»?

Забегая вперед, следовало бы сказать, что поставленные вопросы не релевантны. Признак 'высвечиваемости' не дает основания и возможности все это уточнять, а 'претерпеваемость' и 'связываемость' лишь создают впечатление общей угрозы *в* зависимости и *от* зависимости «я» от своего положения в отношении созданных, создаваемых либо притягиваемых к себе этих самых «друзей». Поставленные вопросы по этой причине служат не для того, чтобы выведенные основания представить в каком-либо новом свете, их смыслом будет установить характер увиденного. Как еще одного появляющегося, выставляемого, видящегося экрана, с уточнением его для того, кто именно, точнее какое «я», если видит

данное в нем, что в него от себя переносит, и каким оно, это «я», таким образом, может быть.

Поскольку особенностью гадательной сферы в семантике необходимо считать, но не то, что можно было бы назвать допущениями, а то, что точнее было бы определять как корреляцию, соответствие, "наложение" говоримого, предрекаемого на того, кому все это предрекают и говорят, постольку его (кому все это говорят) задумываемой и исходной "задачей", скажем так, будет для самого себя распознать, увидеть свое, точнее себя, в том, что о нем в данный "обгадываемый", или "отгадываемый", момент говорится. Сам тот, кому то либо иное нагадывают, должен представить и сообразить, о чем конкретно и в связи с чем именно для него идет речь. Оставляя эту сторону без внимания, приведенную лишь для уточнения особенностей представляемого в словарях сновиденческих толкований, она, вместе с тем, нас будет интересовать. Как в контексте определения характеризуемого смысла, так и связанного с его представлением аспектом аллеи, увиденной ее стороны. Равно как и для выведения того, что такое аллея, а с этим, возможно, также другой какой-то, привычно воспринимаемый сознанием как пространственный по своей природе, объект применительно к интересующему нас предмету.

Согласно имеющемуся общему представлению, сомнительные друзья, способные запятнать репутацию молодой женщины, должны пониматься в двух отношениях – как те, кто пятнают ее в смысле предосудительных, с точки зрения имеющейся морали, действий, т.е. ее партнеры, не постоянные и сменяемые либо не соответствующие и недостойные, и как те, которые пятнают ее не действиями, а словами, разнося о ней подрывающие ее репутацию сведения, не важно при этом правдивые или нет. В первом случае слово *друзья* представляет собой вербальное замещение понятия любовника. Во втором – круг более или менее близких знакомых, в том числе и представителей противоположного пола. Возможен также и третий случай – совмещенного представления первого и второго. Те, кто пятнают ее репутацию действиями, пятнают ее далее также словами, сразу же или потом.

Сказанное будет интересовать нас в трех отношениях: 1) каким внутренним либо "внешним" образом (либо тем и другим) то, что представляет собой в темноте аллея, заряженная предикатом 'бродить', может связываться с тем, чем являются и чем оборачиваются, выступают в предостережении, сомнительные друзья; 2) то, что ими, т.е. сомнительными друзьями, в этой связи обозначается, и 3) то, чем в контексте рассматриваемого предполагает собой положение «сомни-

тельные друзья > запятнать репутацию», связывается ли это с позицией «друзья > репутация» либо только *сомнительные друзья*, которые к тому же должны быть *способны*, т.е. далеко не во всех подобном положении допускающих случаях?

Обратимся для рассмотрения перечисленного в предыдущем абзаце к представлению видимого как исходного, но не с точки зрения того, что оно может, обозначая, предполагать, а что можно увидеть, *как* можно увидеть позицию «для молодой женщины в темноте бродить по аллее», каким данное положение можно представить. Визуально, а потому отвлекаясь от нормативно-оценочных и предостерегающих соображений.

Если идти по порядку: молодая женщина в темноте бредет по аллее не так, как кто-то другой (немолодая женщина, мужчина, молодой или немолодой, ребенок, подросток и пр.). Она это делает, обычно, "типологично" делает, своим особым образом – плавно, задумчиво-рассредоточенно, романтически углубленно-рассеянно, тихо, не вызывающе и непоследовательно не спеша. Определим это приблизительно каким-то подобным образом, чтобы как-то определить, обозначив рассмотренный способ каким-нибудь там физическим *флуктуативом* – колебательно то выплывающим на поверхность, то внешне неверно, но внутренне убежденно последовательно погружаемым в себя, что находит свое отражение также в характере производимых при ее ходе движений.

Из так представленной визуализации можно вывести, при ее опосредовании, то, что связывается с семантикой представления (пробегаая веянием *облачения*, "платья ее", по словам) 'предостережение' – 'сомнительные' – 'пятнать'. Предостережение – как проступающее объявление того, что не состоялось еще, чего нет, но может или не может при каких-то условиях состояться и быть, как то, что неверно и верно в одно и то же не до конца понятное время. Сомнительные – то есть такие, о которых ничего хорошего так, чтобы наверняка, нельзя и сказать, которых следует избегать, стараясь, по мере возможности, если и взаимодействовать с ними в силу каких-то причин, то не обстоятельно и не вступая в более близкий контакт. Пятнать – поскольку не сплошняком, не во всем объеме, местами, но важными, сущностными и ранящими, трогающими, местами ('задумчиво-рассредоточенно и поверхностно-углубленно, вызывающе не спеша'). Сказанное, тем самым, следует из *способа* – для молодой женщины 'бродить в темноте аллеи'.

Акцентируя выбранные порядки – бродить «для молодой женщины в темноте по аллее» предполагает такое медленное, переступая ногами, движение, которое допускает возможности неровного и не ритмичного перехода, с приоста-

новками, легкими разворотами, неверно задумчивыми местами шажками, между рядами деревьев вдоль, неровно посередине, приближаясь то к одной линии, то к другой, в неопределенном, но достаточно продолжительном, точнее длящемся времени, в одну, а потом и в другую сторону.

Описанный способ вполне подходит к указанной ранее семантике 'предостережения' в той его части, которая не столько, свидетельствуя о чем-то, что внутренне чем-то грозит, сколько в мысль о необходимости быть осторожным, акцентируя вкрадчивость, легкий пока что намек в неполной и недостаточной до сих пор уверенности в том, что способно, реализуясь, произойти. То же подходит также для семантики представления о 'сомнительности', показанной в предыдущем абзаце, отчасти 'друзей', соприкасаясь с ними в аспекте раскрепощенной расслабленности, релаксативной интимной приватности состояния по глаголу *бродить*, и представления о 'способных', допускающих в своем значении скрытость, потенциальность, ожидаемость без полной уверенности осуществления. Впечатление от 'запятнать', в аспекте чисто внешнего, наблюдаемого, бросания пятен тени, без оценки его осуждающей стороны, и ступания при совершении шагов медленно припечатывающим и скользящим движением, также находит во всем этом свое отражение.

В свою очередь, в темноте «для молодой женщины бродить по аллее», создавая общее впечатление неверности наблюдаемого, его затенения, проступания и пропадания где-то в тени, порождая одновременно ощущение сгущенной, накапливающейся, собой накрывающей серости, если не черноты, – вполне соответствует все той же семантике 'предостережения', но с бóльшим акцентом предчувствия и угрозы, в сгущении его ничего хорошего не сулящих сторон. Такой же семантике для 'сомнительных', и так же в акценте темной, не светлой их стороны, усиливаемой и находящих свое отражение в 'способных', переходящих сразу же в 'запятнать'. Темнота, как то, что скрывает, не дает обнаружить, содержит в себе, не всегда предвиденное, не ожидаемое, возможно, укрытое, оборотная, внутренняя, изнаночная, подноготная сторона, – в этой части своей коррелирует с представлением о 'репутации', но в усиливаемой 'сомнительностью' половине воображения о ней. Это та 'репутация', которая может быть потенциально сомнительной, поскольку неясной и 'темной', 'репутацией' – 'в темноте' (аллеи для молодой женщине с представлением о неверном 'бродить' – где-то кто-то *бродит* если, то значит себя не обрел, не нашел, *бродит* что-то – значит не выстоялось, не устоялось, не определено, не зрело еще, готовит внутренне какой-то переворот, разворот, оборот). Сама по себе репутация, если о ней возникает

вопрос, отражает в употреблении колебания, неуверенность, склонность подумывать скорее что-то дурное, чем что-то хорошее, либо предостережение и озабоченность как существующим положением вещей, так и видами, перспективой на будущее. Ср.: *Ей (Вам, тебе, реже ему, поскольку репутация больше относится к женщине) следует (необходимо) подумать (задуматься) о своей репутации, а также испортить (подпортить) себе репутацию; репутацией – не следует пренебрегать; всё бы ничего, если бы не репутация; подвела репутация* и т.п.

И, наконец, – по аллее «для молодой женщины бродить в темноте». Какой и чем предстает аллея в таком своем окружении? В сочетании с сопровождающими ее предикатно-субъектными характеристиками, с одной стороны, и семантикой объясняющего разрешения в толковании как образа-знака сна, с другой. Аллея, по которой молодая женщина бродит в темноте, невольно является взору неровно густой. Не обязательно это будет аллея старых замшелых деревьев, поскольку сомнительно, чтобы молодая женщина, выбрав такую ее для хождения, в ней оказалась. Вряд ли это аллея также в весеннем своем состоянии и уборе, задумчивость пребывания в ней для *бродить*, подобного сразу так не предполагает. Это, скорее, будет аллея какого-то тепло-осеннего либо позднелетнего, скажем так, представления, располагающая к описываемому хождению по ней. Предостережение, сомнительность к тому же более соответствуют тому, что что-то уже перед этим имело место, что-то с молодой женщиной произошло, а это еще далеко не закатное, но, возможно, отчасти слегка уже послезенитное состояние, на переходе от бывшего к чему-то последующему. Аллея, дающая тень темноты и неизбежно предполагающая не насыщенную, но, скорее, рассеянную, местами, неровными полосами и пятнами, густоту, в неплотной своей темноте, игре светотеней с неяркостью приглушенного светлого и ненасыщенностью, не до черного, всплывающих в легком качании теней, порождая все тот же эффект неброской колеблемой неверности и неуверенности, видится в серо-бурых тонах с отливами темной зелени до почти черноты и такой же отсвечивающей на черном проваленном фоне, пробитой темными полосами, грязновато-коричневой желтизны. Это и будет аллея предостережения молодому женскому, бродящему в своей темноте, положению, от сомнительных для пятнаемой его репутации псевдодрузей, кажущихся друзьями, выдающих, возможно, себя за таких, на деле же ищущих развлечения и удовольствия за его счет, ведущий к поражению репутации, если не к пагубе.

О трансмутивности видимого для имагинативного состояния

Из сказанного следует вывод о *трансмутивности* видимого в онейролептическом состоянии, о его переводе, коррелятивности, а фактически слитности с состоянием вне его. Не хотелось бы говорить в данном месте о знаковости и о коде имагинативных образов сна. Поскольку не сон толкует спящему о его положении, виде и состоянии, а связанный с этой сферой онейромант, т.е. человек, будет ли это гадалец либо психолог. Сон не толкует о состоянии, сон в него вводит и погружает, спящий находится в нем, а тем самым, это одновременно его состояние, такое же как не во время сна¹¹. Можно интерпретировать, воспринимая как знаки, происходящее и не во время сна, примерно таким же образом. Но будет ли верным, скажем так, мнение о том, что, если сегодня я оказался в месте, с которого вдруг увидел аллею, то мне следует ждать в скором времени малоприятных забот? либо чего-то другого? Переживание пребывания где-то настраивает пребывающего на какой-то лад, окружение действует на самочувствие и состояние, оно же, вступая во взаимодействия с внутренней сферой, гармонизирует, уравнивает, либо, напротив, выводит из равновесия и раздражает.

Представим себе, что такое же нечто осуществляет себя и во сне. Тогда видимое во сне следует воспринимать не как знаки, а как гармонизирующие либо, напротив, дисгармонизирующие соответствия. Как корреляты внутренних состояний «я», того, что, поскольку в нем, в этом «я», внутри, им не может быть видимо, поскольку наглядно не предстает. Переживаемое и переживания осязательны, хотя могут быть не осознаваемы и заслонены, и, присутствуя, будучи для "пространства" «я» в своих, на своих каких-то местах, они выходят, в имагинативных образах проявляясь во сне. Это и есть тот признак, который был обозначен как 'простумаемость', в соответствующем, еще одном важном обороте, аспекте своем.

Не будем, однако, вдаваться далее в этот предмет, оставив его онейрологам, для нас будет важным само это, определяющее его сущность, следствие. Имагинативные образы, передаваемые словами и с помощью слов, будут вос-

¹¹ Толково и обстоятельно объясняет особенности сновидного переживания, приравниваемого им к "трансцендентальному сознанию сна", В.А. Подорога, с отсутствием в нем единого «я», лица, вещей, слов, имен (представляя их как "пустые знаки"), с отсутствием "взгляда" и внимания, образа тела и пр., так схематично характеризуя топографию "сновидного пространства": «одно "я" находится внутри пространственных образов, составляющих другое Я, назовем его большим, которое движется за первым по поверхности сновидения с той же скоростью, как и первое, не отставая и не опережая. Одно Я (большое) все исключает из себя, высвобождает себя как бесконечную полость, пустое, но заполняемое пространство, то, другое "я", малое, находится внутри этого пространства в качестве изобразительного средства.», добавляя при этом, что «это не столько двойник, сколько дополнительное "я", малое, без которого невозможно сновидение.» (*Подорога В.А. Кодекс сновидца...*, с. 281, 282)

приниматься и представляться нами не как знаки какого-то кода, который следует дешифровать и распознавать, не как интерпретативные символы тех или иных состояний (сфера психологов, антропологов, этнологов, культурологов и т.п.), а как проекции, переливы и повороты тех положений, которые суть коррелятивные тождества их самих, оборотные, поскольку видимо объявляемые их аспекты и стороны. Названные, обозначенные нами как *situs*'ы представляющейся эмотивно-ментальной 'игры', но *игры* не в значении развлечения для получения удовольствия и для забавы, *игры* в смысле движения, поворотов и оборачивания граней, сторон, игры светотеней, огней, переливов, отблесков, отсветов, признаков, призраков, состояний, переходов, объявлений, проекций, неясностей и т.п. Всего того, что происходит во сне, и что есть еще одно эмоционально-ментальное состояние, точнее пребывание, «я» в своем, субстанциональном его для себя, бытии.

Состояние, которое, в принципе, можно от бодрствующего в природном смысле не отличать (что, впрочем, имеет место в ряде этнокультурных и философских традиций), но которое будет для нас не столько тождественным, сколько равным и коррелирующим, не к состоянию бодрствования, к нему по определению и вроде бы как само собой (однако не этот аспект его составляет предмет рассмотрения, не отношение к бодрствованию). И вот тут возникает вопрос – по отношению к чему? к какому такому еще состоянию? Точнее было бы определить его как тождественное, равное самому себе, говорить о нем как о некоем самотождестве. Феноменологически, онтологически это было бы более достоверным. Однако тогда непонятным становится сам 'коррелятивно' исследуемый предмет. О какой корреляции в отношении себя самого можно вести разговор и что такое тогда исследовать?

Корреляцией будет для нас, коррелятивно себя объявляющей областью, то внешнее видимое ('имагинативное' в отношении слова как образа, ибо словами передается не то, что принято под лексической семантикой воспринимать, а то, что изображается, рисует, показывает, являет в виде 'картинки' себя во сне), – то внешнее видимое, наделенное соответствующими, названными имагинативными, чертами, которое есть не что иное, как оно же само, имеющее также и свою в себе внутреннюю, а потому и не видимую, не объявляемую в наблюдении сторону. Объявляющую себя вовне – так, как все, что угодно, как сам человек, как слово и пр., имеет внешнюю, наблюдаемую, и внутреннюю, не наблюдаемую, значимую и скрытую сторону. Воспринимая знакомого по внешнему виду, в его теле и образе, взаимодействуем с ним мы, сотрудничая, говоря и общаясь, полагая что-

либо, думая что-то о нем, в его целостности, в его внешне-внутренней значимо-функциональной и функционирующей определенным образом данности. Не по частям, определяя внешний его облик, тело и образ как коррелят его скрыто-невидимого, хотя бы и сущностного, поскольку психологического, эмоционально-ментального во всей своей совокупности, пребывания.

Так же и тем же будем мы воспринимать и сновиденческий имажинативный образ – как целое в неразрывном, не отделимом соединении внешней, видимой, и невидимой внутренней стороны. И тогда приснившаяся, привидевшаяся, явившаяся во сне 'аллея' будет 'аллея', а не что-нибудь там еще, не знак и не символ, 'аллея', которая есть не что иное, как положение, *situs*, того состояния, в котором «я» обретается и находит, видит в данный с ним происходящий момент себя. Еще одного себя, как для большей понятности объяснения принято в соответствующей литературе определять. На деле же не еще одного, а все того же себя, только в таком, представленном имажинативным своим положением, состоянии. И так, как, будучи 'аллеей' в реальной действительности, о которой принято говорить и думать как о такой, для отличия ее от чего-то другого, что не аллея, трактуется она для понимания как *аллея* (слово) в смысле 'полосы земной поверхности, обсаженной по бокам деревьями, представляющей собой проход', не переставая собою при этом, т.е. аллеей, быть, со всеми возможными для языка, сознания и культуры следствиями, – так же аллеей должна быть воспринимаема 'аллея', являющаяся во сне, которая как *аллея* (имажинативное слово, точнее слово в его имажинативной сфере семантики) может, для лучшего понимания и отличия от чего-то другого, соответственным образом и трактоваться. Не как символ и не как знак, а как 'аллея' имажинативного пребывания. Однако, если в реальной действительности аллея, т.е. пространственный по своему значению и характеру восприятия и мысли о нем, объект является как полоса земной поверхности, то аллея, также реальной¹² по-своему, и также действительности, но ментального в ней пребывания (определим это как-нибудь так), будучи видимой и по видимости своей полосой и также воспринимаемая 'пространственно', должна быть одно-

¹² О "реальном", "реальности" в ее отраженном к состоянию сна представлении писалось и говорилось немало, ограничимся в своих рассуждениях лишь одной выразительно яркой цитатой: «Сновидение, опираясь в качестве материала на обыденную реальность ... преломляет ее по своей мерке и создает на ее основе другую. Собственно, здесь мы впервые имеем право по-настоящему использовать термин "виртуальный".» Предшествует этому такое немаловажное уточнение того, что такое реальность и что означает для нее быть виртуальной: «Любое содержание, будучи осознано человеком, становится для него реальностью вне зависимости от своего соответствия чему-то, лежащему вне сознания или в его пределах. Оно наделяется атрибутом существования, становится несомненным и подменяет собой внеположные содержания и факты. ... виртуальная реальность – это реальность без соответствующего "материального" носителя.» (Психологический анализ виртуальной реальности // psychology.rsuh.ru/archive/spirarticle1.rtf [15.02.2015])

временно и чем-то другим, чего проявлением она выступает, с чем коррелирует, будучи связана, и к чему непосредственно, примыкая, имеет свое отношение.

Эта аллея определяться только как полоса земной поверхности, обсаженная деревьями по бокам, по-видимому, уже не может. Имея отношение, связываясь с состоянием пребывающего где-то и в чем-то сознания, она какое-то положение, *situs*, данного состояния неизменно передает. Говоря о проблеме соотношения того состояния сознания, о котором следует говорить в связи с тем, что является, видится в сновидении, с тем состоянием, которое сознание переживает в другой, не сновиденческий, скажем, момент, можно вывести то искомое для 'аллеи', о котором ведется речь.

Возьмем для примера, не в сновидении, а в бодрствующем состоянии пребывания в реальности (не будем входить в философско-психологические параметры и представления соотношений и определений того и другого), положение «для молодой женщины в темноте бродить по аллее», рассматривая это с позиции представления аллеи. Важным ли будет для данного случая знание о том, что *аллея* – это 'полоса земной поверхности, обсаженная по бокам деревьями, представляющая собой проход'? Скорее всего, совершенно не важным. Аллея, вместе с тем, будет в сознании и представлении о ней выступать как пространственный по своему виду, характеру и назначению объект, в котором что-то может происходить, который с чем-то там связан, который заряжен, ассоциирован для сознания определенным комплексом ориентационных значений, выстраивающихся в какую-то там последовательность и представляющих в ней и через нее структуру, которую можно представить и описать. Из этой структуры неизменно следует вывод о том, что молодой женщине в темноте брожения по алее желательно избегать. Чем, вместе с тем и однако, каковой в этом виде, в системе знаний и продуцируемым этими знаниями в сознании состоянием, рассматриваемая аллея все-таки предстает, если не только и далеко не столько полосой земной поверхности, обсаженной и т.п., представляя собой проход? Для этого следовало бы отчасти отвлечься от связи аллеи с представлениями о темноте, точнее о темноте для аллеи и в отношении аллеи, т.е. об аллее, когда она в темноте, но только отчасти, поскольку представление о связи ее с темнотой также должно входить в то, о чем идет речь. Равно как и об отношении ко всему этому, и также только отчасти, существующих представлений о молодой женщине применительно к ее проявлениям для 'бродить'.

То, о чем речь, определяет аллею как пространственный по своему основному значению объект, выступающий частью (обычно) городского пространства

(парка, улицы, кладбища), открытый, но ограничиваемый и укрывающий, а потому недостаточно ясно просматриваемый (между рядами деревьев), защищающий от посторонних глаз, т.е. тех, кто находится вне. Объект предназначенный, как уже говорилось, для защиты от яркого света и солнца, в меньшей степени от дождя, имеющий рекреативное назначение (для прогулок и отдыха). Как таковой, он может быть связан с на нем пребывающими лицами, часто мужского пола, не всегда исключительно мирно настроенными, ищущими нередко себе развлечения, в том числе и не только спокойного свойства, что может быть связано, особенно при отсутствии рядом других, и особенно в темноте, с потенциальной опасностью оскорблений и нападений. Свойство аллеи, определяемое как 'представляющая собой проход', предполагает открытость ее с двух противоположных концов, что, с одной стороны, создает возможность для нападения с двух сторон, осложняя возможность бегства тому, на кого нападают (ряды по бокам растущих деревьев не всегда благоприятствуют этому, возможно, не предполагая проход), а с другой стороны, облегчают нападшим способность скрыться и убежать при преследовании.

Все это создает представление об аллее (в городе), существующее в знаниях и сознании носителей современной ментальной культуры и языка, как об объекте пространственного проявления а) не обусловленных трудовой деятельностью для основной массы городских жителей рекреативных и медитативно-медиативных занятий (ограниченный замкнутыми городскими условиями контакт с природой, растительной прежде всего) и б) как таковое, данное проявление предполагает соблюдение определенных условий для того, чтобы быть безопасным, т.е. следует быть внимательным, собираясь в нее входить. Аллея, в этой связи, предстает как пространственный городской объект рекреативного назначения, открытый для взаимодействия и контакта с другими, в том числе и незнакомыми и не настроенными исключительно мирно, людьми. Замкнутая ее открытость создает условия для потенциальных мало приятных и угрожающих положений, это *situs* амбивалентного состояния.

Нечто подобное можно, представив, перенести и в плоскость того состояния, которое связывается с пребыванием сознания в сновидении. Аллею в этом ее аспекте можно уподоблять пространству¹³, 'пространственному объекту'¹⁴

¹³ Пространству в его отраженном психологически, концептуально и эмоционально восприятии. Об этом подробно и обстоятельно пишут психологи, см., напр., *Петренко В.Ф.* Построение семантических пространств как метод и форма модельного представления // Психология 1998 год, (3): <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1998web3/psych/199830801.html> [15.02.2015]; *Прохоров А.О.* Семантические пространства психических состояний. Дубна, 2002, 280 с.; *Прохорова Д.А.* Семантические пространства психических состояний. Дисс. канд. психол. наук. Казань, 1999, 219 с. и др.

внутреннего переживаемого состояния, подверженного множественно-беспокоящему воздействию внешнего (множество раздражающих и неприятных забот), которое в определенных проективных условиях (для молодой женщины + бродить + в темноте) может быть не причиной, но полем, "местом разыгрывания" совсем неприятных в своих последствиях, поскольку пятнающих, ранящих, следующих из контактов с другими людьми (мужского, противоположного, пола) драматических обстоятельств. Замкнутая открытость аллеи – замкнутость в себе для себя в отношении «я» и открытость для взаимодействия «я» с другими, при не защищающей, не ограждающей свойственности ее в отношении в ней пребывающего, особенно если он сам и один, – все это и создает отпечаток того впечатления, которое складывается, определяя характер аллеи как положения (*situs*) возможного, переживаемого во сне, состояния.

Остается при этом вопрос об исходности и порождаемости. Видимая ли аллея во сне порождает, будучи как бы исходной, то, что одновременно или вскоре с субъектом, сновидящим, в реальной жизни произойдет. Либо (что более принято в онейрологической литературе) она лишь свидетельство, видимый внутренним оком и подаваемый сновидящему сигнал, того, что имеет место, получило отчасти свое развитие, зреет, созрело и вскорости, выйдя наружу, даст себя распознать. Возможно также другое, точнее третье, определяемое словом *предостережение*: внутренние, черт характера, психологические, контактно-устанавливающие и контактно-определяющие свойства, предрасположения, выбор знакомств и т.п. у сновидящего, сновидящей, таковы, что могут ему или ей создавать, временами, либо достаточно постоянно и регулярно, условия попадания в *situs* аллеи, порождая множество раздражающих неприятных забот либо сомнительных по своему характеру псевдодрузей, способных запятнать репутацию. И тогда появление аллеи во сне отмечает реально возникшую, созданную угрозу подобного положения.

Поскольку наше исследование имеет не онейрологический, а семантико-парадигматический смысл, решать подобным образом определяемый вопрос мы не будем, мало этого, намеренно будем от него по возможности уходить, воспринимая предмет в его самодостаточной целостности и парадигматичности, вместе с тем полагая, что равно возможными могут быть как все три, так и каждое по отдельности разрешение, равно как и никакое из них. Не для парадоксальности утверждения, а для возможностей выбора, ситуативного и психологического, и

¹⁴ Может, точнее, было бы говорить 'подобно пространственному объекту' для состояния, однако данное уточнение, в принципе, мало что изменяет.

для предоставления способности ставить и разрешать те вопросы, которые важны и которые следует, необходимо рассматривать, имея в виду, но, имея в виду, не в любой ситуации также и разрешать. Поставленные вопросы, равно как и другие возможные, будут тем внутренним тоном для нас, который, не вмешиваясь и не перекрашивая, дает, создает всему, о чем речь, свой оттеночный вид и нюанс.

Возвращаясь к трем перечисленным в самом начале предложенного рассуждения отношениям, связываемым с рассматривавшейся аллеей, перечисленных в пунктах 1, 2 и 3 на с. 50, относительно темноты с ее заряженностью предикатом 'бродить' в переводе к определяемым как сомнительные друзьям и т.п., полагаем, что выявленные в ходе предпринятого рассуждения особенности позволяют их с большей точностью и основательностью определить. Что касается первого пункта (каким внутренним либо "внешним" образом (либо тем и другим) то, что представляет собой в темноте аллея, заряженная предикатом 'бродить', может связываться с тем, чем являются и чем оборачиваются, выступают в предостережении, сомнительные друзья), можно сказать, что для аллеи как положения (*situs*) сновидящего 'сомнительные друзья' могут быть рассматриваемы в контексте предрасположенности, актуализируемой в период времени до и после происходящего сна, к неосторожным, закладываемым в 'пространстве аллеи', контактам.

'Сомнительные друзья', тем самым (касаясь второго пункта – что ими обозначается), являются как не преодоленные в себе, не учитываемые, в силу замкнуто-раскрывающей внутренней слабости, "иносубъектные обстоятельства", обнаруживающие, показывающие, наличие и присутствие в себе того, что себе не свойственно, что в себе отвлекающее, покушающееся на «внутреннее свое» чужое и не свое. 'Сомнительные друзья', обнаруживая незащищенную, располагающую к возможному "нападению", открытость порождают способность ущерба для положения, репутации и общественного лица сновидящей.

И это будет определением третьего пункта: обозначенные перед этим 'сомнительные друзья' характеризуют собой репутацию в том смысле и отношении, что репутацию можно и следует понимать как 'внутреннее пространство', положение «я», его 'поворот' в его контактирующей (потенциально) с другими разомкнуто-размыкаемой "закрытой открытости" (*situs* 'аллеи' для состояния сна), которая, в контексте рассматриваемого своего представления, допускает возможность, наличие потенциально опасных и "нападающих", покушающихся в ней на позицию «я» посторонних. "Посторонних" этих, которых если бы внут-

ренне не было для сновидящей в ее для нее положении данного состояния, не возникало бы имажинативного образа в нем 'аллеи', по которой «для молодой женщины + бродить + в темноте».

'Аллея' как сновиденческий образ (на материале снотолкований)

Попробуем теперь проверить выведенное в его достаточности и объяснительности, опираясь на материалы других словарей. Поскольку предмет нашего рассмотрения является не язык с точки зрения его материальности, а семантика, передаваемая с помощью слов, и при этом не важно каких, ибо речь идет об имажинативной семантике, о чем, впрочем, уже говорилось, – постольку материал для задуманного просмотра будет браться из русских и польских источников, нередко представляющих собой переводы (как и цитировавшийся «Сонник» Г.Х. Миллера). Для сохранения единообразия материалы из польских источников переводились нами на русский язык. Обратимся к характеру представления в разных подобных источниках все той же аллеи, имея в виду не слово, а тот сновиденческий образ, который за ним стоит и который данное слово лишь отражает.

Люсиль Тангай¹⁵ предлагает такое возможное толкование рассматриваемой нами аллеи:

АЛЛЕЯ: Связывается с символом дороги в том, что касается будущего какой-то ситуации, отражает взаимопонимание, более или менее возможное, с кем-л. из ближайшего окружения, не существующий диалог, хотя необходимый в процессе поиска гармонии. Появление этого символа указывает на необходимость разрешения, следует ли стремиться к фактическому пониманию и, к примеру, стараться спровоцировать обмен мыслями, связанный с нашим видением бытия, или, скорее, стремиться к прерыванию связывающей нас с этим кем-то нити скрытого взаимопонимания; или более выгодным окажется отказ от этого раз и навсегда, либо же следует поддерживать поверхностное знакомство. См. ДОРОГИ.

Поскольку в указанном случае автор связывает представление аллеи с представлением дороги, имеет смысл обратиться и к этому предлагаемому ей толкованию, но не для отдельного и самостоятельного его рассмотрения, а для поисков того общего, которое, связываясь с аллеей, будет ее дополнительно объяснять:

¹⁵ Lucille Tanguay: Wielki sennik uniwersalny. Z francuskiego przełożyła Barbara Walicka. Tytuł oryginału: Les Rêves – 1000 Facettes de la conscience humaine / Les Rêves – La maîtrise de son conscience. Warszawa, 2006.

ДОРОГИ: В зависимости от значения дорог, ведущих к отдаленным либо близким целям, данный символ представляет наше предназначение.

- Аллея: указывает на приближающуюся проблему взаимного понимания с кем-то трудным в контакте, с тем, с кем нелегко завязать диалог.

Как следует из представления, аллея у данного автора связывается с трудностью установления (но не завязывания) контакта с кем-либо из ближайшего окружения, вписываясь в контекст гармонизирующего либо, скорее, дисгармонизирующего, нарушающего гармонию, актуального положения сновидящего по отношению к данному, т.е. конкретно имеющемуся в его окружении, лицу. Речь при этом идет о возможном, желательном либо, напротив, сомнительном в своем результате взаимодействии с этим лицом, что определяется ею как 'не существующий диалог', необходимый для достижения гармонии, которой можно и не достигнуть, открывая вопрос о том, стоит либо не стоит этого делать, и предлагая четыре возможных его разрешения – стремление к пониманию, обрыв существующей связи, отказ от поиска выхода из существующего положения и поверхностное, т.е. ни к чему никого не обязывающее, знакомство. Приближающаяся проблема взаимного понимания в аллее не дает никакого ответа из предложенных к разрешению четырех.

Сказанное интересует нас только с одной стороны: аллея интерпретируется как положение, связанное с дисгармонизирующим состоянием появившейся ранее, но по какой-то причине назревшей, оказавшейся актуальной, помехи в виде не поддающегося легкому диалоговому взаимодействию с ним лица. Тем самым, это аспект нарушающего внутреннюю гармонию беспокойства, порождаемого сферой установления ближайших контактов. Аллея является в виде 'пространства', 'пространственного объекта' внутреннего переживаемого состояния (положения данного состояния, *situs* его), не столько подверженного множественно-беспокоящему воздействию внешнего, как это было представлено ранее, сколько также воздействию, и также воздействию беспокоящему со стороны другого и внешнего, которое так же, как и в предыдущем, рассмотренном, случае, становится не причиной, но полем, "местом разыгрывания" не то чтобы неприятных в своих последствиях проявлений, но требующих принятия соответствующего решения, позиционной твердости по отношению к другому, определенному и известному при этом, лицу. Аллея, тем самым, являет назревшую необходимость установления вида взаимодействия, регуляции отношений с внешним в его аспекте 'кто-то из ближайшего «я» окружения'.

Пространство аллеи, приравниваясь к пространству поиска и разрешения в силу существующего (либо возникшего) непонимания с кем-то из окружения, проецирует два представления как в положении (*situs*) для самой себя: 1) неблагополучие, расстроенность, дисгармоничность в 2) контактной сфере ближайшего окружения. С учетом семантики предыдущего, 'аллею' как имагинативный образ можно было бы относить к объектам негативно-контагиозного типа, предполагающим 'недостижение, помехи либо опасность и неприятности при контактно-коммуникативном взаимодействии с внешним в его ближайших предикатно-субъектных проекциях' ('сомнительных друзей' предыдущего объяснения также следовало бы к такому ближайшему окружению относить).

В представленном определении можно выделить типологическую, обобщающую черту, относящую образ к той или иной парадигме (негативная контагиозность по отношению к внешнему), равно как и признаки его собственной имагинативной семантики: 'недостижение', 'помехи', 'опасность', 'неприятности', 'контакты', 'коммуникативность', 'ближайшее', 'окружение', предикатно-субъектные проективы того, другого, третьего и т.п. Все это будет предметом дальнейшего уточнения с тем, чтобы, с одной стороны, постараться увидеть и вывести, если не парадигматику, то типологию имагинативных образов для пространственно обнаруживающих себя положений имеющихся как возможные состояний (сознания в его проявлении сна), а с другой, определить значения этих образов как относительно самостоятельных единиц, обладающих не только типологическими чертами, относящими их к той или иной парадигме, но и семантической индивидуальностью в их собственной имагинативной данности.

Эйли Гольдберг¹⁶ в своем "Соннике" предлагает такое объяснение разбираемому образу:

АЛЛЕЯ – **Аллея среди деревьев** символизирует идеальную любовь. **Аллея среди деревьев с падающими листьями** означает жизнь, полную трудностей и препятствий.

Тем самым, как и в двух предыдущих случаях, аллея связывается с представлениями, имеющими отношение к сфере контактов, способной себя проявлять не только в группе ближайшего окружения (близкие знакомые, друзья), но и любовно-интимного, что не противоречит тому, что имело место в первом из разбираемых случаев ('сомнительные друзья' могут быть поняты и как такие партнеры).

¹⁶ Eili Goldberg: Sennik. 1200 symboli i ich znaczenie. Z angielskiego przełożył Sławomir Falkowski. Tytuł oryginału: The Ultimate Dictionary of Dreams. Warszawa, 2006.

Также как и в двух предыдущих интерпретациях, следует говорить об амбивалентности образа, связываемой у данного автора с предикатной характеристикой – 'аллея среди деревьев' (деревья как позитивный признак) и 'аллея среди деревьев с падающими листьями' (позитивный признак, становящийся негативным). Причем 'деревья с падающими листьями' не представляют собой обратной противоположности 'деревьям' как таковым, порождая не связанную с этими, даваемыми первыми, проекцию. Из этого следует еще одно важное для имажинативных образов свойство: нечто в одном своем проявлении и то же самое, но в другом не обязательно и далеко не всегда находятся в отношении взаимной соотнесенности и (или) дополнительности, оно может собой представлять два не связанных представления. В связи с чем, на примере данного случая, 'аллею среди деревьев' и 'аллею среди деревьев с падающими листьями' следует воспринимать как самостоятельные, не связываемые друг с другом обозначения. И, наконец, также как и в двух предыдущих случаях, амбивалентность аллеи в негативном своем проявлении будет иметь отношение к тому, что связывается, если не прямо с угрозой каких-либо неприятностей, то с трудностями и препятствиями, усиливаемыми признаком 'полный' по отношению к жизни как таковой.

Не говорится при этом о времени наступления данного состояния, которое может следовать из дополнительных характеристик, из представления о состоянии после сна, равно как и таковом. Жизнь, полная трудностей и препятствий – то, что сопровождает спящего, что постоянно с ним, активизируясь, становясь актуальным в тот или иной момент, в том или ином его положении. Впрочем, не это важно, к тому же подобное свойство было охарактеризовано ранее как типичная для имажинатива черта. Негативный аспект аллеи, обуславливаемый процессуально воспринимаемым предикатом (деревья с опадающими листьями), также связывается отчасти с замкнутой открытостью аллеи, о которой уже говорилось. Замкнутость связывалась бы при этом со сферой внутреннего, ближайшего, в том числе и любовно-интимного, открытость – с контактностью, выходом, обращенностью к внешнему как другому (другим), не всегда защищающей от болезненных или препятствующих, дисгармонизирующих, воздействий с его и их стороны. Отображение и присутствие в данном имажинативе другого (других) отчасти находит свое отражение через предикатное впечатление, через "вхождение в образ" деревьев, наличие которых в двух предыдущих случаях вербально не оформлялось.

В связи с чем стоит вспомнить о признаке, определенном нами как свойство высвечиваемости. Присутствуют ли деревья в образе воспринимаемой во

сне аллеи, если при толковании ничего о них не говорится? Если присутствуют, то не о них, не о деревьях, собственно, речь, а об аллее как таковой. Деревья не высвечиваются, следовательно, в увиденном так, а не как-то иначе образе. Они могут присутствовать, могут и не присутствовать, в дополнение необходимо сказать, но не о них в толковании говорится. В то же самое время, если деревья названы, как в разбираемом примере, то деревья высвечиваются, они представляют смысл, они влияют на объяснение и о них говорится.

Из этого следует немаловажный с точки зрения рассматриваемых представлений вопрос: что значит, собственно, 'аллея среди деревьев' ('среди деревьев с падающими листьями') – видеть ее, смотреть на нее откуда-то сверху, находиться на ней, идти по ней или бродить? То и другое, могущее возникнуть в той либо иной связи, способно быть, по-видимому, как важно, так и не важно в одно и то же актуальное время. Свойство высвечиваемости, в принципе, снимает этот вопрос. То, что 'аллея среди деревьев', в одном каком-то случае, 'аллея среди деревьев с падающими листьями' – в другом, дает два разных, не пересекающихся и прямо не связанных между собой представления.

'Аллея' как таковая и 'аллея среди деревьев'

Возникает в этой связи вопрос об аллее как таковой, вне подчеркнуто обозначаемых и высвечиваемых деревьев, – имеет ли такая аллея самостоятельное, собственное значение, которое, в зависимости от того, имеются ли деревья в имажинативе, имеются ли деревья с падающими листьями в том же имажинативе, получает то либо иное обозначение. На поставленный так вопрос можно было бы отвечать двояко: а) аллея вне подчеркнуто обозначаемых деревьев имела, могла бы иметь свое третье значение, о котором автор приводимого толкования не говорит, и б) такая аллея могла бы каким-либо образом относиться к аллее среди деревьев, но в этом случае снотолкователь должен был бы на подобную связь указать.

Сказанное обозначает, тем самым, то, что имажинативный образ при толковании (а на него неизбежно следует опираться) возникает как самодостаточный "видимый" и толкуемый "объект", независимо от того, связывается ли он либо не связывается с другими, внешне и "видимо" ему подобными. То есть, если конкретно, 'аллея среди деревьев' и 'аллея среди деревьев с падающими листьями' могут быть в одном случае, как в приведенном, объяснены как два самостоятельных положения (*situs*) сновидящего и могут быть объяснены как связанные и

следующие одно из другого: аллея среди деревьев (с не падающими листьями) и аллея среди деревьев с падающими листьями. И тогда положение А (с не падающими листьями) при каких-то условиях переходило бы в положение Б (с падающими листьями). В этом случае следовало бы говорить о другом имажинативе, не совпадающем и отличном от предыдущего (двух предыдущих). Это был бы еще один образ – аллеи с деревьями, способными иметь, а имея, терять свои листья, аллеи, по своему характеру и значению не пересекающейся с двумя положениями (*situs*) другого вида и типа, не связанными между собой ('аллеи среди деревьев' и 'аллеи среди деревьев с падающими листьями', но это не были бы те же деревья и той же аллеи). На основе аллеи, тем самым, можно было бы теоретически вывести довольно большое количество как самостоятельных для каждого отдельного случая, так и связываемых имажинативных образов: аллея такая, аллея другая, в таком повороте и виде, в другом. При этом как различаемое несходство, так и возможное и наблюдаемое сходство при объяснении можно было бы вывести как не противоречащий признак того же имажинатива.

Для примера того, о чем говорится, возьмем какой-нибудь видимо наблюдаемый объект, скажем, дом. В одном случае он видится с зажженными окнами, в другом с погашенными. Вовсе не обязательно, чтобы это был тот же самый дом. Это могут быть равным образом как два разных дома, ничего не имеющие общего между собой, кроме того, что это строения, один из которых к тому же может быть предназначен для проживания, а другой для работы в нем, тогда и зажженные и погашенные окна того и другого две совершенно разные вещи будут обозначать. И это может точно так же и тот же самый дом, в одном случае с такими окнами, в другом с другими. Нечто подобное имеет место и при трактовке имажинативов. Разные состояния чего-то кажущегося подобным далеко и во все не обязательно предполагают подобий, следствий и сходств.

Возвращаясь к определению аллеи как таковой, вне видимых своих возможных присутствий, сопровождений и проявлений (как в представлении дома, независимо от его назначения, кроется мысль о том, что он служит местом укрытого и защищенного нахождения в нем), с обращением к третьему представлению ('аллея среди деревьев'), можно заметить известное сходство с тем, о чем ранее говорилось. Аллея и в этом случае может быть воспринимаема как 'позиция, положение (*situs*) "закрыто-открытого" внутреннего переживаемого состояния, подверженного множественно-беспокоящему воздействию внешнего, которое в определенных условиях может быть "местом разыгрывания" обстоятельств, следующих из контактов с другими людьми, в том числе и противоположного пола'.

Проекции 'среди деревьев' и 'среди деревьев с падающими листьями' "позиционируют" каждая свое положение, представляя, изображая его как отдельное, не связанное с другим, как самостоятельное свое для себя. В пределах и представлении каждого из этих двух в одном случае плоскостью проявления будет любовь (идеальная), в другом жизнь (полная трудностей и препятствий). Также как в одном каком-нибудь случае дом с зажженными огнями обозначает веселье и радость у всех (от какого-то праздника), а в другом, хотя бы и тот же дом, но это не важно, с погашенными огнями, не ночной всеобщий покой, а, напротив, затемнение и тревогу, всеобщее беспокойство и страх. Говоря об имажинативных образах и их толкованиях, тем самым, не следует забывать о все той же высвечиваемости, проявляющей себя и для первого и для второго: вижу то-то и то-то при не высвечиваемом (не воспринимаемом, не осознаваемом, не видимом) всем остальном, и это может быть тем-то и тем-то. Чем может быть дом с горящими в каждом окне огнями? И чем может быть дом (другой либо тот же самый, в другой и связываемый с предыдущим момент либо не связываемый) с погашенными огнями в каждом окне? Можно ли однозначно ответить на данный вопрос без контекста? Отчасти можно, но ответ этот будет таким же высвечиваемым, каким предстает в недостаточной своей видимой очевидности наблюдаемый дом. Дом с горящими огнями в меньшей степени, дом с огнями погашенными в большей, может восприниматься двояко, служа представлению о беспокойстве, о радости, о подъеме, о напряжении, ожидании, страхе, тревоге и пр. При этом в каждом из этих случаев можно говорить как об общем типологически, так и о различающем то и другое из состояний, следующих из позиции, положения (*situs*), определяемых словом-образом 'дом'.

Об уточняющих признаках имажинатива

Мари Купаль¹⁷, в свою очередь, обращается к дополнительным признакам, уточняющим характер значений аллеи. То, о чем говорилось: тот или иной проективный характер аллеи предполагает возможность ее восприятия либо как разных имажинативов, либо как одного, в различных ситуативных позициях допускающего предикатные различия. Обратимся к цитате, с тем чтобы далее проанализировать представляемое:

¹⁷ Marie Coupal: Sennik. 2200 haseł. Mitologiczna, psychologiczna i psychoanalityczna symbolika snów. Z francuskiego przełożyła Hanna Pawlikowska-Gannon. Tytuł oryginału: Le rêve et ses symnoles. Warszawa, 2002.

АЛЛЕЯ Начинается какой-то важный проект, который будет доведен до конца. Обычно вид аллеи предвещает начало большой любви, если она доступна для пешеходов, при условии, что нет на ней каких-л. препятствий.

Хождение по красивой аллее обещает счастье и долгую любовь, если на ней нет движения.

Проход сквозь всю аллею, до самого конца, информирует о завершении союза.

Видеть конец аллеи – предвещание близкого разрыва.

Аллея связывается с какими-то важными планами, предполагающими начало (вход) и завершение (выход). Движение в пространстве, ограниченном рядами деревьев, посаженных по бокам, проецируется к обстоятельствам жизни. Так же, как и в предыдущей интерпретации, движение это связывается со сферой любовно-интимных, завязываемых и развязываемых, отношений. Для позитивного разрешения важно, чтобы аллея была доступна для продвижения, чтобы не встречалось на ней препятствий, чтобы аллея была красивой и ничто бы не нарушало своим вторгающимся движением ее красоту. Акцентируется конец, т.е. выход, аллеи, с точки зрения прохода по ней до конца (подключение и участие в процессуально воображаемом ходе событий) и с точки зрения видения, наблюдения как предсказание и предчувствие все того же близкого неизменного завершения.

Динамический и подключенный, участвующий, аспект сновидящего в его состоянии сна для 'аллеи', тем самым, предполагает, во-первых, соотносимые положения, переносимые в плоскость переживаемых состояний в реальной действительности происходящего не во сне, и, во-вторых, двойность, о которой уже говорилось на примере других толкований, зависящую в своем позитиве и негативе от предикатных характеристик: наличие либо отсутствие препятствий, хождение по красивой аллее, наличие либо отсутствие движения, проход сквозь нее до конца, конец, поддающийся видению. В семантике целого, как имагинатива, 'аллею' и в этом случае следует относить к разряду контактоустанавливающей сферы, в первую очередь в ее любовно-интимной проекции, которая прямо связывается, как можно вывести из объяснений, с активным, участвующим, "движущимся" для сновидящего, проявлением.

В связи с рассматриваемым представлением имеет смысл обратить на такие особенности:

1. Общее, не уточняемое и не расширяемое, впечатление от аллеи, являющейся во сне, 'аллеи' как таковой, связывается с мыслью о начале чего-то важно-

го как затеваемого (определяемого как 'проект'), которое имеет достаточно оснований для завершения. 'Аллея', тем самым, воспринимается как открытый, свободный проход, в аспекте своего транзитива, переносимого в плоскость того, что имеет место и происходит, осуществляется, производится не во сне.

2. Далее следует представление, определяемое термином 'вид аллеи', связываемое с 'началом большой любви'.

Чем отличается в интересующем нас отношении 'вид аллеи' от 'аллеи', вне вида, аллеи как таковой, ибо то и другое не полностью, если вообще, соотносятся между собой? Можно ли большую любовь, возникает в этой связи вопрос, отнести к группе важных проектов, которые также важно было бы доводить до конца? Означает ли, в этой связи, 'вид аллеи' то, что сновидящий видит аллею в состоянии сна, или то, что аллея имеет во сне его какой-то определенный вид, на который он обращает внимание? Разумным решением этих вопросов, следующих из не случайных неточностей и оговорок, а из позиционных аспектов того, о чем речь, таким решением было бы (в отношении разбираемого 2-го пункта):

а) 'Аллея' как таковая (1-го пункта), видимо, есть ощущение, присутствие, мысль об аллее во время сна, та мысль, которую можно представить как то, что аллея во сне была, что некто видел во сне аллею, без определенного о ней впечатления, предполагающего возможность ее описать. В то время как 'вид аллеи' предполагает, во-первых, то, что аллея не просто во сне была, но аллею во сне было видно. Она наблюдалась во сне, хотя и не обязательно (это было бы третьим случаем) виделась в этом виде своем и наблюдаемо распознаваемой форме, отличающей ее от других, так, чтобы можно было ее, если не описать в каких-то деталях, то по каким-то чертам, если не признакам, охарактеризовать.

То, о чем говорится, вполне соотносится с тем, что возможно и происходит с людьми не во сне. Можно иметь представление о том, что кто-то и где-то когда-то был (своего рода отмечающее, не фиксирующее и не наблюдающее видение). Можно видеть этого человека в том смысле, что зафиксировать его своим зрением и иметь основание утверждать, что его наблюдали тогда-то и там-то, заявляя при этом «да, я его точно видел», что отличалось бы от представления «он, несомненно, там был». И, наконец, третий случай, своего рода изучающее видение, фиксирующее не просто облик присутствия, но и в чем-то и как-то, в каких-то деталях характеризующий, отличающий вид. Три упомянутых представления – присутствие, облик и (предикатный) вид, можно использовать для того, о чем речь. Аллея первого пункта – аллея присутствия. Аллея второго, скорее и судя по всему, как это следует из дальнейшего, есть аллея в позиции об-

лика, видимый, но предикатно не прорисованный вид. Аллея предикатного вида появляется у данного автора дальше.

б) В связи с указанным ранее большую любовь не следует, видимо, относить к разряду важных проектов, это нечто новое, обособленное и свое. Аллея присутствия и аллея облика, не будучи идентичны, сходятся в том отношении (для аллеи), которое можно относить к представлениям о значимой самореализации 'видящего'. Важный проект, который, входя началом, следует завершить, с одной стороны, и большая любовь, также в ее начале, несомненно, относятся к сущностным положениям подобного рода задач. Уходит из этого представления та составляющая 'аллеи', которая, повторяясь, определяла ее в отношении контактоустановления и значимой связи ближайшего окружения. И важный проект, и большая любовь как могут касаться подобного типа связей, так могут и не касаться. Начало большой любви может свидетельствовать, прежде всего, о внутреннем состоянии переживающего, о раскрытии его к чему-то "большому и светлому", к чему-то одухотворяющему, обновляющему, с собой уносящему, не имея прямого, а тем более обусловленного, отношения к объекту подобного чувства. Важный проект еще в меньшей мере, если вообще, способен касаться сферы контактов и взаимодействия с окружением, тем более с окружением ближайшим. Вместе с тем появляется, акцентируясь, представление, на которое уже обращалось внимание, – позиция начала-конца, которая связывается с процессуальной, развертывающейся, динамической стороной, реализующей себя для аллеи в прохождении сквозь, между рядами деревьев, от начала к концу.

3. И, наконец, то, что можно представить термином 'предикатные уточнители', в интерпретации данного автора выглядящие довольно определенно. Вид аллеи может быть красивым. По этой красивой аллее можно ходить (ощущать себя в состоянии движения по глаголу *ходить*). Аллея может быть доступна для пешеходов и может иметь препятствия, по ней может осуществляться движение. По-видимому, движение каких-то других, из чего следует представление об аллее лишь для себя и не для себя, на которой спящий ощущает себя одним из многих, если не посторонним, проходящим и чужаком. Аллею можно пройти до конца и можно увидеть конец аллеи.

Все эти, равно как и допустимые, но не указанные другие предикатные характеристики, значимые не столько сами в себе, сколько в отношении к определяемой ими 'аллеи', позволяют представить ее как развертываемое "пространство" внутренних положений связанных между собой обстоятельств, фаз и проекций 'любви', любовной связи, союза. Из чего следует, что 'аллея присутствия',

ощущение аллеи – это одно, а 'аллея облика', интерпретируясь и воплощаясь в 'аллею предикатного вида', одного, другого, третьего и т.п., – это нечто другое, не вполне связываемое с первым. Чувствуемое как переживаемое и участвующее, взаимодействующее, подключение к аллее связывается с любовью, с тем, что определяется так. Чувствуемое как присутствующее и наличествующее относится к сфере реализуемых важных проектов.

В этой связи возникает естественно следующий из сказанного вопрос – что понимать под тем, что имеет свое отношение к тому, что обусловлено представлениями "вид аллеи – начало большой любви", "хождение по красивой аллее – счастье и долгая любовь", "проход сквозь всю аллею – завершение союза", "конец аллеи – близкий разрыв"? Не в том отношении, чем для кого выступает любовь и как ее следует понимать, а в отношении к смыслу, но не аллеи во сне, но к смыслу того, что в связи с аллеей, через ее представление в состоянии сна, в ее предикатах и положениях, способно себя отразить – впечатлитель. Поскольку понятие 'важный проект, который требует завершения', вряд ли возможно в каком-либо отношении применительно к той же аллее подвергнуть такому же рассмотрению. Любовное переживаемое чувство в его разных фазах и проявлениях, следовательно, необходимо представить в проекции состояний, которые бы давали понятие, могли дать понятие, о том, чем это может быть, если входит в аллею во сне, передает себя через нее.

Уходя от философских и психологических определений того, о чем речь, все это виделось бы в виде потока, заряженного энергией притягивания и отталкивания, определяющего ту составляющую проживающего себя «я», которая связывается с поиском и обретением либо необретением поля, входя в которое данный поток, резонируя в нем, способен усиливаться, увеличиваться и возрастать (начало большой любви); обретая гармонию и спокойствие от поддержки искомому (наслаждение лицезрением – вид красивой аллеи), разъясняясь, блистать в продолжение времени (счастье и долгая любовь); проходя до конца, опадать (завершение союза), а предчувствуя, "видя" этот конец, неизменно с ним расставаться, его оставляя.

Аллея, тем самым, в различных своих составляющих (предикатные уточнители ее положений), служила бы в этой интерпретации представлению 'поля описываемого потока', представлению "пространства прохода" потока в нем. Поток, который, в нее погружаясь, входя, подключаясь к ней, реально переживает в ней то, что есть, отыгрывая, разыгрывая внутренне, драму своих действительных

состояний, будущих, настоящих, прошедших, для положений (*situs 'ov*) состояний сознания во сне по основанию времени (как представляется) не различаемых.

Аспект "подключаемых" состояний

Розмари Эллиен Гилей¹⁸, в свою очередь, предлагает такое возможное представление об аллее (в польском переводе *аллейке*, отличие для нашей задачи не слишком существенное):

Alejka Символ, связываемый с дорогой жизни либо переходными этапами жизни. Разновидность тропинки, частый мотив, появляющийся в снах, когда образ жизни данного человека подвергается существенным переменам либо когда человек задумывается над своей жизнью.

Аллейки имеют мрачный аспект: они узкие и тесные, почти как туннели, и часто кажутся пустыми и зловещими. Находятся в стороне от главных дорог и могут указывать на отклонение от пути. В своем позитивном аспекте аллейки могут символизировать путь напрямик. Следует обратить внимание на то, темна ли аллеика, кажется угрожающей, представляет собой тупик или же более создает впечатление облегчения.

См. также **Ścieżka** (тропинка, тропка).

Обращает на себя внимание при подобной интерпретации вневременной характер переживаемых, точнее было бы говорить, подключаемых состояний. Время снято как таковое, если вообще присутствует, поскольку речь идет о дороге жизни и ее переходных этапах. Небезразличным также видится то, что связывается с актуализацией: мотив аллейки появляется в снах, а) когда образ жизни данного человека подвергается существенным переменам либо б) когда он задумывается над своей жизнью. Вопрос, возникающий в этой связи, время как таковое не предполагает – прошлое, настоящее или будущее оно по отношению к сновидцу? 'Аллеика', тем самым, присутствует экзистенциально, имеется как таковая всегда, она постоянна и неизменна, ибо это аспект его жизни, 'дорога жизни', символ, с ней связываемый, отмечающий также в своих значениях и проявлениях переходные этапы ее.

Задумаемся в связи со сказанным над вопросом – что значит 'дорога жизни' с ее переходными для нее этапами, что может данное положение в интересующем нас отношении представлять и как следует понимать то, что аллеика определяется как символ, связываемый с этой самой дорогой жизни? Иными словами,

¹⁸ Rosemary Ellen Guiley: Sennik. Symbole i interpretacja. Z angielskiego przełożyła Dorota Żywno. Tytuł oryginału: The Encyclopedia of Dreams. Warszawa, 2002.

'дорога жизни' и ее символ – это одно и то же, при том условии, что символ – это лишь объявление того, что стоит за ним и выражением чего он является, или символ, по крайней мере для данного случая, скорее, следовало бы понимать не как тождество¹⁹, объявляемое в выражении выражаемого (форма – значение), а как аспект, одну из возможных сторон того, что может себя выразить каким-то образом и по-другому. Говоря понятнее и проще – 'дорога жизни' объявляет себя в аллейке во сне или не только в аллейке, но и в других каких-то возможных своих проявлениях? Если так, то аллейка будет собой представлять такой вид 'дороги жизни', который свойствен ей и выражением которого она выступает. Не любая 'дорога жизни' будет связываться с аллейкой и в ней себя представлять, а какая-то. И тогда это меняет дело, потому что естественно возникает вопрос – какая 'дорога жизни' себя объявляет в аллейке, какими свойствами, признаками, особенностями данная 'дорога жизни' должна обладать, отличающими ее от каких-то других, на нее не похожих 'дорог'. Забегая вперед, можно было бы также сказать, что подобный вопрос не вполне, если вообще, правомерен, поскольку аллейка, возможно, определяет, способна определять любую 'дорогу жизни', но в каком-то своем для себя положении, *situs 'e* какого-то из своих состояний.

Обратимся для разрешения заданных нами вопросов, в контексте предлагаемой интерпретации, к пониманию тропки, также связываемой с 'дорогой жизни', то ли как символ, то ли как вероятный аспект. С тем чтобы из сопоставления вывести то, что будет касаться аллейки, касаясь вместе с тем того и другого.

Ścieżka (тропинка, тропка) Направление, выбираемое на дороге жизни (букв. в дороге сквозь жизнь) либо для достижения определенной цели. Тропинки обычно еле заметны и узки, часто крутые, идут по ним в одиночку. Состояние тропинки дает указания относительно содержания сообщаемого во сне. Легко преодолеваемая, лишенная препятствий тропинка в спокойном окружении выступает отражением психического состояния, отличного от того, который передается тропинкой крутой и каменистой либо скрываемой в чаще. Тропинки через места незнакомые, представляющиеся пугающими, могут символизировать страхи и опасения относительно направления, которое было выбрано либо намереваются выбрать. Тропинки, которые, как представляется, ведут в никуда, могут обозначать, что спящий неверно свернул либо блуждает в жизни, требуя изменения направления.

¹⁹ Тождество в данном случае следует понимать как объявление объявляемого, того, что таковым себя объявляет во сне. Как увидеть 'дорогу жизни' во сне, чтобы ее распознать и признать как 'дорогу жизни', – как аллейку, поскольку нет иного какого-то способа. Приснившаяся во сне аллейка = 'дорога жизни', если это действительно и единственно только так.

Тропинки в знакомых местах, известных теперь либо в прошлом, предположительно связываются с личными обстоятельствами, например с периодом в жизни, соотносимым с явлениями, представляемыми во сне.

См. также **Попутчики**.

Как следует из описания, тропинка воспринимается как направление, выбираемое сновидцем на своей дороге жизни, либо, как следует из дополнения, для достижения определенной цели. Направление в отношении к тому, что принято называть 'дорогой жизни', можно интерпретировать как способ, средства и следующие из того и другого, сопровождающие и предполагаемые, допустимые, возможности самореализации достигающего. Насколько удачно и в соответствии с внутренними потребностями, свойствами и предпочтениями, не нарушая гармонии и в согласии с позиционным психологическим состоянием «я», было выбрано из окружающего, из того, что оно предлагает и допускает, то, что станет 'своим для себя', насколько все это резонирует к «я» и одно с другим согласуется, не вызывая сбоев, не порождая опасности и искажающих положение «я» помех. Тропинка в данном контексте становится той проекцией динамической, продвигающей «я» его собственной составляющей, которая подключает, вводит, подводит его, к состоянию «я для себя вовне». К своего рода возвратно-залоговому (пользуясь лингвистическим представлением), а потому и медиативному, саморасположению, к возможности, внутренне обусловленной и мотивированной, именно так, а не как-то иначе себя в своей собственной жизни (либо при достижении цели) реализовать.

Для примера, с тем чтобы показать только, о чем идет речь, рассмотрим в этом контексте привычно простое по своему характеру действие *Я умываюсь*. Обозначающее то, что 'я мою себя', предполагать оно будет способность, физическую и внутреннюю, т.е. обеспечивающую и мотивирующую, проявляющую себя в очевидно обычном случае, в наличии рук, а также лица, как того, что моют и чем это делают, и в намерении данное действие над собой совершить. Если намерение выступает как часть мотивирующая, то лицо и руки – как часть обеспечивающая, предполагающая по этой причине такого рода способность. Все это связывается с внутренней (в смысле исходящей от *Я*) составляющей осуществляемого действия, медиативность которого, с одной стороны, имеет в виду наличие рук, как того, чем будет производиться данное действие, при одновременном условии, что те же самые медиативно заданные и обеспечивающие осуществление действия руки вместе с тем становятся также и тем, что моют, т.е. объектом, наряду со вторым объектом мытья – лицом. В то же время, с другой стороны,

имеется внешняя, также необходимая, обеспечивающая и медиативная составляющая данного действия, предполагающая наличие, прежде всего, воды, равно как и других, допускаемых, хотя и не столь обязательных, средств в виде мыла, какой-то посуды, емкости, водоема, в котором вода, и т.п. Медиативность, следовательно, о которой речь, находит свое воплощение и продолжение, исходяно в руках и от рук – к воде, и с водой, руками, в руках, с обращением, возвращением, направлением на себя затем и обратно.

То же можно было бы наблюдать в представлении тропки-тропинки (*ścieżki*). Уподобляя ее "пути", направлению, ходу движения от рук к воде и с водой обратно при умывании, а само умывание рассматривая как то, что делается «я» в этой жизни своей для себя (либо при достижении им же самим для себя достигаемой определенной цели). И тогда определяемая нами 'тропинка' имела бы "руки", с одной стороны, как внутренний, исходящий от «я», обеспечивающий и медиативный аспект, и "воду", с другой, как такой же обеспечивающий и медиативный, но "внешний", проецирующий на себя и собой совершаемое "действие" как его возможное и/или осуществляемое экзистенциальное состояние. Выступая одновременно тем, что можно представить как форму, характер, способ и направление, движения рук от воды и с водой к рукам и умываемому одновременно с руками лицу. 'Тропинка', тем самым, является, выступает тем, что можно представить как видимое в воображении движение рук при мытье, при котором само мытье, а также руки, вода, лицо, умывающийся и все остальное при этом прочее составляют условия и контекст движения. Не будучи движением сама по себе, тропинка является его видимым образом, объявлением, проступающим для сознания в ощущаемых для него, воспринимаемым им, доступным для восприятия, составляющих. Характер тропинки, ее описанный в представлении вероятный вид, следует интерпретировать в этой связи как те обстоятельства, которые, будучи в качестве медиаторов избраны, обеспечивают либо не обеспечивают внутреннее (со стороны 'рук') либо внешнее (со стороны 'воды' и того, что при ней) удачное, неудачное, опасное и т.п. осуществление экзистенциально важного и/или задуманного.

Аллея в этом ряду, определяясь как разновидность тропинки-тропки, как ее тип („Alejka jest typem ścieżki”, как сказано в переводе) актуализируется в своем появлении, как уже говорилось, возникновением значимых перемен либо тем состоянием сознания спящего, которое обуславливается его рефлексией над своей жизнью. Человек задумывается над своей жизнью либо готовятся в его этой жизни существенные для него перемены – и тогда его 'тропка-тропинка', *ścieżka*

его бытия, точнее самореализации его в своем бытии, оборачивается, является для него под видом и в виде 'аллейки'. Аллейка, тем самым, становится формой такого движения при умывании, с использованием, соответственно, воды и рук, которое вызывается, побуждаясь рефлексией, исходящей от «я» либо предупреждающим, упреждающим, предостерегающим действием ожидаемых к изменению обстоятельств.

И в том и в другом случае можно было бы говорить о появлении аллейки в связи с отклонением от привычного, от состояния нерефлексии и рутины, с выходом, отхождением от колеи, понимая под колеей а) то, как это происходит обычно и без существенных изменений и б) то, что над этим, как правило, не задумываются, подчиняясь действию довлеющего над всем автоматизма. Аллейка, в этой связи, выступает, становится способом объявления, видения, нарушения данного автоматизма.

Используя приведенное ранее объяснение аллеи посредством поля, пространства прохода потока, энергии, движущей «я», в том, что дает, обеспечивая, возможность такому проходу-движению, можно было бы сказанное применительно к (а и б), интерпретировав, уточнить в отношении 'аллеи-аллейки' как электризуемого, намагничиваемого, активизируемого "пространства" (поля) "прохода" – внешним (со стороны ожидаемых существенных перемен для образа жизни спящего) либо внутренним (со стороны его самого, когда он задумывается над своей жизнью). Тем самым, мы получаем не новое представление об аллее как положению (*situs 'e*) состояния сознания, а уточненное в отношении того, что это такое его положение, которое предполагает возможность его дезавтоматизирующей энергетизации, осуществляемой, происходящей в определенный момент. 'Аллея' является положением, но не ставящим перед жизненным (телеономическим) выбором спящего, а, возможно, дезавуирующим, возможно, ставящим под сомнение и обнажающим, но в любом из этих случаев проявляющим, существующий либо сделанный выбор.

Приводимые далее у разбираемого автора вероятные признаки появляющейся во сне аллейки наводят на мысль о привычном трансмутированном уподоблении: то, какое и как во сне, соотносимо, равно тому, что и как представляет собой существующая для видящего действительность, какой она оборачивается для него. Имеет смысл обратить на два обстоятельства в этой связи:

1. То, что, в так называемом мрачном своем аспекте, как узкие и тесные, аллейки воспринимаются почти как 'туннели', которые, как следует далее, неизменно предполагают страх, поскольку часто кажутся 'пустыми' и 'зловещими'.

К анализируемой теме пространств, таким образом, следует представление о том, что пространство пустое, закрытое, вытянутое в длину и стесненное (туннель, коридор, труба, ров и т.д.) связывается при восприятии, при нахождении в нем, с переживанием вероятного, ожидаемого и неопределенного страха, предполагаемого в этом своем проявлении как нечто зловещее. Зловещее – как несущее, содержащее, допускающее, в разбираемом случае как легко проводящее, зло. Аллейка, тем самым, в мрачном своем аспекте, равно как туннель, выступает как проводник, или коннектор, зла.

Определенные ранее признаки того, что 'пустое', 'закрытое', 'вытянутое в длину' и 'стесненное', действуя совокупно на восприятие внутри находящегося, вместе с тем можно было бы расположить в соответствиях. Пустого с ощущением растерянности, потери ориентации, незнания, чего ожидать. Пустое, иными словами, сбивает с толку, не будучи информативно, не подсказывая, не направляя, а потому выбивая почву и повергая в позицию состояния неопределенности. Закрытое, в свою очередь, соотносилось бы, но не с ощущением защищенности, которое для него также возможно, а с ощущением связанности, ограниченности, неспособности к освобождению в случае возникновения опасности. Вытянутое в длину, допуская, а в случае туннеля предполагая, открытыми передний и задний концы, как уже отмечалось ранее, создает ощущение, с одной стороны, способности быть отрезанным с обоих концов, не имея возможности убежать, равно как и появления, с другой, носителей потенциальной опасности. Вытянутость в длину для пространства одновременно с этим предполагает все в том же порождаемом им ощущении появляющееся устремление вперед, втягивающее, с одной стороны, и ограниченное с боков, с другой, возбуждающее и/или усиливающее ощущение подхватывающего и влекущего с собою потока. При дезориентирующей неопределенности, связанной с пустотой, такое 'влечение', которое вследствие этого ни к чему очевидному и понятному как ожидаемому не ведет, неопределенность и страх допускаемой опасности только усиливает, ибо то, что влечет, не давая ответа, куда и зачем, не влечет, как следствие, ни к чему хорошему. И, наконец, стесненное, передаваемое как 'тесное' применительно к аллеикам, связываясь с ощущением сдавленности, ограниченности движений и несвободы, делает в нем находящегося объектом потенциальных воздействий со стороны причинителя без возможности ответных действий защитного либо высвобождающего характера. Стесненность и теснота лишают его способности активных и самостоятельных волевых проявлений.

Из сказанного следует, что зловещий (мрачный) аспект аллеики вызывается таким ощущением от 'пространства в ней пребывания', которое (ощущение) порождается узостью, как не раздвигаемой в стороны ее вытянутостью в длину, теснотой, не дающей возможности проявлять себя в не скрепленном движении и действии, и пустотой, порождающей дезориентирующую неопределенность. Переводя это все в представление жизненного пути, актуализируемого своим проступанием в какой-либо внутренне сущностный для сновидца момент, можно было бы говорить о стеснении, сдерживании пространства энергетизирующего, продвигающего в условиях жизни потока, ведущего в неопределенности к вероятному причинителю где-то сидящего, скрытого зла. Под причинителем зла не следует понимать исключительно человека, это будет, скорее, пункт на пути продвижения, к которому снятая аллеика способна вести. С этим всем связывается второе, следующее из разбираемого обстоятельства.

2. Немаловажным оказывается при восприятии аллеики то, что могут они находиться (предполагая свой "мрачный аспект") в стороне от главных дорог, указывая при этом на отклонение от пути. Отодвинутость, отстраненность, отделенность от чего-то такого, что, воспринимаясь как главное, связывается с оживлением, многолюдством, тем, где живая жизнь, где все остальные, где ходят, движутся многие, порождает, с одной стороны, ощущение заброшенности, оставленности и отставленности, обособления и одиночества, к тому же в стесняющей пустоте, маргинальной выброшенности из общих границ. В то время как с другой, она же может свидетельствовать об отклонении, уходе, в себя для себя, от чего-то главного, о потерянности и все той же дезориентации в окружении собственного, для себя существующего, витального «я».

Маргинальность аллеики, связываемая в ней с признаком рекреативно-релаксативного и медитативного назначения (спокойствие и отделенность от городского шума и суеты, располагающие к уединению и отдыху), оборачивается, способна быть оборачиваемой, в условиях "мрачного" к этому отношения, тем признаком, который усиливает дезориентирующую неопределенность, порождающую ощущение потери, в конечном счете, себя самого для себя самого. К ощущению позиционной направленности "дороги жизни" куда-то там не туда, т.е. к определению ее как *аутодеформативного директива*. По очевидному для данного случая представлению о "шел, шел и не туда зашел", не 'аллеику' хотел увидеть, ее так меньше всего, не на ней и не в ней оказаться вдруг.

Не случайным в этой связи представляется возникающий неизбежно вопрос о том, что следует из этого представления, что можно бы понимать под

мрачным, а что под позитивным, определяемым далее, аспектом аллеики, воспринимаемым как 'путь напрямик'.

Отвлечемся на время от обстоятельств, определяющих то и другое, с тем чтобы попытаться увидеть во всем этом нечто более общее, если не закономерное. На одно и то же явление, пространственный в разбираемом случае объект, можно смотреть по-разному, "мрачно" и "позитивно", воспринимая его как то, что не сулит ничего хорошего, либо наоборот. Не будем входить в психологические объяснения того и другого 'смотрения', остановившись лишь на одном немаловажном, как представляется, обстоятельстве, обуславливаемом, назовем его так, причинностным признаком, или каузатором, попадания.

Физически мрачное можно связывать со сгущением, сжатием, угнетением, нагнетением, конденсацией, тем, что, сдавливая и сковывая, ограничивает, стесняет, "не давая дышать". Назовем это компрессирующей составляющей каузатора. В свою очередь, позитивное, применительно к тому, о чем речь, связывалось бы с "рассеивающим", разряжающим, просветляющим, открывающим, своего рода распахивающим, высвобождающим действием каузатора, его дистинктирующей составляющей.

Каузация попадания предполагает либо вынужденный или даже насильственный, вталкивающий, помещающий, погружающий внутрь аспект, либо такой аспект, который можно связывать с представлением о вдруг открывшемся, на глазах распахнувшемся, обнаружившим себя в раздвижении "воссиянии" и "просветлении". Первое, вталкивая, заставляет и понуждает, стискивает и ставит в позицию необходимости, хочешь, не хочешь, а "иди и смотри". Изначальное угнетение, следуя из предрасположенности, ожидаемости производимого ущемления, "суживая сознание", не способствует, не дает, не позволяет увидеть организованного, устроенного в границах и формах, пространства в его разрешающей, непредвзятой доступности или даже открытости и полноте. Компрессия каузатора сдавливает, стискивает пространство. Второе, напротив, разоружает, подводит внутренне не подготовленного к раскрепощающему, приоткрывающему действию помещенного внутрь *видения*, дающему одновременно, увидев, понять, то, чего перед этим не было. Каузацией попадания в этом контексте будет актуализирующий имунитативный (освобождающий от связей²⁰) толчок, вызываю-

²⁰ 'Освобождение от связей' в данном случае следует понимать как своеобразный отрыв от пребывания в состоянии осознающего и отчасти себя контролирующего (а потому и связываемого и связывающего) бодрствования, с переходом в состояние отдания, предания себя состоянию, в определенном смысле противоположному, в обычном случае сознанием не контролируемому, при котором поддающийся ему спящий, сновидящий, даже если и чувствует себя, и ведет каким-то привычным образом, не способен (опять же в обычном случае) установленно повлиять на происходящее и получаемый результат, в силу отсутствия допускающих то и другое причинно-следственных, временных и

щий состояние имагинативного объявления. Толчок, который следует из предрасположенной предопределенности, импульсивной готовности спящего воспринимать то, что будет, что явится, ощущая себя в компрессии либо наоборот, в раскрывающем освобождении.

Предопределенность эта, готовность спящего импульсивны в силу того, что вызываются не волевым, не эмоциональным, не мотивационным, не концептуальным усилием с его стороны, но движением, внешне и внутренне от него не зависящим, исходящем из помещенности (*impositum*), погруженности его, как в сосуд, в оболочку и форму своего 'состояния здесь и теперь', 'в этой жизни своей своего пребывания'. Оболочка и форма эта, форматив его содержания, помещения, в этой жизни, как здесь и теперь, будучи реактивно подвижной, толчками своих изменяемых состояний обладает способностью себя, но не обнаруживать, а, показывая, сознание спящего куда-то вводить, в какие-то значимые для нее имагинативные проективы, ведущие, проявляющие себя как такие. Оболочка и форма, толчком своим, каузирует 'попадание' в имагинатив. 'Попадание', следовательно, становится способом "вспарывающего", распаивающего либо протискивающего в себя, самораскрытия (проступания) состояния.

Почему аллея-аллейка, а не что-нибудь там другое, следуя как результат, эффект 'в нее попадания', обусловлено тем, что 'поток', о котором ранее говорилось, к такому способу себя объявления движущееся в своих состояниях и подающееся им сознание в данный момент привел? Потому что толчок реактивирующего форматива именно к подобному положению (*situs* 'y) в результате движения, погрузив, подключил, качнувшееся, потревоженное и отреагировавшее на этот толчок соответствующим образом, находящееся в имагинативе, экзистенциальное состояние (пребывание) спящего. Аллея-аллейка в этом контексте становится не случайным видением, а тем, что, имея свои равно мрачные и позитивные стороны, дает всему этому возможность себя объявить.

Попутно возникает вопрос – всякому ли спящему в соответствующем предрасположенном состоянии может или должна присниться в рассмотренном

каких бы то ни было связей. Лат. *immunitas*, *atis* 'освобождение от повинностей'; 'свобода, освобожденность', от *immunis* [*in* + *munus* 'обязанность, служба, должность, пост'; 'задание, повинность, бремя'; 'положение, состояние, назначение'] 'свободный от повинностей, освобожденный от податей, от налогов'; *поэт.* 'непринуждаемый: *i. omnia dabat Ov.* 'земля давала всё без всякого принуждения (т.е. без обработки)'; 'не принимающий участие, непричастный'; 'незатронутый', – как представляется в объединении своих значений объясняет сказанное. Речь идет о состоянии непричастности в том смысле, что присутствие и пребывание в состояниях подобного рода не связывает и не привязывает, делает непричастным, в них пребывающего к происходящему. Они не его, от него не зависят и ни к чему с его стороны, как в них находящемуся (когда в них находящемуся), для них и для него самого не ведут. И он, и они, эти состояния, взаимно не связаны никакими "повинностями", "обязанностями", "обязательствами" и даже условиями. Связи, повинности и обязанности, о которых здесь речь, характеризуют состояния бодрствования, делая их по этому признаку состояниями связанными, обусловленными и с пребывающим в них сопряженными.

случае аллея-аллейка, именно она, а не что-то другое? Однако вопрос этот, задав и поставив, оставим без разрешения, связываемого с определением и характеристикой соответствующих типов сновидящих, что видится областью психологии, а не семантической парадигматики форм и видов пространств, объявляемых в снах.

Продвигаясь далее в аспект мотивации мрачности / позитивности, стоит вспомнить определение разбираемым автором того и другого, передаваемое ею в словах «Следует обратить внимание на то, темна ли аллея, кажется угрожающей, представляет собой тупик или же более создает впечатление облегчения.» Важным видится для нашего рассуждения и то, что «Следует обратить внимание», и то, что «кажется» и «создает впечатление». Все эти характеристики имеет смысл относить к той сфере, которая связывалась бы с упоминавшейся нами предрасположенностью. Сновидящий чем-то нагружен, каким-то определенным образом внутренне и внешне заряжен, его сознание настроено на какой-то определенный лад. Это и будет та предрасположенность, которая вызывает, способна вызывать, при контроле, анализе и обсуждении увиденного во сне «обратить внимание», «кажется», «создает впечатление». Однако мы отвлечемся также от этого, интерпретируя предрасположенность в ином поворотном ключе. Оттолкнемся, прежде всего, от того, что именно, в данном случае, «кажется», «создает впечатление» и на что «обратить внимание».

Создаваемые "впечатления" видимого

Обратить внимание следует на то, *темна* ли аллея, кажется ли она *угрожающей*, представляет *тупик* или создает впечатление *облегчения*. Возвращаясь к сказанному, можно заметить попутно, что то, что она темна, возникает как следствие из того, что на это «следует обратить внимание», т.е. то, что она темна, есть не что иное, как способ о ней представления, аспект, сторона ее видения. Сновидящий склонен интерпретировать ее в этом ключе. Теперь уходим от этого. Темнота аллея, с одной стороны, является проявлением, по мысли разбираемого автора, ее мрачности, а с другой, она следует из "густоты" компрессирующей составляющей каузатора в нее в соответствующий момент попадания. И именно эту сторону имелось в виду продолжить.

«Я» попадает в аллею, и она ему может потом показаться темной, как увиденная таковой. Темнота исходит от загущения, исходящего, "изливающегося" от экзистенциального формата его состояний, себя обретающих в прояв-

лениях, видах и характеристиках видящихся как видимых ему субъективно такими, а не другими пространств.

Это модель, за которой стоит извлекаемое нами в интерпретируемом ключе представление, в данном случае, об 'аллейке', если рассматривать ее как (условный) объект, пространственный применительно к избираемой задаче, чего-то такого, что существует (опять же условно) вне видимого, вне увидевшего и вне увиденного им в его собственном сне.

Представим себе, что все виденное и способное быть во снах таковым, составляет не продукт генерирующего его в состоянии не бодрствующего сознания, а существующее, имеющее свое бытие само по себе. Не для того, чтобы войти в известные концептуальные схемы иных представлений о снах, характерные для целого ряда не европейских традиций (предмет антропологии, религиоведения, философии, и потому не наш), а для того, чтобы постараться, увидев, вывести, по-иному несколько посмотрев, интересующие нас соотношения и связи. Интерпретируя, все же при этом отчасти условно, отчасти, но потому и не до конца, не совсем, – интерпретируя видимое или видящееся, кажущееся, представляющееся (все это будет неважно) не как продукт сознания видящего, а как то его "бытие", в которое он во сне, в момент сна, попадает, выйдя из предыдущего сну своего бытия, а потом в него же войдя, выйдя из своего "бытия" для себя состояния небодрствования, – интерпретируя все это так, условно ли, неусловно, мы получаем способность все это в соответствующих признаках и проявлениях представить, оперируя ими не так, как если на это как на продукты сознания в состоянии небодрствования смотреть. Есть как бы два бытия (возможно и наверняка, что больше, но остановимся только на двух), бытия для «я» как его я-бытия, не будем определять их в отличиях каждого в отношении каждого, взяв за точку отсчета некое отвлеченное «я», – то, в которое входит сновидящий, выходя из своего одного, в свое то другое, и то, в которое он же входит, возвращаясь или выходя из того, в котором до этого, перед этим был. Примерно так, как в разбившейся сказке у братьев Гримм, если смотреть на то, что в ней рассказывалось с определенной, интересовавшей нас стороны: 'подземного состояния замка' и 'не подземного состояния не-замка' (определим это, чтобы без уточнений, как-нибудь так).

А теперь обратимся к аспекту мрачности в представлениях о темной аллейке (опираясь на сказанное в отношении одного и другого, возможных как переживаемые «я», бытия). «Следует обратить внимание на то, темна ли аллейка...». В реальной жизни (для простоты понимания) мы входим в аллейку, ока-

зывается в ней (все предшествующее, приведшее к ней и в нее, посчитаем пока что не важным), которая показывается нам темна, и мы на подобное обстоятельство обращаем внимание, поскольку внутренний голос либо чей-то голос извне нам велит на подобное обстоятельство внимание обратить. Что это может значить и как это можно понять? Когда мы увидим, заметим, что аллея темна, при каких обстоятельствах? Это первое. Отчего она может быть таковой? Это второе. И почему мы должны в такой темной аллее в данный момент находиться, хотя это нам, поскольку это 'мрачный' ее аспект, не вполне, скажем так, подходит? И это третье.

Начнем со второго. Аллея темна (в обычных случаях), 1) если она либо плохо или совсем не освещена, а дело не в ясную пору дня, т.е. вечером, поздним вечером или ночью, и тогда, забегая вперед, ее мрачный аспект подкрепляется дополнительно обстоятельствами а) вечерне-ночной поры и б) грозящими в связи с таким положением неприятностями быть объектом чьих-либо поползновений далеко не дружеского, если не агрессивного и оскорбительного, характера (межсубъектно-контактный аспект), 2) если она, предполагая отчасти то, что указано в предыдущем пункте, к тому же и дополнительно в каком-то глухом, в стороне от главной аллеи, и мало или совсем не посещаемом другими месте (дисконтактно-сепаративный аспект, проецирующий заброшенность, отделенность и одиночество), и, наконец, 3) если деревья, растущие вдоль нее (что вовсе не исключает первого и второго), густые, большие, тенистые, старые, т.е. "мрачные" сами в себе, по крайней мере, способные вызывать подобные ощущения (и это будет ее, опять-таки как усиливающий и дополнительный, строевой, структурный, архитектурный проективный аспект).

Тем самым, то, что аллея может быть темной, есть следствие (в регулярном случае) ее трех предикатных характеристик – 'неосвещенности', 'отделенности' и 'загущенности', усиливаемых дополнительно обстоятельством времени дня, коррелирующих и воздействующим образом управляющих состоянием попадающего, оказывающегося в ней, субъекта, переживающего либо резонирующего в ней те же самые, но субъективные признаки "неосвещенности", "отделенности" и "загущенности", проецируемые к представлению о возможной опасной встрече (проектив негативного контакта).

Из описанного представления отчасти следует то, что было выделено как первое – когда мы увидим, что аллея темна, при обозначенных в предыдущем абзаце в трех пунктах, когда заметим это, обратим на это внимание? Ибо это было важно при интерпретации и об этом, собственно, шла в объяснении разбирае-

мого автора речь. Оставим вопрос об уже ранее обозначенной предрасположенности, с тем чтобы получить возможность выявить что-то еще.

Темноту аллейки, в которую мы вошли, можно будет заметить 1) если кто-то намеренно спросит, попросит, или у нас появится таковое намерение, вызванное той или иной причиной, установить, темна ли или нет, именно эта, на которую мы обращаем внимание (наше внимание со стороны кого-то обращено), аллеика, и это будет ее причинностно-выделительный актуализирующий аспект; 2) если эта аллеика, в которой мы оказались, в которую по какой-то причине вошли, окажется в отношении освещенности не такой, как все остальные, как то, что ее окружает, или то, откуда мы, выйдя, в нее вошли, и это будет ее отличительно-дистинктирующий, как характеризующий, аспект.

Третье, причина нашего попадания в темноту аллейки, которая в этом своем проявлении для нас не вполне желательна, в нее как в аллеику темную, причина, лежащая, в принципе, за пределами связанного с ней определения как таковой, будучи многообразной, может вместе с тем выявлять 1) задумчивую, скажем так, случайность: шел себе, шел по аллеям парка или где-то там возле и не заметил, как куда-то забрел – а это была аллеика, да к тому же и темная.

Это первое в этом случае предполагает сначала определение места как такового, в котором оказываются, в которое попадают, – то, что это аллеика, а не другое что, и только потом обращение внимание на то, что она темна. Хотя возможно, и далеко при этом не исключено, и прямо обратное: сначала замечается, отмечается темнота, а потом уже, что это, где это, – *Куда это я попал, что темно? Что это (такое), где (так) темно?* В ситуации подобного ощущения рефлексивный как бы спохватывается, начинает оглядываться, присматриваться, выяснять, объяснять себе, отдавать отчет в том, где он и что вокруг. Это будет в обоих подобных случаях тем, что можно определить как 'самоидентифицирующее местоустановление', или актуализированную ментально проекцию «я» к своему пребыванию здесь и сейчас, как своего рода прозрение, пробуждение, подключение к месту, пространству своего нахождения.

Отчасти это можно воспринимать как проекцию «его» к тому, что ранее было нами определено как *situs*, или данное положение переживаемого состояния со стороны сознания «я». Это *situs*, перенесенный, внесенный, вставленный в состояние «я», освоенный, интериоризированный им, '*situs* как интроспект'. В определенном смысле это будет ментально-ситуативное самоопределение, или аутодистинктирующий пространственно-локализирующий, подключающий «его», его конъюгативный, аспект.

То же третье может выявлять и 2) нежелательность, вынужденность, но не случайность, связанные с необходимостью скрыться, уйти, убежать от кого-либо в темноту аллеяки, либо с невозможностью миновать ее на своем пути, по дороге куда-нибудь, мимо и от нее. Если первое, необходимость скрыться, будет связано с представлением ее как не слишком приятного, но все же убежища (*confugium*), то второе, невозможность ее миновать, с представлением о промежутке, тяжелом и неприятном этапе, опосредующем на пути (*intercessio*).

И конфугативное, и интерцессивное ее проявления в отношении «его», связываются с вынужденностью, а тем самым, и ожидаемостью, подготовленностью, все той же предрасположенностью, настроенного на подобное проявление для себя участвующего во всем этом сознания, которое не столько себя включает и подключает (конъюгатив предыдущего, первого, проявления), сколько мобилизует, настраивает на соответствующий и заранее в целом известный, локализирующего попадания участвующий (партиципирующий), интерактив-проектив.

Положения (*situs'ы*) проживаемых состояний

Теперь все это перенесем в состояния интересующего нас, небодрствующего, "бытия" (но не *ино*- какого-нибудь там *бытия*, а 'бытия' как некоего 'состояния пребывания', *обывания* в нем, одного из возможных, как нечто целостное в своем сенситивном единстве). Не будем это определять как действительность, как реальность, как нечто там жизни, хотя оно может, способно иметь и, очевидно, имеет все эти экзистенциально-бытийные признаки, ибо не это все важно для нас. Важно то, что выводится из представленного в отношении аллеяки, которая, появляясь во сне, «следует обратить внимание на то, что» *темна*, а этим будет возможность, прежде всего, в него попадания.

Темнота аллеяки, как признак, на который обращают внимание, не будет "здесь", *в этом здесь*, обусловлена теми причинами, которые были отмечены для аллеяки бодрствующего состояния. Это признак ее объявления в проступании, ее не статичное, но и не динамичное качество, как атрибут, характеристика в данный воспринимаемый и связанный с нею момент. Темнота ее есть темнотой самого положения, *situs'a*, в которое попадает сновидящий во время сна. В известном смысле можно было бы утверждать, что ее темнота не то, чтобы первична, но конфигуративна, это вводящая, предопределяющая темнота.

Нечто подобное можно отметить для представления о том свете, как свете противоположном, обратном, подземном, в котором темно. Темнота для него выступает признаком характеризующим, отличающим, как темнота того, что внизу,

под землей, а потому и не видит солнца, не будучи освещено. Небезынтересным в этой связи можно считать мотив обращения, связи с этим подземным миром, в котором смертный может мифологически себя представлять, оказавшись в нем, через вхождение, 'пересечение' нижнего порога, порога того, что является преисподней, как самого нижнего, ниже которого далее уже ничего как бы и нет (лат. *limen inferum*).

Не вдаваясь в общеизвестные из мифологий определения, имеет смысл обратить внимание только на некоторые, но весьма показательные соотношения в латинском: *in-ferus* 'нижний, находящийся внизу', а также 'подземный, преисподний, относящийся к царству мертвых', откуда *infernī* 'обитатели преисподней, усопшие, умершие, мертвецы', а из этого *inferiae* 'жертвоприношения в честь умерших, тризна', от *inferius* 'приносимый в жертву, жертвенный', которое непосредственно связывается с глаголом *in-fero* 'вносить: i. pedem (gressum) in aedes 'входить (вступать) в дом'; 'приносить: i. honores alicui 'приносить жертвы кому-л.'; и одновременно с этим *inferna* 'брюшная полость, живот'; 'подземное царство', от *infernus* [inferus] 'нижний'; 'подземный; принадлежащий к подземному царству' и к этому всему *I ferus* 'дикий, неприрученный'; 'суровый; свирепый, жестокий'; *II ferus* 'дикий зверь; животное', связываемые, по всей видимости, корнем с глаголом *fero* очень широкого спектра значений, первым из которых будет 'носить', в том числе 'быть беременной' (кем-л.) и *поэт.* 'рожать' (кого-л. кому-л.); возвр. *se f.* или *ferri* 'идти, двигаться; мчаться, нестись, устремляться'. В этих значениях нет представления о темноте, которая определяет как свойство себя не лексически, но не случайными можно считать отношения 'нижнего', 'низа', с понятным перенесением к 'подземному' и 'преисподнему', к 'жертве' – 'внесения', 'вхождения' и 'приношения', к 'дикости и к 'несению' в 'двигаться' и '(при)носить' (в 'брюшной полости') как 'рожать'.

Отношение к нижнему и потустороннему в этом ряду (для нашей задачи) предполагает возможность вхождения в него и способность связи с ним через жертву 'внесения' в тот мир из этого. Отношение к тому, чем является в своих объявлениях сон, в этом смысле отчасти подобно. В него также необходимо 'войти', 'принести себя в жертву', – в том смысле, который предполагает предание себя, передачу, отдачу и обращение, переход в то, над чем производится некое действие, становление управляемым и направляемым, а не направляющим, отказ, фактически, от себя. Погружение в сон есть (в наиболее общем случае), прежде всего, утрата способности действовать самостоятельно и собой, своими желаниями и видениями управлять. Сновидящий видит не то, что хотел бы видеть, не то,

что сам для себя выбирает, а то, что является, то, что ему демонстрируют в его и одновременно не его сновидении.

Вместе с тем, если темное и темноту можно определять как конститутивное свойство потустороннего, нижнего, преисподнего мира, в который входят, в котором оказываются, темнота его, будучи *тьмой кромешной*, кромешного (от *кромешной*, т.е. за чертой, за пределами этого), темнота неизбежная, определяющая, то темнота и темное в имажинативных проекциях сна не такая. Не конститутивная, а конфигуративная. В том отношении и смысле, что таковой предстает, "выпадает" спящему, объявляясь как темное, в образе темного, в данный момент. Сновидящий попадает на темный образ, что вовсе не означает, что этот образ не может быть для него в какое-то время, при каких-нибудь обстоятельствах также другим. В связи с чем возникает представляющийся важным вопрос – что, собственно, предопределяет его такое, а не другое какое-то попадание? Но не с психологической точки зрения, находящей свое отражение в толкованиях образов сна, а с точки зрения того "бытия", которое составляется 'сонными образами' и, одновременно, которое эти сонные образы из себя производит.

Осуществляя некоторым образом не вполне научное "насилие над природой" того, о чем идет речь, изолируя сновидение от сознания видящего, определяя его не как продукт, не как то, что сознание из себя для себя порождает (под сознанием в данном месте следует понимать все то, что связывается с сенситивно-ментальными проявлениями человека), а как то, что сознание видит, входя, погружаясь в него, воспринимая как не обусловленную от него и ему подчиненную данность, – осуществляя все это, мы ставим задачу, хотелось бы лишний раз подчеркнуть, не определить природу определяемого (это цель совершенно иного типа и вида исследований), а "природу" эту в конститутивном виде ее представить. Для определения того, какими смысловыми и образно-видовыми (имажинативными) категориями, конструкциями, составами, единицами способен в своем сознании, ощущая и воспринимая (не обязательно понимая), оперировать человек. Что свойственно, иными словами, его сенситивной, имажинативной и концептуально-ментальной природе, а не природе того, что входит, преобразуясь и отображаясь в ней.

Бессмысленно ставить и отвечать на вопрос, существует ли и в каком виде, подземный, потусторонний мир, можно ставить и отвечать на вопрос, каким он является в представлениях человека, говоря о нем как о продукте этих самых его представлений. Но тот же вопрос можно поставить и по-другому, несколько переместив, – не каким он является в представлениях человека, а каким он являет-

ся, подчиняя представления человека себе, управляя ими и направляя их, подводя их к каким-то следствиям, оборотам и результатам. И тогда, не вникая в то, что было раньше курица или яйцо, можно определять сознание человека, его положения и состояния, экзистенциальные и психологические в том числе, равно как и его самого, как продукт, отражение и следствие именно такого, а не иного какого-то "существования" для него потустороннего и преисподнего, не наблюдаемого вроде бы бодрствующим его, но не состоянием, а пребыванием.

То же самое мы предлагаем в своем подходе к его пребыванию в не то, чтобы потустороннем, но и не в посюстороннем, "проекторе" сна, каузируемом в его имагинациях чем-то, что, будем так говорить, за этим стоит, что испускает образы на экран, освечивая, расцветчивая либо, наоборот, затемняя его. Если 'экраном' можно, отчасти, считать сознание видящего (хотя точнее было бы говорить об экзистенциально-психологическом целом его существа, в его сенситивной, эмоциональной и всех других составляющих, когнитивно-ментальной, возможно, в последнюю очередь), т.е. 'экраном' был бы сам человек в какой-то из своих, ему свойственных ипостасей (эту тему не будем далее разбирать), то 'проектором' – что-то стоящее, находящееся над и вне, какой-нибудь трансцендент, в одной из своих ипостасей, определяемый как надсознание, сверхсознание, ноосфера, этносфера, концептосфера, эгрегор и пр., эманулирующее и осциллирующее в то это все, проектора, а с ним и экрана. Трансцендент, не существенно важный и не представляющий во всех перечисленных отношениях дескриптивный для нас интерес, в силу, прежде всего, того, что все это сферы и области совершенно других дисциплин и наук.

Условно берем за основу, для продвижения в определяемом нами предмете, что есть нечто, что управляет и что за этим стоит (вопрос приблизительно равный тому, что управляет жизнью отдельного человека и что за его судьбой, или долей, стоит, на который ответа нет, поскольку даже парки, перерывающие нить жизни, не знают, когда и почему они это делают). И что это что-то, будучи продуктивным центром, представляя собой управляющее ядро, отражает себя, в интересующем и рассматриваемом нами ключе, как то, что стоит за парадигматикой, с ее синтагматикой, языка, оформляемое нередко в понятие и представление языкового (в его обобщении, не для конкретного говорящего) субъекта. Как еще одна категория, надкатегория, языкового экзистенциального представления как "бытия".

Отвлечемся теперь от абстракций параметрально-вводящего рода с тем, чтобы пока еще не пойти к решению того, что же влияет на темноту аллеи, но

посмотреть на все это с еще одной стороны. Подобие представлениям о потустороннем может помочь разобраться в рассматриваемом вопросе в еще одной, остающейся важной и не разрешенной, связи. Каким объявляется, скажем так, для сознания, в смысле видения-знания его и о нем, этот самый 'тот свет'? Не в деталях и признаках возможного мифологического воображения о нем, расцвечиваемого различного рода повествованиями, предполагающими пребывания в нем и его посещения, а как бы так в общем и концептуально. В самом представлении 'тот свет', что имеет смысл не *этом*, и то, что он, будь то нижний, подземный, или горный и верхний, подчеркивается его инакость, не сходство, а то и противоположность, этому, среднему, или срединному, земному и человеческому, живому, животнo-людскому. Но инакость, не сходство и противоположность, по-видимому, не столько определения, сколько следствия табуирования, эвфемизма, чтобы прямо и непосредственно не называть. Так, как в слове *смерть* или *мертвый*, *покойник*, *усопший*, также, что вполне объяснимо, во многих языках табуированных, можно увидеть мысль о замирании, успокоении, усыпании, т.е. приостановлении, задержке и остановке процессов движения, характерных живому, но не представление и мысль о том, а что же оно такое, чем есть само по себе. Не будем входить в философские углубления данной проблемы, поскольку это не наш предмет, попробуем, насколько это возможно, взглянуть на все это, но не столько с языковой, сколько как бы так сказать, "глазами языка", стороны. Поскольку "глазами" того "языка", который продуцирует имажинативные образы, разбираемые нами, мы будем в дальнейшем смотреть и на них, на эти самые образы. И этот подход и подобный взгляд может стать не только поводом, но и подсказкой.

В таком высказывании, к примеру, типичном для русского речевого употребления, *Это еще те красавцы (герои, мошенники, мученики, фантазеры, прорицатели, негодяи, врачи, учителя и пр.)!* или *Это еще тот мальчик (та девочка)!*, *Это еще те дети!*, *Это еще то дело!*, *Это еще та история!*, *Это еще та новость!*, *Это еще та газета!*, *Это еще та глупость!*, *Это еще тот начальник (губернатор, директор)!* и т.п., – что заключается в представлении, передаваемом указательными местоимениями *тот*, *та*, *то*, *те*? С этим связывается еще одно немаловажное обстоятельство – всякое ли слово (имя существительное) можно с равным успехом использовать в данной конструкции? И, наконец, имеет ли это какое-то отношение, и если имеет, какое, с тем, что слово *тот* содержится в выражении *тот свет: отправить(ся) на тот свет, одной ногой на том свете, быть, побывать на том свете, вернуться с того света, как с того света вер-*

нулся, привиделся (кому-то) тот свет, пришел с того света, всё у них (у вас) тут, не как у людей, как на том свете и пр.?

Объявляемые образы как продуцируемое

Отойдем для начала от вполне понятного объяснения, что *тот* – это который не *этот*, т.е. какой-то другой и от *этого*, возможно, что отдаленный, поскольку, если для представления о 'том свете' это как-то можно еще принять, то в приведенных конструкциях подобное объяснение, будучи недостаточным, не сработает. В грамматиках, при рассмотрении вопроса о переходе указательных местоименных слов в прилагательные этот процесс, иногда называемый депроминализацией, предполагает утрату местоименным прилагательным *тот* указательных признаков. Подобное явление определяется как такое, которое, передавая оценку, как правило, неодобрительную, со стороны говорящего, не предполагает сколько-нибудь очевидных и выводимых значений, приписываемых данному слову. Вполне понятно, что *тот* в этом случае не будет соотноситься с *этот* в отношении указания на степень удаления от говорящего, не предполагает оно также ни значение, соотносимое с *он*, т.е. третьим лицом, или предметом речи, ни то, о чем говорится. Слово это характеризующее, допускающее смыслом некое представление, подобное замечанию 'такой, о котором, но не просто нельзя сказать что-либо хорошее, а о котором трудно вообще что-либо определенное сказать'. Это то, что с трудом поддается сколько-нибудь однозначному определению, с одной стороны. Необходимо долго и основательно объяснять, какой именно и что у него за черты. А с другой, это то, что, в зависимости от значения определяемого слова, может быть такое, таким, с которым не хотелось бы иметь дела, в силу непредсказуемости поведения, проявления, трудности во взаимодействии, в обращении с ним, неподдаваемости, некоммуникабельности, неожиданности. С одновременным указанием собеседнику «ну, ты знаешь, понимаешь, догадываешься, вполне понятно, какой, поскольку известно, какой еще может быть». *Тот* в перечисленных в предыдущем абзаце контекстах, тем самым, и отвлекаясь от них, предполагает укрытым значением сложность для однозначного и однословного определения, следующую из сложности (и связанную с ней) взаимодействия с ним при общей известности не слишком редко встречающегося явления как типа. В итоге можно было бы говорить об усложненном природой, свойствами самого объекта взаимодействии с ним, о его дискооперативной функциональности.

Если *тот* в представляемом повороте есть такой, с которым незатрудненное, сотрудничающее, слаженное взаимодействие невозможно либо осложнено, то и в отношении 'того света', применительно к нему, можно было бы выводить то же самое. 'Тот свет' в разбираемом отношении не только 'другой', 'отдаленный', 'не этот', 'противоположный', но и (опуская табуизацию и оценочность) такой, в котором и с которым нормальный, сотрудничающий контакт затруднен, если вообще возможен. Это также такой, о котором трудно что-либо однозначно определенное и несомнительное сказать, очевидно и ясно определить. И это, одновременно, такой, который, в своих этих не вполне очевидных и ясных свойствах и признаках, общеизвестен. Каждый, в принципе, знает, что это такое, не представляя со всей очевидностью, что́ это и каким именно может или должно быть. *Тот свет* – этим все и вполне достаточно сказано. Так же как *Мальчик он еще тот!* (т.е. такой, который доставляет забот и хлопот воспитателям, взрослым как мальчик), *Это еще та история!* (как история, вызывающая своими, возможно предвиденными, особенностями любопытство, внимание и поучительный, не случайный и значимый интерес), *Это еще тот негодяй!* (негодяй каких мало, с одной стороны, но, с другой, как негодяй и будучи негодяем, он представляет собой концентрацию признаков негодяя как типа, с которым лучше не связываться, но о котором следует знать). Представление о *тот* в разбираемых случаях, таким образом, содержит также как информирующий, так и поучительно-предостерегающий компонент, актуализирующий не называемый, но подразумеваемый характеризующий признак: 'тот, с которым следует быть ко всему готовым, с которым необходимо быть начеку'.

Сказанное дает возможность увидеть в семантике представления 'того света', равно как и разбираемого сновиденческого состояния (не определяя его как "тот не этот" свет) общую для того и другого черту – дискооперативности, неспособности должного и привычного взаимодействия с ним и в нем. Черту, из которой следует представление о том (точнее было бы говорить об обратном – черта эта следует из этого представления), что то, что в том и другом является, появляется, объявляется, что то, что тому и другому свойственно или может быть свойственно, не может быть по своему источнику, как причина и следствие, определено. Признаки появляющегося в том и другом, равно как и сами фигуры и образы (имагинативы), будучи имманентными, характеризуют себя и свой мир, но никакого возможного объяснения своему появлению и виду не предполагают. Иными словами, если в реальной действительности бодрствующего состояния сознания появляется видящаяся, воспринимаемая темной аллея-аллейка, этому

можно дать объяснение (что было сделано). Если во сне она появляется, кажется, видится, предстает таковой, также как на 'том свете' или в 'подземном царстве укрытого замка' (*Schloß*) в разобранной сказке у братьев Grimm, где возникали последовательно три аллеи с листьями из серебра, из золота и из алмазов, – это можно и необходимо отметить как соответствующий и показательный признак *того*, т.е. того, что и чем есть 'То', информирующий, поучительный, предостерегающий (как в *Это тот еще мальчик / начальник, мошенник, врач!*), но нельзя это как-то логически, средствами бодрствующего сознания, скажем так, объяснить. Не предполагается оно к тому же подобное объяснение, будучи следствием и эффектом 'того', а не 'этого'.

Из этого следует, что темнота аллейки как имагинатива во сне есть ее имманентное свойство, не вызываемое причинами составляющих обстоятельств, следующих из времени дня, плохой освещенности, густоты деревьев. Это свойство для нее показательное, информирующее и характеризующее. Являющаяся во сне аллея-аллейка вместе с тем темной может не быть, как может не быть во сне "в этом месте в этот момент" и самой аллейки. Обратив внимание на это "в этом месте в этот момент", необходимо ввести представление о некотором, онейрическом по своим признакам, пункте (назовем это так, чтобы как-нибудь обозначить), который предполагает позицию входа, включения и подключения, пребывания с продвижением в *situs'e*, спящего и сновидящего ("в этом месте в этот момент"). Позиция эта, онейрический, своего рода *in*-пункт, или пункт включения, *input*, если пользоваться языком информатики, предполагает известное цезаревское *veni-vidi* ('пришел-увидел'), но без последнего *vici* ('победил'). И то, если "в этом месте в этот момент" при вхождении, нахождении спящего в данном *situs'e*, ему является темной аллеика, которая может быть *situs'ом*, но может им также не быть²¹, это можно определять, представляя как следствие "поворота" всего того, что в своей совокупности составляет имагинативный словарь и грам-

²¹ С этим, *situs* ли то, что видится или нет, вопрос обстоит приблизительно, если не полностью (для имагинативов сознания), так, как в разобранной сказке у братьев Grimm. Если *situs'ом*, т.е. значимо определяющим и объясняющим его пребывание там 'местоположением' находящегося (находящихся) на 'том свете', в 'подземелье', в 'подземном царстве', посчитать в себя вбирающий и к себе подводящий последовательно и по этапам 'замок' (*Schloß*), то все предшествующие и к нему подводящие, его предвещающие и связанные с ним другие места, будут, включаясь, в него входить, составлять с ним единство и совокупность его состава. 'Замок' (*Schloß*) в том пребывании, в месте там-пребывания, без них не есть тот самый 'замок' (*Schloß*), он есть 'замок' (*Schloß*) с ними, в них, через них. Хотя, вместе с тем, ничто не мешает, а может и предполагает, рассматривать в качестве *situs'a* каждое отдельно взятое из общего ряда место, равно как и одно из них, если есть к тому предпосылки и основания, а даже если и нет. Неоднозначность и не закреплённая определенность-неопределённость *того*, если и не допускают прямо и непосредственно, то и не исключают такого к себе подхода. Однако это следовало бы рассматривать не как субъективное свойство, идущее от желания видящего, а как свойство, которое ранее было как иммунитативно-толчковое свойство изучаемого состояния определено, 'освобождающее от связей' и толкающее, способное толкнуть и "втолкнуть", равным образом как в одно какое-то, так и другое ситуативное положение спящего.

матику сна, проецирующую себя именно так, спроецировавшую себя "в этом месте в этот момент", синтагматику "языка" сновидений именно так, а не как-то иначе.

Тем самым, то, что аллея-аллейка во сне объявляется (кажется) темной либо какой-то другой, равно как и то, что аллея (а не другое что-то), будем рассматривать и определять как синтагматическую проекцию парадигматики онейролептических (сновиденческих) имагинативов. В их совокупности вероятного для каждого из потенциальных сновидящих состава как общего для них "языка", не обязательно им понятного и понимаемого, но воспринимаемого ими, видимого ими и слышимого. И тогда "текст" сновидения, которое можно рассматривать, определяя как текст (но это не будет предметом нашего интереса), будучи высказан, передан, сообщен, должен иметь не только его разрешающий, продуцирующий язык, но и того, кто или что это самое производит и делает. Со всей очевидностью это не будет сновидящий, поскольку он выступает тем, к кому этот текст обращен, его адресатом и реципиентом (точнее было бы говорить, в него погруженным участником и отчасти содейателем). А раз так, то и не его сознание (если все же сознание, то какая-то его подноготная, трансцендентная и не осознаваемая, не управляемая часть, но этот вопрос оставим психологам), выступая в этой связи приемником и репродуктором, не продуктором. Продуктором же должно быть что-то другое, стоящее, находящееся, пребывающее где-то 'вечно и вне', за пределом сознания воспринимающего. Понятие продуктора осложняется, связываясь отчасти, с тем, что ранее определялось как 'языковой языка сновиденный субъект' – трансцендент, который также неизвестно доподлинно, что есть такое.

Не решаемые нами здесь, но поставленные вопросы, не входя ни в мистику, ни в науку, ни в псевдонауку, нужны будут как категории, как составляющие парадигматики и синтагматики разбираемого, имагинативного по своей природе, объявляющегося в снах "языка". Вполне понятно, что за представлениями о 'том свете' что-то стоит, будь то фантазия, воображение, вера, духовные сущности, этнокультурные сферы, религиозные установки, приобретающие определенный характер и вид. Поскольку свет этот как-то живет, проявляет себя, объявляет и побудительно движется. Важно ли, чем оно есть то, что за этим стоит, и как его называть? Для нас будет важно не то, чем оно есть, но что есть, поскольку как-то живет и какими-то способами и образами себя обнаруживает. Внимание наше обращено на то, как живет и какими способами и образами себя обнаруживает, не задаваясь вопросом, чем оно, собственно, есть. В разбиравшейся сказке у бра-

тьев Гримм то подземелье, с замком, аллеями, переправой, всем, что имелось и что, включая в себя, вело, – можно бы было задаться вопросом, что оно есть такое и откуда такое взялось? Но что бы оно объяснило в своем вероятном научном ответе? Ответом, но не которого ищем, а который бы как-то удовлетворил, было бы то, что не демон, не бог, не сознание рассказчика, не представления человека (людей) о том, чем и как объявляется потустороннее, а то, что есть некий Язык, говорящий с людьми своим языком, который такое и так из себя представляет. А коль скоро имеется некий Язык, то имеются как на нем говорящие, так и на нем говорящего слушающие, что само по себе очевидно. Но кто или что Язык тот так, а не иначе установил, можно назвать как угодно, но ни название этого, ни его достоверное и разумное толкование все же не объяснит его такого, а не другого действия и устройства, а именно это и будет нас интересовать.

Сказанное потребовалось для того, чтобы указать, что то, что приснилась аллея, и эта аллея спящему показалась 'темна', было отчасти следствием 'действия' стоящего за всем этим продюктора. Хотел ли он что-то, тем самым, сказать или просто сказал, потому что привык говорить, и в этом его природа, отнесем это к области снотолкователей и психологов. Для нас будет важно не то, что сказал и не что именно он сказал, а, скорее, почему, чем это было вызвано, могло быть вызвано в его продуцирующей природе (обращаясь мыслью к парадигматике и синтагматике онейролептического имажинативного языка).

Мотивы и обстоятельства 'попадания'

Вернемся для разрешения заданного вопроса к рассмотренной ранее сказке братьев Гримм, с тем чтобы, поискав подобия, постараться увидеть, если не то, что вызывает то или иное видение в его предикатных признаках, тех либо других, то, по крайней мере, чем это может быть обусловлено, что способно на то или иное видение повлиять. Рассматривать будем для этих поисков все то, что касается в ней подземного замка. Представим, что виденный замок и все, что и как подводит к нему и его обуславливает, с музыкой, танцами, кубками и т.п., будет тем, чем явилась во сне аллея, которая оказалась темна. Опустим возможные ее опосредующие, поскольку они в толковании не называются, однако подразумеваемая их. Иными словами, с одной стороны, есть замок, который подземный, со всеми его предшествующими и характеризующими приметами, и есть аллея, которая темная, с ее такими же сопровождающими приметами. Этого будет до-

статочно для сопоставления. То, почему есть замок, чем может быть вызвано его появление (не наличие, поскольку проблема наличия его в сказке стоит за границами нами рассматриваемого), позволит отчасти подойти к ответу и на интересующий нас вопрос.

Представим для начала его появление в описанной в тексте последовательности. Роль сновидящего, того, кто входит в состояние, разрешающее и предполагающее разбираемое видение, исполняет солдат. Возникновение возможности видеть и оказаться в нем вызывается для него необходимостью следить за принцессами. Необходимость эта каузируется заданием, полученным от короля, что можно рассматривать в интересующем нас аспекте как иммитативный толчок, ведущий к прерыванию связи с данностью *этого* состояния и разрешающий переход к состоянию *там*. Необходимость эта, при соблюдении всех сопровождающих обстоятельств, связанных с временем, пребыванием в комнате рядом и пр., ведет к попаданию в подземелье с замком. Можно было бы говорить, что в подземный мир, с его пространственными объектами, выстраивающимися в своей не случайной последовательности, с ее переходами и обусловленностями, но не это будет предметом.

'Попадание' (самая важная во всем этом составляющая) в подземелье с замком, следовательно, не вызывается, не каузируется, но связывается с принцессами. С одной стороны, с их неудержимым желанием танцевать, а с другой, с их таким же желанием встречи с принцами. Со *своими* принцами, поскольку у каждой принцессы имеется свой. И принцы, и танцы с ними, составляют для них, для принцесс, единое целое, одно невозможно представить себе без другого. То и другое, следовательно, необходимо воспринимать как объект их стремления. Дополнительно себя проявляет немаловажный мотив, уточняющий представление о замке. Желание танцевать со своими принцами объясняется стремлением со стороны принцесс замкнутых в подземелье замка принцев освободить. Замкнуты они в нем, поскольку закланы ('запечатаны' там и 'заключены').

Это последнее не разрешает себя, принцы из замка принцессами не освобождены, и принцессы уже их не освободят. Потому ли что секрет раскрылся, и хождения к принцам прекращены, по другой ли какой причине, не обязательно связываемой с принцессами и их хождениями в подземелье к принцам для танцев в замке, не будет важно. Важными для разбираемого представления будут два обстоятельства: 1) то, что попадание в подземелье, в подземный замок, того, кто следит ("спит и видит") связывается с принцессами, направляющимися к своим там находящимся и 'замкнутым' принцам, с тем чтобы с ними, встретив их и от-

правившись вместе в замок, в этом замке протанцевать (что имеет целью освобождение принцев от тяготеющего над ними заклятия) и 2) то, что выносимым следствием и остающимся, непроверяемым, наглядным и очевидным, результатом всего еженощно происходящего, являются истанцованные туфли принцесс, каждой из них, распадающиеся надвое, что знаменует для них завершение (прерывание) танцев с необходимостью возвращения.

Представим все это в следующей схеме, имея в виду, что указанное выносимое следствие в виде распавшихся надвое туфель каждый раз, выступает одновременно тем, что побуждает стремление короля к разрешению для него непонятного и его беспокоящего положения вещей. Необходимость раскрыть, что за этим стоит, побуждает его к каузации производимого солдатом включения. Два параллельные устремления к разрешению – со стороны короля и со стороны принцесс, пересекаясь в следящем за ними солдате ("сновидящем"), взаимодействуя в нем, служа предпосылкой, порождают возможность вхождения, погружения и попадания в подземелье с замком ("состояние сна"):

| | | |
|--|---|---|
| Истанцованные еженощно, разбитые надвое туфли принцесс | Необходимость узнать и понять причину | Неудержимое желание принцесс танцевать |
| Стремление короля к разрешению данного положения вещей | Задание тому, кто вызовется объяснить | Их стремление к встрече с принцами |
| | Необходимость следить за принцессами | Желание принцесс освободить своих принцев |
| | Попадание вслед за ними в подземелье с замком (трехкратное) | Еженощное хождение принцесс в подземелье |
| | Пребывание в подземелье и танцы с принцами в замке | |
| | | Прерывание танцев, вызванное разбитыми надвое туфлями |
| Разрешение имевшего место положения вещей | Возвращение из подземелья | |
| | Разбитые надвое туфли, а также ветки и кубок, | |
| | захваченные солдатом при возвращении | |

Свадьба со старшей
принцессой

Невозможность для
принцесс освободить от
заклятия
своих замкнутых в зам-
ке принцев

Вертикальный ряд первой колонки, представляя позиции короля, предполагает того, кто, выступая в роли побуждающего необходимые действия, своим устремлением каузирует 'попадание', получая тому доказательства и достигая желаемого разрешающего результата. Вторая колонка, связующая, а потому срединная и осевая, представляет позиции попадающего и следящего (поскольку следящего). Третья, соответственно, позиции тех, за которыми следуют и следят, которые, тем самым, делают возможным, обеспечивают 'туда-попадание'.

'Попадание', следовательно, имеет две стягивающиеся, взаимно притягивающиеся стороны, составленные принцессами и принцами. Принцессами *здесь*, со стороны вхождения, входящего и подключающегося, и принцами *там*, со стороны, в которую входят, к которым входят и подключаются. Принцессы и принцы в этой связи, с одной стороны, составляют в интересующем отношении некое целое, обнаруживающее себя в совместно ими производимых танцах в подземном замке, а с другой, они, как единое целое, необходимостью еженощного соединения, притягивания, устремления друг к другу, создают возможность, являясь одновременно причиной, 'туда-попадания'.

То, что следящий ("сновидящий") попадает в подземный замок, и такой, как представлен, обуславливается тем, что содержится, что заключено в принцессах с их принцами, тех и других, как единое, соединяемое и разъединяемое, разделяемое надвое танцами, целое (туфлями в самом конце). Кто же такие, точнее, что же такое являют собой эти принцы с принцессами и что представляют собой разбиваемые надвое туфли этих принцесс, остающиеся как свидетельство их там-пребывания в состоянии здесь?

Мотив оставляемого подобного рода свидетельства пребывания где-то, объясняющий, что нечто происходившее там имело место, действительно было, и что это не был сон, довольно известен и часто встречается в сказочных и не только сказочных повествованиях. Нас он будет интересовать не только и не столько как доказательство или свидетельство, сколько как след, отпечаток, носитель, форма смысла того, что имело место, что было вынесено и что осталось от там-пребывания. Переводя его в сферу сновиденческого разбитые надвое туфли будут тем, что вынесло для себя, но не только сознание, но вся природа и

естество сновидца из состояния сна, после сна и от него пробуждения. Не хотелось бы и не имело бы смысл уподоблять это производимому снотолкованию, поскольку интерпретация виденного не то же самое, что виденное: разбитые надвое туфли и объяснение их как разбитых надвое туфель не одно и то же.

Итак, есть вынесенное из состояния там-пребывания, равно как и из состояния сна. Это туфли для подземного замка, точнее танцев в нем, как их результат. Чем будет нечто, равное этим туфлям, для аллеи-аллейки, которая снилась, приснилась кому-то, если аллеика, которая виделась темной с каким-то своим окружением, была приравнена нами подземному замку с его окружением (то и другое как положение в состоянии сна или там-пребывания, т.е. то, что было названо термином *situs*)?

Такими "туфлями, разбитыми надвое", следом, отпечатком, тем, что осталось для состояния сна после сна с пребыванием в темной аллеике, был бы тот в состоянии сна получившийся результат, который оказался достигнут в итоге, в той темной аллеике производившихся, "танцев", т.е. каких-то значимых, определяющих действий. Но не тем или, скорее, не обязательно тем, кому это снилось, а чему он был наблюдающий происходящее и, возможно, участвующий в нем также, свидетель. Как следящий за происходившим в подземном замке солдат, наблюдавший танцы принцесс со своими принцами, в них к тому же участвовавший, но туфли при этом при всем, не имея их, тех, о которых речь, на себе, не разбивший.

Говоря о том, что принцессы с принцами ведут к 'туда-попаданию', необходимо вернуться к поставленному перед этим вопросу (с обогащенным теперь представлением о разбитых принцессами туфлях). Что же такое являют собой эти самые принцы-принцессы, если принцы были и остаются там, танцами со своими принцессами не высвобождаясь (хотя таковой была внутренне предполагаемая цель), и, разбивая надвое туфли, из состояния *там* после этого возвращаются, выходят из подземелья, только принцессы, оставляя принцев там, здесь оставаясь с пробитыми туфлями?

Перенося все это в сферу сновидца, необходимо еще раз сказать, что 'принцессы с принцами' – это то, что ведет к появлению во сне аллеи-аллейки, которая явится, будет, покажется для него темна. Одна его часть, сновидящего, но та, которая вводит его в состояние сна, не он сам в своем состоянии наблюдателя и участника, но как ведóмый и следующий за тем, что его ведет, встречается, сходится, соединяется с другой его частью, к которой его подводят, которую он может видеть, которая действует, движется и которая постоянно находится,

пребывает там, не будучи в состоянии высвободиться из состояния для нее постоянного сна. Это и будут "принцы" (которые там) с "принцессами", его для него, которые промежуточно там, а незаметно, невидимо, не осознаваемо здесь, со своими в сновиденческих "танцах" разбитыми после них "туфлями".

Об интенциональных механизмах имагинативного порождения

Отвлекаясь от метафизики, метафорики и психологии в том числе, ставящей целью своей объяснить слои сенситивных проекций человеческого существа, отметим еще раз, что на имагинативные формы являющегося во сне, на те образы, которые видятся, с их предикатными характеристиками (то, что аллеика, и то, что темна), влияют не те причины, которые обуславливают предикатные признаки объектов реального, т.е. бодрствующего, состояния (неосвещенность, позиционная отделенность аллеики, густота составляющих ее дерев), а свои "принцы с принцессами". Будучи их, этих образов, мотиваторами, представляя собой не регулируемые, а возможно и трансцендентные, части участвующего в своем сновидении сновидца, те, которые для него одновременно внешние и внутренние, точнее "подземные", "подноготные", остающиеся *там*, и поверхностные, "возвращающиеся" *сюда* из хождения *туда*, этих "принцев с принцессами" можно и следует представлять как интенциональные механизмы имагинативного порождения соответствующих положений (*situs'ов*) состояния сна. Момент объявления образа, в этом контексте, можно рассматривать как продукт, визуальный эффект, результат контакта, взаимодействия, *этого с тем* ("принцесс со своими принцами") при присутствующем при этом видящего все это сновидца (в той его части, которая, будучи погруженной, способная быть погруженной в состояние сна, способна происходящее наблюдать).

От характера, вида и состояния этих самых "принцев-принцесс", следовательно, будет зависеть видимое. И то, что аллеика, как уже говорилось, и то, что темна, и то, что «кажется угрожающей, представляет собой тупик или же более создает впечатление облегчения». Замкнутость подземного замка в сказке, создавая и обуславливая замкнутость неосвобожденных принцев, вызывалась позицией принцев, связывавшейся с их заклятием и на него повлиявшей. То, что видевшийся, являвшийся в подземелье замок со всем его сопровождавшим, был таким, каким был, есть следствие позиционного состояния принцев по отношению к тому, что к такому их положению привело. То же самое можно увидеть и в пред-

ставлении аллейки, которая в одном случае будет (при обращении на это внимания) темна, в другом «кажется угрожающей, представляет собой тупик», а в третьем «создает впечатление облегчения».

При снотолковании происходит, по замыслу, обращение: то, что и как видится, объясняет то, что оно означает, свидетельством, знаком становится, выступает при объяснении в отношении видящего. Если, тем самым, приснившаяся во сне аллеика в непозитивном аспекте может указывать на отклонение от пути (в отношении жизненной либо какой-то определенной и значимой цели), а в позитивном аспекте символизировать путь напрямик, из этого следует вывод, что избранный жизненный либо какой-то определенный путь для достижения поставленной цели является либо неверным, либо, напротив, верным. В отношении, как можно предполагать, равным образом как самих этих цели-пути, так и их для себя избравшего. Речь идет, тем самым, о рассогласованности, несоответствии по каким-то причинам, избранного тому, кто его для себя избрал. Неправильно сделанный выбор знаменует один вид аллейки (узкая, темная, пустая, зловещая, в стороне от главных дорог). Правильно сделанный выбор – другой, надо думать, что противоположный. Само появление аллейки того либо другого вида при этом должно быть связано и связывается с рефлексивной либо событийной актуализацией проблемы данного выбора, о чем уже ранее говорилось, и это существенное, если не определяющее, дополнение.

На все это можно взглянуть и несколько по-другому, обращаясь к мотиву отмеченных "принцев-принцесс", как регулирующих разбираемый процесс мотиваторов. Тогда не выбор, правильный или неправильный, и не актуализация его к психологическому (либо нервно-психическому), возможно вызванному событиями, состоянию спящего, будут, точнее могут, являть во сне аллеику того либо иного вида (все это никак не снимается, но остается за пределами избранного нами аспекта), а само это состояние. Но не как нечто имеющееся в данном месте в данный момент, а как некая существующая, более или менее постоянная данность неопределенного времени своего проявления и бытия. Речь идет о состоянии спящего как *ego*-состоянии, той природе, которая определяет его по отношению к себе самому как экзистенциально-бытийное существо. В некотором смысле это животное состояние, точнее животная (также и в смысле жизни как живота) составляющая, его естества. Таковым является, предстает, объявляет себя человек, сам себя в своем сне.

Продолжая сказанное, следовало бы сказать, что то, что ему приснилась в каком-то сне когда-то аллеика, не обязательно должно быть связано с его акту-

альным на тот момент для себя состоянием. Оно, конечно, с этим может быть связано, но не это существенно важно, точнее, может, и важно, но не существенно, обозначая момент актуальный, но преходящий. Существенно важно то, что аллеика, такая, какая была им увидена, вообще приснилась ему, поскольку могла присниться данному спящему в его сне, в одном из его снов, поскольку другому она бы и не приснилась, а если бы и приснилась, то не такая.

О парадигматике имагинативного "языка"

Речь в данном случае идет об очень важном для нас представлении. О том, что а) имеется незамкнутый, теоретически бесконечно открытый, имагинативный ряд, виртуальный набор, способный быть определенным образом упорядочиваемым, который можно воспринимать и, соответственно, определять как "словарь и грамматику" (парадигматику) имагинативного, общего всем другим, "языка" (не будем определять, кто такие эти другие, поскольку ответа на этот вопрос не последует, отметив попутно, что эти другие являются как бы носителями общего для них имагинативного языка, а тем самым, это вопрос соответствующей типологии типов сновидящих) и б) имеется какой-то такой же, но замкнутый, не бесконечный, а в известном смысле и ограниченный, также имагинативный и виртуальный ряд и набор, также способный быть определенным образом упорядочиваемым, который следует воспринимать и определять как "словарь" и в значительно меньшей степени, точнее виде, "грамматику" имагинативного, но не общего, а индивидуального для данного спящего, как *его* "языка". "Языка" его собственных и ему только свойственных сновидений, которые, если даже и снятся кому-то другому (другим), то не так, не такими, а следовательно, и не они. И об этом, собственно, "языке" и следует говорить применительно к приснившейся в том или ином своем виде аллеике (равно как и чём-то, что может кому-то присниться). В этом именно "языке", для него и внутри него, и будут действовать, проявляя себя, те самые "принцессы со своими принцами", контактом, встречей, взаимодействием которых, от одного к другому и с направлением от одного к другому, и обуславливается то, что именно и каким именно спящему снится. "Принцессы со своими принцами", следовательно, стоят за синтагматикой данного имагинативного проявления как "высказывания" со всеми чертами и признаками, свойственными ему.

Парадигматика общего проецирует и предполагает парадигматику типологического и индивидуального. Синтагматика также имеет проекцию к общему,

типологическому и воплощенно конкретному (как в языке), предполагая конкретизируемую возможность использования в силу существования обобщенного неконкретного как возможной в употреблении формы, структурной модели и образца. Продолжая данное сопоставление, необходимо сказать, что, если имеются механизмы, определяющие вид и форму именно данного объявления – "принцессы со своими принцами для их подземного замка", то должны они или не должны быть такими же и таковыми также и для других? То есть являются ли они такими же механизмами для общего всем другим имагинативного "языка"?

Ответ, как мне кажется, не должен вызывать особенных затруднений. Если то, что солдат попадает в подземный замок, связано с необходимостью следить за принцессами, направлявшимися каждую ночь к своим принцам, то аналогичное попадание кого-то другого куда-нибудь там еще, будет связываться не с принцессами в их устремлении к своим принцам, а с чем-то совсем другим. Общим будет модель-образец: некто X попадает в некое положение Y в силу необходимости следования движению какого-то Z , которое и будет тем, что, побуждая в X соответствующее устремление, вызывает в нем, точнее "приводит" его к положению Y (в определенном смысле к его же в нем положению Y), давая возможность его, это его для себя свое положение, увидеть. В этом случае отчасти будет уместным и уточнение по отношению к 'увидеть в данный момент'.

То, что Z предстает (но для сказки) в виде принцесс со своими принцами, есть следствие того состояния, сложившегося как существовавшего на момент повествования положения вещей, которое, будучи вызвано истанцованными туфельками принцесс, разбиваемыми ими надвое каждую ночь, создает неясность, короля, их отца, беспокоит, побуждая его к поиску разрешения и необходимого выхода. То есть Z в своей конкретности и проективности к данному обуславливается тем, что в мире изображаемого "реально-действительно" существует (король, принцессы, спальная зала, запираемая на замки, кровати в ней, прилегающая комната и т.п.) и что в какой-то момент, "событийно" сложившись в определенный, требующий своего разрешения, ряд (разбитые надвое туфли куда-то, видимо, по ночам отправляющихся каждый раз принцесс), предполагает следование за ним (за Z), соучастие с распознаванием, в конечном итоге, Y -а (подземного замка) для X -а (солдата). Аналогично действующий механизм можно видеть и обнаруживать в снах, при котором имеется, существует для своего "повествования" некое "реально-действительное" положение вещей, "событийно" связываемое с необходимостью следования своему Z с распознаванием своего Y -а (снящегося имагинативного образа) для своего X -а (сновидящего).

О предикатных конкретизаторах образа

Небезынтересным, в связи со сказанным, представляется еще одно толкование разбираемого образа²²:

Аллея, состоящая из деревьев каких-то неизвестных пород, которые вы не можете определить и назвать – знак нечаянного путешествия в место вам вовсе незнакомое.

Аллея, является здесь «состоящей из деревьев каких-то неизвестных пород». Никакой другой вид аллеи в данном словаре не представлен. Особенность эту можно, не придавая значения, объяснить как случайность ничем специально не мотивированного выбора, тем более, что в словарях толкования сновидений подобные предпочтения можно увидеть нередко. Можно выбор этот также представить как следствие наиболее частых и повторяющихся сновидений у разных сновидцев. Можно, и это будет вполне понятным, также и, в первую очередь, тем, что, представляя собой компиляцию из разных источников (на что в словаре и указывается: «Составлено по указаніямъ лучшихъ авторовъ и ученыхъ по древней и новой философіи и герметикѣ»), подобное толкование аллеи в каком-то из этих источников обнаружилось и потому попало в данный словарь. Все эти причины, отчасти, а может, и непосредственно, связанные между собой, объясняя выбор, ничего не дают для понимания представляющегося не вполне случайным вопроса – почему аллея является только в указанном и единственном виде, как «состоящая из деревьев каких-то неизвестных пород» и почему это «знак нечаянного путешествия в место вам вовсе незнакомое»?

Отойдем от того, что было выведено при рассуждении об аллее-аллейке в отношении темноты и всего с этим связанного применительно к механизму вызываемых имажинативных образов в их соответствующих предикатных признаках. Обратимся теперь к другому. Предположим то, что аллея, с одной стороны, побуждая при снотолковании мысль о путешествии, с другой своей стороны, будучи «состоящей из деревьев каких-то неизвестных пород», путешествие это трактует, опять же при снотолковании, как «нечаянное», «в место вам вовсе незнакомое». При этом, необходимо добавить, то и другое, обе эти стороны одного и того же образа, не следует разделять, что может на первый взгляд показаться разумным и очевидным: аллея = путешествие, а то, что она из деревьев неизвест-

²² Милліонъ сновъ. Новый и полный сонникъ. Репринтное воспроизведение 1901. Москва, 1990.

ных пород, вызывает все остальное, нечаянность путешествия в незнакомое совершенно место.

Далеко не всегда это так, даже если судить по даваемым в словарях толкованиям. Какая-то другая аллея, оставаясь аллеей, ни с каким путешествием может никак не связываться. Тем самым, толкуемый образ следует воспринимать как неразложимое целое. На простом примере это можно представить хотя бы как-нибудь так. Если в словосочетании, как языковой единице, *моя деревня*, скажем, можно, разделив по словам, *моя* отнести к одному представлению (значения принадлежности, происхождения, место жительства говорящего), а *деревня* – к другому (поселение в сельской местности), то в том, что оно называет, из наблюдаемого, представляемого, описываемого явления 'деревни' как данного поселения в сельской местности, это то, что 'моя' она, собственно, и не вычленяется. Данность ее наблюдаемого, видимого и полагаемого как конкретное, как поселение и в пространстве расположенный и также пространственный во всех своих составляющих, а потому и вмещающий их в себя, объект, никак с 'моя' не стыкуется, не регулируется им и не связывается. 'Моя' она для меня, для моих представлений о ней, для моего субъективно заряженного к ней отношения. Для меня, но не для нее, как объекта, даваемого наблюдателю (воспринимающему) в ее, для нее своем (не *моем*) объективно-реальном существовании.

«Аллея, состоящая из деревьев каких-то неизвестных пород, которые вы не можете определить и назвать» есть, тем самым, не что иное, как рассмотренная в предыдущем абзаце *моя деревня*. И дело здесь даже не в том и не только в том, что это породы деревьев, которые вы не можете определить и назвать, а в том, что таков сам, по природе своей, являющийся имагинативный образ во сне. В этом сущность его как такого образа – имагинативного образа, являющегося во сне, причем в совокупности всех своих признаков как 'аллеи, состоящей из деревьев...' и все остальное далее до конца.

Исходя из этого, вернемся для понимания и представления остального (и перехода к нему) к поставленному перед этим вопросом. Почему в разбираемом соннике аллея дается единственно и только такой, как описано, с чем это может быть связано? и что следует, что может следовать, из того, что аллея, будучи так только представлена, представлена именно так, а не как-то еще и/или иначе?

Отвечая на этот вопрос и подходя к нему с интересующей нас стороны, следовало бы заметить (что в целом не представляется чем-либо неожиданным), что аллея и есть, едва ли не в первую очередь, такой образ, который предполагает определенную 'неизвестность'. Аллея является знаком и объявлением такой

неизвестности. Если вспомнить все предыдущие толкования, то идея какого-то перехода, переходных этапов жизни, ожидающие сновидящего изменения, равно как и некий, не до конца понятный и очевидный в своих проявлениях и/или последствиях контакт, взаимодействие с окружением, – все это, то ли предостерегая, то ли подготавливая, то ли непосредственно объявляя, как неким туманом и ореолом, окутано неизвестностью. Что ожидать, каковыми будут сложившиеся или складывающиеся отношения, остается неясным. Отчасти это также и следствие того признака имагинативов, который был обозначен ранее как проступание, прорисовывание, точнее вырисовывание, чего-то, до конца не вполне очевидного. Однако и в смысле самой переходности и связующей, устанавливающей, подводящей к какой-либо связи, направленности аллеи можно усматривать эту самую неизвестность.

Небезынтересным и показательным в характеризующем отношении представляется и уточнение разбираемого признака, который приписывается деревьям аллеи. Породы этих деревьев «вы не можете определить и назвать». Задумаемся над постановкой вопроса подобного рода, представив самоё ситуацию и постаравшись связать ее с тем, что предлагается далее как толкование в отношении нечаянного путешествия «в место вам вовсе незнакомое». Оттолкнемся от реального пребывания в ситуации. Находящийся или входящий в аллею первый раз (последнее уточнение будет ближе к тому, что во сне) будет ли и в каком случае будет обращать внимание на то, из деревьев каких пород она состоит? Если он не относится к типу людей, которые специфическим образом интересуются породами произрастающих здесь или там деревьев, а, видимо, это следует допускать, то его внимание будет связано не просто с прогулочным состоянием, но таким, которое предполагает разглядывание, пристальный интерес к окружающему. Отчасти праздный, отчасти познавательный, но в том и в другом случае ничем специально не занятый. Это то состояние, которое было представлено ранее как медитативно-медиативное, связанное с рекреативно-релаксативным предназначением аллеи (парка) как таковой. Появившийся интерес при этом должен быть не простой, а такой, который предполагает установление видов представителей окружающей флоры и фауны. Интерес этот, следовательно, будет иметь характер дифференцирующий и направленный.

«Интересно, а что за деревья вдоль этой аллеи растут?» – подобная мысль появляется, может возникнуть, у кого-нибудь чаще всего, если он не один, и установление пород составит предмет дальнейшего обсуждения. Станет темой, с одной стороны, занимающей время прогулки, в противном случае становящейся,

если не молчаливой, то ищущей тем разговора, что может быть малоприятным и утомительным, а с другой, занимательной, проявляющей занимательность двойного рода, с направлением на предмет и с направлением через предмет, опосредованно, на себя. В первом случае обсуждение пород становится средством обогащения обсуждающих в отношении новых знаний. Во втором – демонстрации их (одного из них) своего умения видеть и замечать, с особым упором на интерес и любовь к природе.

Но если (а именно это условие, скорее всего, необходимо принять в разбираемом отношении) пришедший в аллею, оказавшийся в ней, находится в ней один, без сопровождающих собеседников, то его интерес к породам деревьев, ее составляющих, обращение на это внимание, будет иметь совершенно иной характер. Тот, добавим, забегаая вперед, который будет связываться с тем, что ближе к нечаянному путешествию в незнакомое место, к предвкушению, предчувствию, прообразу и прототипу его. Тому, что можно представлять как его прообраз и прототип, имея в виду под тем и другим не то, чтобы предсказание или предвидение будущего состояния и положения, а своеобразное, предварительное "вхождение" и переживание его. Говоря по-другому, позиция и состояние входящего в такого рода аллею равна, подобна позиции и его состоянию при нечаянном путешествии к совершенно ему не знакомым местам. Речь, в данном случае, идет о равенстве переживаемых состояний двух положений (*situs 'ov*), находящихся в отношении, при котором одно (аллея) предрасполагает, готовит, вводит и вызывает внутренне другое (нечаянное путешествие).

Попутно необходимо поставить важный для понимания того, что описывается, вопрос – в каком отношении нечаянное путешествие выступает не только равенственным по своему положению к сновидящему, но и предсказываемым (либо побуждаемым, вызываемым к жизни) аллеей, привидевшейся, явившейся, объявившей себя во сне? Объяснить это можно (не обращаясь никоим образом к аппликации состояния так называемого *déjà vu* применительно к прежде видевшемуся как к тому, что будет только в дальнейшем увидено), но не позициями рассмотренных ранее мотиваторов ("принцев-принцесс"), в данном случае на срабатывающих, а, скорее, действием того трансцендента, как "внешнего", точнее "верхнего", этажа интуитивно-предчувствующей сферы надсознания «я», которое "знает" и "видит" больше и дальше, чем осознающая и контролирующая сфера сознания того же «я». Можно, но мы не будем этого так объяснять, оставляя подобное объяснение тем, кто занимается снотолкованием. Подойдем к решению поставленного вопроса несколько с другой стороны, той, которая может

связать нас, как с видением незнакомой аллеи в составе ее древесных пород в реальной действительности, так и с равенственностью двух разбираемых в своих положениях состояний.

Привычно приходящие в голову представления о предупреждающих знаках, когда нечто бывшее и увиденное, интерпретируясь, можно воспринимать как предсказание чего-то другого, способного произойти, также придется оставить, ибо все это из другой когнитивной материи. Посмотрим на все это, скажем так, с хронотропической, а точнее, в обратном порядке, с тропохронической (во многом условно-неполно, что следует далее объяснить) стороны, полагая, что некоторый, пространственный по своей природе, объект, в своем для воспринимающего, видящего его, субъекта объявлении, видясь одним, во времени отдаления X от него, во времени приближения Y к нему начинает видеться, но не то, чтобы другим, а в своем "проступании" более очевидным и потому измененным, интерпретируясь как другое и забываясь нередко, каким он виделся перед тем для субъекта во времени отдаления X .

Сказанное требует пояснения. Для начала представим все это на доступном примере. Предположим, что мы плывем по воде, пусть это будет река, для большей наглядности и очевидности к разбираемому. Корабль, лодка, как средство передвижения, с одной стороны, позволяют лучше видеть то, что на берегу, чем если бы мы плыли без них, а с другой, также лучше и приближают к тому, что на берегу этом видится. Пусть это будет утро, предполагающее не слишком яркое, но и не вполне искажающее освещение, допускающее также легкую дымку, растворенную тонкую мглу, скрадывающую полные очертания видящегося в некоторой дали.

Плывя таким образом по воде, в этой дымке, на расстоянии, в достаточном отдалении, чтобы что-то видеть, но не различать, предположим, что на берегу, мы начинаем видеть какие-то возвышения, воспринимаемые нами как громоздящиеся, следующие друг за другом, сходящие к берегу скатом и идущие далее и к пологому верху холмы. Мы уверены, что это холмы. Таким будет наше представление о данном объекте во времени X , воспринимаемом на некотором пространственном отдалении в этом времени от него. Время, тем самым, становится мерой, но не только и не столько пространства, сколько пространственного положения по отношению к объекта во времени.

Подплывая ближе и затем подплыв совсем близко, мы начинаем видеть и понимать, что виденный нами во времени X от него отдаления объект не холмы, что это какое-то поселение, город, с рядами зданий, стоящих вдоль берега и гро-

моздящихся, уходящих вверх. Город, одновременно с этим, стоящий также и на холмах, повторяя собой их пространственное вдоль, вниз и вверх, "продвижение". Город, который скрывал, прикрывал, а вместе с тем и покрывал, то, что было, в принципе, не вполне обманчивым представлением о холмах. Представление об объекте во времени Y к нему приближения, тем самым, не полностью отрицает, но уточняет, "нагромождает", делает более полным и обстоятельным первоначальное о нем представление, появившееся во времени X отдаления от него. Вместе с тем, это второе, последнее, представление, более полное и очевидное, заслоняет и делает неактуальным первое. То, что холмы и что город стоит на холмах, повторяя собой их формат и движение, дополняя и развивая их, становясь неважным для интерпретации образа, забывается, уходит на задний план.

Все это можно перенести в соотношение приснившейся, привидевшейся во сне, аллеи и ожидаемого путешествия. Не просто аллеи, а той, которая «состоит из деревьев каких-то неизвестных пород, которые вы не можете определить и назвать», как единое целое (видящиеся вдалеке по реке холмы). И «нечаянного путешествия в место вам вовсе незнакомое». Указанную во всем этом своем составе аллею будем воспринимать, соответственно, как объект во времени X отдаления от него (холмы), а то самое ожидаемое путешествие, в его составе, как нечаянное и в места незнакомые, как тот же объект, но во времени Y и, следовательно, приближения к нему (город).

Что тогда это – такие-то и такие холмы или так-то и так-то увиденный в расположении город на этих холмах, такая-то и такая аллея или такое-то и такое предполагаемое к совершению путешествие, видимое в аллее? Для воспринимающего это будет зависеть не столько от натурально-действительного положения вещей, поскольку, как в жизни, так и во снах, в них тем более, для видящего важна не действительность, не искомая и находимая "правда жизни", а его ее для себя понимание, толкование жизни и сна, – объяснение и, соответственно, значение этого будет зависеть от 'степени приближения во времени' к видимо наблюдаемому им объекту. Аллея, состоящая из деревьев каких-то неизвестных пород, с течением времени, приближающего наблюдателя к ней, становится, начинает как "видимый объект" проступать, нечаянным путешествием в место, ему совсем не знакомое.

Это то, что касается, будет связываться нами при изучении с феноменом сна. Возвращаясь к аллее реально-действительного переживания, при котором входящий в нее в первый раз обращает внимание на то, что она состоит из деревьев пород, ему неизвестных, которые он не может определить и назвать, помимо

отмеченной ранее предрасположенности, будучи в этой аллее сам, без возможных при том собеседников, на подобные вещи внимание обращать, – можно было бы отметить, как существенно важную для его состояния, черту его озабоченность. Озабоченность его эта может иметь как вызывающий беспокойство характер («Что это такое, что это еще за деревья, мной не встречавшиеся ранее и незнакомые? Что это может быть?»), так и быть следствием неожиданности от увиденного и вполне понятного любопытства («Ну надо ж какие деревья, я их не знаю, скорее всего, никогда не встречал!»).

То и другое, как состояние не разрешающей себя неопределенности, при любом отношении к ней, возбуждая в субъекте некую предрасполагающую к тому, что может за этим последовать, "заряженную" открытость, вызывает способность, если и не притягивать, то придавать значение и замечать, на фоне которой нечто, что может случиться и произойти будет воспринято как своеобразное "нечаянное путешествие в место совсем не знакомое". Речь при этом никак не идет о каком-либо совпадении объектов, событий и проявлений реально-действительного и сновиденческого. Речь идет о совпадении положений (*situs 'ov*) тех состояний, в которых способен оказываться и в которых оказывается субъект в своей реальной действительности (действительности реального видимо-кажущегося для себя) и в том, что он видит и ощущает, пребывая в своем состоянии сна. Речь идет о подобии, если не совпадении, равным образом действующих сенситивных моделей для того и другого, при котором некое *A*, вызывая представление о *B*, оборачивается затем неким *C*, которое заключает в себе *A* и *B* как свое появление объясняющие. При этом *A*, *B* и *C* совокупно нисходят на общее для них ощущение, проявляющее, отображающее себя в том, другом и третьем как в пространственных своих воплощениях.

О значениях и формах возможной реализации

Говоря о подобии или тождестве и совпадении модели, о ее возможном единстве и общности, реально-действительное и сновидящее проявления ее необходимо рассматривать и определять как две разные, не совпадающие в своих значениях и формах реализации. Аллея, состоящая из деревьев неизвестных пород, привидевшаяся во сне, приближающая в 'пространстве времени' нечаянное путешествие в незнакомое место, это не то же самое, что такого же рода аллея в реальной действительности. Не столько собой приближающая, сколько предрасполагающая, открывающая, определенным образом нацеливающая и наводящая,

подготавливающая субъекта к встрече, контакту, взаимодействию с чем-то ему неизвестным другим (что, впрочем, может и не обязательно должно состояться, поскольку это предрасположенность, а не причинно-следственная обусловленность и необходимость).

Будучи пространственным воплощением идеи прохода как перехода, ведущего, открывающего кого-то куда-то, подводящего и направляющего его в это куда, аллея при этом, сама по себе, лишь в своих внешних признаках может настраивать восприятие на положительный либо, напротив, негативный характер того, что собой это «куда» представляет или, скорее, может собой представлять, не уточняя и не отмечая, чем оно может быть. В немалой степени на подобное положение влияет сложившийся традиционно способ интерпретации сновидений, как всякий гадательный, не предполагающий ясности и однозначности. Однако и как таковая аллея, будь то в реальной действительности, будь то во снах, как то, что трактуется в категориях знака, внутренне, воспринимается неоднозначно и амбивалентно. Попадание в аллею отмечает начало чего-то, что можно видеть как путь, движение к чему-то, что явит себя в конце (если явит). Как на примере рассмотренной сказки у братьев Grimm: путь к замку, в котором себя разрешают известные обстоятельства, приведшие героя туда, понудившие его к тому, чтобы сойти в подземелье, начинается, собственно, с попадания в аллею, одну, потом другую и третью, ведущую к переправе. В известном смысле подобное можно воспринимать как эссенциальный смысл характеризуемого образа.

Обращаясь к мысли о сенситиве, т.е. к тому, что своим полуосознаваемом либо не осознаваемым представлением как ощущением, реагирующим чувством, понуждающим человека предпринимать либо то, либо то, выбирая одно и отказываться от другого, не всегда объясняя себе направляющий действия смысл, обращаясь к этому, следовало бы обратить внимание на этот самый, заложенный в ней, сенситивный (для человека) характер аллеи. Отчасти об этом уже говорилось при объяснении ее структурных и внешних признаков, признаков назначения и восприятия, влияющих на ее имагинативный смысл. В данном месте объективация и возвращение к этому будет предполагать возможность того типологического представления разбираемого образа, которое ляжет в основу дальнейшего описания с привлечением имагинативных форм и конструкций иного рода. Представлением об аллее не может и не должно ограничиваться, чтобы не быть односторонним и некомплектным, предполагаемое описание затрагиваемых нами явлений, имеющих вид и характер, природу, знаков, однако к которым хотелось бы подойти и с другой стороны.

Попробуем объяснить в данном месте, о чем идет речь, прежде чем перейти к задуманному, во многом методологическому, обобщению на материале аллеи. Видимое во сне, по крайней мере, в европейской традиции, уходящей корнями в тысячелетия (индейской, австралийской либо какой-то другой, где это выглядит как-то иначе, касаться не будем), привычно было воспринимать в гадательно-предсказательном либо фиксирующе-объявляющем положении. Как объявление и как знак либо как показатель физического, психологического (психосоматического) состояния спящего. То есть в семиотическом, если использовать современные представления, либо симптоматическом повороте. Отрицать подобное было бы не обоснованным и не разумным, подобной природой снов занимались и занимаются, не без эффектов и результатов, о чем свидетельствуют несомненные достижения в этой сфере самых разных наук. Несомненно, это природа сна в его отношении к человеку, а раз так, то изучение, исследование этой природы необходимо и к достижению соответствующих, постепенно оптимизируемых, результатов ведет. Так же, как и исследования мифологических представлений, фольклорных и прочих текстов, раскрывающих смысл законов действия человеческого сознания и бытия.

Ни в коей мере не отрицая ни эффективности, ни релевантности, ни, тем более, необходимости данных подходов, себя апробировавших и уверенно доказавших, хотелось бы обратить внимание во всем этом еще на один предмет. Для представления, обрисовки его, в самом общем и неконкретном, поскольку методологическом, виде, как взгляд, точнее способ взгляда, подход, обратимся еще раз к феномену фольклорной сказки, той, в первую очередь, которую традиционно относят к разряду волшебных, не вдаваясь в дебаты по поводу правомерности данного определения, а тем более, к их отношению к не волшебным, равно как и к проблемам определения сказочных видов. Это совсем не наша задача.

Трактуются сказка подобного рода в науке (после В.Я. Проппа) как текст, относимый к мифологическим, в основе своей, представлениям в их ритуально-обрядовом компоненте, с его практическим, прагматическим, дидактическим, социализирующим предназначением и смыслом, если охарактеризовать это все обобщенно и неконкретно. То есть в исторической, с точки зрения стадий развития человеческого сознания, ретроспективе, определяясь нередко необходимостью семантической реконструкции прежних ментальностных состояний. Та же сказка может использоваться и трактоваться, в науке, жизни и в практике, как литературно-художественное, в том числе и, если не в первую очередь, семиотическое произведение, и как целое, и в составе своих единиц. И как феномен пси-

хологический. Прежде всего, с точки зрения терапевтических, упорядочивающих, регулирующих, развивающих, морализирующих, оздоравливающих и т.п. проявлений. Может она, в конечном итоге, быть представляема как явление, феномен, человеческих интеллектуальных способностей, воображения и фантазии. Однако ни в первом, ни во втором, ни в третьем не будем искать того предмета, о котором речь.

Посмотрим на волшебную сказку с иной стороны, с той, с которой будем смотреть и на феномен сна в сновидениях, точнее в образах, появляющихся или не появляющихся, не такими, не так появляющихся, во снах, это будет не важно, но таковыми описывающихся и представляющихся в существующих словарях. Представим волшебную сказку, описываемое в ней как необычное и не вполне обычное, как эффект погружения в состояние видения и переживания того, что описывается, участвующего и наблюдающего участия в происходящем. Сказка будет, тем самым, не повествованием, не рассказом о цепи событий в последовательности их представления, а тем, что демонстрирует с помощью текста как средства то, в чем находится, где оказывается, во что погружается персонаж. Это и будет тот эффект пребывания, нахождения в этом, о котором можно сказать, что он сходен с тем состоянием, которое переживают некоторые писатели (Флобер, Достоевский, к примеру) при описании того, в чем участвуют их герои, что происходит с ними, в момент написания произведения. Такое, скажем, сопереживающее пребывание, погружение в изображаемое, в описываемые события, образы и картины, сродни пребыванию, погружению спящего в свое сновидение во время сна.

Погружение в переживание как категориальный аспект

Сама по себе постановка вопроса не должна вызывать каких-то недоумений в силу своей неожиданности или неясности. Явление это вполне очевидно, поскольку на этом основано то, что принято обозначать словами "сила искусства", погружающая, вводящая воспринимающего в определенный эмоциональный настрой, нередко захватывающий все его существо. Едва ли не всякое эстетическое, художественное, по своей природе и происхождению, переживание также связано с этим, отмечаемое как эмпатия. Однако, опираясь на это, отталкиваясь отчасти от этого (но лишь для того, чтобы с чем-то сравнить), хотелось бы пойти еще дальше – не просто к переживанию, обнаруживающему отклик сочувствия, эмоциональный поддерживающий настрой и психологический, пусть даже психосоматический, резонанс, но к уподоблению, отождествлению ощущений,

чувствованию того же в себе. Одно дело я, слушая либо читая волшебную сказку, воспринимаю происходящее в обогащающе-развивающем развороте (какими бы побудительными причинами ни был вызван такой интерес). Другое дело, когда я переживаю с героями за героев, втягиваясь в повествование и желая узнать, чем же все это кончится, куда это все повернет, спасутся или погибнут, чем окажется укрываемый в повествовании секрет. И совершенно особое дело, когда, отключаясь от сопереживания, отключаясь также и от участия и соучастия как такового (ибо об этом, в конечном итоге, все-таки речь), когда, поддаваясь изображаемому как являющемуся мне происходящему, я не вижу, не чувствую, не понимаю, что происходит, но, всем своим существом погружаясь в него, перехожу в него и сливаюсь с ним (эффект трансмутирующего, преобразующего втягивания, переформирующего экзистенциальную сущность погружаемого во все это «я»). Под словами «не вижу», «не чувствую», «не понимаю», в отношении сказанного, следует понимать, что не отдаю себе в том, что вижу, в том числе и что именно вижу, отчет. Это как не контролируемое сознанием, не рефлекслируемое, в нем всем пребывание.

Показать это все на примере рассмотренной сказки у братьев Гримм можно в виде цепочки таких (условных) переживаемых и последовательно сменяемых ощущений (с позиции как бы солдата, но не солдата, поскольку оно не имеет источником тот или иной изображаемый персонаж, а как бы разлито, вмонтировано, вставлено в повествуемое как его заряжающее собой что-то вроде в себя погружающего энергетизирующего и ведущего, влекущего, уносящего поля). Сначала, но и это «сначала» будет для нас условно, поскольку действует оно волнами накатывающего, поднимающего и опускающего несения – течения, включающего в себя, итак, сначала, чтобы было с чего начать, производится погружение в нечто мягкое, как в постель. Точнее было бы говорить, твердо-мягкое, как держащее и вбирающее в себя: кровать, на которую ложится солдат, поскольку с этого момента можно говорить о движении погружающего подключения (во сне это спящий, и с этого момента для него начинается сон).

Имагинативный образ кровати (на которую солдата кладут, но это то, что «не вижу», «не чувствую», «не понимаю» и есть) присутствует, актуализирует себя как ощущение телом кровати. Не соматическим, не астральным, не психологическим, не физическим телом, а тем, которое проявляет себя в сновидении для сновидца, не осознающего, не воспринимающего в своем теле себя. Назовем это, за неимением лучшего, чтобы как-то назвать, имагинативным телом, с уточнением, что это не тело сновидца, и не то, в которое он погружается в сновиде-

нии, но то, которое чувствует, переживает и сигналы этого, им переживаемого, тому, кто во сне, через общее поле с ним погружения передает. Сновидящий этого тела, как тела, в себе, на себе не чувствует, не видит, не понимает и не осознает.

Не будем всего дальнейшего, с этим связанного, никак уточнять, поскольку это выходит за рамки предпринятого исследования, концентрирующегося на описании ментальных по своему характеру единиц, а не других, в том числе и физиологических, аспектах сновидческих состояний. Представление о том, что было названо имагинативным телом, потребовалось для того, чтобы показать, каким приблизительно образом происходит, точнее производит себя, то, о чем речь. Ощущение охарактеризованным "телом" кровати происходит, производит себя без нее. Как отпечаток, впечатление, сенсорная память о ней, как ее, но уже не имагинативный, а вызванный имагинативным, сенситивный по своему характеру, "образ". "Образ", запечатлеваемый, воспринимаемый и передаваемый этим самым "телом", в котором не находится, но с которым согласуется, резонируя в нем, находящийся в состоянии сна сновидец (какая-то реагирующая, откликающаяся на происходящее его часть).

Описанный как сенситивный "образ" кровати, ее впечатление, действует на сновидящего (слушающего, читающего данную сказку) притягивающе и отталкивающе, он погружается в этот "образ", его представление, его ощущение, чтобы, "улегшись" в него, в нем, на нем, не уснуть, но быть в ожидании, в наблюдающем напряжении, готовым вскочить. С тем чтобы последовать, возможно, твердым и "каменным", полом вслед за принцессами к открывающемуся в опускаемой в подzemелье кровати старшей принцессы отверстию с лестницей (ступенями), ведущей, по-видимому, но вовсе не обязательно, вниз. Не исключено и вполне возможно, что вверх.

И в этом месте появляются два последующих "образа", ощущаемых тем же имагинативным "телом". Первый связывается с движением, продвижением невидимо скрытым, не объявляемым, полом – пружинящее, отталкивающее от твердой поверхности впечатление (не вижу, но, чувствуя, ощущаю, переживая его на себе). Второй будет втягивающим, вбирающим в себя, поглощающим "входом" в отверстие, сопрягаемый с поднесением вверх либо, напротив, спуском, схождение по лестнице вниз и ее куда-то ведущим ступеням, с ощущением их под "ногами", и "прохладой", если не "холодом", возможно затхлого, подzemелья, а возможно, наоборот, пахнущего свежестью. Сопровождается все это ощущением обострившего себя с продвижением и входом в отверстие нетерпеливого (пусть

будет так) ожидания что-то узнать, раскрыть, где-то там оказаться, увидеть то, что раньше не виделось, не предполагалось. Ощущением сладостным и томительным и одновременно пугающим, настораживающим, не отпускающим в своем напряжении. Представим себе, что оно выступает таким для того, чтобы как-то его обозначить, поскольку то, каким именно оно выступает, для нас будет менее важным, чем то, что какими-то признаками, теми либо другими, все это сопровождается, и это его определяющее и важное свойство.

Остановимся пока в этом месте, с тем чтобы обратить внимание на соединение, слияние в сенситивном "образе" а) того, что в нем от имагинатива, его фактуры и органичности, проявляемой и передаваемой в структуре, форме, виде, характере, признаках, представлениях, знаниях о предмете-носителе, каковыми будут кровать, пол, отверстие в полу, подполье, лестница, ступени и пр.; б) того, что связано с ощущением "телом" всего того, что несет с собой кровать, пол, отверстие, подполье, лестница, ступени и пр., в виде признаков, определяемых (условно) в параметрах 'твердости', 'мягкости', 'втягивания в себя', 'распахнутости', 'открываемости', 'податливости', 'пружинности', 'прохлады', 'веяния', 'затхлости', 'свежести', 'влажности', 'холода' и т.п.; в) того, что связывается традиционно с эмоциональными по своему характеру (в определенном смысле условно, но мы не будем природу их уточнять) переживаниями страха, опасения, ожидания, трепета, томления, неуверенности, нетерпения, желания что-то узнать, любопытства и пр.

Три названных составляющих – физическая, сенсорная и эмотивная, действуя одновременно, ведут, проявляют себя как не осознанный, не рефлексированный импульс, вызванный к действию, названным имунитативным, "обрывающим связи", толчком, эффектом которого, производимым в сновидении следствием, становится тот сенситивный "образ", о котором речь. Имагинативный образ, как видимый, наблюдаемый во сне (по крайней мере, кажущийся в нем таковым, подобие, если не тождество, которому было представлено в разбираемой сказке), способный быть обозначенно названным в этой связи, по отношению к которому (сенситивному "образу") мы будем рассматривать как его провоцирующую, втягивающую в себя и себе подчиняющую, мотивирующую его появление как целое, часть.

Далее, двигаясь по описанию в сказке, видящий попадает вниз, оказываясь перед рядом деревьев, возможно, между двумя рядами, в тексте это не уточнено, листья которых из серебра. Пребывание в данном месте должно порождать в отношении своеобразной позиции к этому (а), определяемой положением 'внизу, в

подземелье, перед рядом деревьев из серебра', то, что может в воображении подсказывать ощущению "телом" для (б), возможно, какой-то прохлады (сомнительно, чтобы тепла), возможно, какого-то веяния, похожего на веяние сквозняка, возможно, какой-то свежести и пронзительности, какая бывает предрассветным утром ранней весной, когда 'брезжит', еще не светло, солнце не показалось, но уже нет ночной тьмы, все в каком-то рассеянии и сыроватой неопределенности. Ощущение это в (б) для (в) находит свое воплощение в переживании усиливающегося любопытствующего ожидания, дополненных удивлением и интересом, вызванных видом листьев у стоящих рядами деревьев, предчувствием, что, попав куда-то сюда, оказавшись внизу, в том месте, откуда и начинается, может начаться дальнейшее, наконец, раскрывая себя, поскольку закончился спуск. Любование листьями и интерес продолжают усиливаться с переходом ко второй и третьей аллее, с листьями из золота и из постукивающих друг о друга алмазов (так, по крайней мере, все это можно вообразить).

И, наконец, большая вода, с лодками и принцами в этих лодках на берегу, которую надо переплыть, чтобы попасть, оказаться в подземном замке с музыкой в нем и танцами и всем остальным. Опустим все это применительно к физическим и эмоционально-психологическим переживаниям и ощущениям, еще раз подчеркнув, что имагинативный образ, будь то большой воды, с тем, какая она, как выглядит и что собой представляет, в совокупности полного представления о ней, будь то берега перед ней, составляющего ее часть, поскольку к ней прилегающего и к ней подводящего, но могущего быть и восприниматься как нечто отдельное, равно как и все остальное, в своей отдельности или соединении и совокупности, – все это, будучи самостоятельным для восприятия, представляет одновременно собой составную часть того, что было определено нами ранее как чувствительный "образ".

То есть, иными словами, имагинативный образ 'большой воды с берегом перед ней, лодками с принцами в них, стоящими либо сидящими и ожидающими своих принцесс', к которому надо добавить то, какая это вода по виду, цвету, запаху, температуре и пр., – этот образ, являясь в сказке (во сне) как нечто не просто видимое, но в полном составе своем осязаемое, всеми возможными органами, имагинативный образ при нахождении в нем и/или в нем пребывании, т.е. как 'образ переживания', становится таковым, преобразуется, переходит в свой чувствительный, при условии дополнения тем, что было названо в (б) и (в).

Образ этот, как имагинативный и чувствительный, в своих границах и видимой форме, зависит от восприятия, от того, на что направляется взгляд, дополняя-

ясь шлейфом переживаемых при его восприятии ощущений, "телом" (б) и "чувствами" (в). И по этой причине названный образ 'большой воды' может включать в себя все перечисленное к нему остальное, без его различения и разделения, но может также предполагать отдельными для восприятия 'берег', 'принцев', 'лодки' либо в их сочетаниях типа 'лодки на берегу' ('на воде у самого берега'), 'принцы в лодках', отдельного 'принца в отдельной лодке' и пр. Все будет зависеть от того, на чем остановится "взгляд", что он выделит для себя как имеющую свой собственный сенситивный смысл отдельность. И тогда этот выделенный "взглядом" объект, становясь для воспринимающего имагинативным образом, будет сопровождаться своими для себя характерными ощущениями "телом" и "чувствами", объединением которых и создается "образ", обозначенный нами как сенситивный, который предполагает, что видимое не просто видится, но ощущается совокупностью всех органов чувств, сопровождаясь в этом своем ощущении эмотивными представлениями, может, не столько о нем самом, сколько о том, что с ним может быть связано.

Имагинативный образ, следовательно, как сам по себе, так и с тем, чтобы восприниматься как сенситивный (не стать им, что важно, поскольку он им не становится, а является или нет), неизменно должен быть вписан в какой-то контекст, будь то повествования, будь то сна, будь то воспоминания, представления, воображения о нем.

На примере рассмотренной сказки все это очень ясно можно увидеть. Большая вода, к которой подходят принцессы в сопровождении с невидимым ими солдатом, которая с лодками, принцами и т.д., есть продолжение предшествовавшего и подводящего к ней их продвижения в подземелье, есть тем, что допускает и предполагает осуществляющую себя затем по ней переправу, ведущую к замку, есть тем, что вписывается в необходимость узнать, что скрывают ночные исчезновения принцесс с разбиванием туфель и проч. Не будь всего этого, мы бы имели дело с другим имагинативным образом (если вообще с таким). Контекст этот, вписывающий наблюдаемый объект, его себе подчиняющий и в себя поглощающий, задает как его самого, обращая в имагинативный образ, так и, в еще большей мере и степени, предопределяя и определяя его ощущение "телом" и "чувствами", делает его в этом полном его составе образом сенситивным.

Из этого следует, что снятая кому-то аллея, являющаяся ему во сне, становится имагинативным, а с этим и сенситивным, образом при условии ее видения в соответствующем окружении, при наличии своего для себя контекста,

который, вместе с тем, можно и вообразить. Носитель определенной ментальной традиции может легко представить возможные ситуации сенситивного по своему характеру окружения, а с этим и проявления, для аллеи. Предлагавшиеся ранее аспекты подобного восприятия (сенситивного знания) могут служить тому подтверждением.

Сопровождающие аспекты переживаемого погружения

Вернемся теперь к рассмотрению тех сторон, которые будут влиять на характер того либо другого ее восприятия и представления, которые, складываясь, переоформляясь, отображают себя в различного рода имагинативных ее толкованиях (что было показано на примерах из выбранных словарей).

Аллея связывается, в первую очередь, как уже говорилось, с ощущением потенциального перемещения вдоль двух рядов растущих по обеим сторонам деревьев (кустарников) с открывающимися либо предполагаемыми входом и выходом на концах. Аллея втягивает в себя, в свою уходящую, уводящую перспективу, становясь, тем самым, объектом 'пространственного перемещения вдоль двух рядов' для того, кто видит ее и/или находится в ней, и это побуждаемое ею, провоцируемое движение, можно воспринимать и характеризовать как ее 'сенситивный заряд' в отношении в ней (при ней) пребывающего.

Заряд этот, как уже отмечалось ранее, амбивалентен, во-первых, с точки зрения втягивания в свою перспективу с внутренне обусловленной заданностью не миновать, не уйти, усиливаемой, во-вторых, к тому же двумя рядами деревьев, в отношении которых можно перемещаться только между и вдоль (по крайней мере, только такое движение как привычное предполагается), т.е. в условиях замкнутого по бокам ограничения свободы перемещения. И, наконец, то, что в третьих, это концы, впереди по ходу движения и сзади, как выход и вход, будучи открыты, но удалены, могут таить в себе что-нибудь не обязательно позитивное, если не потенциальную небезопасность.

Составляющими аллеи, следовательно, будут а) заряженность перемещением, которое внутренне понуждает и ограничивает с двух сторон по бокам (сенситивный эффект ограничения и вынужденности); б) заслоненность и плотность двух по бокам рядов, с одной стороны, вроде бы защищающая, но с другой, ограничивающая и не дающая четко увидеть, что может скрываться, кто может за ними быть, находиться, стоять (сенситивный эффект напряжения и неопределенности); в) открытость, но вероятная отдаленность входа и выхода, предполагающие расположение пребывающего в ней к входу спиной, а к выходу передом,

что делается сзади по этой причине можно не видеть, что спереди – лишь ожидать, поскольку спасение бегством в случае какой-либо неприятности оказывается затруднено (сенситивный эффект ловушки со всем, что с ней может быть в ощущениях связано). Из всего этого возникает в представлении образ 'понуждаемости и несвободы, с дополнением неопределенности и потенциальной небезопасности пребывания в ней'.

Отвлекаясь от сказанного (следует помнить, что для рассмотрения был взят лишь амбивалентно-неопределенный, а потому и потенциально не благоприятствующий, т.е. не позитивный, аспект), аллея виделась бы как такой объект, который рождает собой ощущение возможности 'сквозного линейного передвижения в ней вдоль и между двух по бокам рядов', что предполагает, как следствие, состояние подключаемого в это движение по перемещению «я», подверженное воздействию на «я» ощущению, исходящему от того, что «не я». Речь в данном месте идет о слиянии «я» и «не я» в одно сенситивное целое. То есть, иными словами, 'находящийся внутри аллеи и перемещающийся указанным образом в ней' и будет тем, кто является субъекто-объектом для нее характерного переживания, с пребыванием, нахождением в ней, который будет отличен от другого какого-то, также возможно субъекто-объекта, другого какого-то пребывания и переживания, с ненахождением в ней.

Линейность сквозного передвижения в аллее вдоль и между двух по бокам стоящих деревьев распадается, соответственно, на, единое в своей сущности, но при этом и различаемое в своих составляющих, представление о полотне под ногами, достаточно плотной пространственной плоскости производимого передвижения (дорожка аллеи, тропинка в ней) + представление о двух стенах с двух сторон по бокам, слева и справа, напоминающих проход между чем-либо, туннель, коридор, который может быть в ощущении 'узким' и 'тесным' (деревья, растущие вдоль дорожки) + представление о начале (входе) и конце (выходе), открытых, но отдаленных либо не видимых, не просматриваемых, а потому и неопределенных, в своих проявлениях и, тем самым, следствиях для находящегося внутри.

Состояние этого находящегося внутри аллеи «я», как положения (*situs 'a*) в нем для себя, приравнивается к позиции возможности, ожидаемости перемещения, "заряжению" им, с подверженностью воздействию со стороны «не я», в котором «я» себя видит либо предполагает себя при нем. И эта подверженность его воздействию, обуславливая характер психофизического "перемещения", будет зависеть от положения и отмечаться им как положением вдоль и между рядов

(ср. положение 'быть между двух пропускающих вдоль себя рядов', в целом мало приятное, на чем основано, в частности, было и наказание в прежнее время в царской армии, впрочем, не только там), дополнительно уточняясь характером, признаками самой проходимой вдоль и между аллеи (как между двух стен). Во всем этом участвующее и втягивающее, вбирающее в себя «не я» будет определяться тем, что составляет структуру, форму и вид (конфигуратив) двух рядов с тем, что между ними и вдоль, как плотная, предназначенная для движения поверхность, открывающим выход и вход по обоим своим концам.

"Вхождение" спящего, видящего, субъекто-объекта, находящегося, оказывающегося в чем-то таком, побуждая в нем 'сенситивный образ аллеи', связано с тем, о чем шла речь, как о предмете предпринятого разбора, описываемого как 'втягивающее в свою перспективу ограничивающее по бокам и неопределенное в своей "открытости" сзади и спереди потенциальное перемещение'. Данное представление следует воспринимать как его, определяемого образа, сенситивный смысл в отношении «я» к воздействующему на него «не я».

Структурирующий, организующий, моделирующий тип аллеи как имагинативного образа (объясняемого в словарях толкования сновидений), следовало бы, таким образом, относить к таким, для которых ведущим, определяющим будет такая связь «я» и «не я», которая, предполагая их, в сенситивных характеристиках, слияние, имеет в виду формирующее, подчиняющее себе, включающее, вбирающее в себя воздействие на это «я» со стороны «не я», которое, объективно и субъективно, выводит его в позицию установления отношений с «другим» (контактирующий и трансдуктивный принцип воздействия).

Сказанное обозначает то, что аллея, как появляющийся во сне имагинативный образ, отмечает, для видящего ее, переход, через выход и вход, выход за пределы своего «я» с переходом к «другому» («другим») и входом, в конечном итоге, как обращением к нему, от себя к «другому» («другим»). Речь идет, таким образом, о контактоустанавливающем, точнее было бы говорить о контактопроецирующем, как типологическом, действии. Подобного типа имагинативные образы можно было бы относить к разряду *связующих*, или юнктивов²³, налаживающих, устанавливающих, проецирующих либо, в более общем случае, объясняющих связь и контакт «я» с другими, другим, что и предполагает выход за пределы «я» с его обращением и переходом в другое, к другому (сфера контактов и связей для «я»), с уточнением для аллеи в показателях данного перехода как

²³ Лат. *jungo, junctum* 1) соединять, связывать, сочетать...

обращения «я» как «я» для себя, в отношении себя, и «я» к тому, что другое и что проявляет себя для него через воздействующее на него «не я».

Возможно производимые действия, проецируемые и приложимые к аллее, предполагают то, что передается в глаголах *ходить, бродить, гулять, прогуливаться, прохаживаться* (перемещение вдоль и между, не связанное с какой-л. необходимостью, досуг и свободный выбор), *отдыхать* на ней, *сидеть* на скамейке, *стоять*, ожидая кого-л., по аллее *бежать, любоваться* аллеей и т.п., отмечая указанный перед этим "контактоустанавливающий" смысл и характер, имея в виду соответствующий каждому данному позиционному положению "выход" и "переход".

Структурно, если не типологически (что следовало бы, проверив, установить), аллея была бы связана, с представлениями, в горизонтали, замкнутых по бокам таких пространств, как улица, переулок, овраг, коридор, ущелье, теснина, щель, две шеренги, ряды, шпалеры, строй солдат (*провести сквозь строй*), торговые ряды, тоннель, метро, сток, сточный канал, шахтный коридор, вентиляционный канал, подземный коридор, катакомбы, пещеры и пр. Нечто общее в этих объектах как имагинативных образах можно бы было усматривать в отношении сопровождающих их сенситивов.

С точки зрения полотна как пространства, отведенного для перемещения вдоль, но не замкнутого или не обязательно замкнутого, не ограничиваемого с боков, аллея согласовалась бы (насколько совпадая при этом типологически, также необходимо было бы установить) с такими объектами, как дорога, дорожка, тропинка, шоссе, автострада, ход, проход и т.п., с их ориентацией вдоль и в длину, как ведущих куда-либо и предполагающих переход. С точки зрения протяженности вдоль, но без необходимости или возможности передвижения по поверхности, с аллеей бы согласовывались такие пространственные объекты, как гряда, грядка, полоса земли, лесополоса, канал для воды, арык. С учетом возможности потенциального передвижения либо попадания внутрь по вертикали такими объектами соответствий были бы колодец, люк, шахта, шурф, труба (врытая в землю либо поставленная по вертикали).

На основе того, насколько общими, и в какой тогда части, могут быть сенситивные представления у аллеи со всем перечисленным, с установлением этого общего, можно будет судить о типологическом ее с ними сходстве либо не сходстве. Вопрос, на который имеет смысл обратить внимание в последующем, поскольку данное представление будет предполагать допущение о том, в какой таковой мере, если это себя проявляет, структура и форма (конфигуратив) объекта

вливают на имагинативное восприятие и, соответственно, возникающий сенситивный образ на базе его, способный, возникнув, себя объявить каким-то таким, а не иным своим проявлением. И насколько, если это не так или не совсем так, на все это будут влиять не конфигуративные (или не только, не столько конфигуративные), а ментальностно-ассоциативные, скажем, либо другие какие параметры.

Характер действия для аллеи – движение вдоль, сквозное, в одну сторону и обратно; содержащийся характеризующий знак ее – беспокойства, неуверенности, предполагаемой неприятности либо, напротив, отдохновения, радости и спокойствия; то, что бродить по аллее в темноте для молодой женщины может грозить утратой для нее репутации; то, что аллея, по виду напоминая цилиндр, трубу, внутри которой (ср. выражение *дело труба* ‘безнадежное дело’), предполагает закрытость, замкнутость с двух сторон, при открытости входа и выхода, которые не защищают, но таят в себе возможную небезопасность, продуваемость, невозможность, трудность бегства, допускают выскакивание покушающегося из-за дерева, из-за куста; то, что аллеи часто могут быть темными (парковые), то, что бродить по аллеям может вести к неожиданной встрече (повстречать в аллее), с появлением незнакомого (незнакомых), – все это одновременно следует воспринимать и как физическое восприятие ее как пространственного объекта, и имеющих, опытных по своему характеру и происхождению, знаний о ней.

Все это также и одновременно, помещая сновидящего (и видящего) в соответствующее положение (*situs*) в отношении объекта, сопровождаемое переживанием пребывания в нем, допускает и предполагает, в конечном итоге, своим назначением открывание через него в нем себя, узнавание в нем себя и/или о себе чего-то, что, выводя его (сновидящего и видящего) за пределы себя, переводит его в позиционный, определенного рода, характер предполагаемого контактирующего взаимодействия с другими (другим). В этом будет для нас состоять их имагинативный и сенситивный смысл также и как ориентационных единиц и мотивов, говорящих сновидящему, но не о себе, а о нем в себе как сидящей в нем и себя теперь для него объявившей по не случайным причинам 'аллее'.

Сенситивный образ и его составляющие

Имагинативный образ, следовательно, тот, который представлен и определяется в словарях толкования сновидений, в составе конфигуратива (признаков вида, строения, формы объекта), сенситива (предполагающего его восприятие и ощущение "телом", т.е. органами чувств, чувствование, "знание" того, как он

способен сенсорно воздействовать) и эмотива (вызываемых им представлений эмоционально-психологических сопровождений), образ этот, в контексте предцирующих его процессуальных и непроцессуальных признаков, вписывающих его в ситуацию и характеризующих по каким-то атрибутивным свойствам, преобразуется в чувствительный "образ" переживания, пребывания в нем. Значение этого образа, если оно существует, описываемое и представляемое в толкованиях знака сна, предполагающее также воздействующую оценочность (позитивность либо не позитивность) в отношении субъекто-объекта, пережившего пребывание в нем, т.е. сновидца, связывается с возможностью отнесения данного образа к тому или иному ряду, типологическому в своей основе, связывающему его с другими с ним сходными по некоторым важным семантическим признакам. На примере аллеи все это было показано.

К разряду, типологической группе связующих, или юнктивов, но по показателю только конфигуратива, без рассмотрения всего остального, с учетом признаков внешнего сходства, можно было бы относить, помимо указанных ранее, то, что напоминает (содержит в себе соответствующее представление) линии, нити, пуповины, пути, веревки, а также полосы, каналы, трубы, цилиндры, связки, сети, переплетения, взаимодействия многого, пучки, клубки и т.п. Вероятные вспучивания, колебания, флуктуации, подъемы и падения, взбугрения, выпячивания, опадания, движения их поверхностей (предцирование) внутренне допускают возможность такого их толкования, которое связывается с представлениями о будущем, ожидаемом, намечаемом, последующем, с продолжением и развитием имеющегося состояния, с наступлением изменений и перемен. Находит это свое выражение далее в том, что связывает сновидящего с его окружением, ближайшим и не ближайшим, друзьями, знакомыми, с его перспективами – приобретения, вознесения, подъема либо, напротив, падения и утрат. То есть, иными словами, выводит его за пределы себя, в сферу контактов и проявлений.

Так ли это и насколько все это так, если это взаимосвязано и одно от другого зависит, попробуем разобраться на дальнейших примерах, смысл рассмотрения которых, помимо сказанного, будет также предполагать продолжение начатого типологического подхода. Типология знаков сна может учитывать самые разные основания и признаки, выбранный нами аспект будет связан с позицией взаимодействующего отношения «я» с «не я», позицией пребывающего во сне в момент сновидения в некоем положении (*situs 'e*), определяемом пространственно воспринимаемым объектом, с тем, что может, согласно имеющимся по словарям толкованиям, эта его позиция в представляемом во сне положении означать.

Сказанное требует своих пояснений. Не нашим предметом и интересом было определять, насколько верным, обоснованным и/или научным, а насколько нет, является то или иное снотолкование. Не было также нашей задачей сопоставление, выбор и предпочтение каких-то из них одним другим по каким-то критериям. Не определение толкований с целью найти основания и предложить на этой основе свое, наметив какой-то путь в отношении предполагаемого поиска, а их использование, опора на них как на имеющийся материал – в этом был смысл и суть нами избранного подхода. Данное положение при этом не означает, что материал этот представлял какую-то значимость сам по себе и был объектом для рассмотрения под каким-нибудь когнитивным, культурологическим, антропологическим и пр. углом. Материал этот служил возможности уточнения просматриваемого в нем характера сенситивного "образа", без различения ранга, авторитетности, научной значимости или ценности отражающего его источника.

Речь, иными словами, идет о том, что если что-либо каким-либо образом объясняется, то в объяснении можно видеть и находить какой-либо способ, но не истолкования, хотя это тоже в нем может быть, а восприятия, отношения сознания человека к тому или иному объекту. Способ этого восприятия, тот, другой, третий, пятый, дает возможность исследователю судить о вероятном парадигматическом и синтагматическом действии того "языка", который и был предметом нашего интереса. "Язык" этот есть то орудие, то коммуникативное средство, с помощью которого производится "информативный" обмен между, если не природой того, что возникает в момент сновидения, с тем, кто находится, а потом из него выходит как из состояния своего пребывания в нем, имея в виду две его разные сферы – не бодрствования и бодрствования, то между теми, кто пребывает в таких состояниях, стараясь потом представить, если не до конца понять, что именно там, в том состоянии, собственно, происходит. С ними, равно как с другими людьми.

Иными словами, это еще один способ такого коммуникативного взаимодействия между носителями общей ментальной культуры, который, с одной стороны, позволяет им это общее дополнительно, как еще одну сферу и нишу, установить, а с другой, иллюстрирует, обнаруживает еще один вид экспликации и оформления приписываемых увиденному значений, предполагающий поиск и объявление в формах тех содержаний, которые будут свидетельствовать не о значениях первого по отношению ко второму, а о способе все это объясняющего мышления. Почему то или другое видимое толкуется так-то и так-то, объясняет не это видимое и не того, кто его так толкует, а самоё возможность подобного

толкования, его парадигматическую и синтагматическую проекции, в конечном счете, природу еще одного человеческого "языка".

Реальное и сенситивное на примере 'амбара'

Исходя из сказанного, опираясь на него как на важный для нас постулат, перейдем к рассмотрению других пространственных, представляемых в сознании как пространственные, объектов. С тем чтобы постараться увидеть общее и различное в этом другом. Общее в отношении природы исследуемого "языка", различное – в видах и типах. Возьмем для такого парадигматико-типологического начала что-нибудь на разобранную с разных сторон аллею мало похожее. Пусть это будет 'амбар', появившийся в нескольких сонниках. «Сонник, или толкование снов» Г.Х. Миллера дает этому образу такое истолкование:

Если Вы видите во сне амбар, полный спелым, хорошим зерном: пшеницей, ячменем, а вокруг тучные стада – это знак большого и длительного преуспевания. Если же амбар пустой, то Вас ожидают бедность и неудачи.

Важным становится противопоставление полного и пустого, при котором полное означает одно, и то, что воспринимается как положительное, а пустое, наоборот. То и другое при этом сводится, в первую очередь, к мысли о материальном достатке и благополучии. Небезразличным может быть в этом ряду и то, что полный амбар – спелым, хорошим зерном, с уточнением, что пшеницей и ячменем, равно как и то, что вокруг него находятся тучные стада. С чем-то подобным уже приходилось встречаться при описании аллеи, в образ которой входили ее уточняющие признаки, вроде бы предидирующие по внешнему основанию, но на деле от толкуемого имагинативного образа не отделимые. Есть смысл увидеть нечто такое и здесь. Толкуемым имагинативным образом, следовательно, необходимо считать 'амбар полный спелым, хорошим зерном (пшеницей, ячменем) с тучными стадами вокруг'.

Не будем пока задаваться вопросом, почему полный спелым, хорошим, а не вообще зерном или чем-то другим, а уж тем более пшеницей и ячменем, поскольку амбар предназначается как строение для хранения не только зерна. Опустим также определение того, какова роль тучных стад, не столько какова их понятная в целом роль, сколько почему столь важно их при этом присутствие. Обратимся к представлению того, что связывается для амбара с идеей выделенного нами как важного для состава имагинативного образа конфигуратива. От чего можно будет потом перейти к представлению его сенситива и эмотива.

Чтобы это представить, необходимо понять, что такое амбар, постаравшись в сознании "увидеть" его, восстановить его образ, памятуя при этом о том, что речь идет не об амбаре как таковом, не о всяком амбаре, а об амбаре полным спелым, хорошим зерном, под которым подразумевается пшеница либо ячмень (если бы было в нем то и то, стояла бы не запятая, а соединительный союз *и*). Согласно определениям толковых словарей, *амбар* представляет собой строение, предназначенное для хранения зерна, муки, товаров и продуктов. В.И. Даль толкует *амбар* как «строение для складки зернового хлѣба, мукѣ, а иногда и других товаров.» Раз иногда, то хранение в нем не зерна, не муки будет явлением менее свойственным.

Для более полного представления о том, что такое амбар, возьмем его энциклопедическое описание из «Большой советской энциклопедии» 1950-го года:

АМБАР – простейшее зернохранилище, сооружение из брёвен, пластин или кирпича. Имеет закрома (отделения), куда засыпают зерно. Пол закрома деревянный с двойным настилом досок на лагах. А. строят на открытом сухом месте, доступном действию ветра и солнца; пол должен быть приподнят над уровнем земли для того, чтобы снизу был доступ воздуха. В ряде районов название А. постепенно выходит из обихода и заменяется названием *зернохранилище* (см.).

Из этого определения следует, что амбар, прежде всего, если не единственно, это зернохранилище. В советскую эпоху, необходимо добавить, с ее особым, едва ли не исключительным, акцентом на хлебе и всепроникающей госэкономикой, трудно было бы представлять, чтобы амбар использовался для хранения чего-то помимо зерна. Однако и у Даля, не говоря о других словарях, можно заметить ту же тенденцию: амбар предназначен, в первую очередь, под зерно. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1933 г.), при всем прочем, зерно помещается на первом месте:

АМБА'Р, а, м. [перс. ānbār]. Строение для хранения зерна, припасов, вещей или товаров. *Заказывать обед и ужин, в а. и погреб заглянуть.* Пшкн.

Приводимый в качестве иллюстрации пример из Пушкина, с одной стороны, ставит амбар в один ряд с погребом, а с другой, подсказывает характер и направление возможного эмотивного к нему отношения, регулируемого представлениями о приготовлении (в домашнем хозяйстве сельского населения) блюд, и, что важно, к обеду и ужину, не к завтраку и не к полднику, не предполагающих серьезного и обстоятельного подхода, а что-нибудь так, из оставшегося

или на скорую руку, чтоб было что перекусить. Амбар, таким образом, с точки зрения пропитания и обеспечения продуктами пропитания, дело серьезное и основательное.

Из представленного, таким образом, следует, что амбар – это строение (из бревен, пластин, кирпича), неизвестно при этом, какой величины и какого объема, но это, по-видимому, не столь важно или понятно, каким приблизительно может быть. Согласно все той же «Большой советской энциклопедии» (1952 г.), «В царской России З.[ернохранилища] представляли собой четырёхстенные сооружения (амбары) – деревянные на севере и глиноплетнёвые, саманные – на юге. У помещиков и кулаков встречались кирпичные или каменные амбары. В амбарах все процессы приёмки, очистки, сушки зерна и ухода за ним в период хранения осуществлялись гл. обр. ручным способом, требующим большой затраты труда. ... Немеханизированное З. закромаго типа представляет собой здание с пристроенными к нему на уровне пола платформой (для приёма и отпуса зерна) и навесом. Для раздельного хранения зерна различных культур закрома должны быть в виде отдельных секций; вентиляция – вытяжная.»

Амбар, тем самым, строение четырехстенное, т.е. не круглое, не шестигранное или какое-либо другое. Строительный материал его мог быть разным, поэтому он не имеет значения. Из определения также следует, что, помимо хранения, в амбаре производились работы по приемке, очистке, сушке зерна и ухода за ним, для чего могли быть платформы с навесом. Кроме этого, зерно могло содержаться в закромах, разделенных на секции, и очень важной чертой была необходимость его постройки в сухом, доступном действию ветра и солнца, месте, с поднесением пола над землей, а в закромах с двойным деревянным настилом на лагах.

Все это то, что, касаясь признаков конфигуратива, одновременно выводит на признаки сенситива и эмотива. К представлению того, другого и третьего мы еще обратимся. В данном месте, однако, хотелось бы еще кое-что уточнить. Попробуем, с тем чтобы несколько обогатить представления (во многом забытые) об амбаре, привлечь для этого существующий в языке более или менее устойчивый материал – пословицы, поговорки, фразеологизмы. Однако начнем с другого.

У В.И. Даля в его «Толковом словаре живого великорусского языка» имеются далеко не единичные суффиксальные образования, уменьшительные, ласкательные, увеличительные, т.е. модулятивные, словоформы, эмоционально окрашенные, а потому для нас представляющие интерес, подчеркивающие эмотив-

ную и многообразную актуальность амбара для сознания носителей русского языка того времени (XIX век). К таковым Даль относит *амба́рец*, *амба́рчик*, *амбаро́к* м. *амба́ринка*, *амбару́шка* ж. умал., *амба́ришка* м. укор., *амба́рище* м. увел., и при этом со сменой для одной из форм родовой принадлежности, с мужского рода на женский и стилистическим показателем умал.[ительное] (*амбару́шка*).

Ряд пословиц со словом *амбар* у Даля там же представлен такими обозначениями, на основе которых можно будет вывести интересующие нас признаки (орфографию времени Даля опустим): *У него в амбаре и мыши перевелись. Наготы, босоты изувешаны шесты; холоду, голоду амбары полны. Не замесить густо, как в амбаре пусто. Есть в амбаре, будет и в кармане* (и наоборот). *Каково в амбаре, таково и в кармане. Нет в кармане, да есть в амбаре. Ключи в кармане, а амбар сгорел. Прогнали Варвару из чужого амбару.*

К этому можно добавить, также имеющие свой смысл и не случайные в интересующем нас отношении из далевского словаря: *Амбары́ще* ср. место из-под сломанного или погорелого амбара. *Амба́рный* ... в виде сщ. смотритель, содержатель амбара. *Амба́рщик* м. промышляющий отдачею амбаров внаймы. *Амба́рник* м. мелкий лес, двух- и трехвершковый, годный только на холодные (холостые) строения. *Амба́рница* ж. амбарная кошка. *Амба́рное* ср. *амба́рщина* ж. бывшая пошлина с амбаров; || ныне плата за наем их, на торгах и пристанях. *Амба́льный астрх.* дрягиль, рабочий, таскающий товары на суда и обратно в амбары; *амба́льные деньги*, плата рабочим за нагрузку и выгрузку.

К приведенному материалу стоит добавить такие, не нашедшие у Даля выражения, единицы, как *амбарная крыса* (большая, толстая, откормленная), *амбарный кот* (ленивый, упитанный, жирный), *амбарная кошка* (такая же), *амбарный замок* (тяжелый, большой, увесистый), *амбарные ключи* (ему соответствующие), *амбарные ворота* (большие, тяжелые, прочные), *амбарные мыши*, *амбарная мышь* (отъевшиеся, лоснящиеся).

Амбар, тем самым, помимо того, что ассоциируется с обилием легко доступного пропитания, достатком, сытостью, что вполне понятно, с учетом его хозяйственного назначения и роли, связывается также с представлением о величине, объеме, тяжести, плотности, гладкости – каких-то поверхностей, живых существ и предметов, которые служат либо его замыканию и отпиранию (ворота, замок, ключи), либо находятся в нем, его посещают, имея в нем пропитание (мыши, крысы, коты). И *амбарный кот*, и *амбарная крыса* метафорически могут использоваться применительно к человеку, отмечая в нем признаки сытого довольства, лени, раскормленности (в отношении кота) либо пренебрежения к

ближнему, нечувствительности, неспособности к сочувствию и пониманию для того, кто имеет доступ к распределению благ, кто ничем не обделен, кто поэтому сыт и доволен (в отношении крысы).

Амбар, таким образом, вписывается в парное сопоставление богатства и бедности, сытости и нищеты, полноты обладания, которое можно воспринимать как закрытое (закрываемое большими ключами на огромный замок, за большими воротами), ограниченное, не для всех, для своих (*Прогнали Варвару из чужого амбара*). Обладание это вместе с тем может иметь не постоянный и преходящий характер, иллюзорный и кажущийся (*Ключи в кармане, а амбар сгорел*). Амбар представляет собой также форму и способ держания и накопительства: амбар = карман. Амбар должен стережться, оберегаться и охраняться, от воров, от взлома, от желающих на его содержимое покушаться. Амбар требует к себе внимания и немалой работы, его полнота и предоставляемый им достаток только для крыс, kota и мышей не предполагают от себя посвящения, заботы и вклада, из чего следуют роли при нем работающих, но не обладающих (наемных работников), работающих и обладающих (хозяев), не работающих, но обладающих (мыши, крысы и кот). Тем самым, амбар, отчасти, отображает в себе систему общественных отношений, с одной стороны, а с другой, способен иметь не одно проецирующие к тем, кто имеет к нему отношение, позиции и значения.

Первый подход к типологии

Попробуем теперь, оттолкнувшись от сказанного, подойти к обобщенному представлению амбара, тому, которое, опираясь на конфигуративе, сенситиве и эмотиве, находит свое отражение, через значения представляемых имагинативных образов, в интересующей нас их типологии, установив, постаравшись определить тот тип, тот разряд, к которому амбар, как сенситивный, на этом уровне обобщения и представления, образ можно было бы относить. Приемы подобного описания будут использоваться нами также в дальнейшем, при рассмотрении других разбираемых единиц.

Вернемся к тому, что собой представляет в отношении амбара как имагинативного образа, свойственный ему конфигуратив. Речь пойдет о том впечатлении, отпечатке, о том чувствовании, которое порождает в сознании воспринимающего, не думающего специально о нем как объекте, не размышляющего над ним, его не рефлексирующего в какой-то определенный момент. Это будет, если не бессознательный, то полусознательный, импульс внутреннего включения и подключения к разбираемому образу. Что-то, что хранится в сознании, в какой-

то его, не всегда актуальной, части, в виде общего представления, имеющего не до конца очерченный и не вполне определенный и ясный характер. Зададимся в этой связи вопросом: если амбар как объект должен выглядеть как не отапливаемый (как следует из его описания, с определениями *холодное*, *холостое* строение у Даля) четырехгранник, построенный из различного материала, с большими дверьми (воротами), запираемыми на большой замок, стоящий где-нибудь не при доме, может быть, на отшибе, но в месте сухом, продуваемом и освещаемом солнцем (опустим здесь его назначение быть хранилищем для зерна, продуктов, товаров и пр.), – если таковым реально можно представить себе амбар, соотносимый величиной с хозяйственными постройками, т.е. примерно как какой-нибудь сельский дом или флигель, больше его или меньше, если таким предстает амбар, то будет ли это для восприятия и сознания тем, что следовало бы считать его конфигуративом?

Конфигуратив, как часть сенситивного, по определению, образа должен быть тем, что может быть и должно быть своеобразным откликом, впечатлением-зовом, притягивающим к себе и втягивающим в себя для состава всего остального, сенситива и эмотива, задающим, описывающим и вводящим по отношению к ним, выполняя роль держащей в себе оболочки. Конфигуратив – это своеобразная "форма" сенситивного образа, если о таковой применительно к нему можно было бы говорить.

С тем чтобы это легче представить, покажем все это на простом примере. Скажем, волна, как то, что поднимается, падает и уносит, откуда-то, из каких-то глубин, воспринимающий ее в сознании чувствует (теоретически) силу ее подъема, знает о ней таковой, чувствует то, что может она на себе нести, а неся, унося, предположим вперед, она потом, падая, отступает. Во всем этом для конфигуратива имело бы смысл отметить ту часть, которая связывается с подъемом и на себе несением, опуская все остальное. С точки зрения реально имеющейся и воспринимаемой волны, волновое это движение, отмечаемое как конфигуратив, выражает себя в том, чем есть, как видится в море, озере, на воде в природе, волна – продольный бугор воды, поднимаемой над поверхностью, возносящийся кверху и движущийся, катящийся к берегу, в составе таких же других, друг за другом следующих. В этом смысле и отношении конфигуратив и есть тот внутренний, запечатленный "слепок", отпечаток реальной волны, который, как ощущение на себе и собой присутствует в нашем сознании.

Не будем вдаваться в подробности разложения и описания другого какого-нибудь запечатлеваемого в сознании восприятия от волны, вполне возможного и

допустимого, остановимся, для того чтобы что-то представить, на этом, продемонстрировав интересующий нас механизм: реальное существующее отпечатывается каким-то своим впечатлением в сознании, существуя в нем далее как конфигуратив.

Возвращаясь к амбару, видимо, небезосновательным следовало бы считать для конфигуратива по отношению к нему то впечатление, которое, с одной стороны, соотносится с обобщенно реальным о нем представлением, а с другой, то, которое, будучи "оболочкой" всего остального, держит в себе и вводит его (амбара) сенситив и эмотив, которые далее действуют в отношении имагинативного образа сновидения-сна, выступая в своей совокупности его сенситивным образом. То есть, иными словами, конфигуратив, отчасти, но не вполне, поскольку речь идет не о материально себя выражаемом, но существующим в восприятии образе, можно себе представлять как "форму", по отношению к которой сенситив-эмотив выступали бы содержанием, что в совокупности трех сторон давало бы представление о сенситивном образе как единице, о которой во всем этом ведется речь.

Не совсем это так, необходимо добавить, поскольку в отличие, скажем, от слова, как единицы вербально себя проявляющего в отношении общающихся на нем языка, для которого форма себя объявляет в виде звуковой, т.е. материально себя выражающей, оболочки, а содержание – в виде ассоциативно связанного с ней ментального представления, конфигуратив сенситивного "образа" даже не образ, не говоря уже обо всем остальном. Это нечто похожее на сенсорный импульс, воображаемое впечатление от того, но не что такое, а чем представляется для этого впечатления, в ощущении, то, что такое амбар (равно как и что-то другое).

Если в этой связи говорить о построенном где-то как-то и из чего-то четырехграннике, предназначенном для хранения зерна, продуктов и пр., будет ли это верным для охарактеризованного как впечатление ощущения? Не говоря о том, насколько это сможет вводить сенситив-эмотив заключенного в нем впечатления?

Такое решение виделось бы сомнительным и не вполне согласующимся со всем остальным (имея в виду имагинативный образ сновидения, то, что с ним связывается и следует из него применительно к сенситивному образу и впечатлению), хотя бы и близким реальному представлению – амбару как объекту в реальной действительности. Немаловажным в этой связи следовало бы признать и то простое по своим следствиям обстоятельство, что амбар реальной действи-

тельности, как имеющееся сельскохозяйственное строение и соответствующий, пространственный по своей природе, объект, для носителей современного языка и сознания явление, в его физически материальных параметрах, с трудом представляемое. Амбар – это что-то, прежде всего постройка, предназначенное для содержания, хранения в нем зерна. Эти параметры, в принципе, остаются. Конфигуратив в этом случае был бы составлен из трех оснований: а) строение, какой-то формы и величины, б) в котором хранится, собранное, свезенное, сложенное в нем впрок, на зиму, на какой-то срок в) зерно. Это был бы, иными словами, некий в себе содержащий и в себе запирающий, замкнутый и ограниченный со всех (четырех) сторон, довольно объемный "сосуд", что-то вроде сосуда, предназначенный для хранения того, что составляет, в известном смысле, основу существования, то, чем, питаюсь, живет человек (зерновые, хлеб).

Вторгающиеся в этот конфигуратив впечатления чужого, сыто-голодного, лени-работы, большого-тяжелого, а потому дурного и неподъемного (от сенситива) и следующие из этого представления о социальном и продуцирующем делении, о котором ранее говорилось (владелец, работник, крысы, мыши, коты), имении и обладании одними, нередко за счет других, с использованием плодов их работы, представления о необходимости охранять-стеречь, потому что непостоянен и может "сгореть", в прямом и переносном значениях, как разойтись, уйти и исчезнуть, будучи объектом пожара, взлома, следствием неурожая и разорения, видимости богатства, улетучившись с "дымом", как его ни запирать, с представлениями о необходимости не всегда продуктивной работы при нем, не всегда приносящей работающему свой плод-результат (в эмотиве), – все эти вторгающиеся, равно как и менее значимые другие, возможные впечатления, с одной стороны, влияют на конфигуратив, делая его не однозначным в основе своей, как "сосуд" для хранения того, что питает, а с другой, обуславливают и сам сенситивный образ.

Амбар предстает в результате как 'тучащее алиментохранилище потенциально (не)своего', а потому обладает как сенситив дополнительно признаками нестабильности (способной не просто меняться, но обращаться в противоположность: полный > пустой, засыпать > не иметь, что засыпать, либо не получать, уходить, исчезать, сгорать, становиться объектом взлома и грабежа) и отчужденности, отстраненности, "неосвоенности" (алиенации).

Четыре составляющие основу, связанные в единое целое признака, амбара как сенситивного образа, – 'тучить', 'быть хранилищем, вмещающим в себя, того, что составляет основу питания', 'потенциальность' в отношении того, что

воспринимается, скорее, как 'несвое', – все это находит свое отражение в характере имагинативных образов, подвергаемых соответствующим описаниям по словарям толкования сновидений. И это же будет служить основанием для типологического его представления (амбара как сенситивного образа), для отнесения его к разряду тех единиц, которые можно характеризовать как *вещающие*, или вместилища (*репозитивы*²⁴), содержащие, наполняемые и опустошаемые (сосуды, объемы, постройки для этого, емкости), могущие быть пустыми и полными, по отношению к своему наблюдателю (но при этом, как правило, не обладателю), т.е. сновидцу.

Отсюда, «Если Вы видите во сне амбар, полный спелым, хорошим зерном: пшеницей, ячменем, а вокруг тучные стада» как «знак большого и длительного преуспевания» следует воспринимать в том отношении, что Вы видите 1) амбар, который не свой, но который, поскольку 2) полный, то реализуемая для Вас, через его визуальное ощущение, впечатление, "отпечаток" во сне (в имагинативном, сновиденческом наблюдении), модель *вмещенного насыщения* может иметь позитивный толчок (резонирующий импульсив), при условии 3) спелым, хорошим зерном, становящийся *добротнo-надежным алиментативом*, с уточнением 4) пшеницей, ячменем, как родового, для Вас, Вашего собственного, а потому имеющего отношение к пространству Вашей жизни-судьбы (*семя и плоть* в ячмене и пшенице), отражения, с существенным подкреплением 5) а вокруг тучные стада, содержащим в себе представление о *животном*, витальном начале, животности, "животах", материального благосостояния.

Все это будет укладываться в то, что определяется в соннике в терминах 'большого и длительного преуспевания'. 'Большого' в силу того, что амбар полон спелым, хорошим зерном, а стада вокруг тучные; 'длительного' в силу надежности родового в пшенице и ячмене, хороших и спелых; 'преуспевания' в силу того, что амбар всем этим полон и что вокруг него стада, да к тому же и тучные. Без этого без всего – «(Если же) амбар пустой, (то) Вас ожидают бедность и неудачи», как обратное, обращенное, не обретенное или потерянное для себя, своего родового в отношении собственной жизни-судьбы, в *алиментативе вмещающего в себя ненасыщения*, для 'амбара'.

Другие источники мало чем отличаются от приведенной трактовки, более лаконичным и менее распространенным образом представляя то, что было отмечено:

²⁴ Лат. *repono, repositum* 'помещать, раскладывать'; 'вновь вносить, откладывать'; 'сберегать, сохранять'; *repositio, onis* [*геропо*] 'склад, амбар'.

Полный амбар – к богатству, пустой – к бедности; засыпать зерно в амбар – к счастливому завершению ранее начатого дела.²⁵

В последней фразе необходимо отметить аспект подключаемой агентивной причастности и соучастия ("партиципирующего наблюдения"), переводящего действие в сновидении (засыпать зерно в амбар) в результативное действие, в достижение желаемого результата, как провоцирующий, резонирующий, знак-проявление наяву. Нечто подобное наблюдалось в участвующем, а не просто приглядывающемся и наблюдающем, поведении солдата в подземном замке в сказке у братьев Grimm, срывавшем ветки деревьев с листьями из серебра, из золота и алмазов в аллеях, танцевавшим и пившем из кубков, после чего в конце и забравшем кубок с собой. Там это делалось для свидетельства, для получения доказательства (*zum Wahrzeichen*), для испытания на себе и, в конечном счете – внесения, оставления "следов" (как разбитые надвое туфли), с перенесением, "трансфузией" в *это* того, что есть *то*, с внесением в *это* его последствия и результата. В отношении действий во сне, отчасти, можно было бы также что-то похожее отмечать, говоря о "трансфузии" следствий и результата, на чем, по-видимому, строятся методы и приемы так называемого осознанного сновидения²⁶. К значениям и отражениям данного представления в отношении сенситивного образа, характера его действия, "обращения" для сознания и его восприятия, имело бы смысл обратиться в последующем.

Так же трактуется определяемый образ и в таких источниках:

Амбар видеть предвещает счастье.²⁷

АМБАР – богатство.²⁸

АМБАР полный – богатство; пустой – бедность и неудача.²⁹

В каждом из них речь идет, прежде всего, о животво-витаальной, насыщенной полнотой (либо напротив), составляющей разбираемого образа.

²⁵ Энциклопедия сновидений. Тула, 1993.

²⁶ Существует обширная литература на эту, далекую, впрочем, от нашего рассмотрения, тему, к которой мы отсылаем читателя. Здесь достаточно было бы пояснить, что осознанное сновидение предполагает способность спящего управлять в состоянии сна своим сном, по ходу либо в соответствии с предварительно им самим устанавливаемым планом, программой.

²⁷ Миллион снов...

²⁸ Цветков Е.П.: В царстве сна и смерти. Москва, 1991, с. 31. Данный автор, распределяя объясняемые им знаки по тематическим группам, относит амбар к выделенному им для подобного толкования разряду *ПОСТРОЙКИ (помещения)*.

²⁹ Сонь и сновидѣнія. Научно обоснованное толкованіе сновъ, составленное знаменитымъ медіумомъ Миссъ-Хассэ. Съ передовой статьей о снѣ и сновидѣніяхъ психо-френолога X. Шиллеръ-Школьника. (Болѣе 1000 сновъ). Варшава, 1912. Репринтное воспроизведение издания 1912 года. Москва, 1990.

Говоря о том, что было отнесено к разряду вмещающих, или репозитивов, т.е. емкостей, того, что воспринимается, прежде всего, как то, что содержит, способно в себе содержать, некую совокупность предметов или некое вещество, хранение которых представляет витально-алиментарный смысл, стоит задуматься над вопросом (предполагая определить его при анализе имагинативных образов), обуславливается ли их репозитивный характер тем, что они представляют собой какие-то емкости, имеющие определенную величину и объем. Либо их подобное "предназначение" для имагинативного восприятия³⁰ будет зависеть от чего-то другого. Тогда от чего?

В связи с чем возникает следующий, не менее важный вопрос – чем отличается, концептуально и перцептивно, то, что видится наяву и трактуется, объясняется наяву, как имеющее отношение к представлениям яви (картине мира, национальной, ментальной, языковой), от того, что видится не наяву, а во сне, в нашем случае это будет во сне, при том, что оно трактуется и объясняется наяву, средствами, способами и приемами яви, но как имеющее отношения к представлениям неяви. И вот тут возникает еще один, представляющийся не менее важным вопрос – можно ли говорить о картине мира, национальной, ментальной, языковой, которую следует определять как имагинативную? Не воображаемую, поскольку даваемую в собственных переживаниях и ощущениях, но сновиденческую, а потому сознательно не организуемую, действующую какими-то своими методами, в своем режиме и своим воздействующим на сознание путем. К этому следовало бы добавить, не обязательно совпадающую и, скорее всего, не совпадающую с чисто сновиденческой, ту картину (не будем называть ее картиной мира, хотя такая постановка в целом не исключена), которая складывается, возникает, объявляет себя на основе имеющихся трактовок и толкований того, что принято обозначать в представлениях *знаков сна* в разных традициях, ментальных, ментально-гадательных, псевдонаучных, научных и пр.

Все это вопросы важные и представляющие несомненный, в том числе и для нас, интерес. Не хотелось бы к ним подходить, однако, с дедуктивных позиций теоретизирования, в немалой степени умозрительного. Следовало бы проверить это, если не эмпирическим, т.е. опытным и индуктивным путем, поскольку подобный подход не видится как возможный при не психологическом изучении, то, по крайней мере, на основе и вследствие обстоятельного системно-

³⁰ Не того, которое следует непосредственно из хозяйственной функции соответствующих емкостей и помещений, а того, которое имеет преобразованный, а потому и смещенный характер, природой сновиденческих состояний и, что не менее важно, принятой, действующей, находящей свое выражение трактовкой в сонниках и соответствующих словарях.

парадигматического и синтагматического рассмотрения материала. Выводы, при этом, что вполне очевидно, будут касаться не сферы самих сновидений, как особой формы процессов и состояний сознания, а способов, видов, приемов и методов объяснения знаковой, коммуникативной и информирующей природы того, что принято видеть, что видится или что кажется видящимся во сне.

Однако вернемся к тому, что можно было бы отнести (для 'амбара') к *вмещающим*, репозитивам, как это делалось в отношении *связующих*, или юнктивов, применительно к рассматривавшейся 'аллее'. Следовало ли бы относить к вмещающим такие явные по своему объемно-включающему характеру пространственные объекты, как сарай, склад, гараж, кладовка, шкаф, шифоньер, комод, бытовка, погреб, подвал, чердак или кухня, магазин, супермаркет, буфет, бюро, ящик и пр.? Возможно ли отнесение к ним представляющих собой не помещения и не вместилища как таковые, но все же имеющие содержащий объем, хотя и не воспринимаемые как пространственные объекты, но скорее предметы, относимые к утвари или посуде, – кастрюля, стакан, тарелка, сковорода, банка, горшок и т.п.

Характер предметно-тематического подразделения, что вполне очевидно, не должен и не может никак совпадать с тем, что собой представляют те же самые объекты в интерпретативных системах сновиденческих объявлений. Относить или не относить перечисленные предметные материальные "емкости" к ряду вмещающих, какие из них относить, если это на чем-то основано, а какие нет, оставим пока без ответа. Цель представленного перечисления заключалась не в том, чтобы данный вопрос разрешить, а в том, чтобы его только поставить, показав не способное быть однозначным соотношение видимого, воспринимаемого и интерпретируемого наяву как-то так либо как-то иначе, с тем, что лишь номинально, но не природой, а потому даже и не формально, выглядит совпадающим с ним в состоянии не наяву. Образы сновидения, картины, являющиеся, появляющиеся, либо кажущиеся, интерпретируемые как таковые, далеко не то, что имеет свое соответствие, свои корреляции к образам и картинам каких-то других состояний, не обязательно только в реальной действительности себя обнаруживающих. Это могут быть состояния, переживаемые при восприятии образов и картин мифологической, ритуально-обрядовой, художественно-эстетической, религиозной либо какой-то другой природы, в большей или меньшей степени измененной, смещенной, по отношению к тем, что воспринимаются и интерпретируются как переживания наяву. Отметив все это, оставим, однако, и данные положения без разрешения, имея целью, зная о том, что есть что-то дру-

гое и непохожее, разбирать, концентрируясь на предмете тех состояний, которые связаны с переживаниями образов сновидений.

'Аквариум' в имагинативно-типологическом отображении

Возьмем, для продолжения и развития мысли о вмещающих (репозитивах), то, что по характеру и назначению своему, действительно может вмещать, но что-то совсем другое, далекое от хранения, имеющего, с одной стороны, витально-алиментарный смысл, а с другой, не воспринимаемое также ни как строение, ни как помещение, относимое, для восприятия, скорее, к тому, чем является, выступает сосуд. В связи с чем возникает одновременно вопрос – не что есть такое сосуд, как реальный предмет и как таковой, но что может, способно, восприниматься и интерпретироваться в этом ключе, как соответствующий ему как 'сосуду' образ и представление. Попробуем разобраться в этом вопросе на каком-то примере. Пусть это будет 'аквариум'. Однако прежде чем приступить к его описанию, хотелось бы еще раз наметить порядок возможного поиска.

Первое – это, сосуд разбираемый 'аквариум' или не сосуд, в связи с чем, выяснение, что такое 'сосуд', каковы его признаки, чем отличается он от чего-то другого похожего, и тогда, является ли сосудом рассмотренный перед этим 'амбар', и можно ли, если относить сосуды к разряду репозитивов (вмещающих), рассматривать как их разновидность, какую тогда их разновидность?

Второе связывалось бы с характером восприятия и интерпретации – сосуд и аквариум, а также амбар и другое, чем предстают и, соответственно, как воспринимаются в свойственном, определяющем их интерпретирующем для восприятия представлении и ключе как 'сосуд' и 'аквариум', 'амбар' и другое. Речь идет в данном случае о соотношении, не всегда совпадении, реального с представляемым и интерпретируемым, для каких-то, стоило бы добавить, проекций и интерпретативных задач. Мысль, которую следовало бы развить на примерах, оставаясь в пределах избранной нами темы.

И, наконец, третье, "проблематика", скажем так, образов, о чем уже ранее говорилось, но что следовало бы продолжить для более полного представления. Образ сосуда, аквариума, амбара, чего-то другого для сознания, ориентирующего себя в окружающем мире, в реальной действительности, в том, что считается для сознания таковой, с одной стороны. Образ того, другого и третьего в представлениях, с другой своей стороны, связываемых с тем, что определяют как социаль-

ные знания, общественно устанавливаемый, регулятивный контекст, предполагающий интерпретацию существующей в том же сознании *условно реальной* действительности. И тогда это предполагает ориентацию сознания в существующем 'образе' отраженной общественными знаниями и установками интерпретируемой ими 'реальной действительности'. Далее образ, возникающий, складывающийся как следствие существующих языковых отражений – в семантике слова и словопотреблений, типичных для фразеологии, паремиологии (идиоматики), текстов данной национальной культуры во всей их, воспринимаемой как общий багаж и известной носителям совокупности, будь то тексты художественные, фольклорные, мифологические, религиозные, равно как и современного речевого узуса, включая политику, идеологию, публицистику и т.п. Иными словами, тот образ, который следует и возникает в связи с представлениями о так называемой языковой картине мира, этнокультурной по своему характеру и природе.

В какой мере этот образ интерпретативен, а в какой натурален, естествен, скажем так, но своим, следующим из знания языка, естествен, языка как средства мышления и ориентирующего существования для сознания, а не просто как средства общения, этот вопрос, далеко не простой и не однозначный, не должен нас в принципе интересовать. Необходимо только отметить, что, интерпретативный или естественный, в любой из этих своих частей, данный образ влияет, способен влиять, и на то, каким воспринимается тот или иной реальный предмет, и на то, как и каким будет восприниматься предмет, только по виду реальный, на деле же таковым не являющийся (к разряду таких предметов следует относить 'предметы', видящиеся во сне).

И, наконец, последнее, – тот 'образ', который возникает, появляется, складывается из традиции, точнее традиций, существующих с толкований 'предметов', 'объектов' снящейся, кажущейся в момент сновидения реальной, "действительности" (хотя такое ее определение, по сути своей, неверно, в данном месте не будем вдаваться в детали возможного ее представления). К этому можно бы было добавить те 'образы', которые возникают как следствия из каких-либо интерпретативных практик – гадательных, символических, ритуальных и пр., но мы оставим этот возможный, хотя и важный, аспект без внимания.

Итак, перед нами четыре, по крайней мере, образа³¹, соотношения между которыми, равно как и само их наличие в сознании, могут влиять на характер то-

³¹ Говоря о дифференциации образов, стоит упомянуть работы психологов, касающихся данных проблем. Так, А.А. Гостев и В.Ф. Рубахин, в частности, выделяют (затрагивая в том числе и пространственные представления, отличающиеся ими от образов пространственного воображения) репродуктивные образы (образы памяти), образы воображения, сновидения и сновидные образы, образы гипнагогические (дремотного состояния), гипнопомпические (этапа выхода

го, что представляется как имагинативный (сновиденческий) образ, получающий свое объяснение и трактовку при снотолковании (в соответствующих словарях): 1) "реальный" образ ориентирующего в действительности и пространстве отображения; 2) "социальный" образ отображения действительности общественного существования, ориентирующий сознание, в первую очередь, в ней, в отношении того, что думают люди о том и другом, что следует думать и что для себя из этого выносить, как вести себя, что говорить и что делать; 3) этнокультурный образ, следующий из языковой картины мира, на ней основанный и ее в себе отражающий; 4) сновиденческий, имагинативный по своему характеру, образ, существующий для восприятия и обсуждения, определения его и говорения о нем, как выводимый на материале снотолкований и описания сновидений.

Попробуем обратиться к ним, первому, второму, третьему и четвертому, для более полного представления о последнем из них, на материале взятого для подобного обсуждения 'аквариума', не забывая о необходимости соотнесения его с 'амбаром' в отношении того, что было принято к представлению как исходно общий для них типологизирующий разряд *вмещающих*, или репозитивов.

Андреас Баумгартен в своей «Большой книге снотолкований»³² предлагает такое объяснение данного образа:

аквариум с рыбами или гадами предвещает главным образом финансовые успехи, в то время как пустой – заботы и неприятности. Если мы сами плаваем в аквариуме, то, возможно, нас ждут потери.

Первое, на что следует обратить внимание, это на характерное также и для 'амбара', повторявшееся при всех толкованиях из выбранных словарей, противопоставление "полного" (так, впрочем, не названного) и пустого, имеющего свое значимое в том же ключе выражение: полное – позитивно, пустое – наоборот. К этому необходимо добавить, отмечавшееся также и ранее, "созерцательное" либо "участвующее" "наблюдение" имагинативного образа. Одно дело видеть аквариум (с рыбами или гадами либо пустой) и другое – самому плавать в нем. Попробуем в связи с этим об этом различии на примере аквариума порассуждать, привлекая для этого материалы других словарей, в том числе и толковых.

из состояния сна), галлюцинаторноподобные, иллюзорные, подробно характеризуя каждую разновидность и отсылая к литературе предмета. (Гостев А.А., Рубахин В.Ф. Классификация образных явлений в свете системного подхода // <http://www.voppsy.ru/issues/1985/851/851033.htm> [15.02.2015])

³² Andreas Baumgarten: Wielki sennik. Z niemieckiego przełożył Michał Antkowiak. Tytuł oryginału: Das große Buch der Traumdeutung. Warszawa, 2005.

Кажущаяся идентичность объектов

Существенное значение для интересующего нас предмета имеет также и то, что в приведенном у данного автора толковании следовало бы говорить не об одном реальном стоящем за описанием объекте, а, по крайней мере, о трех. Аквариум с рыбами – это одно, он наполнен водой и служит одному представлению. Аквариум с гадами, называемый также *terrarium*, это нечто для представлений другое, хотя по виду и форме от аквариума с рыбами нередко не отличающееся. И, наконец, тот аквариум, в котором «мы сами плаваем», т.е. можем, способны плавать, по-видимому, не тот же предмет, в котором (типично) плавают рыбы или в котором размещаются гады. Также само понятие *гады* в применении к аквариуму может быть не однозначным, поскольку гадами могут считаться лягушки, жабы, змеи, саламандры, черепахи, тритоны, крокодилы и др., т.е. животные существа, относящиеся к земноводным, амфибиям и пресмыкающимся, разных размеров, видов, природных характеров и среды обитания, требующих по этой причине разных террариумов или аквариумов для своего содержания.

Памятуя о существовании сновиденческих, а не других каких-либо представлений, связываемых, в первую очередь, с тем, что было обозначено нами как проступание, т.е. нечеткость, неясность, неокончателность и неопределенность, следовало бы говорить, в рассматриваемом нами аспекте, о непрорисованности и неоформленности в том числе и самих этих гадов, которые в аквариуме во сне. Гады эти могут быть, с одной своей стороны, любыми из существующих, а с другой, и более важной для разбираемого нами предмета, такими гадами, которые существуют как гады в сознании, в представлениях, в мысли о них, будучи гадами одновременно как таковыми, как рыбами в первом случае как таковыми, неважно какими и отличающимися, в достаточном отношении, для представлений о них, от не рыб. Положение, к которому, говоря о четырех перечисленных ранее образах, необходимо вернуться, с тем чтобы основательно его разобрать.

Спящему нечто привидевшееся во сне может казаться, при необходимости определения, в разной мере отчетливым. Иногда это может иметь значение, а иногда и нет. Приснившийся человек может видаться как фигура, как силуэт и может со всеми своими чертами, как распознаваемыми, так и не обязательно или не до конца.

Прежде чем перейти к рассмотрению предметности характеризуемого 'аквариума', стоит задуматься над вопросом, что значит увидеть во сне аквариум с рыбами или гадами. Вполне очевидно, это не тот аквариум, который обычно имеется в доме, воспринимаемый как аквариум с рыбками. Скорее, это аквариум

для посетителей, в зоологическом парке, городском саду, т.е. в специально для этого предназначенном месте. И тогда рыбы и гады могут быть соответствующих, не слишком малых, размеров. Вопрос о том, какие там плавают рыбы, каких разновидностей и пород, видимо, не существен. Рыбы воспринимаются как существа, поскольку они водоплавающие, применительно и в отношении, прежде всего, своей среды. Вряд ли кому-либо придет в голову уточнять в заявлении «Я видел рыбу вчера в реке (в озере)» или «О, смотри, вон рыба плывет», что именно это за рыба. Можно предполагать уточнением в лучшем случае ее размер, если он не обычен для средней рыбы: *я видел большую рыбу; смотри, вон какая большая (огромная) рыба*. Рыба в воде, не для специалиста и рыбака, есть просто рыба. Так же как птица, особенно если в полете или на расстоянии, хотя, может, в меньшей степени. Ср.: *Вон на дереве птица сидит; Над головой (у него) пролетела птица; К окну подлетела птица*. Вопрос об "индивидуальности" птицы при видении, однако, более показателен, чем в отношении рыб. Представление о рыбах как таковых, иными словами, существенным образом отличается от такого же представления о птицах. К этому следовало бы также добавить и то, что если аквариум с рыбами (как клетка с птицами), то вполне очевидно, что речь идет о рыбах (и птицах) разных пород, что, по-видимому, имеет место и при толковании сна.

Что касается гадов, вряд ли можно представить себе сообщение типа *Я видел гада вчера...* или *О, смотри, вон гад...*, поскольку где его видел – в лесу, на дорожке, в парке, у озера, и то, как он передвигался – полз, прыгал, плыл, уже будет требовать обозначения, какого именно гада. Также, впрочем, как и животное, которое, если и фигурирует в чем-то таком, то с показателем неопределенности *какое-то*: *Мы видели двух каких-то животных, На дорогу выскочило (выбежало) какое-то животное* (а не просто *животное*), нередко, с предполагаемым уточнением, *похожее на собаку, на волка, лису, кабана* и т.п. Применительно к гадам, во-первых, в силу их существенно различающих в разновидностях свойств (лягушка ни в чем не похожа на черепаху или змею, равно как и эти последние одна на другую), в связи с чем нельзя просто увидеть гада, как птицу или рыбу, а во-вторых, в силу различий их сред обитания, в целом, если не близких, то не далеких от человека (так или иначе, они часто встречаются на земле), опять же в отличие от птиц или рыб, – определение *гады* не может быть идентичным определению *рыбы*. Рыбы могут быть более или менее сходными, одинаковыми, похожими, малыми, средними и большими, одной разновидности, вида, равно как и разных. Слово *рыбы*, тем самым, может служить тривиально как родовым,

так и видовым, равно как индивидуальным определением. Словом *гады* обозначается род, а тем самым, в обычном употреблении, то, что предполагает наличие гадов различных видов в каком-то совместном либо не различающем представлении.

'Аквариум с гадами', тем самым, предполагает а) присутствие в нем в определяемый момент способных быть вместе разных гадов, скажем, жаб, лягушек, саламандр, тритонов, ящериц, черепах (змей с крокодилами там же было бы уже невозможно представить); б) потенциальную возможность присутствия в нем разных гадов как его предназначенность, без специального уточнения, какие из них в нем находятся, если находятся, в данный момент; в) неопределенность их видового присутствия: есть там какие-то гады из гадов, но не суть важно какие; г) аквариум, если не помещение, то череду аквариумов либо один аквариум, разделенный на секции, что допускает возможность их совмещенного содержания, гадов разных видов, пород.

Применительно к приведенному толкованию следовало бы говорить о том, что было названо в предпоследнем пункте (не исключая последний пункт), т.е. о неопределенности видового присутствия – любые гады и гады как таковые, как класс и разряд, отличающий их от не гадов. В связи с чем не случаен вопрос о том, что такое гады, чем они могут быть для сознания и восприятия, что отличает их, представления о них, от того и от тех, что не гады. Такой же вопрос вполне приложим и в отношении рыб. Однако поскольку предметом нашего рассмотрения выступают пространственные объекты, к каковым относиться будет аквариум, поставленный вопрос о гадах и рыбах, не опуская, свяжем с ним.

Можно ли воспринимать тот объект, который назван при толковании аквариумом, как общий, такой же, применительно к рыбам, гадам и плаванию в нем самому или, как было отмечено первоначально, это все же три разных объекта? Либо, другое решение в связи с другой постановкой вопроса, вид аквариума, как вид или виды рыб и гадов в нем, применительно к толкованию не имеет значения? Логичным было бы предположить допустимость как первого, так и второго. Ничто не мешает, в принципе, воспринимать аквариум как такой объект, который может служить одинаковым образом рыбам, гадам и плаванию в нем, равно как и быть любым аквариумом, каким бы он ни приснился и как бы там ни представился, как снящийся имажинативный объект.

Прежде чем рассмотреть возможные следствия представляемого для того и другого аквариума содержания, обратимся к материалам толковых и других словарей, чтобы лучше понять и увидеть, что такое аквариум. «Словарь русского

языка в 4-х томах» (1981 г.) определяет *аквариум* в 1-м значении как «Искусственный водоем или стеклянный сосуд для содержания и разведения рыб, водных животных и растений». И, соответственно, во 2-м, как «Специальное учреждение для изучения водных животных и растений». В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935) *аквариум* определяется как «1. Стеклянный резервуар с водой, в к-ром содержатся и разводятся рыбы, водные животные и растения. 2. Сооружение, здание, в к-ром содержатся, разводятся и показываются посетителям рыбы, водные животные и растения». У В.И. Даля (1860-е годы) аквариум фигурирует как «устройство для разводки разныхъ вѣдорослей и водожилыхъ животныхъ; водоемъ, водникъ, водничекъ». Более точным и полным выглядит определение в «Словаре иностранных слов» (1982): «резервуар (от застекленных ящиков и стеклянных банок до крупных бассейнов), приспособленный для содержания, разведения, изучения и демонстрации водных животных и растений; разновидности аквариума: *дельфинарий, океанариум*». «Большой толковый словарь» под ред. С.А. Кузнецова (1998) уточняет определение, приводимое в Словаре 1981 г., в том отношении, что искусственный водоем в нем толкуется как «бассейн», а учреждение 2-го значения предназначается «для изучения и демонстрации водных животных и растений, содержащихся в особых бассейнах».

В «Большой советской энциклопедии» (1949) аквариум определяется как «сосуд со стеклянными стенками или целиком стеклянный, служащий для содержания и разведения водных животных и растений» и как «специальное учреждение для содержания в живом состоянии и демонстрации представителей морской и пресноводной фауны и флоры». Подчеркивается при этом, что «Соответственно различному назначению А. и условиям, необходимым для содержания разных объектов, устройство, форма и размеры А. весьма различны». Википедия, давая наиболее обобщенное представление об аквариуме, определяет его как «прозрачную емкость для постоянного содержания водных организмов», с тем уточнением, что «Чаще всего под аквариумом понимается *домашний (комнатный) аквариум* для содержания аквариумных рыбок в домашних условиях». «*Публичные аквариумы*, предназначенные для демонстрации зрителям водных флоры и фауны» существуют «в составе зоопарков как отдельные зрелищно-просветительские учреждения». Сообщается также, что «В аквариуме можно содержать практически любых живых существ, которые в природе обитают в воде: морских и пресноводных рыб, растения, ракообразных, моллюсков, земноводных, рептилий и кораллы.» То есть, добавим от себя, и некоторых из гадов, тех,

которые земноводные и рептилии, обитающие в воде, т.е. лягушек, тритонов, крокодилов и черепах.

Из приведенных определений следует 1) то, что аквариум середины – второй половины XIX столетия, согласно тому, что дается у Даля (в исторические разыскания вопроса углубляться не будем), предстает как какого-то вида устройство, похожее на водоем, в первой половине XX века – как стеклянный, со стеклянными стенками, сосуд или резервуар (в своем первом значении) и, наконец, во второй половине XX века – как то и другое (то либо другое, не обязательно из стекла, но прозрачное), с тем уточнением, что водоем этот искусственный, и он же определяется как (специальный) бассейн, который может быть крупным; 2) то, что аквариум предназначается для разведения, содержания, демонстрации, изучения водных животных, растений и рыб (в том числе и "земноводных" гадов, однако о том, что в нем можно плавать, не говорится); 3) то, что аквариум может быть разных размеров, устройства и формы. Что касается 2-го значения, как учреждение, аквариум так начинает определяться с Толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова (у Даля подобного объяснения не находим), представляясь в нем как сооружение, здание, в котором содержатся, разводятся и показываются рыбы и пр. представители водной фауны и флоры, размещаемые, как следует полагать, в различных аквариумах. Первое и второе значения, тем самым, связываются метонимически.

Тем самым, аквариум предстает как искусственный по преимуществу, водный, наполняемый водой, обычно прозрачный (стеклянный) резервуар, в котором находятся водные обитатели для наблюдения. Характеризующими будут параметры а) емкости, б) наполненности (наполняемости) водой, в) наличия представителей водной фауны-флоры, г) доступности их наблюдению и изучению. Все остальное служит определению "аквариумных" разновидностей.

Для языкового сознания ведущим будет то, которое нашло свое выражение в Википедии с помощью уточнения «Чаще всего», т.е. это будет 'домашний аквариум для содержания аквариумных рыбок'. Толковый словарь польского языка³³ определяет аквариум именно в этом ключе, объясняя его как „zbiornik ze szkła wypełniony wodą, służący do hodowania ryb / емкость из стекла, наполненная водой и служащая для разведения рыб”. При том, что толкование, содержащееся в Словаре иностранных слов³⁴, выглядит несколько шире: „zbiornik na wodę,

³³ Inny słownik języka polskiego PWN. Red. naczelny M. Bańko. T. I. Warszawa, 2000.

³⁴ Słownik wyrazów obcych PWN. Opracowanie L. Wiśniakowskiej (na podstawie Wielkiego słownika wyrazów obcych PWN pod red. M. Bańki). Warszawa, 2004.

zwykle szklany, służący do obserwacji i hodowli zwierząt (zwłaszcza ryb) i roślin wodnych / емкость для воды, обычно стеклянная, служащая для наблюдения и разведения животных существ (особенно рыб) и водных растений». Аналогичные английские и немецкие источники³⁵ повторяют ту же тенденцию: толкования в словарях отражают то, что более типично и воспринимается в первую очередь (выступая как прототип), и этим будет представление о прозрачном сосуде с водой для содержания рыб (или рыбок), и то, что возможно и также будет аквариумом – любая, обычно прозрачная, емкость с водой для разведения не только рыб, но и водных животных, растений.

Различающе-характеризующие признаки как средства реализации образа

Итак, как следует из приведенного материала, аквариум воспринимается, в первую очередь, как прозрачная емкость с водой для содержания и наблюдения рыб, а тогда то, что он в разбираемом толковании выступает с рыбами или гадами, необязательно предполагает применительно ко второму случаю (с гадами) наличие в нем воды. Существенным остается а) прозрачность, б) дающая возможность видеть и наблюдать, что в) внутри имеются существа, которые, если г) рыбы, предполагают д) воду, а если е) гады (поскольку «или»), ж) не только воду, включая также возможность и отсутствие самой воды. Аквариум в этом последнем случае не наполнен водой, но в нем сидят, находятся живые подвижные существа. То, что он фигурирует далее как пустой, тем самым, в первую очередь, может предполагать отсутствие не столько его наполняющей по своему назначению воды, сколько отсутствие в нем этих самых живых существ (рыб или гадов).

Прежде чем перейдем к рассмотрению третьего случая, при котором «мы сами плаваем в аквариуме», имеет смысл обратить внимание на две не случайные, по-видимому особенности. Понятно, что пустое и полное представляется значимым и различающим в отношении аквариума – с живыми в нем существами, а также водой дополнительно, как позитив, с отсутствием в нем того и другого как негатив. Данное свойство можно было бы интерпретировать как исполненность (для аквариума), реализацию его назначения в отношении полного,

³⁵ Ср. помещенные в Интернете такие словарные определения: англ. «A glass container in which fish and other water creatures can be kept. / Стеклянный сосуд, в котором рыбы и другие водные существа могут содержаться.» и нем. «1. Meist viereckiger Glas- oder Plexiglasbehälter, der mit Süß- oder Seewasser gefüllt ist und zur Pflege, Zucht und Beobachtung von Wassertieren (meist Fischen) und Wasserpflanzen dient. 2. Aquarienhaus. / 1. Чаше всего четырехстенный стеклянный либо из плексигласа сосуд, наполненный пресной либо морской водой и предназначенный для ухода, изучения и наблюдения за водными существами (обычно рыбами) и растениями. 2. Помещение.»

его "полноту", и неисполненность, нереализованность, "пустоту". Этим и объясняется то, что пустой аквариум – это плохо, а полный в отношении своего назначения, не одной только налитости водой, хорошо. Двумя обозначенными в начале абзаца особенностями в связи со сказанным будут 1) то, что отмеченная полнота аквариума почему-то связывается (и тогда почему?) не с чем-нибудь просто так положительным, а с успехами, определяемыми как финансовые и 2) то, что его пустота, несимметрично, предполагает не отсутствие этих самых успехов в финансовой сфере, а заботы и неприятности, что трудно воспринимать как отсутствие, скорее наоборот, как наличие, но не успехов, а беспокойств.

Правомерным будет в связи с этим первым вопросом: то, что успехи, и то, что финансовые, следует воспринимать как два разных по своему характеру признака, объединенных в одно, или как некое целое, с помощью одного словосочетания выраженное? Вопрос сам по себе не праздный, отмечающий характер преципирующего восприятия, а на этой основе и соответствующего отношения к объекту. Одно дело сказать и представить что-нибудь типа *Мы подошли к высокой стене*, с предположением стены как места и указанием на определяющий характер ее как объекта, который встретился по пути. И совершенно другое сказать то же самое, предполагая ее как преграду, которую следует, но которую будет непросто, в связи с ее этим признаком, преодолеть. Так же как, скажем, фраза *Мы живем вон в том новом доме* (к которому необходимо подойти или подъехать, к которому мы продвигаемся, *вон тот новый дом* в этом случае выступает как некая целостность и ориентир, указатель цели движения). Или *Мы живем вон в том новом доме*, с предположением, какой он в своих характеристиках как новый дом. В этом случае целостность распадается на два дополняющие друг друга в своей предикации представления: 1) то, что имеется перед глазами дом, в котором мы теперь живем и с которым при виде, показывая на него, с ним знакомят, и 2) то, что этот дом новый, а потому и то, что из этого следует, также становится важным и самостоятельно определяющим.

Исходя из представления о том, что объясняемый как имагинативный образ 'аквариум с рыбами или гадами' (без указания на наличие либо отсутствие во втором случае воды), финансовые успехи, видимо, следует воспринимать как единое целое. То есть важны не успехи, которые как таковые финансовые, а то, что это успехи, имеющие денежное выражение, обогащение, достижение значимых результатов в финансовой сфере. Речь, тем самым, идет не об успехах и достижениях в целом, не о том, что начался какой-то подъем, жизнь поправилась, улыбнулась фортуна и следует ожидать теперь положительных результатов во

всем, в том числе и в финансах, а о том, что финансы, в первую очередь и главным образом, имеют тенденцию и перспективу к успешному росту.

Можно ли, возникает в этой связи вопрос, разделить аквариум (который полный, с рыбами или гадами) и рыб с гадами на два представления, отнеся одно к идее подъема, успеха (скажем, полный аквариум), а второе – к тому, что это финансы? Думается, что такое деление было бы неоправданным. Из чего следует то, что 'аквариум с рыбами или гадами' следует разбирать как неразложимое, спаянное (если пользоваться представлениями о типах фразеологических единиц), слитное образование, целостный имажинативный образ. А потому, в толковании сновидений у данного автора, согласно его концепции, нет просто аквариума, есть аквариум с рыбами или гадами либо пустой (либо тот, в котором мы сами плаваем). И тогда финансовое исполнение, коррелируя с "исполнением" аквариума, определяя его в таком направлении, интерпретируя его как аквариум действующий, будет его выражением, реализацией его как имажинативного образа.

То, что полный, как действующий, аквариум, хорошо, поскольку дает ощущение возможно более полной реализованности в финансовой сфере, не означает, как следует из дальнейшего, того, что пустой, т.е. не действующий, аквариум, и что плохо, означает отсутствие не просто успехов в финансовой сфере, а денежных средств. Он означает заботы и неприятности, не обязательно, следовательно, в финансовой сфере. Пустой аквариум не исполняет своего назначения. Пустой аквариум можно воспринимать как своеобразный вызов, действующий на сознание как укор, как зияющая дыра, требующая участия, подключения к действию, к наполнению, заполнению. Он прозрачен, через его прозрачные стенки надо смотреть, чтобы в нем то, что следует, что должно находиться, увидеть. И этого нет. Ощущение неприсутствия в нем того, что должно быть, предполагая при этом усилия, чтобы глазами внутрь него войти, оказаться внутри, невольно и неизменно рождает неудовольствие, обманутость ожидания и беспокойство. Отсюда, по-видимому, обозначенные заботы и неприятности. То, что не исполнено и не заполнено, требуя заполнения, может быть заполнено и наполнено тем, что мало приятно, поскольку не к месту и неожиданно в данный момент. Это как вхождение в пустой заброшенный, нежилой теперь, дом. Настораживает такое вхождение, не предвещая ничего положительного и, создавая ощущение глухости и пустоты, "населает" "пустующее" при этом сознание, вольно или невольно, чем-то таким, чего бы не хотелось увидеть.

'Аквариум с рыбами и гадами', т.е. действующий и не пустой, и 'пустой аквариум', т.е. не действующий, можно сравнить по этому показателю с представлениями типа *действующая либо не действующая церковь, действующий либо не действующий монастырь*, а также *музей, синагога, картинная галерея, мечеть* и т.п. Настораживающая непривлекательность этих вторых обуславливается дополнительно усиливающими представлениями об обстоятельствах их оставленности, заброшенности, предоставленности самим себе, о травмирующих событиях их запустения. Это первое. И второе, не менее важное, оставленность их заполняется в сознании либо а) мыслью об обнищании, разрушении и руине (постепенном и неуклонном распаде, т.е. деструкции), вызывая чувство неприятной и озабоченной жалости, либо б) мыслью об их нефункциональном использовании, унижающим их духовное и культурное достоинство (под склад, под конюшню, под бойню, под свалку мусора), что вызывает такое же чувство, смешиваемое с возмущением, неприятием и гадливостью (элиминирующая алиенация). И то и другое может и будет предполагать мысль о присутствии в местах такого "недействия" и "пустоты" чего-нибудь и/или кого-нибудь из ряда малоприятного, возможно даже опасного, и в любом случае нежелательного – хулиганов, бандитов, бездомных, складских работников, случайных, дополнительно разрушающих, пачкающих и разваливающих все внутри "посетителей", в том числе, при определенных наклонностях, также и неприязненных, если не откровенно зловещих, духов. Как знак не просто незанятости данного места, а его наведенности и нечистоты.

Заботы и неприятности, связываемые с видением пустого аквариума во сне, таким образом, можно представить как настораживающие, не предвещающие ничего хорошего, требующие к тому же, возможно, усилий, сопротивления и посвящений.

Замечание к типологии: о подгруппах сновиденческих образов

Если относить 'аквариум', как имагинативный образ, учитывая в качестве обязательных показатели 'полный' / 'пустой' к типологической группе *вмещающих* (репозитивов), что не противоречит рассмотренным о нем представлениям, то возникает вопрос о его отношении к другому рассмотренному ранее имагинативному образу – 'амбару', который также воспринимался в своих показателях 'полный' / 'пустой' (опуская все уточняющее, с зерном, тучными стадами и пр.). "Вмещающее" 'амбара' (его 'полное' и 'пустое') с "вмещающим" 'аквариума' (его 'полным' / 'пустым'), видимо, будет не совпадать. Иными словами, 'амбар' и 'ак-

вариум', оба относясь к разряду *вещающих*, будут представлять в нем две разных подгруппы. Если 'амбар' предполагает накапливание, определяемое как витально-алиментативное, создающее благоприятствующую, защищающую от неприятных воздействий, надежную, ограждающую, "питательную", по внутреннему своему заданию и назначению, среду, то 'аквариум' таковым не является.

'Аквариум' дает представление, а тем самым и ощущение, независимого и внешнего, наблюдаемого и "фиксируемого" в сознании, в его располагающем либо, напротив, не располагающем, алиенативном, отталкивающим и настораживающем, имагинативном значении-виде. Отсюда 'финансовые успехи', равно как и 'заботы и неприятности', связываемые с 'аквариумом' в сновидении, видимо, все же не то, чем были 'большое и длительное преуспевание' в противоположность 'бедности и неудачам' 'амбара'.

Не будем, однако, в развитие данного несовпадения входить, поскольку это задача для снотолкователей, отметив, что группа, класс или разряд, разновидность *вещающих* (репозитивов) может иметь в отношении относимых к ним имагинативным образом накапливающий, насыщающий, наполняющий и довольствующий, преисполняющей своей полнотой, характер, определив их как сатуративы³⁶ в 'амбаре' как представителе. И может быть исполняющим в смысле действующим и действенным, занятым, полным в своем исполнении как предназначении (либо, соответственно, наоборот), определив это как компле- тивы³⁷ в отношении 'аквариума'. То и другое, необходимо добавить, не предполагает прямого следствия для возможных значений имагинативных образов и симметричного соотношения 'полного' и 'пустого' для них, что, впрочем, было показано на примерах при их рассмотрении.

Третья позиция, связываемая с представлением «Если мы сами плаваем в аквариуме», иллюстрирует то, что было отмечено ранее как участвующее восприятие, при котором сновидящий не просто видит и созерцает происходящее, но и, испытывая какое-либо воздействие с его стороны, задействуемый в осуществляемый процесс, начинает активно себя проявлять, выступая объекто-субъектом видимого им положения. Плавание в аквариуме для человека, как са-

³⁶ Лат. *saturo, saturatum* [satur] 1) насыщать, кормить, поить досыта; 2) наполнять (*hogrea* 'амбары, житницы, склады'); пропитывать; 3) удовлетворять: осыпать кого-л. почестями; *satur, saturum* [satis] 1) сытый, насыщенный; 2) полный, богатый, обильный; 3) тучный, жирный; *satis* 1) довольно, достаточно; 2) изрядно, порядочно; неплохо, довольно хорошо.

³⁷ Лат. *compleo, completum* 1) наполнять (*fossam sarmentis* 'ров связками хвоста'; *favos melle* 'пчелиные соты медом'; заполнять (*paginam* 'страницу'); 2) заливать, освещать (*sol complet cuncta sua luce* 'солнце заливает всё своим светом'; *luna complet orbem* 'луна освещает округу'); 3) *воен.* комплектовать, формировать, пополнять; ... 7) выполнять, совершать, завершать, оканчивать ... 8) занимать.

мо по себе не вполне обычное состояние, должно вызывать по идее, во-первых, мысль о том, что это за аквариум и почему мы в нем оказались, а во-вторых, представление не об аквариуме как таковом, а о том, что с ним связано и чем он является для сознания, возможно, как метафорический и когнитивно-оценочный образ.

Аквариум, в котором мы, оказавшись в нем, предстаем как плавающие, прежде всего, не *домашний* аквариум с рыбками, для этого он был бы мало пригоден. Это, скорее, аквариум, определявшийся в приведенной цитате из Википедии как *публичный*, т.е., с одной стороны, достаточно большой и просторный, а с другой, тот, который находится у посетителей данного заведения на виду, будучи предназначен для демонстрации рыб и водных животных, содержащихся в нем. В таком его представлении для нас, находящихся плавающими в нем, заключается а) то, что мы становимся объектом потенциального либо реального наблюдения, будучи выставленными на всеобщее обозрение, б) как животные, дикие звери, птицы и рыбы в клетке, с этой позиции уподобляясь им.

В результате чего возникает испытываемый на себе, переживаемый и малоприятный в целом эффект так называемого зоопарка, когда, собираясь, нередко толпой, публика смотрит, получая удовольствие от созерцания кого-либо, где-либо, при каких-либо обстоятельствах находящегося, исключая его из их числа и состава (изолирующая, отделяющая алиенация), возможно при этом его обсуждая, а то и глумясь. Даже если этот эффект реально во сне не имеет место, ощущение себя плавающим в аквариуме, допуская такую возможность, неизменно будет создавать неприятное чувство отчуждающего и отделяющего от остальных выставления напоказ.

К сказанному можно и имело бы смысл добавить также и то ощущение, которое передается в языке с помощью выражений *чувствовать себя как в аквариуме, находиться (жить, быть, сидеть где-либо) как в аквариуме*, как правило, о себе – *Я чувствую себя последнее время как в аквариуме. Мы живем как в аквариуме. Мы с ним как в аквариуме*. Ощущение это способно и может переходить в переживаемое многими чувство неуютта, неловкости, состояние не по себе, возникающее у них в застекленных, нередко больших, помещениях без занавесок, гардин или штор. Ср.: *Не нравится мне в этом ресторане, что с того что сидим наверху, чувствую себя как в аквариуме за стеклом. Построили новое здание, а стекла до самого полу, люди должны себя чувствовать там как в аквариуме. Стекла на окнах огромные, а занавесок нет, все наружу, навывтряшку, ну прям как в аквариуме. Хоть бы штору закрыл, не в аквариуме.*

Вторым ощущением, связываемым с аквариумом, является впечатление прозрачной стенки, стекла, отделяющего «я» от других либо, напротив, других от позиции «я», выступающего в этом случае в роли того, кто их видит за этой плотной стенкой стекла, не входя с ними в соприкосновение и близкий контакт, который к тому же по этой причине становится и невозможен. И в том и в другом случае следует говорить об изолированном, обособленном восприятии окружающих, сопровождаемом ощущением глухости, гулкости и пустоты, невозможно слышать, соприкоснуться, вступать в связи и отношения. Люди за этим стеклом, как рыбы, плавают, странным каким-то образом перемещаясь, производят кажущиеся плавными, поскольку не слышимые, возможно замедленные, движения, свидетельствующие нередко об утрате ориентации, открывают рот, что-то вроде бы говоря, но что именно, трудно понять. Наблюдающий, впрочем, и не пытается, фиксируя для себя состояние разобщенности как неспособность сближения и взаимодействия. Другие воспринимаются, могут восприниматься, как отвлеченные, нереальные существа, скорее какие-то образы и картинки. Происходит, тем самым, внутреннее "обесчеловечивание" их, наблюдаемых, но не людей как таковых, и не их как людей, как представителей рода, лишая их сущности человеческого в них существа. Поэтому это не дегуманизация, не мизантропия, не то, что принято так называть, это, скорее, специфический способ, скажем так, восприятия окружающих, вызываемый либо смещенным (суженным) состоянием сознания, в его рецепторных проекциях, в данный момент (крайняя степень усталости, подавленность, упадок сил, депрессивность с отсутствием интереса ко всему, что вокруг), либо болезненное, в том числе и психологически, состояние. Впрочем, причины и происхождение, этиология, всего этого будут для нас не важны. Важно, что это находит свое отражение в языке: *Люди для меня как (рыбы) в аквариуме, вижу их, но не чувствую, не слышу, что и о чем говорят.* Наблюдение чего-то подобного не обязательно будет связано с указанным состоянием, оно может быть вызвано и впечатлением пребывания других за большим и плотным стеклом, отделяющих их от других и не допускающих взаимодействия с ними: *Ну и что хорошего в этом новом здании из стекла и бетона. Люди в нем как в аквариуме, все можно видеть, что делают, не слышно только, о чем говорят.*

Ощущение разобщенности и отделенности, расчеловечивание, утрата способности чувствовать себя как совместное состояние и среда с остальными, разделение плотной, поскольку не пропускающей, в том числе и в первую очередь, звук, что имеет значение для общения, но при этом прозрачной стеной как пре-

градой, – все это объединяет то и другое впечатление от аквариума, как для «я», в нем находящегося и в нем себя ощущающего, так и для «я», наблюдающего за находящимися в нем другими людьми.

Из всего этого следует, что 'аквариум с рыбами или гадами, полный или пустой', и 'аквариум, в котором мы плаваем или находимся' следует определять как два разных имагинативных образа. Если первый относился к разряду *вещающих* (репозитивов) и подразряду его комплетивов, то второй таковым не является. Аквариум, в котором «мы сами плаваем» или находимся, – это не то, что вмещает нас как свое содержимое, наполняющее или не наполняющее его собой. Отношение к этому будет другим. Речь, скорее, может идти о каком-то нас отделении от всего остального и общего, с потенциальным, возможно предполагаемым, выставлением нас на показ (о чем, впрочем, трудно судить исходя из разбираемого снотолкования). Значимым может быть не столько то, что «мы» становимся в этом случае объектом возможного наблюдения со стороны других, сколько то, что определяется формулой «мы сами плаваем в аквариуме». Коль скоро мы сами в нем плаваем, то, во-первых, аквариум этот наполнен водой, а во-вторых, мы ведем себя в нем как рыбы, замещая и подменяя их. Данное положение, как следует из предлагаемого разбираемым автором объяснения, означает то, что «возможно, нас ждут потери».

Что важно, точнее, что может быть важным в определяемом случае? То, что в аквариуме мы, плавая, выступаем как рыбы, замещая собой, подменяя рыб? Или то, что в аквариуме находясь, возможно (ничто не мешает такое представить), мы не имеем способности, лишены таковой, самостоятельно выбраться из него, поскольку стеклянные стенки гладки, а вода до края может не достигать? Не исключен также третий случай: поскольку аквариум, по ряду приводившихся ранее определений, это также бассейн или какой-то искусственный водоем, то, в нем плавая, мы не имеем дело с прозрачными стенками, во всяком случае не это становится характеризующим признаком. Но будет ли это тогда в определяемом представлении аквариум? Исходя из продолжающей связи с первым, который с рыбами или гадами, поскольку далее следует «Если мы сами плаваем в аквариуме», более верным было бы предположить, что это тот же или, точнее, такой же аквариум, в котором обычно рыбы и гады, а вот теперь оказались и мы. То есть, отвлекаясь от вида, объема и формы аквариума, следовало бы признать, что речь идет об одном и том же или примерно одном и том же объекте (но не имагинативном образе, которых в данном случае будет два) – аквариуме, в котором пла-

вают рыбы, находятся, а возможно также и плавают, гады и в котором плаваем мы.

Категориальные и предцирующие признаки компонентов состава

Сенситивное, переживаемое, и эмотивное, оценочно-когнитивное, отношение к тому и другому будет различным. Исходно внешне вроде бы как совпадающий конфигуратив, отпечатывающий, воплощающий себя для восприятия впечатлением 'четырёхстенного, прозрачного, содержащего, для воды, с теми, для наблюдения, кто обитает в ней', этот конфигуратив, с перенесением на того, кто «я» и кто «мы», становится конфигуративом по показателю не просто 'с теми, кто не обитает в ней', но, кто, исходно, 'не для наблюдения', будучи помещен в прозрачность четырех стен с водой (либо без нее), оказывается в особом поэтому положении. Отсюда и конфигуратив того и другого имагинативного образа следует определять как не совпадающий, разный.

Сенситив наблюдения за теми, кто пребывает в аквариуме, и это обычно для представления о нем и о них, будет существенным образом отличаться от того ощущения (сенситива), которое сопровождает чувствующего себя в нем плавающим. Эмотивы того и другого следовали бы из того, что было рассмотрено в отношении оценочных по своей природе знаний и представлений, касающихся аквариума с рыбами (гадами) и для рыб и аквариума, в котором видит и чувствует себя человек либо видит и чувствует в нем кого-то другого (других).

В первом случае, обобщая и не вдаваясь в подробности, сенситив можно было бы определять как переживаемое удовлетворение, удовольствие от наблюдаемой природы в ее живом и доступном для созерцания проявленном воплощении для стихии воды, а эмотив – сформированным на основе исполненной действительности аквариума в его назначении. Все это, соединяя с описанным конфигуративом, составляло бы представление об имагинативном образе, проявившем себя как 'аквариум с рыбами или гадами'. В то время как во втором, для 'мы сами плаваем в (этом) аквариуме', сенситив наблюдения переходит в сенситив проявления, и тогда он будет сопровождаться ощущением, чувством переживаемого неудобства, неловкости, неприятности, с представлением 'быть не собой', 'не в себе', 'не в своем', с возможностью стать объектом потенциального наблюдения и обсуждения и неспособностью выйти, выбраться из четырехстенной, прозрачной, держащей в себе, на себе воды. Эмотив подобного состояния формировался бы из представлений о разобщенности, отделенности, отчуждении, неспособности выйти из положения, не допускающего взаимность с другими, контактное

взаимодействие с ними на общей основе и в общей с ними среде, при дополнительной "припечатывающей" неспособности скрыться, уйти от такого своего пребывания для них напоказ. Представленный конфигуратив, в своем уточненном, объединяемом с сенситивом и эмотивом, виде выглядел бы тогда как 'четырёхстенное, прозрачное, содержащее, для воды |со мной (с нами) как| с теми, кто для наблюдения, |а потому и| кто |не| обитает в ней'.

Сенситив, эмотив, равно как и конфигуратив, того и другого имагинативного образа, его состояния как положения, определенного ранее термином *situs* применительно к видимому во сне, можно было бы, на основе их составляющих признаков, представляемых как категориальные и предидирующие, обобщая, формализовать, находя повторения, совпадения и сходства с такими же признаками других имагинативных образов, в различных комбинаторных реализациях для них. Такими категориальными признаками для рассмотренного конфигуратива могли бы быть представления о 'четырёхстенном', 'прозрачном', 'содержащем в себе (быть способным в себе содержать)', 'для воды', а предидирующими – 'быть объектом для наблюдения', 'обитать', 'пребывать'.

Для сенситива такими категориальными признаками могли бы быть 'удовлетворение' либо 'неудовлетворение' (сатисфактив), 'удобство' либо 'неудобство' (коммодатив), 'приятное' либо 'неприятное' (волюптатив), 'удовольствие' либо 'неудовольствие' – 'от наблюдения', 'от контакта с природой', 'от живого' либо 'от неживого', 'от стихии воды' либо 'другой стихии', а предидирующими – 'переживание в данный момент', 'наблюдение', 'ощущение воплощения', 'проявление', 'быть собой' либо 'не быть собой', 'способность либо неспособность выйти' 'из неудобного положения' и т.п.

Эмотив, соответственно, предполагал бы в качестве возможных для себя категориальных признаков – 'исполненность' либо 'неисполненность', 'действенность' либо 'недейственность', 'назначение (соответствие либо несоответствие)', а предидирующих – 'разобщенность', 'отделенность', 'отчуждение', 'неспособность установления контакта (контакт / дисконтакт)' и т.п.

В результате имело бы смысл говорить о все той же парадигматике и синтагматике изучаемого нами объекта – имагинативных образов сновидений. Последовательное и обстоятельное описание того и другого, требуя обращения к обширному материалу, не входило и никак не могло входить в поставленную задачу. В данном месте можно было лишь обозначить, наметив, наличие чего-то подобного, а приводимые признаки показать как пример допустимого представления, без какой-либо их системной и формирующей организации. В завершение

разбираемого толкования следовало бы только сказать, что «Если мы сами плаваем в аквариуме», то, что «возможно, нас ждут потери», можно определять и рассматривать как проектив охарактеризованного второго имагинативного образа в его конфигуративе, сенситиве и эмотиве, а сам этот образ как относящийся к ранее не рассмотренному разряду, который можно определить как *отделяющие*, прерывающие, изолирующие, замыкающие, обрывающие контакт, или сепаративы³⁸. Дальнейшее уточнение с отнесением его к подразряду может быть произведено при сравнении с имагинативными образами того же разряда (сепаративов).

Взаимная обусловленность и связанность образных компонентов

Для дальнейшего уточнения сказанного относительно разбиравшегося имагинативного образа аквариума, появляющегося во сне, в том или ином возможном для себя сопровождении, обозначенном и охарактеризованном на основе приведенных цитат, обратимся к еще одному толкованию того же или не того же 'аквариума', видящегося во сне.

Марлена Кжижостаняк в своем «Соннике. Символы и сновидения»³⁹ так определяет разбираемый образ:

Аквариум → Вода, → Рыба – отказ от действительности, отгораживание; добровольная либо вынужденная изоляция. Аквариум обращает внимание на подавление эмоций, твоя эмоциональная жизнь прекрасно спланирована и продумана. Рассудок, однако, не поможет тебе сдерживать убегающей воды, когда аквариум, в конце концов, треснет и твои чувства, совершенно не контролируемые, выйдут наружу.

Аквариум в этом случае прямо и непосредственно связывается с представлением об отделении себя от окружения, от других, и будет, тем самым, примером рассмотренного перед этим *сепаратива*. Отличие от предыдущего толкования достаточно очевидно. Речь не идет о том, что «мы сами плаваем в аквариуме», и потери, если и можно их так трактовать, затрагивают не столько утраты чего-либо важного для существования, сколько выхода из-под контроля сдерживаемых до этого, подчиняемых рассудку, упорядоченных эмоций и чувств. Аквариум в разбираемом случае прямо связывается в предлагаемом толковании с эмоциональной сферой, которая выглядит огражденной, закрытой для проникно-

³⁸ Лат. *separo, separatum* 1) отделять, разделять, разобщать, обособлять (*aliquos a cetero exercitu* 'кого-либо от прочего состава (собрания) граждан'; *equites ex omni populi summa* 'всадников от всего остального народа'; *Europam Asiamque fretum separat* 'Европу и Азию отделяет пролив'); 2) исключать (*aliquem ab amicis* 'кого-либо из (состава) друзей').

³⁹ Marlena Krzyżostaniak: *Sennik. Symbole i marzenia*. Wrocław, 1998.

вения остальных, для контакта и взаимодействия с ними. Определяющим для подобного толкования будет, следовательно, представление о конфигуративе имажинативного образа, проявляющем себя в том, что аквариум воспринимается как вместилище, ограниченное четырьмя прозрачными стенками от всего остального.

В этом смысле аквариум можно истолковать как миниатюру существования, своей прозрачностью вводящей в соблазн проникания внутрь, наблюдения, отмечающего, что нечто, имеясь внутри, существует, движется и живет, но это нечто отделено и поэтому для непосредственного контакта и взаимодействия недоступно. Мир это изолирован, замкнут и существует подобием "вещи в себе". Не будь этих прозрачных, позволяющих видеть внутренность, стенок, его восприятие было бы совершенно иным. Достаточно взять для примера какой-нибудь, также со всех сторон ограниченный, ящик, коробку, с открытой, позволяющей внутрь заглянуть, или закрытой крышкой, подобного не позволяющей, и отношение к образу будет другим. Побуждение заглянуть и заглядывание, с одной стороны, либо желание узнать, что внутри, с другой, не будут связываться с представлением об отделенном и обособленном существовании того или тех, что находятся там. Все это будет связываться с чем-то другим.

Интерес, возможность либо невозможность узнать, вытесняя идею экзистенциальной отдельности и изолированности, отделенности находящегося внутри от всего остального, от того, где находится наблюдающее, интересующееся и познающее «я», будет вызывать допускаяемым впечатлением удивление (*Ну надо же, что там внутри!*). Удивление будет связываться с представлением об одушевленной либо неодушевленной предметности, с соответствующим сопровождением, в зависимости от ожидаемости либо неожиданности, обнаружить то и такое там, что может внутри находиться. Это будет, в конечном итоге, любопытствующий интерес, не удовлетворяемый, в случае невозможности видеть, сопровождаемый эмоцией неразрешимости и скрываемой загадки. Замкнутость, но совершенно иного рода, которая ближе к идее лишения свободы и содержания в неволе с чьей-либо, представляет смысл добавить, стороны, появится в случае, если в такой коробке с непрозрачными стенками находится будет живое какое-нибудь существо.

Особенность аквариумной изоляции, заключающаяся в прозрачности стенок, не предполагает подобного представления. Мысль о лишении выбора и свободы находящихся в нем замещается впечатлением экзистенциальной миниатюры и самодостаточности. Существующее внутри движется и живет, не прояв-

ляя признаков утраты, лишения и обойденности, оно движется и живет вне всего остального, вне связи с ним и в себе самом. Это некая отделенная самостоятельность, в принципе не ущербного, пребывания, во всяком случае не думающего так о себе и довольствующегося собой. До поры до времени, как показывает и допускает поэтому продолжение, пока стенки не треснут и пока есть в нем, в аквариуме, вода.

Необходимо добавить, продолжая сказанное, что если в предыдущем определении аквариум выглядел как сосуд с рыбами или гадами в нем либо пустой, либо в котором плаваем мы, то в данном случае ничего такого о нем не содержится. Можно бы было сказать, что это аквариум как таковой, т.е. любой аквариум, допускающий любые возможные для себя проявления, которые могут, хотя и не обязательно, предполагать вводимые как контекстные и расширяющие своим дополнением толкования, уточняющие и распространяющие приводимое толкование как основу. Предположим, что это так. Можно также предположить и другое. То, что описывается, что говорится о нем, будет иметь отношение к аквариуму не столько как таковому, сколько к аквариуму в наиболее типичном о нем представлении. Речь идет, таким образом, о домашнем аквариуме с рыбками, наполненному по этой причине водой. «Я» наблюдает, видит аквариум, для него наиболее привычный, в его типическом для себя представлении. Остановимся пока что на этом, с тем чтобы в результате предполагаемых далее рассуждений решить, какой из видов аквариумов – инвариантный либо типический вид-вариант, будет более подходить или, если точнее, мог бы более подходить под представленное в толковании определение.

Итак, «я» видит какой-то аквариум, который, в конечном счете, указывает на его, этого «я», эмоциональную изоляцию и отказ от действительности. Оставим пока без внимания налагаемые толкованием проецируемые последствия отмечаемой изоляции, когда аквариум, в конце концов, треснет, поскольку это, по видимому, не то, что образом себя объявляет во сне. Обратимся к тому, что содержится как отсылка, долженствующая, связываясь с аквариумом, уточнять, проясняя его вероятные аспектуальные, как можно предполагать, расширения. Речь идет об образах, заключаемых в представлениях воды и рыбы. Аквариум, в имажинативном своем отражении, как сновиденческий образ, следовательно, не существует вне вписывающих его в себя контекстуальных, ассоциативных и взаимосвязанных смыслах рыбы-воды – воды с рыбами и рыб (рыбы) в воде.

Аквариум – вода – рыба, с одной стороны, можно воспринимать как единство, некое имажинативное целое, совместность по типу подземного замка в сказ-

ке у братьев Гримм, в котором музыка, танцы, питье вина (вино), кубки и пр. составляют с ним, с этим замком, такое единое целое. Замок не может в таком своем представлении без всего этого существовать, которое можно воспринимать и как его предидущую атрибутику, и как то, чем он есть, в чем он есть и без чего быть не может. С учетом того значения, которое ему следует приписать. В первом случае атрибутивность предполагает несамостоятельность и подчиненность предметов и действий замка их "замковому" пребыванию-бытию, и тогда их значения, если о таковых приходится говорить, будут следовать из этого их состояния и отношения, проецируя "замковые" значения для себя. Во втором об их атрибутивной относительной самостоятельно несамостоятельной подчиненности не приходится говорить, полагая, что смысл и значение замка как целого есть его смысл и значение целого вместе с ними и через них. Не будь в этом замке всех этих "замковых" его, как неотъемлемых, действий-предметов (также неразложимых – как не существует вино вне кубка и вне его выпивания до дна, и поэтому кубок с вином и без вина, выносимый наружу, то же, но и не то же, поскольку лишь отпечаток, свидетельство его *того*, но не оно *там* и *то*; как не может быть танца без тех, кто танцует, и разбиваемых туфель без принцев-принцесс в момент разбивания, – для восприятия замка, необходимо добавить, того восприятия, о котором речь), – не будь всего этого в нем и с ним, это не был бы 'замок', который видится и о котором повествование в сказке у братьев Гримм.

С другой стороны (возвращаясь к аквариуму), воду и рыбу можно воспринимать не входящими, не составляющими единого образа с аквариумом, видящимся во сне. Они выступают по отношению к этому образу как уточнители, своими теми или иными значениями позволяющими лучше понять и представить то, что содержится в толковании. Не исключено, что именно это имелось в виду, но, не для проверки данного как наиболее вероятного впечатления, а для более полного представления имажинативного образа, его вида и смысла, рассмотрим обе таких возможности.

Единое (целостное) и разложимое восприятие образов

В первом случае вода и рыба будут составлять с аквариумом единый, целостный, образ видимого во сне. Как неотъемлемые его атрибуты, с одной стороны, и как то, без чего он не будет тем самым аквариумом. При представлении того и другого могут быть разные способы восприятия. Можно, по крайней мере, их таковыми предположить. «Я» воспринимает образ как неразложимую в своем

составе, слитную, совокупность целого. Скажем, я вижу что-нибудь или кого-нибудь, дом, знакомого человека, улицу, не задумываясь, не воспринимая, "не видя", поскольку не отдавая себе отчет в том, что при доме том такой и такой палисад, что деревья, дорожки, ворота есть и что они такие-то, что знакомый мне человек одет так и так и такую имеет прическу, что он держит зонтик или портфель, что прихрамывает, а улица выглядит так-то и так-то, обсажена тем-то и тем-то и т.п. И я вижу тот же дом, того же знакомого мне человека, ту же улицу, замечая и отмечая внутри, для себя, их составляющие и характеризующие признаки и черты, не обязательно, впрочем, при этом как их выделяющие особенности.

Во втором таком случае вода и рыба, имея опосредующее (*медиумное*) отношение к аквариуму, в каких-то аспектуальных своих проявлениях будут его объявляющее себя во сне значение в каком-нибудь направлении уточнять. Характер этих, аспектуальных для воды и рыбы, направляющих в отношении аквариума уточнений будет зависеть (по крайней мере, для разбираемого толкования) от того, что можно найти для него подходящим при определении тем же автором воды и рыбы. Для начала, с тем чтобы, оттолкнувшись от этого, попробовать эти их направляющие для аквариума значения (подзначения) в том и ином случае из перечисленных применить.

Итак, перед нами стоит задача, рассмотрев аспектуальные проявления для воды и рыбы, 1) увидеть их действие как уточняющее для понимания аквариума в имажинативном его впечатлении (для случая, определяемого как второй); 2) представить и описать их (для первого взятого нами случая) как неразложимое, воспринимаемое как единое целое имажинативного образа 'аквариум с рыбами и водой', так, чтобы а) не было впечатления одного, другого и третьего, рыбы, вода, аквариум не виделись бы как части объединяющего их состава, но как не разделяемая целостность; б) то, что видится как единое целое, можно было бы внутренне, разделив, обособить, обращая внимание, фиксируя для сознания как значимое то, как выглядит и каким предстает аквариум, какие в нем плавают рыбы и, возможно, каким числом, какая и до какого уровня в нем налита вода и т.п.

Обратимся для представления того и другого, второго с его (а) и (б) и первого, к тому, как интерпретируются 'вода' и 'рыба' в «Соннике» М. Кжижостаняк, с тем чтобы постараться связать эти ее толкования с представлением ею 'аквариума', увидев их таким образом "впечатленные" отражения в нем. Достаточной будет только та часть толкования, которая связывается с интересующим нас

предметом, поскольку начало, будучи общим определением того и другого, может давать лишь такой же общий, хотя бы и направляющий, толчок:

Вода → **Корабль**, → **Река**, → **Нырять**, → **Слезы** – начало всего, *materia prima*, из которой появился мир. ... В психоанализе вода выступает как отражение мира эмоций, подсознательного знания, мудрости, которой следует научиться пользоваться. ...

Рыба → **Зодиак** – богатая и разнородная символика рыбы ведет к тому, что ты должен, если она приснится тебе, основательно проанализировать все подробности, которые с ней были связаны ... В психоанализе рыба как существо, живущее только в воде, являет собой наиболее полный символ проникновения подсознания. Во сне является воплощением спящего и его путешествия вглубь самого себя. ... Во сне, согласно с народно-фольклорной интерпретацией, означает исполнение наиболее скрытых мечтаний, если видишь ее плывущей в твою сторону. Мертвая рыба предостерегает перед неприятностью, а золотая предсказывает удачу.

Первичная материальность воды, пронизывающей собой все существующее, создавшей все существующее и присутствующей в нем, с одной стороны, соотносится далее со сферой эмоций и подсознания, интуицией и скрытым знанием, которого на поверхности нет, о котором сновидец не подозревает, особенно будучи наяву, но которое способно ему подсказать, показать, научить и наставить. При соответствующем умении, следовало бы добавить, и готовности им воспользоваться, неявным, скрытым и данным ему, существующем в нем как неосознаваемое, неподконтрольное и, в метафизическом смысле, первичное и изначальное. Это то, что следует для разбираемого нами предмета, для 'аквариума', от 'воды'. Попробуем все это далее, то и другое, в какое-то общее представление объединить.

От рыбы нам остается идея проникновения из подсознания и вглубь подсознания, предполагая возможность движения, открытость связи и перехода туда и сюда. Рыба связывается также со сферой экзистенциального достижения того, что невидимо, скрыто, не объявляемо, либо воспринимаясь сознанием как недостижимое, а потому, возможно, и вытесненное, либо являясь как неизвестное и поджидающее, способное произойти. То, что ждет, что являет собой заряд утаенного для себя эмоционального прошлого, равно как и не раскрытого, не проявившего себя в настоящем пока еще будущего. В том и в другом своем отношении она выступает как проникающее, пронизывающее и связывающее, входящее

в эти сферы посредствующее начало, равно как и выходящее, выплывающее наружу, навстречу из них.

Рыбу, тем самым, в указанном восприятии можно интерпретировать как медиативное воплощение «я», ту не осознаваемую им часть себя, которая способна вводить, подключать его к сферам его же неявного или еще не проявленного, выходя, выплывая, выныривая из них, с одной стороны, и вводя, вплывая и проникая в них, от него, с другой. В этом смысле и отношении рыбу можно было бы воспринимать как рецепторный орган, "око" распознавания и постижения того, что невидимо, что в подсознании, в глубине и внутри, а также того, что себя еще не объявило. "Око", которое, открываясь (выплывая навстречу), дает возможность увидеть то, что не ощутимо, не представляемо и не осознаваемо без него.

При таком понимании рыба не есть воплощенное «я» и не какое-то отвлеченное от этого «я» начало, медиативно-связующее и вводящее его внутрь себя самого либо к своему не проявившему пока что, но полагаемому уже в настоящем будущему. Рыба есть его собственный спящий, в обычное время и в обычном своем состоянии, глаз, его проникающий орган, с той особенностью, что равным образом как оттуда сюда (возможно, что это первое), так и в обратную сторону, т.е. туда отсюда. И как такое око, как глаз, рыба вполне понятным и естественным образом не просто связывается с водой или следует из воды, но и всплывает и выплывает, будучи преисполнена и наполнена ей, выступая ее проявлением для сознания и в сознании, ее в нем представительством и ипостасью. Рыба не для воды, но в воде, из воды и с водой, есть та же вода, но как видящий свою "воду" орган, себя только с ней, с ее помощью распознающего «я».

В соединении, 'рыба с водой в аквариуме', как имагинативный образ целостного, не разложимого восприятия, как 'рыба-вода-аквариум', следует интерпретировать в том отношении, что эмоции и подсознание в первозданной мудрости непреходящего знания, "разлитого" во вселенной, для «я» в его устремлении к ним (не то, чтобы устремлении, поскольку рыбы в аквариуме типично плавают, никуда не стремясь, а "наплывание" их в сторону наблюдателя весьма специфический случай), в его по этой причине плавающем, колебательном пребывании в них, – находятся в ограниченном и огражденном положении (*situs'e*) от всего остального.

Поясним теперь сказанное, его несколько распространив. Аквариум предстает как ограничитель, "миниатюра" собственного эмоционального существования «я», которая создана им самим, искусственно ограниченная и отделенная им

от всего остального. Понять подобное можно, соотнеся идею, заложенную изначально в аквариуме как в предмете, имеющем назначение. Аквариум воспроизводит картинку, подобие мира, будучи под рукой и перед глазами. В той его части, этого мира, которая в силу своей стихии – воды, и ее обитателей – рыб, была бы без этого не под рукой и не перед глазами, добавив к этому, отчуждена и отдалена, возможно, также пугающа, а в силу своей экзотичности и недоступна. И в любом таком случае не контролируется, не подчинена, не приручена и дика.

Иными словами, аквариум создает искусственную, надуманную и придуманную способность "вырвать" из мира природы "водно-рыбный" ее кусок, сделав его для себя ручным, контролируемым, "подручным", собранным и наблюдаемым. Для этого не надо осваивать не поддающуюся стихию воды, искать разбросанных там и тут представителей водной фауны-флоры, не говоря обо всем остальном. Идея коллекции и каталога, но не законсервированных и умертвленных, прикрепленных к местам для доступности обозрения экземпляров, а живых. Подвижных, живущих, плавающих, как на природе, в своем естестве, фиксируемых для все той же доступности четырьмя прозрачными стенками, ограничивающими, ограждающими и одновременно вырывающими их из стихии и мира, в котором они для себя обиходно, нормально живут.

Аквариум, таким образом, в своей мысленной совокупной сложности складывается как представление об 'отделенности', 'доступности наблюдению', 'освоенности', 'контролируемой принадлежности' – того, что 'живое', 'природное', 'стихии воды', но 'собранное' и 'подобранное', исходя из вкуса, предпочтений и интереса, будучи 'замкнутым' в одно общее, "сборное", место. Аквариум, иными словами, есть не что иное, как 'сборник водно-рыбной стихии в "раскрашенной" под свой вкус и желание миниатюре'.

А теперь все это перенесем в сферу "природы" «я», понимая под рыбами, плавающими в аквариуме в воде, наличие способности видеть и проникать стихию своих эмоций, подсознания и перевозданного знания (интуиции?), но замкнутую (способность и с ней стихию) в подручном и контролируемом "сборном" месте в четырех прозрачных, аквариумом ограничивающих, стенах. В представленном виде акцент попадает на 'рыб с водой в аквариуме', в то время как в нашем примере следовало бы дать их в другом порядке – аквариум с водой, в котором и в которой плавают рыбы, и тогда это был бы 'аквариум-вода-рыбы', как единый, целостный имажинативный образ, воспринимаемый во время сна и соответствующим образом далее объясняемый.

С указанным в предыдущем абзаце акцентом представленное выглядело бы таким образом, что ведущим мотивом были бы не способность видеть и проникать и не стихия внутреннего, исходно не подконтрольного и не подчиняемого «я», а та "форма", которая, задаваясь и навязываясь с его стороны, исходя от него, создаваясь им умственно, "держит на привязи", под контролем, то, что составляет сферу стихии эмоций и интуиции, стихию "воды". Подавление этих эмоций, продуманность и спланированность эмоциональной жизни следуют из того, что они предстают как загнанные, залитые в эту форму, искусственно созданную, поскольку состоящую из четырех стенок, что находятся под наблюдением, поскольку стенки эти прозрачны. Ограничение и оторванность, отгораживание, отказ от действительности выступают как следствие удовлетворенности созданным положением вещей, искусственным миром, точнее мирком. Как следствие предпочтения жизни природного своего естества жизнь того же природного естества, но прирученного, замкнутого, питаемого и управляемого. Все это интерпретируется как рассудок, точнее было бы говорить рассудочность. И отсюда то, что проецируется как наиболее вероятный для данного положения результат: «Рассудок, однако, не поможет тебе сдерживать убегающей воды, когда аквариум, в конце концов, треснет и твои чувства, совершенно не контролируемые, выйдут наружу». В связи с чем не случаен, по-видимому, вопрос – почему аквариум, в конце концов, может (а возможно, и должен при таком понимании?) треснуть? В чем причина – в отказе ли от действительности с его отгораживанием и изоляцией, в подавлении ли эмоций, которое не может быть бесконечным, в том ли, что невозможно либо не стоит планировать и продумывать эмоциональную жизнь? Поскольку ведь не в аквариуме она, который, если и трескается когда, то это, скорее, не правило, а исключение.

Психологическую подоплеку рассматриваемых соотношений не будем, исходя из своих задач, разбирать. Можно, конечно, предположить, и в этом не следует видеть какого-то отклонения, что внутренняя изоляция и эмоциональное подавление рано или поздно потребуют разрешения и что этот их выход наружу может иметь, в конечном итоге, не контролируемый характер. Чем дольше и более подавляется эта стихия, тем с большей разжимающей силой она может "мстить". Но не об этом речь и не в этом для разбираемого нами предмета стоит искать ответ.

Оттолкнемся от имагинативного образа, его характера и природы. Можно предположить, и мы это сделаем, что 'аквариум' – это такой имагинативный образ, который относится к группе *предупреждающих* образов, к которой, вполне

понятно, относится не только и далеко не только он. Его особенность следовало бы искать в особом роде заряженности, как бы так "взрывоопасности" (но как образа, не предмета), в способности и возможности не выдерживать стенками напора внутри содержимой воды. Особенность эта берется, следуя из его прозрачной стеклянности (как изначальной типичности, поскольку аквариум, прежде всего, предстает для сознания как стеклянный сосуд с четырьмя прозрачными стенками). Мое восприятие стекла, представление, знание о нем закладывает способность лопаться, трескаться, разбиваться, распадаясь на мелкие части, в осколки, как неизменное и для него обязательное, его изначальное свойство. Его характеризующий и определяющий признак. Так же как мыльный пузырь, воспринимаемый как нечто не длящееся и эфемерное, имеющее короткую жизнь, что находит свое отражение и в языке, так и стекло выступает в сознании и для восприятия как то, что непременно когда-нибудь треснет и часто в самый неподходящий момент. Впрочем, такой момент никогда и не может быть подходящим. Из этого следует, что заключенные в таком стеклянном аквариуме чувства, совершенно не контролируемые выйдут наружу.

К определению и рассмотрению сказанного можно бы было добавить, слегка аллегорию, возможно психологически мотивируемую, но для нас в продолжение и развитие разбираемого образа, сводимые к представлению сдерживающего эмоциональную жизнь и эмоции рассудка как стеклянных стенок, стекла. Кажимость внутреннего контроля над своей с трудом поддающейся рассудочному упорядочению, частью, точнее кажущаяся надежность такого контроля, с одной стороны, и изолирующее внешнее проникновение внутрь того же, внутрь той же кажущейся контролируемой части, с другой, на деле оказываются ненадежно недолговременными, хотя и "глухими", составленными из прозрачно-стеклянных и разбиваемых стенок. Как только это произойдет, а это предполагает разбираемый имагинативный образ, вытекающая вода неизбежно выйдет наружу.

И, наконец, в завершение. Смысл содержащегося в образе предостережения состоит, по-видимому, в том, чтобы не иметь, не видеть во сне 'аквариума', не оказаться в том положении (*situs 'e*), которое с ним и при нем. Психологически можно бы было сказать – не отгораживаться от действительности, не изолироваться, не подавлять эмоций и не планировать, продумывая свою эмоциональную жизнь. Тогда и аквариум не приснится во сне.

Однако не в этом дело и не об этом речь. Попробуем посмотреть на все это с еще одной стороны. Представим себе тот аквариум, в котором вода и рыбы. И

тот аквариум, о котором ничего такого подобного не говорится. Не то, чтобы их там не было, но неизвестно, есть они в этом аквариуме или их там нет. То есть это будет аквариум как таковой, в котором как могут быть вода и рыбы, так может в нем их и не быть, но он для них, для содержания их в себе, предназначен. Тем более, что этот второй пример и случай видится более подходящим, поскольку вода и рыбы у М. Кжижостаняк даются как символы отсылающие, а не как то, что находится в интерпретируемом ею аквариуме. Аквариум, в котором вода и рыбы, с одной стороны, и аквариум, в котором могут быть, поскольку нередко бывают, и в том его назначение, эти самые вода и рыбы, – одно ли это и то же? Или все же различные вещи?

Отказ от 'аквариума' в себе (определим это как-то так), если он с водой и с рыбами, плавающими в этой воде, не ведет ли, не будет ли предполагать невозможность, точнее не осознаваемую, не видимую, исчезнувшую из поля зрения, возможность видеть и наблюдать своих *рыб* в своей, пусть и ограниченной четырьмя прозрачными и стеклянными стенками, но *воде*? Говоря иными словами, неподконтрольность своих эмоций (отсутствие для них 'аквариума') ведет к невозможности их в себе видеть и осознавать. Подмывает сказать, что это было бы не исключено, но не скажем, поскольку не в этом смысл имажинативно во сне появляющегося 'аквариума'. Его концентрирующие на себе акценты в другом. Он демонстрирует не возможность видеть, а невозможность, кажущуюся и чреватую "треском" возможность. И не видеть, а подавлять и, ограничивая, планировать, компоновать, упаковывать в четыре стенки, и сдерживать, отгораживаясь и изолируясь в этом своем, "аквариумном" в конечном итоге, пребывании, положении (*situs 'e* применительно к состоянию сна), эмоциональной стороны и части своего бытия.

Этот второй аквариум, в котором вода и рыбы не обязательно, но может быть, и есть, в первую очередь, таковой и об этом. Не в воде и не в рыбах в аквариуме состоит разбираемый М. Кжижостаняк смысл, а в том, что 'аквариумное' видение во сне есть не что иное, как указание на существующий ограничитель, показатель, видимый, осязаемый знак стеклянной, созданной формы в себе пребывания «я» сновидца. И тогда, возвращаясь к указанному ранее в пунктах 1 и 2 с его разновидностями в (а) и (б), имея в виду уточняющее либо совместное проявление воды и рыб в аквариуме, следовало бы обратить внимание на следующие особенности. С учетом представленного значения аквариума как ограничителя, для 1 это было бы восприятие в том отношении, что 'вода', если видится и имеет место во сне, уточняла бы смысл имажинативного образа как проекцию того, к

чему относится ограничение, а 'рыбы' – как скрытую и не используемую возможность, но способную быть запущенной в действие в компоненте, который себя воплощает водой.

Иными словами, коль скоро дело касается действия воды и рыб для лучшего понимания 'аквариума' как имагинативного образа, представляется все это в виде картинки, смысл которой можно было бы определить приблизительно как-нибудь так: 'сдерживание себя, постоянный контроль (аквариум) сковывает не только эмоциональную жизнь сновидца, обедняя и ограничивая ее, но и эмоционально-интуитивную составляющую его «я», блокируя, замыкая ее в четырех стенах (вода в аквариуме), лишая при этом себя самого способности активизирующего взаимодействия с другими сторонами своего существа помимо сознания и рассудка (плавающие в воде в аквариуме рыбы, лишённые возможности свободного выхода и проявления)'.

Различия в положениях, рождающие различия образов

Не расчленяющий взгляд на аквариум с водой и рыбами как на единое целое, воспринимаемое не как состав (а) и как состав (б) предполагает все то, о чем было сказано, но в разным способом организуемом виде. То и другое, и третье, следовало бы подчеркнуть, в своих отличиях видится не без значения. И дело в этом случае не только и даже не столько в переставляемых туда и сюда акцентах, оно касается самого характера отмечаемого в состоянии сна положения (*situs 'a*) для сновидца.

Возьмем для примера две таких ситуации. Меня что-то интересует, что находится на столе, либо на улице, в магазине я ищу определенного человека, нужный мне в данный момент предмет. Все остальное, что окружает искомое, служит способом его локализации, обнаружения, видения. Глаз фиксирует все это как ориентиры, локализирующие параметры, определители и характеризаторы, подводящие и наводящие на интересующий и/или искомый объект. Это первая ситуация, определим ее как ситуацию ориентативно-локализирующего интереса и поиска. И вторая, которая будет ситуацией состояния, статального положения (*situs 'a*) кого-то и где-то в более или менее продолжительный, а потому на какое-то время длящийся и не проходящий так сразу момент, не минующий и себя не исчерпывающий, связанный с 'состоянием пребывания', обусловленный *сенситивно* и *эмотивно*, для пребывающего, и *конфигуративно*, также

для пребывающего, но в отношении его этого статального положения. Представим себе как такую ситуацию ожидания на вокзале, которая может себя проявлять для сидящего и ожидающего в двух интересующих нас для него положениях. Во-первых, скажем так, в погруженном сидении, с восприятием либо не восприятием (как разновидность, в своем таком проявлении для нас не существенная) всего окружающего без присматривающегося к нему расчленения на состав. Все вокруг каким-то образом действует на сидящего, он реагирует, будь то сознательно, полусознательно, интуитивно, фиксируя видимое и происходящее, но не распределяя в своем восприятии его. Будучи спрошен либо задумавшись над своим положением ожидания, либо в воспоминаниях, он, скорее, почувствует некое целое окружения, действовавшее и оставившее в его восприятии след какого-то общего впечатления, образа или картинку в сопровождении звуков, запахов и всего остального. И, во-вторых, такое сидение может быть наблюдающим, вычленяющим по отдельности то и другое, происходящее на вокзале и окружающее его. В этом случае целостность, ибо о ней также здесь следует говорить, будет складываться для него, состоять из моментов либо фрагментов увиденного, услышанного, почувствованного, пережитого и зафиксированного.

Ориентативно-локализирующее обращение к окружению, с вычленением в нем того, что интересует, а всего остального при нем как его уточняющего, будет нам иллюстрировать в имажинативном образе то, что было представлено в пункте 1: действие воды и рыб как уточнителей для аквариума. В определенном смысле будет ему соответствовать, и роль тогда образа будет иметь наводящий (применительно к внутренне побуждаемому поиску), своего рода подсказывающий, характер. Это действие образа было охарактеризовано как 'сдерживание себя, постоянный контроль (аквариум) и т.п.'

Положение ожидания на вокзале в погруженном сидении будет подобным тому, что было представлено в пункте 2а, при котором рыбы, вода и аквариум виделись бы как не расчлененное целое, как аквариум с водой и рыбами в нем и в ней. И тогда речь бы шла не столько о сдерживании себя с постоянным контролем, которые сковывают и пр., сколько о демонстрации внутреннего положения спящего «я» в его таком, а не ином отношении к самому себе. Можно было бы говорить о фиксации с помощью имажинативного образа непокоящего, не удовлетворяющего внутреннюю природу «я» положения дел, связываемого со сдерживанием и ограничиванием того, что, при условиях благоприятных и располагающих давало бы ощущение исполнения и полноты. Того положения, кото-

рое чреват, если не будет преодолено, в его целом, без фиксирующего уточненного распределения того, что выражается с помощью аквариума, воды в нем и рыб. Смотри и види такое свое положение. Сопоставляя с позицией на вокзале, можно было бы определить это как-то так, с учетом непозитива: «я вот тут сижу в этом вокзальном для меня неустройстве и балагане, привязанный и пришитый к данному месту и положению, и только теряю время, вместо того, чтобы (что-нибудь там)».

И, наконец, положение ожидания на вокзале в сидении наблюдающем, вычленяющем в его отдельности то и другое вокруг, но без заинтересованного фиксирования на каком-то предмете, при котором отдельности действуют каждая для себя, что-то более, что-то менее раздражает, что-то помнится позднее, а что-то нет. Образ общего складывается из запечатлевающих его, значимых каждая по себе картин, в совокупности целого означающих, отмечающих такое, а не другое сидение в ожидании. Можно помнить, воспринимая, вокзал с его неудобными либо занятыми сидениями, отчего приходилось стоять и болела спина. Можно помнить раздражающий и слишком громкий звук объявлений, кассы с очередями, подозрительных лиц, запахи из буфета и пр., что вместе, в своей расчлененно воспринимавшейся и так запомнившейся совокупности, создавало вид того положения, в котором пришлось в ожидании находиться. Это было бы тем, что было представлено в пункте 2б, как единое целое в его разделении на части состава. Применительно к имажинативному образу разбираемого аквариума с водой и рыбами можно было бы говорить о проекции состояния с подавлением эмоций, отгораживания от действительности, при котором важным и значимым оказывается и то, что имеется сдерживающий, ограничивающий к себе самому подход (аквариум), и то, что он себя проявляет, в первую очередь и в основном, в отказе от эмоциональных контактов с другими, в контроле над сферой чувств (вода), и то, что все это сопровождается несвободой, закрепощением, замкнутостью с невозможностью выйти за рамки созданных ограничений всего того, что действует в человеке как медиатор, посредник сферы его импульсива (назовем это как-то так), с его интуицией, внутренним не осознаваемым знанием, ощущением себя, а также того и тех, что вокруг, без рефлексии, без вписывания в придаваемые представления и без оценки (рыбы).

Относящийся к группе *сепаративов* такой 'аквариум' (отвлечемся теперь от всего предыдущего по его поводу сказанного), независимо от представленных разновидностей, касающихся природы возможных имажинативных образов на его

такой, а не другой какой-то основе, – этот 'аквариум' чем бы мог отличаться, если бы отличался, от прочих сепаративов, также определяясь как сепаратив?

Обобщенное и вариантное в ориентирующих представлениях образа

В связи с такой постановкой вопроса движущуюся, подвижную природу рассматриваемого предмета имело бы смысл в каком-то своем приближении упорядочить. Есть некий имагинативный образ, являющийся, объявляющий себя во сне, который может, способен себя проявлять в своих разновидностях как вариантах, с акцентами на том и другом, и как такой, который связывается с контекстными и индивидуальными проявлениями. Понять это можно через соотношение, предполагающее не совпадение и отождествление, а сходный по своему характеру механизм, имагинативного образа сновидения с языковой, скажем лексической, для большей прозрачности, единицы.

Имагинативный образ как таковой, описываемый в словарях толкования сновидений, не конкретизируемый и не привязываемый к своим предидущим его проявлениям в контекстах, можно было бы представлять, определяя в терминах слова-лексема, т.е. словарной по своему характеру единицы, известной носителям данного языка в наборе своих возможных лексических проявлений – значений, и относящейся в каждом таком значении, также снятом и отвлеченном от своего речевого ситуативного и контекстуального употребления к разряду, роду, классу однородных предметов, явлений, названиями которых данная единица может использоваться и, соответственно, выступать. Ее отдельное лексическое значение – семема, проявляя себя как то, что способно вести себя как номинативная единица, называя то и другое явление, признак, предмет, может быть уподоблено имагинативному образу в соответствующей конкретизирующей, обозначающей нечто отдельное (способной такое обозначать), своей ипостаси, которая снится, видится, появляясь во сне, точнее способна быть таковой. Соответственно, то, чем она быть способна, что является, видясь во сне, следовало бы уподобить тому, что определяется в лексикологии как употребление слова, его предикация к месту и времени, ситуации и контексту.

На примерах, то, что касается лексики и словесного выражения, отвлекаясь от аквариумной темы, возьмем, скажем, слово *лицо*. Как лексема, лексическая единица, оно предстает для сознания в составе ряда возможных своих проявлений, привязываемых ассоциативно к своей звуковой оболочке, из которых 'передняя часть головы человека' будет восприниматься как основная в первую очередь, определяя и соответствующим образом подчиняя себе остальные, кото-

рые для нее, рассматриваясь как ее производные, выступают проекциями, функциональными проявлениями по основанию какого-то находимого сходства. Проекция эти становятся тем, что с использованием той же формы, звуковой по природе своей оболочки, может стать обозначением чего-то другого, уже не 'передней части головы человека' (1-е лексическое значение слова *лицо* в МАС), а (опуская оттенки значений, помещаемые в словарях за знаком ||) 'индивидуального облика, отличительных черт кого-, чего-л.' (*сохранить свое лицо*, 2-е значение), 'отдельного человека в обществе; индивидуума' (*известное историческое лицо*, 3-е значение), 'передней стороны дома, строения, сооружения и т.п.; фасада' (4-е значение), 'обращенной наружу (лицевой) стороны чего-л. (ткани, одежды и т.п.); противоп. изнанка' (5-е значение), 'грамматической категории, показывающей отношение к говорящему и выражаемой изменением глаголов в соответствующих формах спряжения, а также особой группой местоимений' (*изменение глагола по лицам*, 6-е значение).

Видимым проявлением данной способности обозначать одно через другое становится для разбираемого примера представление о том, что 'лицо' – это то, что находится впереди, обращено наружу к смотрящему, наблюдателю, представляя собою часть чего-то большего, что имеет также другие, не "лицевые" стороны. Подобное основание дает себя обнаружить в 4-м (передняя сторона дома), 5-м значении (наружная сторона одежды). Представляясь как то, что обращено к наблюдателю, что дается увидеть, заметить, бросаясь в глаза, данное основание становится проявлением признаков, лежащих в основе 2-го значения (индивидуальный облик, отличительные черты), а также значения 3-го, предполагая, с одной стороны, все ту же индивидуализацию, а с другой, способность с помощью видения, визуального восприятия, отличать одного человека от другого, поскольку, общаясь, взаимодействуя, мы узнаем людей, прежде всего, по лицу. Лицо становится способом идентификации человека, а тем самым, для восприятия и представления, мысли о нем, и им самим. Выражением все той же передней, наружной, видимой и воспринимаемой индивидуализации, отличения одного от другого, оказывается и грамматическое, 6-е значение, в отношении форм глаголов и личных местоимений (*я, ты, он, мой, твой* и т.п.).

Тем самым, 'лицо' для сознания можно определять как то, что является, видится, воспринимается сразу и в первую очередь, будучи частью всего остального, давая возможность его распознать, отделить, отличить от чего-то другого и прочего, существуя одновременно в том же сознании как образ, слепок, картинка индивидуального знания-представления о нем, позволяющая оперировать им,

этим знанием, и, при встрече, контакте, взаимодействии, различать, используя при том же взаимодействии накопленные в нашем сознании и отчасти им выработанные оперативные знания-представления о нем. 'Лицо', таким образом, есть в то же самое время идентификатор и операнд в отношении того, с кем или с чем нам приходится, предстоит, приходилось и предстояло, сталкиваясь и взаимодействуя с ним, вольно или невольно, благополучно или же нет, иметь дело. Это также, иными словами, способ, своеобразная метка и веха, ориентации в окружающем, прежде всего, человеческом мире, населенными теми, такими, как мы.

Представление это, применительно и в отношении для сознания 'лица', как того, что используется и фигурирует в нем как идентификатор и операнд, как образ и способ распознавания объекта, мысли о нем и взаимодействия с ним, можно определять как семантическую основу *лица* как лексемы, слова как лексической единицы. Основу, которая, с одной стороны, составляет единство ее для сознания, а с другой, проявляет себя, в ее лексико-семантических вариантах, определяемых как ее лексические значения. Такой же механизм соответствия общего и единого в его проявлениях можно увидеть и в отношении имажинативных образов (однако подробнее, на примерах, об этом несколько позже).

Лексическое значение, семема, называя явления, признаки, действия, состояния, предметы по роду их, воспринимаемому как класс: словом *лицо* в 1-м значении можно назвать любое лицо и как таковое лицо (переднюю часть головы), в 3-м значении – любого человека и человека, индивидуум, как такового и т.п., – в употреблении в речи эту способность переводит, актуализируя и предцируя, в называемый, обозначаемый, подразумеваемый, конкретизируемый объект. Ситуация и контексты такого использования могут при этом не обязательно только словарно возможное и описываемое как общепринятое и общеизвестное, узуальное, предполагать. *Мне хорошо запомнилось его лицо, тонкое, смуглое, с какой-то даже голубизной. Одно нам обоим знакомое лицо приходило сегодня сказать...* В этих примерах предикация и актуализация, предполагающие конкретно обозначаемый и называемый объект ('переднюю часть головы определенного человека' и 'нам обоим известного и также определенного человека'), не отходят от 1-го и 3-го лексического значения, оставаясь в пределах того, что они способны предполагать и выступая проекциями этого знания и значения на нечто не обобщенно, а непосредственно, в его данности, обозначаемое. Семантика такого словоупотребления в денотативно-сигнификативной части своей тождественна той семантике, которая совпадает с семемой.

Однако возможны такие контекстно и ситуативно себя обуславливающие примеры, в которых употребление слова может себя проявлять по-другому. *У собаки было веселое и радостное лицо. Подошел бледный весь, на нем лица нет. Солнце вытянуло из-за горы свое горячее и мокро-соленое лицо. Повернись ко мне теперь левым лицом.* Семантика подобных словоупотреблений не противоречит в целом заложенному в лексеме и ее узуальных лексико-семантических вариантах потенциалу. Если есть у человека передняя часть головы, с ее минами и выражениями, то почему то же самое не может иметь отнесение и к собаке? другому животному? не только животному? Если лицо не выглядит как лицо, изменивши по каким-то причинам свой привычный вид и/или цвет, то почему нельзя это подобным образом обозначить? С точки зрения действительного положения это вроде абсурд – не может не быть лица на ком-либо, если оно у него имеется. С точки зрения языка и того, что и как я хочу сказать, это не только возможно и допустимо, но узуально и фразеологически закреплено. Если солнце я в речи олицетворяю и представляю к тому же его горячее действие на своем лице, то что мешает мне все это объединить, выразив метафорически-сжатым и емким способом? То же самое позволяет мне выразить отношение к характеру моего восприятия лица у моего собеседника. Правая и левая стороны, профиль, анфас, поворот, разворот, направление для лица могут иметь, в том числе и отдельные, самостоятельные, не всегда совпадающие значения. Простой вопрос – в профиль и анфас мы видим одно ли и то же лицо? способны ли, не зная, не видя, не представляя, распознавать человека в профиль, если привычно видели всякий раз его только анфас? То же может касаться правых и левых его разворотов, ибо лица, как правило, и это общеизвестно, не симметричны. Что мешает мне выразить это с помощью, может, не слишком обычного, но в целом понятного и не противоречивого словоупотребления?

Во всех этих примерах, обусловленных контекстно и ситуативно, оставаясь в пределах выведенной для единства лексемы основы – 'лицо' как 'идентификатор и операнд воспринимаемого и называемого внешнего по своей природе феномена и объекта', вместе с тем мы отходим от узуальных лексико-семантических ее вариантов (семем), выходя за пределы того, что они, имея в виду, как денотативно-сигнификативные квалификаторы предполагают. Употребления подобного рода можно себе представлять, если не как индивидуальные (к первым двум приведенным примерам, с собакой и отсутствием на ком-то лица, такое вряд ли можно было бы отнести), то как такие, предикация и актуализация которых, скажем так, затрагивает не только имеющееся в сознании как в

словаре (закрепленное знание лексических значений лексемы), но и имеющееся в нем ощущение действия, скрытого потенциала смыслового единства лексемы. Тем более что способность подобного действия, нередко, если не регулярно, встречаясь, поддерживается речевым опытом каждого говорящего. Было бы трудно представить себе все это как-то иначе. Многообразие окружающей нас реальной действительности не может исчерпываться тем, на что способен и что предлагает язык в закрепленных словарно лексико-семантических вариантах своих лексических единиц. Данный исходный и общепринятый как апробированный и конвенциональный кумулятивный набор есть то, что в своем использовании действует наподобие матрицы, которая, накладываясь на обозначаемое с целью не только его передать, но и что-то о нем сообщить, варьирует для сознания в определенных пределах, векторах и соответствиях, как референтную, так и понятийную сторону в отношении единиц своего состава. Конвенционально принятое допускает возможность такого же конвенционального расширения и распространения, с переходом и переносом на что-то другое, то, чего нет и не было, а возможно также, не будет в исходном его составе. И это есть правило действия живого и действующего языка. Научившись читать на одном каком-то первоначальном тексте, человек начинает читать и другие тексты, разбавляя, разводя, распространяя и расширяя первоначальные свои опыт и знания, обогащаясь и одновременно, при сохранении какой-то основы, затем отходя от этого первого. Этот первый становится для него не индивидуально-отдельной данностью, а той самой матрицей, о которой речь, обобщением, позволяющим видеть в другом и то что-то самое, и совсем другое.

Нечто подобное, если не идентичное в своем механизме, касательно обобщенного представления о лексической единице, ее вариантах, закрепленных, известных, и выводимо следующих из них, но при этом новых, индивидуальных, необходимо, увидев, вывести и описать для рассматриваемого предмета – имажинативных образов в их схождениях и расхождениях. К этому следовало бы добавить то, что в языкознании производится над словарным составом, дифференцируя и представляя его в семантически, понятийно и тематически организованных группах, имеющих отношение к теории смыслового поля, идеографии, лексико-семантическим классификациям, ассоциативно-вербальным сетям и пр., при которых (то, что будет иметь и для нас значение) отдельные лексико-семантические варианты, т.е. семемы, лексем попадают в разные, не совпадающие понятийно-тематические ряды. Обращаясь к представленному примеру, если *лицо* как ‘передняя часть головы человека’, т.е. лексема *лицо*¹, в первом своем

значении, попадает в разряд, имеющий отношение к группе типа 'части тела и органы', то *лицо* как 'индивидуальный облик, отличительные черты', *лицо*², к этой группе, что вполне очевидно, не может никак относиться, это будут какие-нибудь 'средства описания, характеристики', а *лицо*³ ('отдельный человек, индивидуум'), соответственно, не относясь ни к тому, ни к другому, может оказаться в группе, определяемой как 'обозначения человека' и пр.

Применительно к характеризруемому нами 'аквариуму' как имагинативному образу, следовательно, можно и следует выделять некий уровень представления, соответствующий тому, который выделяется и отделяется в языке для лексемы (1), для ее лексико-семантических вариантов, лексических значений, или семем (2), для ее словоупотреблений в отношении имеющихся и закрепленных в языке и сознании лексико-семантических вариантов-семем (3) и таких, которые, не нарушая их смыслового потенциала, а также основы единства лексемы, представляют собой контекстуально-ситуативные и не закрепленные, иногда также окказионально-индивидуальные, речевые использования (4). И все это далее надо будет, претворив, объяснить в отношении существующих для сознания как воспринимаемые и значимые понятийные и смысловые разряды (5). Для нашей задачи это будет определение, *сепаратив* ли 'аквариум' и какой из 'аквариумов' какого вида и типа *сепаратив*, а какой из 'аквариумов' не *сепаратив*, а что-то другое, и тогда что и какого вида и типа того другого. Однако прежде чем мы попытаемся все это как-то по пунктам определить, обратимся к еще одному, близкому к языковому и следующему из него, представлению, с тем чтобы то и другое как-то связать, рассмотрев как лексемы и как языковые различного вида и уровня единицы две из них (отойдя от *лица*), тематически и понятийно друг к другу и к нашей задаче рядом стоящих – *зоопарк* и все тот же *аквариум*, но с расширением и обобщением, приближающим к заданному в пунктах определению.

ЯЗЫКОВОЕ И ИМАГИНАТИВНОЕ: СЛОВО, ОБЪЕКТ, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ОБРАЗ (ДЛЯ 'ЗООПАРКА')

Первое, на что следует обратить внимание (отчасти это касается и *аквариума*), это то, что определение *зоопарка*, имеющее хождение в толковых словарях, будучи по своей природе более близким к научному представлению, не очень-то соответствует тому, которое, в первую очередь, объявляется для языкового сознания. Толкуется *зоопарк*, и это также можно считать отступлением от восприятия слова носителями языка, через слово *зоологический*, как аббревиатура, при том, что представление о парке, зоологическом парке, для зоопарка вряд ли можно считать продуктивным. Синоним его *зоосад*, известный более из литературы в форме *зоологический сад* (*Мы были вчера в зоологическом саду*) следует признать устарелым. Возьмем для сравнения способа толкования только два словаря – четырехтомный «Словарь русского языка» (МАС) и «Толковый словарь русского языка», также в 4-х томах, под ред. Д.Н. Ушакова (ТСУ). Первый изданный в 80-х (2-е изд.), второй – в 30-х годах XX века.

МАС содержит такое его объяснение: «**Зоологический парк** (или сад) – научно-просветительское учреждение, в котором содержатся, демонстрируются и изучаются дикие и некоторые домашние животные.» Привычное разговорное выражение типа *Мы вчера гуляли по зоопарку; Ходили по зоопарку с детьми*, исходя из приведенного объяснения, следовательно, необходимо воспринимать в том отношении, что мы гуляли, ходили, по научно-просветительскому учреждению, что могло бы озадачить и удивить не одного носителя языка.

Для языкового сознания и представления *зоопарк*, это к тому же не парк, а огады, вольеры и клетки, и если парк, то условно, в нем мало что можно заметить от парка, ни аллея, ни деревьев, ни привычных для парков скамеек в нем может не быть. Все это не обязательный составляющий элемент. То, что это

научно-просветительское учреждение, хотя и известно, не приходит обычному посетителю в голову, для него это не важно, малопонятно, если вообще понятно, как действует и в чем себя проявляет, для него это место, где можно разных зверей посмотреть, прежде всего, экзотических. Будучи верно, с точки зрения научного определения и назначения, приведенное в МАС толкование вряд ли можно всерьез понимать как такое, которое отражает действительность и восприятие этой действительности носителями языка. Энциклопедическое объяснение не должно заменять толкования лексического значения, т.е. такого, которое характерно для языкового восприятия и употребления слова.

Не воспринимаясь как научно-просветительское учреждение (а тогда что же оно такое?), *зоопарк* в таком своем толковании не вписывается в то, что принято называть языковой картиной мира носителей данного языка и данной национальной культуры. И, тем самым, не может служить выразителем когнитивно-ментальных, системоценностных, оценочных и пр. характеристик того и другого, национальной культуры и ее языка (языка и его культуры, поскольку все это действует в обе стороны). Подобное объяснение не может также соотноситься с являющимся во сне имажинативным образом зоопарка (разве что только для тех, кто работает в зоопарке, да и то не для всех), поскольку не связывается с общепринятым о нем представлением.

Определение в ТСУ, в известном отношении, ближе к тому, о чем речь: «**Зоологический сад** или **парк** – зверинец, устроенный в общественном саду, парке с научно-популярными целями.» В соответствии с показателем времени на первом месте помещается *сад*, более принятое и распространенное обозначение в 20-е и 30-е годы, по сравнению с *парк*, получившим большее распространение в более позднее время (вторая половина XX века) и сделавшим *зоосад* и *зоологический сад* устаревшими. В связи с чем возникает немаловажный для нашей задачи вопрос, чем отличается сад от парка, общественный сад или парк, поскольку об этом речь. Однако прежде чем обратиться к этому различению, стоит обратить внимание на то, что такое *зверинец*, поскольку для ТСУ *зоологический сад* или *парк* – это зверинец, устроенный в таком саду или парке. Само это «или» может быть не случайным, и тогда *зоологический сад* и *зоологический парк* (*зоосад*, *зоопарк*, соответственно) могут не полностью в своем представляемом совпадать.

В соответствии с МАС, *зверинец*, в первую очередь, слово устаревшее и разговорное, и по этой причине, что вполне объяснимо, не было использовано при толковании *зоопарка* (*зоологического парка*). Объясняется это слово как «Специально оборудованное место, помещение, где собраны и содержатся дикие

животные.» Примеры, призванные иллюстрировать употребление данного слова, взяты из произведений художественной литературы, показывающие обычаи и развлечения в прошлом: [*Муромский*] *предложил им осмотреть перед обедом сад и зверинец*. Пушкин, Барышня-крестьянка. *На этом дворе содержались медведи, волки, лисы, олени... Царь любил свой зверинец*. Костылев. Иван Грозный. В ТСУ *зверинец* толкуется приблизительно также, и также воспринимается как устаревшее слово, хотя и без указания на разговорность: «Место, где содержат диких зверей; помещение для диких зверей, содержащихся в клетках (устар.)» К этому добавляется переносное употребление, как оттенок значения, представляющее для нас интерес, в МАС отсутствующее: «|| *перен.* Собирище людей, потерявших подобие культурного человека, похожих по своим нравам, привычкам, по характеру интересов на зверей (презрит.)»

Опираясь на толкование интересующего нас в первую очередь *зоопарка* в МАС, отличие его от *зверинца*, если отвлечься от его устарелости и разговорности, состояло бы в том, что в зоопарке, как правило, могут быть, как дикие, так и некоторые домашние животные, в то время как в зверинце исключительно дикие. Это первое. Второе отличие заключалось бы в том, что, если зоопарк представляет собой научно-просветительское учреждение, то зверинец ничего такого не предполагает, используясь только для содержания и демонстрации (не изучения) диких животных. И, наконец, третье, если исходить из названия, из определения в ТСУ и представления (реального знания), хотя МАС об этом не сообщает, *зоопарк* (*зоологический сад* или *парк*) – это зверинец, устраиваемый в общественном саду или парке, а *зверинец* – место, помещение (специально оборудованное), где содержат диких зверей, т.е. не парк и не сад, а если парк или сад, то это не обязательно, а потому и не входит в определение.

Устарелость слова *зверинец* отчасти может быть объяснена и его историчностью. Зверинцы, предполагавшие содержание в клетках диких зверей в основном для потехи, к тому же теми, кто мог себе такое позволить, т.е. людьми зажиточными и богатыми (зверинцы царские, барские), по вполне понятным и объяснимым причинам, в том числе и гуманного свойства, оказались вытесненными зоологическими садами и (или) парками. И, что интересно и вовсе не без значения, будучи вытеснен из реальной действительности как соответствующее заведение, как существующий (существовавший) объект, для сознания и представления говорящих, т.е. носителей данной культуры и языка, он вписался и отчасти собой потеснил то, что свойственно как задуманно первоначальное для зоосада и зоопарка. Зоопарк (зоосад) воспринимается в первую очередь и в основном как

зверинец, место, где можно увидеть диких зверей, где они содержатся для демонстрации, всеобщего обозрения и показа. То, что это научно-исследовательское и просветительское учреждение (в общем-то в первую очередь, поскольку показ, демонстрация позволяют животных на получаемые деньги кормить, содержать), оказалось для общего представления менее важным и не существенным.

Касаясь вопроса о зоологическом саде и (или) парке, имеет смысл задуматься, в первую очередь, над тем, о реалии или названии в данном конкретном случае идет речь. Иными словами, то место, которое в пределах городского пространства в последнее время принято воспринимать как парк, раньше обозначалось как *сад*? Или в пределах того же городского пространства существовали ранее только сады и не было появившихся позже парков, либо были сады и парки, в чем-то и как-то между собой различавшиеся? И тогда, в зависимости от решения этих вопросов, либо а) зверинцы первоначально устраивались в таких общественных садах, а потом также в парках и только в парках, либо б) как в садах, так и в парках, но в садах как бы чаще, а потому и привычнее, либо в) в парках, которые ранее назывались обычно *садами*.

Малосущественные (нередко) отличия, выражаемые разными при этом словами

Обратимся для разрешения всех этих вопросов, не углубляясь, впрочем, в их существо, к той информации, которую можно увидеть и вывести на основании словарей. Для нашей задачи поверхностно общего представления о том и другом этого будет достаточно, ибо речь идет не об энциклопедическом и научном, а тем более историческом, знании существа вещей, а о тех языковых и ассоциативно-ментальных ощущениях, или мотивах, которые находят свое воплощение в представлениях о словах, а с этим в значениях и характере интересующих нас имагинативов.

Приведем для начала только определения из некоторых словарей. В.И. Даль толкует *парк* в его важном для нас значении как «англ. чистая роща, с дорожками, под уходом, для гулянья, а иногда для содержания дичи; обычно огораживается.», а *сад* как «участок земли, засаженный стараньем человека деревьями, кустами, цветами, с убитыми дорожками и разного рода и вида затеями, украшениями. *Сад* бывает *плодовый*, или *потешный*, для прогулок».

ТСУ содержит такие определения – для *парка*: «[фр. parc, англ. park].1. Большой сад, роща с дорожками для гуляния. *Французский п.* (засаженный зеле-

ню и цветами по определенному архитектурному плану). *Английский п.* (в виде рощи или леса). *Разбить п.* (устроить его). *П. культуры и отдыха.*»; для сада: «**1.** Участок земли, засаженный разного рода растениями (деревьями, кустами, цветами), обычно с проложенными дорожками. *Развести* или *разбить с.* *Заложить с.* (развести; спец. о плодовом саде). *Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад.* Гоголь. ... *Общественный с. Городской с. Колхозный с. Гулять в саду. Фруктовый с.* (с плодовыми деревьями). *Ботанический с.* ... *Зоологический с.*».

В МАС *парк* толкуется следующим образом: «**1.** Большой сад, роща с аллеями, цветниками, прудами и т.п. *Городской п. Старинный парк, угрюмый и строгий, разбитый на английский манер, тянулся чуть ли не на целую версту от дома до реки.* Чехов. Черный монах.», а *сад*, соответственно: «Участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками. *Фруктовый сад. Закладка садов. При доме был разбит большой сад, вдоль и поперек разделенный дорожками на равные куртинки, в которых были насажены вишневые деревья.* Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. ... **Зоологический сад см. зоологический.**»

Из «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных можно узнать, что *парк* „1) «большой благоустроенный сад или насаженная роща с аллеями, цветниками и т.п.» ... В русском языке слово *парк* известно с Петровского времени ... Скорее всего, из французского. ... Старшее знач. французского *parc* – «отгороженное место», «загон».» *Сад*, соответственно, представляя собой образование исконное, основывается на представлении о *садить, сажать* в знач. «2) закапывать корнями в землю или сеять для выращивания.»⁴⁰

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что во всех словарях, кроме Даля, *парк* толкуется через сад, как большой сад или роща. Это последнее представление встречается и у Даля, *парк* у него – это роща, отличающаяся от рощи тем, что обработанная, ухоженная, очищенная, с дорожками и для гулянья. Содержание дичи и огороженность не обязательные, но характерные признаки. Не вдаваясь в дальнейшие объяснения и концентрируясь на основном, отличие парка от сада можно бы было усматривать, прежде всего, в назначении. Если парк предназначен, в первую очередь и в основном, для гуляния (хотя в МАС и в словаре П.Я. Черных об этом прямо не говорится), то сад не только и, может быть, даже не столько. Второе отличие заключалось бы, следуя из отмеченного

⁴⁰ П.Я. Черных: Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стетеротип. Москва, 1999. Т. 2, с. 6-7.

предназначения, в характере обустроенности. Если для парка дорожки, аллеи, цветники и пр. составляют его более или менее неизменную атрибутику, то в саду нечто такое может быть и может не быть.

Немаловажным для представления того и другого видится то, что можно отметить как постепенное расхождение парка и сада, усиление во времени их отличающих друг друга сторон. Это заметно на примере определений у Даля и в ТСУ, с одной стороны, и в МАС и в словаре П.Я. Черных, с другой. Не случайно и то, что у Даля парк представляется более близким роще (поскольку о саде не говорится), причем роще очищенной, как следует из определения, а не насаженной. Исходя из сказанного в его словаре, можно вывести, что парк в его время – это роща, соответствующим образом оборудованная и приспособленная, в которой вырубается все не нужное, что считается лишним, прокладываются дорожки, за всем этим начинают следить и ухаживать, предназначая для отдыха и прогулок. В таком парке могут быть, как в него завезенные и запущенные, так и в нем до того обитавшие, пока он был не очищенной рощей, животные, птицы, так называемая дичь – олени, серны, белки, павлины, зайцы, лисы и пр. Парк такой иногда огорожен.

Данное представление вполне согласуется с тем, что можно вывести из художественной литературы XIX столетия. Это, в первую очередь, если не исключительно, не общественный парк, при поместье, имении, дворце или замке, а тем самым и что-то другое, совсем не то, что привычно являет себя в более позднее время как элемент городской культуры и, в первую очередь, городского пространства. Применительно к нашей теме это был бы отдельный имажинативный образ. Такой парк действительно не является садом, который засаживается, разбивается человеком и, хотя мог служить и служил, для отдыха и прогулок, но не только и не единственно, сочетая, если это сад не общественный и не городской, такое свое назначение с доставлением своим хозяевам также цветов и плодов. Саду можно было придать и придавались парковые черты, но как следствие и не обязательно.

Исходя из первоначального представления, отраженного в этимологии того и другого слова у П.Я. Черных, можно было бы заключить, что парк следует воспринимать как ‘освоенное, приспособленное для своих целей и нужд, “отгороженное” от остального, остающегося не освоенным и не обработанным, бывшее “дикое”, а потому отчасти и полудикое, место’. Это кусок отделенной природы, восчеловеченной и окультуренной. В то время как сад есть произведение человека, то, что им создано, подготовлено, распланировано, разбито, засажено и

предназначено для себя изначально. Из природного, натурального материала, как имитация, воспроизведение и все тот же кусок природы, но не отделенной и огороженной от всего остального, а специально для этого выращенной и сформированной. Такой сад мог быть городским и общественным (что для парка было бы менее объяснимым, трудно представить помещичий парк либо парк какого-нибудь вельможи отчужденным и переданным в общее пользование). С этим связано то, что *Летний сад* в Петербурге назывался и называется *садом*, не *парком*, хотя бы и замыкавшийся на ночь и огороженный, поскольку имеет ограду, но он насажен, а не отделен, "отгорожен" от какой-нибудь рощи. По той же причине в Петергофе разбиты *сады*, с фонтанами и разного рода "потехами", соответственно Верхний и Нижний, а не парки, и в Москве *Садовое кольцо* и *Садовые* (разные) улицы, не только, впрочем, в Москве, не *Парковые*, а если имеются Парковые, Парковое также, к примеру, кольцо, то где-нибудь на краю, в конце, в прошлом также и за пределом города, там, где уже начинаются рощи. С тем же самым связывается, по-видимому, и общеизвестное определение *садово-парковое искусство*, ибо, с одной стороны, сады и парки не одно и то же, поэтому обе эти части соединяются вместе, а с другой, *садово-парковое*, не *парково-садовое*, поскольку "искусственность" ближе к садам, чем к паркам, и отсюда сначала дается *садово-*. В то же самое время *парковое* дает и содержит в себе представление об оформительской и устроительской, в том числе и архитектурной, деятельности: *парковые аллеи, парковый пруд, парковая скамейка, парковые перспективы. Садовое* (если бы было *парково-садовое*) ближе к хозяйственным, обрабатывающим, добывающим и получающим формам: *садовое хозяйство, садовый участок, садовые ножницы, грабли, растения, кусты, культуры, садовая одежда* и пр.

По той же причине, по-видимому, в ТСУ *сад* применительно к месту общественного и городского гуляния воспринимается как определение более употребительное. Парк, будучи также отчасти садом (если не рощей) предстает как сад, во-первых, большой и, во-вторых, как такой, который предполагает большего со стороны человека в отношении его формирования и обработки участка. Если сад засаживается, формируется и создается (речь идет об общественном и городском саду), то парк – это то, что затем может делаться и делается из такого сада, придавая ему соответствующий, более изысканный и еще более окультуренный вид. Если первоначально (во времена Даля) парк получался из расчищавшейся рощи, отгораживаясь и соответствующим образом формируясь, то теперь то же самое может делаться в отношении сада и рощи, посаженной челове-

ком. Парк, иными словами, это общественный, городской сад, но как бы высшей категории, требующий и предполагающий чего-то большего по сравнению с садом, где только дорожки, деревья, кусты и цветы. Отсюда определения к *парку*, даваемые в ТСУ – *французский парк*, засаженный по определенному архитектурному плану; *английский парк* (в виде рощи или леса, а следовательно, уже и не сад), *разбить парк*, *Парк культуры и отдыха* (гордость и достижение советской власти, проявившей заботу и о культурном отдыхе трудящихся, не только о производстве, знак нового времени и нового отношения к человеку, к его культурным потребностям). Сад, общественный, городской, ничего такого особенного не предполагает, это место не эксклюзивного, как бы мы сейчас об этом сказали, отдыха, ничем таким специфическим, исключительным, не отмечаемого, со своими обычными достопримечательностями и антуражем – скамейки, дорожки, деревья, цветы, кусты. Отсюда и определения устойчивого характера. Такие, как *ботанический сад* (учреждение, где с научной и учебной целью культивируют растения всех стран света, разных климатов), и потому интересный своей ботаникой, а не планировкой, архитектурой, скульптурами, развлекательно-культурными и др. средствами и мероприятиями более интенсивного отдыха. Как *зоологический сад*, о котором уже говорилось и который, в этой связи, как и ботанический сад, интересен тем, что находится в нем, т.е. своей *зоологией*, а не всем остальным, что возможно как культурное и оформительское дополнение вокруг.

Отмеченная тенденция в отношении парка как более значимого по своим характеристикам сада (речь идет о саде общественном и городском) продолжает себя отражать и в последующем, но, скорее и в первую очередь (по традиции вслед за ТСУ), в определении. Сообщая, что *парк* – это большой сад, роща, с аллеями, цветниками, прудами и т.п. и давая в качестве первого и наиболее распространенного словосочетания *городской парк*, а *старинный парк на английский манер* лишь в цитате из Чехова (*английский, французский парки* уже историзмы), МАС использует слово *сад* фактически только в определении. Выражение *городской сад* (не парк) также уже устарело, а 'общественный сад' означает понятие, не являясь общим названием соответствующего объекта. Предложение *Мы гуляли (встретились, были вчера) в общественном саду* звучало бы претенциозно и несколько странно, хотя возможным было бы что-нибудь типа *На берегу реки был разбит общественный сад, в котором теперь проводятся городские мероприятия*. Слова *парк* и *сад* в означаемом в результате расходятся. С одной стороны, городские сады становятся парками, развиваются в сторону парков (отсюда ал-

леи, цветники, пруды и т.п. при определении), приобретая, теперь уже в качестве привычных и едва ли не обязательных, атрибутику, ранее бывшую характерной для парков и не встречающуюся обычно в садах. Сады, таким образом, вытесняются парками, понятие 'городской сад' становится анахронизмом, отсюда вполне возможным выглядит определение *бывший городской сад* (который стал парком, кладбищем, чем-то другим). А с другой, то, что *сад* был и есть 'участком земли, засаженным деревьями, кустами, цветами, обычно (но, следовательно, не обязательно и не всегда) с проложенными дорожками', тем самым, ни слова нет об аллеях, цветниках, прудах и всем прочем, что украшает, – как участок земли, он не выглядит импозантно, не привлекает, не красит, перемещаясь в сторону своего хозяйственного предназначения. Отсюда и приводимые в МАС выражения *фруктовый сад*, *закладка садов* и пример с насаженными вишневыми деревьями из Салтыкова-Щедрина. Сохраняется в МАС в своей неизменности *ботанический сад* – «научное и культурно-просветительное учреждение, в котором изучаются и демонстрируются различные растения», поскольку он, в своем представлении, не становится парком, для него быть парком не важный и никак его не характеризующий признак. Дается также и *зоологический сад* с отсылкой к слову *зоологический*, где *зоологический парк* дается первым и, следовательно, основным, а *сад* при нем, с допускающим союзом «или»: **зоологический парк** (или сад).

Хронологическая динамика представлений и их возможное отображение в образах

В связи с чем возникает не праздный и представляющийся важным для разбираемого нами предмета вопрос. Зоологический парк становится *парком*, не *садом*, как раньше, потому, что парки вытесняют сады из пределов городского пространства, и потому все, что в этих его пределах, соответствующим образом выглядящее, привычно видеть и воспринимать как парк, а не сад? Или же сами эти объекты все более начинают иметь соответствующий образ и вид, проявляя признаки, в первую очередь, парков, а не садов, с цветниками, прудами, аллеями и т.п.? Или, становясь местами, точнее, все более воспринимаясь как таковые места, не только или не столько прогулки (в городском саду, прежде всего, если не только, гуляли), но и культурного развлечения, отдыха, отмечаемого дополнительными возможностями покататься на карусели, посмотреть познавательный, о животных, фильм, посидеть в кафе, съесть мороженого и пр. (сады такое могли

иметь, но могли также и не иметь), при этом не важно что́, важно, что может иметься, предполагаться такая возможность, становясь таковыми местами, эти самые первоначально *зоосады* стали теперь *зоопарками*?

Ответ может быть заключен как в этом первом, так и во втором и в последнем решении. Обобщая, можно бы было сказать, что для сознания представления эти, совместно ли, располагаясь ли в предпочтениях, заслоня ли одно другим, могут быть равным образом релевантными. Попытаемся поискать возможный на эти вопросы ответ, исходя из того, что и как предлагается и появляется в этой связи в словарях толкования сновидений, не забывая, само собой разумеется, прежде всего, о том, что сказанное об этапах и представлениях, характерных для русского языкового сознания, выражаемого с помощью единиц и слов русского языка, не соотносится и не может соотноситься с тем материалом, который содержат переводные источники. Из чего следует необходимость соответствующего перевода не только слов, но и того, что они собой представляют либо могут, способны собой представлять.

Все это, равно как и обращение к имагинативным образам (теперь уже, и это важно, не к словарям, но через их материал и на основе их материала к этим образам, которые определить и вывести еще предстоит), – все это имеет целью найти, поискав, ответ, что же такое для языкового сознания, а с этим как следствие, для восприятия в ощущении, в сенситиве, представляет, может собой представлять 'зоопарк' (а с этим, но очень не основательно и только в связи с 'зоопарком' 'зверинец', 'парк' и 'сад'). 'Зоопарк' не как слово и даже не как представление, но как внутренний импульс, рождающий не оформленный образ, имеющий смысл и способный себя объявить в сновидении, не будучи на этом этапе и уровне своего проявления пока еще имагинативным образом сновидения, но при каких-то условиях могущий потенциально им стать. А через это все, от таким способом объясняемого и воспринимаемого 'зоопарка', к связанному с ним (и как? каким образом, способом, видом?) 'аквариуму', о котором уже говорилось, но на этом, последующем, этапе уже и в другой связи, о которой также уже говорилось. С представлением видов его как имагинативно себя объявляющих форм, перечисленных ранее в четырех своих пунктах как единство какого-то общего (1) и его варианты, обусловленные чем-то исходным и узуальным (2), проявляющим далее себя в употреблении как узуальное (3) либо окказиональное и ситуативное (4), с обобщением и отнесением всего этого к той или иной категориальной, возможно отчасти предметной и тематической группе (5). Все это, будучи выведено и показано на примере рассмотренного 'аквариума', дополнительно следующего

из представления 'зоопарка' (как 'зверинца', 'парка' и 'сада', в отношении к ним и из их отражений), предполагается к более точному определению.

Начнем с наиболее простого и очевидного, чем отличается 'зоопарк' от 'зверинца', но не как пространственный по своей природе объект и не в отношении своего основного значения, о чем уже говорилось, а в том, какие воображаемые представления они способны в сознании вызывать. В сознании не столько, может быть, языковым, но таким, которое, отчасти языком обуславливаясь, вызывая определенного рода ассоциации, связывается с каким-то комплексом представлений, которые различают, в конечном итоге, то, что есть зверинец и зоопарк, парк и сад, в чем-то там пересекающиеся, но существующие отдельно и каждое по себе. И, что самое важное, это каждое будет иметь в совокупном окружающем представлении какую-то нишу, которая и способна в каких-то условиях из сознания что-то там извлекать, что позволяет, видя во сне то и другое, это то и другое, связывая с одним, не обязательно, если не непременно, не связывать с чем-то, хотя и близким, но все же другим.

Характер переносных значений (употреблений) и имагинативные образы

Оттолкнемся в этих своих рассуждениях от переносных значений и употреблений соответствующих слов, обратившись для этого к словарям языка, а потом от них отойдя к возможным в речи словоупотреблениям, прежде чем уяснить картину с опорой на словари толкования сновидений и возможные на этой основе, хотя, с расширением, уже и не только, имагинативные образы. Такие, какими можно, отчасти условно, их себе вообразить, в теоретическом и обобщающем, а не практическом представлении, с целью уяснения и объяснения их возможной ментальной природы, а не как то, что может служить психологическим справочником и руководством по дебрям человеческого сознания в момент сновидения или после него.

Зверинец в ТСУ как оттенок значения и переносно, как уже отмечалось ранее, что теперь будет важно, связывается с представлением о «сборище людей, потерявших подобие культурного человека, похожих по своим нравам, привычкам, по характеру интересов на зверей». Обратим внимание в этом определении на представление о 'сборище' (соответственно людей) тех и таких, которые, будучи видом и внутренним существом, природой своей, людьми, ведут себя не как люди, и тогда можно было бы говорить о 'сборище людей не людей', т.е. замене и замещении, метафорическом и переносном, людей не людьми.

Задумаемся над этим определением. Что здесь важно – то ли, что я людей представляю как не людей, как бы это ни вообразить, или что я оцениваю людей, остающихся в моем представлении и воображении людьми, как таких, которые не заслуживают называться людьми? Подобное расподобление, разведение одного и другого для нашей задачи имеет определяющий смысл, но об этом несколько позже. Исходя из значения и употребления данного слова как слова, следует выбрать второе, т.е. речь идет об оценке людей в отношении их поведения и при этом, что важно, не каждого по отдельности в составе общего целого, а как эту самую их совместную совокупность. Иными словами, *зверинцем* обозначается некая группа людей, находящихся вместе (возможно, в какой-то момент, период, отрезок времени) либо мыслимых как такая совместность, ведущих либо склонных вести себя, с точки зрения говорящего, недостойно. В ТСУ недостойность эта вписывается в представление о несоответствии правилам поведения и общепринятых в цивилизованном обществе норм. Не будет, по-видимому, ошибкой предположить, что, скорее всего, речь идет о примитивно-грубых, *животных*, а не *зверинных* и тем более зверских, человеческих проявлениях, т.е. непосредственно-бесцеремонных и природно-физических, свидетельствующих о бескультурье, неумении вести себя в обществе и владеть собой, а не о жестокости, ярости, злобе или зверином обличье и виде.

Исходя из того, что *зверинец* в прямом значении толкуется в ТСУ как «место, где содержат диких зверей; помещение для диких зверей, содержащихся в клетках», можно было бы говорить о переносе не с этого места и помещения, поскольку нет представления о содержании их в этом месте и тем более в клетках (как бы их ни понимать), а с представления о том, что имеются люди, недостойные по культурному уровню называться людьми, и тут я их еще вижу как "сборище" вместе. Получается, что перенос происходит не от *зверинец* прямого значения к *зверинцу* оттенка значения переносного, а от 'сборища некультурных людей', через поиск того, как их можно назвать, представляя 'животными', к тому, где животные могут быть собраны вместе, а это, за неимением ничего более подходящего, определяет себя как *зверинец*. Иными словами, и к этому был направлен получившийся вывод, образ зверинца, представление о нем, не было тем, что мотивировало подобное словоупотребление. Мысль номинации состояла в движении совершенно иного рода: 'люди' > 'животные' (поскольку ведут себя как они) > 'вместе' > 'сборище' > 'собрание вместе животных (зверей)' > 'зверинец'. При таком представлении зверинец утрачивает свои признаки как объекта, используя лишь как оценочное обозначение людей (в коллективе и группе) как

животных (зверей). Зверинца же как зверинца в этом случае нет. И, тем самым, не может (забегая вперед) такое, подобное представление о зверинце служить основой имагинативного образа, воспринимаемого и интерпретируемого в соответствующем ключе как сновиденческий знак, положение (*situs*) онейролептического состояния спящего.

Более близким искомому соответствию переносного употребления *зверинца* его прямому значению было бы то, что дает «Большой толковый словарь русского языка» (БТС, 2000 г.), помещая в словарной статье оттенок значения, которого нет ни в МАС, ни в ТСУ. Помимо определения *зверинца* как «Помещение, оборудованное для содержания и показа диких зверей» (интересно и показательно, что без помет устар. и разг., характерных для МАС, первая также для ТСУ, опуская понятие 'место', даваемое ими, и добавляя важное, но не обозначенное в этих двух словарях 'и показа'), БТС содержит также такое: «|| Передвижная коллекция таких зверей».

Важным и уточняющим интересующее нас представление о 'зверинце' в этом всем было бы то, что а) нет места, а есть помещение, которое оборудовано не только для содержания, но б) и показа и что в переносном употреблении отмечается как в) передвижная коллекция таких зверей. Снятие помет *устаревшее* и *разговорное* представляется не случайным и связанным с новым и "освеженным" (по сравнению, по крайней мере, с тем, что содержится в МАС) определением. Если раньше зверинец, в определенном смысле, можно было бы воспринимать как явление историческое (барский, царский зверинец), и тогда это было место и/или помещение, но в первую очередь место, поэтому это слово в определениях ТСУ и МАС и дается первым, и тогда важно, что звери в нем содержались, будучи собраны в этом месте или помещении в клетках, а то, что их можно было смотреть, само собой разумелось, но они не были выставлены там для показа, – то (и об этом, собственно, в БТС) в последнее время зверинец начинает собой представлять не место, а помещение, где дикие звери содержатся для показа. И такой зверинец, имея целью показ, способен и может далее собой представлять коллекцию этих зверей, которую, погружая на транспорт, можно перевозить. Тем самым, и это следует подчеркнуть, речь идет фактически об изменении лексического значения слова. То значение (оттенок значения, употребление, не это важно), которое определяется в МАС и в ТСУ, должно представляться как историзм (устар.), в БТС представляется как значение измененное и актуальное.

Затрагиваемые вопросы в теоретическом отношении, с точки зрения лексикологии и лексикографии, не просты. Небезынтересно и показательно то, что у

Даля *зверинец*, толкуясь как «место (без ‘помещения’, хотя помещение можно воспринимать и как ‘место’) для содержания зверей и диких животных в неволе (звери и дикие животные при этом, следовательно, не одно и то же)», в качестве еще одного значения (или его оттенка, у Даля это не различимо) содержит «|| Собрание зверей (но уже не диких животных, так получается), содержимых напоказ.» Тем самым, выходит, что представление о коллекции (собрании), может быть не передвижной, но об этом просто не говорится, а ничто не мешало ей такой быть (в этой связи возникает вопрос об актуализации признаков смысла для языкового сознания, которые могут как находить, так и не находить своего отражения при толковании), представление о коллекции было и раньше, но как бы так не выходило на первый план. Однако поскольку нас интересует образ, за всем этим стоящий (ментальный – как конфигуративный, сенситивный и эмотивный в полном своем составе), об этом приходится говорить, обращая на подобно-го рода детали внимание, хоть и в ином повороте.

Итак, представление о зверинце в связи с толкованием последнего времени в БТС предполагает видеть в нем помещение, в котором дикие звери содержатся для демонстрации, для того, чтобы на них можно было смотреть, а собрание этих зверей, представляя собой интерес как коллекция, способная к транспортировке, будучи таковой, имеет самостоятельный и такой же демонстративно-показательный, а потому не случайный и обозначенный смысл. В развозимой коллекции имеются не какие-нибудь там, какие попало, а экзотические, редкие, скажем так, для подобных коллекций, а потому примечательные дикие звери, составляющие гордость собравших (или что-нибудь в этом роде). В любом таком случае демонстративность как признак присутствует не только в отношении того и тех, кого показывают, но и в отношении самой коллекции как данного, может быть даже неповторимого, целого.

И отсюда, как следствие, если в ТСУ фиксировался переносный оттенок значения, обусловленный представлением о недостойном для человека, людей, поведении, утративших человеческий облик, нарушающих нормы приличия и культуры, ведущих себя, но не как звери, а как животные, то характерным для переносного речевого употребления *зверинца* второй половины XX века, не отмечаемого, впрочем, по словарям, будет нечто совсем другое. То, что связывается с представленным значением и его оттенком в БТС. Оттолкнемся от фраз, типичных для этого времени. *Я тут себя с ними чувствую как в зверинце. Ну прям как в зверинец попал, где они насобирали таких экземпляров? Не семейка, а просто какой-то зверинец, каждый зверь на свой лад. Да не пойду я на дискотеку,*

там просто зверинец. Наиболее очевидный и явно себя проявляющий в этих фразах акцент подводится не к бескультурью и неумению себя вести, но, скорее и в первую очередь, к необычности, "экзотичности" внешнего вида и поведения. 'Зверинец' воспринимается как собрание, коллекция, по крайней мере, странно, если не прямо шокирующе и вызывающе проявляющих себя экземпляров. Как сборище странных, в принципе мало приятных в общении, возможно отталкивающих, галдящих и гомозящих людей, каждый из которых, если о себе как о какой-нибудь там исключительности не мнит, то представляет себя (или представляется со стороны) как некий своеобразный, не поддающийся ясному определению, уникум, как этакий необычный субъект. Сказанное не обязательно должно относиться к обозначаемому, речь идет о характере восприятия, но в первую очередь об оценке, со стороны говорящего, какого-то объединения, точнее собрания в каком-то месте какого-то числа проводящих совместно время людей. То, что больше всего подходит к обозначаемому в последнее время в сленге словом *тусовка*.

Из всего этого прямо следует демонстративность, как ведущий и определяющий признак, касающийся одновременно как тех по отдельности каждого, кто составляет такое собрание, так и это собрание в целом. Демонстративность (по признаку необычности, эксклюзива) множественной совокупности собранных в одно место лиц. Множественной совокупности, поскольку первый компонент дает представление о расчлененном составе (демонстративен, заметен и экзотичен каждый), а второй – о собрании их как целом (демонстративны, заметны и экзотичны они как такое собрание, сборище "экзотизмов"). Признаки эти прямо и непосредственно следуют из представления о *зверинце*, описанного в БТС, поскольку он интересен и как коллекция, предназначенная для показа, и в своих представителях, каждый из которых может быть интересен сам по себе. Тем самым, можно было бы говорить о 'зверинце' (пользуясь формализующими средствами определения семантических признаков) как об 'эксклюзивном демонстративе локативно-объектного плюраль-корпоратива'. В первом случае, для прямого значения, обозначаемыми объектами подобного представительства были бы дикие звери, во втором, с теми же признаками, но как характеризующими и оценивающими, люди, на основе их уподобления, как подобных объектов, диким зверям.

'Люди' и 'звери' ориентационной характеристики их содержащих пространств

И отсюда следует важный, если не определяющий, вопрос: чем являются для того и другого (имея в виду то, что сказано в ТСУ и БТС) воображения, восприятия и представления, эти самые дикие звери, которые в зверинце по клеткам (что также важно или не важно?) сидят? О клетках в зверинце говорится у Даля и в ТСУ, в МАС и в БТС на это непосредственно не указывается, это можно вывести и предположить из того, что в них говорится о (специально в МАС) оборудованном (и в МАС и в БТС) помещении. Что означает эта его оборудованность для содержания и показа? Только ли клетки, не только ли клетки, что-то другое? Потому как если по клеткам, то и те, кто в зверинце, который не звериный, а человеческий, также могли бы восприниматься как находящиеся в специально для этого оборудованном помещении сидящими в чем-либо, что, не будучи клетками, поскольку такое вряд ли возможно представить, что могло бы их, не походя на них, замещать. Скажем, расставленными по местам, по углам, в каких-то позах, на каких-то сидениях, лежанках, посланиях и т.п. Важно ли для представления о них как о 'зверинце' это их положение, каждого, в общем для них помещении, место? Выставлены ли они (либо себя выставляют), тем самым, в связи со своим положением на показ? в представляющем их совокупно "зверинце"? Подойдем к разрешению данного обстоятельства как определяющего или нет от затронутого в самом начале абзаца представления о диких зверях.

Если для ТСУ дикие звери, как уже говорились, были тем, что характеризует людей как животных, утративших человеческий облик в смысле культуры и соблюдения норм, то для последнего времени, и это находит свое отражение в рассматривавшемся переносном употреблении данного слова в речи, а косвенно и в определении БТС, дикие звери являются тем, что становится, воспринимается как объект демонстрации, показа и интереса, с точки зрения их привлекающей необычности. 'Дикость' в понятии и представлении диких зверей характеризуемого нами *зверинца* становится признаком привлекательной необычности и "экзотизма": животные эти редкие, возможно, что охраняемые, вымирающие, интересные своим видом, повадками, а потому любопытный для обозрения объект, надо бы не пропустить подобного зрелища и по возможности стоит этим воспользоваться. Применительно к людям *зверинца* данная 'дикость' их от таким образом понимаемых 'диких зверей' становится признаком, показателем, амбициозно-демонстративного (это второе не обязательно) "экзотизма", отталкивающей или малопривлекательной претензии на привлекательность, необычность, своеобраз-

зие (по крайней мере, воспринимаясь и интерпретируясь так). В наиболее неприятельском своем восприятии 'дикость' может быть интерпретирована как товар, выставаемый на удивление и обозрение, на показ.

Если представить сказанное в отношении 'зверинца' применительно ко второй половине XX века как основание некоего имагинативного образа, можно было бы предположить, что появление такого зверинца во сне, возникновение его как положения (*situs 'a*) определенного состояния спящего, могло бы свидетельствовать о таком виде его взаимодействующего отношения к окружению, которое предполагает что-нибудь наподобие его неприятия, мотивируемого сигналами эгоистического и амбициозного выставления каждым в отдельности и в совокупности. Спящий не чувствует себя с ними комфортно, они докучают ему своей 'дикостью', о которой шла речь, ощущая себя в их окружении и в контактах с ними лишним, не вписывающимся, не нужным, не принимая правил их суматошной игры, воспринимая ее как пресловутую ярмарку тщеславия (приблизительно в том же значении используется в речи и переносное *обезьянник*).

Продолжая мысль о возможной (хотя вовсе не обязательной) связи того представления, которое следует, закрепляясь, из восприятия признаков того или иного пространственного объекта, приписываемых ему и ощущаемых, чувствуемых (в конфигуративе, сенситиве и эмотиве) в нем на основе значений и употреблений, ментальных употреблений, соответствующих слов, с представлением, порождаемым имагинативным образом, применительно к анализируемому зверинцу первой трети (скажем, условно) XX века можно было бы вывести несколько иную картину.

Первое и самое важное, на что следовало бы при этом внимание обратить и о чем уже говорилось, это то, что речь идет о двух разных зверинцах. Отличие в семантике, следуя из отличия реальных объектов, как в данном случае, зверинец как историзм (барский, царский) и зверинец как передвижная, обычно, выставка диких зверей, порождает разные о себе представления. Этот первый зверинец рождал, по-видимому, как можно судить из его описания в словарях, представление о диких зверях как животных, своими повадками, внешним видом и поведением, существенным образом отличающихся от людей. Обозрение их (покусимся на такое умозаключение, не единственное и не исключительное, но вполне вероятное) мотивировалось внутренне эмотивом и сенситивом отличия, разности, их разительной непохожести на человека, а тем самым, и на себя в отношении наблюдателя. «Во какие они дикие, во как себя ведут!» Приписывание им человеческих черт для мышления наших предков, как можно судить из лите-

ратуры, было не характерно. Зверей дразнили, зверей и зверями травили, для удовольствия, для развлечений, ради забавы, организуемых состязаний, игры. Зверинец был чем-то, что можно сравнить с претворенной миниатюрой, в психологическом смысле, охоты. С тем отличием, что, если смыслом охоты было догнать и загнать, проявив свою силу и власть, насладившись убийством животного, то зверинец, давая такое же ощущение своей силы и власти, позволял наслаждаться зависимостью пойманного и помещенного в клетку дикого зверя, не способного, как бы он ни пытался, причинить своему хозяину и владельцу вреда. Дикость его становилась мотивом, позволяющим чувствовать свое над ним превосходство и торжество, была тем, что меня, человека, отличает от него в лучшую, высшую сторону, дает ощущение совершенства, связываемого с культурой, образованием, цивилизованностью и всем прочим, чем бы это ни было и как бы это ни называть, что составляет основу моего человеческого и отличает меня от его звериного, животного, если быть более точным. То, что делает его животным, а меня человеком, и что проявляется в образе, виде и внешнем облике, поддающемся созерцанию, лицезрению, видению и, тем самым, на этой основе оценке, не в его, разумеется, пользу.

Зверинец, как это, может быть, ни парадоксально звучит, способствовал переживанию себя и в себе человека, со всем тем, что из этого следует при сопоставлении себя, человека, с животным. Известные сказочные мотивы красавицы и чудовища, принца-медведя, царевны-лягушки, брата-козленочка, жениха Ясна сокола или голубя, человековолка, людей-псеглавцев и пр. могут служить иллюстрацией сказанному. С мыслью о неподобии облика и о расщеплении, разведении внутреннего и внешнего в человеке-звере, человеке-животном, которые только чудом и вопреки опасениям, желаниям и человеческой воле можно, при посвящении и преодолении немалых препятствий, и то далеко не всегда, каким-либо необычным и неожиданным (нечеловеческим) образом оборотить.

Если представить себе зверинец как имажинативный образ, появляющийся, приходящий во сне, в таком ментальном и культурном контексте, то его восприятие, по сравнению с перед этим рассмотренным, можно предполагать совершенно иным. Поиграв не словами, но воображениями, допустимо было бы видеть в таком появлении сигнал каких-то нечеловеческих, животных, если не звериных проявлений со стороны какого-то общества, в котором вынужден пребывать сновидец, либо таких объявлений, которые могут указывать на забвение спящим под влиянием какого-то общества своих человеческих черт и обязанностей, на утрату им достоинства, делающего его не по имени только и не по облику человеком.

Возможно также, что интерпретация данного образа укладывалась бы в представление об обуевающих его животных страстях и инстинктах, делая его само-го "седалищем", воплощением, "помещением" для такого зверинца. Как бы там ни было и как бы это ни толковать, объяснение того и другого, не совпадая и различаясь, говорило бы и о разных имагинативных образах, и о разном к ним ментальном и интерпретирующем отношении, связанном с изменением культурного фона и сопровождающего его восприятия.

'Зверинец' и 'зоопарк' сновиденческих толкований

Прежде чем перейти к подобному толкованию 'зоопарка', а с ним на его основе 'аквариума' с задуманным описанием в пяти пунктах, попробуем, обратившись к словарям толкования сновидений, посмотреть, соответствует или нет в них представленное тому, что было выведено на основе значения соответствующих слов в языке. И если да, и если нет, то в чем, каким образом и, по возможности, почему. Ответы на эти вопросы позволят, если не определить, то, наметив, почувствовать, как, каким образом представления, скажем так, опирающиеся на языковое воображение (далеко не всегда это знание) и ощущение, связываются, если связываются, с ментально-психологическими имагинативами сна. А если не связываются, то в каком отстоящем (потому как все же, по-видимому, не противостоящем) от них отношении они могут себя объявлять. Памятуя при этом всем, что зверинец и зоопарк не одно и то же и что то и другое, по крайней мере, должно быть, привязано к не одинаковым проявлениям, допуская возможное сходство лишь в отношении общего им показателя 'зверь'. Однако этот вопрос мы можем рассматривать за пределами данной задачи и ее интереса, вращающегося вокруг заявленных в заглавии пространствах в снах, к которым все остальное может иметь одно лишь опосредованно-характеризующее отношение, а может и не иметь никакого.

Согласно цитировавшемуся уже ранее «Соннику» Г.Х. Миллера⁴¹, зверинец толкуется следующим образом:

Видеть во сне посещение зверинца – означает множество неприятностей в ближайшем будущем.

Зоопарка нет в его словаре. Подобное положение можно признать не случайным: во всем материале, служившем источниками, т.е. в сонниках и словарях толкования сновидений, если имелся зверинец, то не было зоопарка и наоборот. Объяснить это можно как неразличением, с точки зрения сновидения, указанных

⁴¹ Г.Х. Миллер: Сонник, или толкование снов...

положений, так и тем, что то и другое воспринимается и определяется не столько как пространственный по своему виду объект, сколько то, где находятся звери, животные, где можно их встретить в собрании, вместе. Нередко при этом при самом толковании подчеркивается необходимость определения, какие это животные, с чем непосредственно связывается объяснение данного знака.

В словаре Г.Х. Миллера, как можно легко заметить, речь идет о *посещении* зверинца. Сновидец, следовательно, не просто видит зверинец и не просто находится в нем, но приходит с целью посмотреть на сидящих (по клеткам, видимо) в нем животных, и толкование этому подчинено, ибо «множество неприятностей» составляет довольно типичное представление по словарям сновидений, связываемое с дикими зверями, видением их.

То, что все это ожидает спящего «в ближайшем будущем», может быть обусловлено (хотя подобное разделение не обязательно и не вполне оправдано) состоянием «посещение», предполагая, имея в виду намеренность, заданность "вхождения" в зверинец, появления в нем со стороны сновидца, точнее было бы говорить со стороны им руководящего в состоянии сна его имагинативного, скажем так, «эго». Этим имагинативным «эго» условно будем обозначать не ту часть психосферы субъекта как сложно устроенного биологического, коммуникативного, ментально-психического и т.п. существа, которая видит сны, точнее находится в состоянии сна, пребывает в нем, живет его жизнью, а ту, которая в эти самые состояния вводит (если не непосредственно их создает), чем бы оно ни являлось, подсознанием ли, надсознанием, интуицией, эмоциональной сферой. Для нашей задачи точное и достоверное определение этого принципиального значения не имеет. Важно представить, даже если это не так или не совсем так, поскольку установление, что оно есть такое, проблема, скорее всего, психологическая, что имеется нечто, что относится к спящему, если не в нем прямо так и сидит, что знает, предполагает, видит его и о нем то, что он о себе не знает, не видит, не понимает, в отношении его состояний, забытого вытеснением прошлого, ожидаемого будущего, контактов и взаимодействий с другими и пр. Имагинативное «эго», или имагинативный субъект, имагинативная часть субъекта, в этой связи, пониматься будет как категория, определяющая тот или иной характер субъектом переживаемых сновиденческих (возможно, не только их) положений, а не как действительный психологический его компонент. Может быть, в чем-то он таковым и есть, претворяясь в субъекте во что-то ему присущее, однако не нашей задачей было это решать, а потому оставим данный вопрос без ответа, об-

ращаясь к этому самому имагинативно-субъектному «эго» как к семантизирующей, задающей сновиденческое состояние категории.

Данное «эго», зная или предчувствуя, что именно, в данном случае будет неважно, то, что в ближайшем будущем ведомого им субъекта ожидает множество неприятностей, "организует" ему во сне посещение зверинца. Это был бы один механизм. Другой бы предполагал состояние погружения: сновидящий в "спящей" части своего «я» погружается во время сна в состояние, которое, "открываясь" тому, что его ожидает, приводит его к посещению все того же зверинца.

Во всем этом, в том и другом, нас будет интересовать не то, что приводит к обретаемому положению (*situs* 'у) 'зверинца' во сне, в состоянии своего сна как переживания, и почему сновидец, в нем оказываясь, видит, что посещает его, а то, что это *зверинец*, и чем он является, выступает в данный момент для него. Первый вопрос, который будет нас интересовать, воспринимается ли этот зверинец, толкуемый, как представлено в процитированном источнике, как место, т.е. пространственный по своей природе объект? Переживает ли этот самый сновидец-субъект, как субъект, 'зверинец', его свое посещение, как пребывание, нахождение в нем, внутри его как в определенного вида пространстве? Видимо, нет. Так, по крайней мере, можно умозаключить из толкования. 'Зверинец' воспринимается и предстает, скорее, если не единственно, как собрание диких зверей, поскольку из этого следует «множество неприятностей». И тогда возникает второй и с ним третий вопрос, которые в данном месте лишь зададим, а ответ на них поищем несколько позже, – что же такое пространственный по своей природе объект применительно к состоянию сна, как наделенный определенными признаками имагинативный образ? Если снится что-то, что привычно в материально-реальной действительности воспринимать как пространственный проектив, как место, локус, что-нибудь в этом роде, определяемое в показателях трех измерений и допускающее возможность пребывания в состоянии и проявления в действии в нем, будет ли оно и в состоянии сна таковым? Ощущается ли подобное пребывание во сне таким же, как и не во сне?

Ответить на этот вопрос, который будет вторым, опираясь на наши задачи и цели, мы не возьмемся в силу не раз уже объяснявшихся оснований. Интересовать же нас будет в этом, и на этом может основываться допустимо возможный ответ, не то, является или не является в состоянии сна пространственный по своей материальной природе объект таким же пространственным, но по своей идеальной природе, объектом или чем-то другим, а то, каким образом нахождение,

пребывание в нем в сновидении либо видение и его наблюдение в состоянии сна, может быть интерпретировано и соответствующим образом объяснено. Что значит во сне быть где-то, видеть что-то, что является местом, по материальному своему существу, и чем такое положение во сне отличается от позиции, которая ничего подобного не предполагает. Скажем, видеть зверинец, чтобы далеко не ходить, и видеть тех же самых зверей, без указания на какое-то место, не воспринимая их как зверинец, то ли же самое, с точки зрения, если не сна, то его смысла, или же нет? Каким бы данный смысл, добавим, ни представлялся. Можно ли, иными словами, ввести представление об имажинативном локусе, месте, пространстве, пространственном каком-то объекте? Как видимом, объявляемом, появляющимся во сне (в воображении, сознании, мысли о нем, может быть, хотя это «может быть» допустимо предполагает и что-то совсем другое). Или это было бы чем-то несообразным, поскольку не отвечало бы его как пространства природе? Или, что также возможно, поскольку не исключено, какие-то материально-пространственные объекты являют себя как также-пространственные имажинативы, а другие какие-то материально-пространственные таковыми не объявляют себя, причем это может быть связано, и, скорее всего, так и есть, не с различием их материальной природы, а с характером восприятия, видения, объявления и переживания их во сне.

И третий вопрос, на который ответ поискать предстоит, чем может являться 'зверинец' во сне и может ли объявлять себя чем-то еще, помимо собрания диких зверей? В их не различаемой массе и по отдельности каждый, поскольку не это важно. Способен ли, если далее, в этом ряду он себя объявлять (при каком-либо из толкований) как место и/или помещение, согласно определению в словарях языка, т.е. восприниматься как имажинативный, пространственный по своей природе, объект? Или это ему как имажинативному образу в целом не свойственно, по крайней мере, следов подобного отражения в словарях сновидений мы не найдем?

'Зверинец' возможных контактов с людьми

Опираясь на просмотренный материал таких словарей, подтверждения этому не находим. 'Зверинец' воспринимается не как место и помещение, не как пространственный по своей природе объект, а как все то же собрание диких зверей, с тем уточнением, что звери, в отличие от «Сонника» Г.Х. Миллера, говорящего о неприятностях, приобретают в них "человеческий" облик, становясь вы-

ражением, средством сигнализировать о предстоящих контактах с людьми, враждебно настроенными и неприятными:

Если вам приснился зверинец, то это значит, что вам предстоят контакты с людьми, которых только обстоятельства будут удерживать от враждебной деятельности по отношению к вам.⁴²

Подобными удерживающими обстоятельствами, их содержательным выражением во сне, могут быть (по крайней мере, их можно так интерпретировать) те самые клетки, в которых дикие звери сидят. Однако ничто вместе с тем не указывает на такое их объяснение, зверинец в целом может восприниматься как сдерживающий доступную, предоставляемую обозрению 'дикость' в нем находящихся, собранных вместе зверей.

«Сонник» А. Серадзкого⁴³ содержит весьма похожее определение, используя для этого слово не *zwierzyniec*, а *menażeria*:

Menażeria

Встретишься с неприятными людьми.

«Бабушкин сонник»⁴⁴ дает практически то же самое, интерпретируя ожидаемую встречу-контакт как знакомство и используя при толковании оба слова:

Menażeria (*zwierzyniec*) – познакомишься с неприятными людьми

Как первое и основное данный словарь дает *menażeria*, предлагая *zwierzyniec* как возможный и дополнительный эквивалент. В связи с чем возникает вопрос, на который стоило бы обратить внимание – одно ли и то же *zwierzyniec* и *menażeria*, если не ассоциативно, то, по крайней мере, имагинативно? Не вдаваясь в подробности и ограничиваясь данными только толкового словаря, небезынтересно отметить, что в качестве основного и первого значения для *menażeria* отмечается то, которое следовало бы воспринимать как переносное: 'группа чудаковатых и не подходящих друг к другу людей', с замечанием, что слово это книжное, употребляется с неприятием либо шутливо. Прямое значение дается вторым, объясняясь как то, что словом обозначаются 'дикие и обычно экзотические животные, собранные где-нибудь, чтобы показывать публике'⁴⁵. С пометой его устарелости.

Такой порядок и вид представления у данного слова не единствен, хотя, по-видимому, и более характерен для сознания носителей современного языка.

⁴² Энциклопедия сновидений...

⁴³ Andrzej Sieradzki: Sennik. Współczesna interpretacja snów. Warszawa, 2004.

⁴⁴ Sennik Babuni. Warszawa, 2001.

⁴⁵ Inny słownik...

Словарь иностранных слов⁴⁶, связанный, в первую очередь, с происхождением слова, чем с его восприятием и современным употреблением (фр. *menagerie*, от *menager* 'бережно обращаться; устраивать; приберегать, держать про запас'), предлагает другой порядок и вид объяснения: **1.** «дикие животные в клетках, возимые на показ» **2.** «место либо помещение, в котором содержат животных, обычно с целью показа их публике» **3.** *неодобр.* «о группе чудаковатых, смешных людей» **4.** «собрание странных и необычных предметов».

Из чего следовало бы представить данное слово в его описании и представлении о нем, за опущением ряда деталей, если не прямо соотносимым с тем, что было отмечено нами по поводу слова *зверинец*, то довольно близким. Такими себя различающими деталями, в определенном смысле следующими из характера описания, а не значения и восприятия слова, можно бы было отметить (опуская 4-е значение словаря иностранных слов, для рус. *зверинца* по вполне понятным мотивационным причинам невозможное) чудаковатость, странность (*dziwaczność*) группы не подходящих друг другу людей, определяемая также в словаре иностранных слов как то, что при этом они смешны. В рус. *зверинце* в его переносном употреблении данные признаки видятся более резкими, подчеркивающими неприятность, отталкивающий характер подобного рода собрания. Небезынтересно и то, что, опять-таки в словаре иностранных слов, передвижная коллекция, даваемая в БТС как оттенок значения, дается в качестве первого и основного, а место либо помещение (в БТС только помещение) для содержания и обычно показа – как второе. В целом, однако, можно было бы говорить об общем для польского *menażeria* и русского слова *зверинец* представлении.

Что касается слова *zwierzyniec*, то при его описании, в отличие от *menażeria*, прямое значение в цитируемом толковом словаре⁴⁷ дается как первое, а переносное – как второе, то и другое без указания на книжность и устарелость. При этом акцент для прямого значения производится на место (для *menażeria* более важным было то, что это дикие и обычно экзотические животные), большое число, но без указания на дикость: 'место, в котором содержится много животных, часто экзотических', с дополнением 'также животные, содержащиеся в таком месте'. Иллюстрирующий данное употребление (в отношении места) пример вполне соответствует тому представлению о *зверинце*, которое было типично для позапрошлого века: *W zwierzyńcu trzymano pawie i stadko małp. (В зверинце содержались павлины и небольшое стадо обезьян.)* Из чего можно было бы сделать

⁴⁶ Słownik wyrazów obcych...

⁴⁷ Inny słownik...

вывод о том, что *menażeria* отчасти более соответствует тому, каким предстает рус. *зверинец* для современного восприятия (дикие и экзотические животные на показ), в то время как *zwierzyniec* сохраняет (не став устарелым) признаки того рус. *зверинца*, который, будучи более связан с представлением о месте, имел отношение не столько к показу и демонстрации публике, сколько самому содержанию их кем-нибудь (барский и царский зверинец, то, что ближе французскому представлению, как 'хозяйству', отраженному в *menagerie*).

В переносном значении сохраняется чуждаковатость группы, но не говорится о том, что эти люди не подходят друг другу (нет рассогласованности при их восприятии в отличие от *menażeria*), хотя оценочность выглядит более резкой, неприятие и шутливость переходят в неодобрение: «**2 Zwierzyńcem** называется часто группа чуждаковатых людей. Слово употребляется с оттенком неодобрения.»

На основании сказанного можно было бы заключить, что рус. *зверинец* (опуская различия, более связанные со способом и характером толкования) включает в себя представления, разделяемые в польских словах *menażeria* и *zwierzyniec*, из которых первое, будучи книжным и устарелым (отчасти воспринимаясь таким), в целом ближе рус. *зверинцу* современного представления, а второе, не будучи книжным и устарелым, как ни парадоксально, ближе к тому восприятию *зверинца*, которое для русского восприятия не вполне современно (чтобы это как-то смягчить). Хотя все это, не полностью осознаваясь (если вообще осознаваясь) носителями языка, во многом довольно условно и вполне может смешиваться и совмещаться, не различаясь. Одновременно с этим, как следует из представления толкового польского словаря, стремившегося отразить современность, *menażeria* ближе к переносному употреблению, чем *zwierzyniec*, скорее воспринимаясь применительно к группе людей (значение, которое русскими словарями не отражено, а потому может объясняться как словоупотребление). Все это нас будет интересовать в том отношении, что образ 'зверинца', в том числе и в первую очередь как имагинативный, в конфигуративе, сенситиве и эмотиве, ближе тому представлению в польском, которое вероятнее и полнее отображает себя в том, что можно увидеть за 'menażeria', чем 'zwierzyniec' (либо в объединении того и другого).

Вернемся теперь к основному предмету разбора. Знакомство (в «Бабушкином соннике») предполагает эффект вхождения в общество, в какой-либо коллектив (неприятных людей) либо взаимодействие с каждым отдельным его представителем, возможно и не составляющих вместе такой коллектив (для нашей за-

дачи не это важно). Эффект вхождения ближе к понятию и представлению «посещения» в отношении 'зверинца': входя в зверинец, посещая его, субъект "знакомится" с дикими зверями, в нем находящимися. В то время как встреча («Сонник» А. Серадзкого) подобное не обязательно предполагает. Нельзя сказать, что эта встреча была с людьми перед этим знакомыми спящему, думается, что не это при толковании имелось в виду. Речь, скорее, имело бы смысл вести о контакте, взаимодействии как таковом, никак дополнительно не уточняемом. В зверинце также возможна "встреча" с дикими зверями, не знакомство, а именно встреча, знакомыми эти звери для посетителя могут быть по их роду, породе, виду, не как индивидуальные особи, и такое о них представление будет достаточным для того, чтобы назвать это «встречей». То же можно сказать и о толковании применительно к людям. Неприятные люди как люди, и как неприятные, того и другого разбора и вида, знакомы в принципе спящему, он их только еще раз и дополнительно может встретить в реальной жизни опять, и об этом, собственно, его предупреждающий о таком столкновении сон.

Тем самым, в 'зверинце' (которому ближе польское 'menażeria') как имажинативе определяющим, важным становится представление а) о диких зверях (и это в первую очередь), б) собранных вместе в каком-то далее не определяемом, а потому и не уточняемом числе. Все остальное, что звери в клетках, что их можно видеть, наблюдать их повадки, сравнивая друг с другом или с собой, что клетки эти как-то и где-то расставлены, находятся в помещении, в каком-либо месте, – это все никаким образом в данном имажинативе не отражено.

Тем самым, выходит, что основным для значения (представления) разбираемых образов становится не то, что это какое-то там помещение или место, где и т.д., а что это "сборище" диких зверей, уподобляемых людям по признаку их "неприятного", если не прямо враждебного, на субъекта воздействия. 'Зверинец', следовательно, предстает не как пространственный по своей природе объект, не как локатив, каковым он себя объявляет в действительности, а как собрание, т.е. корпоратив, относясь, соответственно, к группе подобного рода объектов.

Обращаясь к мысли о диких зверях, коль скоро об этом речь, поскольку на этой основе, как корпоратив *чего*, следовало бы определять значение темы 'зверинца', имело бы смысл обратить внимание на традиционное, скажем так, представление о них, находящее свое выражение, в частности, в "историческом" по своему характеру соннике (вторая половина XVIII столетия), передающее то, чем эти звери могли представляться воображению, соотносясь с людьми и челове-

ским миром, жизнью людей и средой, и что в том или ином своем виде находит свое отражение во многих, если не во всех словарях подобного рода:

Звери дикие, виденные во сне, также вредные и ядовитые, имеют отношение на неприятелей наших, на болезнь, потерю, злое время и всякое несчастье. Вообще же значат препятствие и медленность во всяком деле, каковые нам обыкновенно от болезней и неприятелей наших проистекают.⁴⁸

Звери дикие, обозначая препятствие и приостановку (медленность) в делах, связываясь с болезнями и неприятелями (болезни традиционно также можно воспринимать и интерпретировать как персоны, т.е. живые и вредоносные существа). Из чего непосредственно следует то, что 'дикость', исходящая от животного, не человеческого или, точнее, не вполне человеческого, начала людей (в том числе, если не в первую очередь), эта 'дикость' себя проявляет как сдерживающая и препятствующая, мешающая и вредоносная в человеке и для человека сила. 'Дикость' – это, прежде всего, неприятельство и болезнь, то зло, которое препятствует, останавливает и мешает, возможно завидуя и вредя, не столько уничтожая или губя, сколько грозя потерей (времени, сил, здоровья, успеха, радости, счастья) и остановкой, задержкой, если не прямо и непосредственно откатом и обращением вспять. Будучи угрозой развитию и, если рассуждать философски, продвижению вперед, прогрессу и цивилизации, 'дикость' становится в этом случае проявлением деструктурирующего, разрушающего достигнутое начала, а приобретая форму диких зверей, инкорпорируется и интериоризируется, становится тем, что разрушает субъекта, мешая его продвижению в его жизненных проявлениях и делах, обращая его старания в прах.

Мифологема дикого зверя внутри человека, в нем самом, переносится в разбираемых толкованиях на его окружение, находя резонанс и отзвук, отпечаток дикого зверя в нем, согласуясь с ним и пробуждая его к деструктивной в нем деятельности. Это то препятствие и то замедление, которое можно отчасти интерпретировать как постепенное угасание, вызываемое обращением вспять. Из чего тот корпоратив, который следует из представляемого описываемым образом 'зверинца', можно было бы в общем и целом, не вдаваясь в детали, определять как *инкорпоратив деструктивного реверсива*⁴⁹, что представлялось бы как значение, смысл соответствующего имажинативного образа. Имажинативного образа как

⁴⁸ Всеобщее толкование снов (сонник). Из собрания Отдела письменных источников ГИМ / Государственный орден Ленина Исторический музей. Москва, 1990.

⁴⁹ Лат. *revertor, reversus sum* 'приходить назад, возвращаться'; 'обращаться' (вспять).

темы, на уровне лексемного инварианта (пункт 1 в рассматривавшемся перед этим порядке последовательно возможных для снящихся образов проявлений).

Пространство как переживание во сне, тем самым, как следует из представленного, со 'зверинцем' в различных его толкованиях по словарям сновидений оказывается не связанным.

'Зоопарк' возможного (либо отсутствующего) в нем локатива

Обратимся теперь к таким же по словарям представлениям 'зоопарка', постаравшись увидеть в них, с одной стороны, сходства или различия со 'зверинцем', а с другой, возможный пространственный компонент либо его отсутствие в соответствующем имажинативе, и тогда установить, чем и каким своим поворотом в сновиденческом образе предстает, оборачиваясь, 'зоопарк', помимо отсутствующей в нем составляющей локатива.

М. Кжижостаняк⁵⁰ интерпретирует его следующим образом:

Зоо → *Тюрьма* – изменение естественного положения вещей, создание искусственного рая на земле; → *Оранжерея*.

Ведущим аспектом при таком понимании становится представление о нарушении того, что естественно и натурально, с заменой этого на нечто искусственное и воображаемое как идеал (рай на земле). Аспект, который связывается не с тем, что это место, где находятся и содержатся звери для обозрения и где их можно увидеть и за их поведением понаблюдать, но с пространственностью, скажем так, нарушения, с отступлением, отходом, отказом от естества в пользу создания более совершенного и много лучшего. Зоопарк – это место искусственного воссоздания, воспроизводства того, чего нет, но что мыслится, представляется как достижимый человеческими стараниями, возможно общественный, идеал, т.е. нечто похожее на остров Утопию.

Небезынтересно и показательно, что в таком понимании 'зоо' соотносится у данного автора, с одной стороны, с 'тюрьмой', в то время, как с другой, с 'оранжереей'. Представляет смысл по этой причине обратиться к ее толкованиям и этих двух характерных для сновидения образов:

Тюрьма (Więzienie) → *Заклученный (Więzień)* → *Карать (Karać)* – чувство сдавливаемого, затискиваемого кольца (osaczenia). Спящий мучительно ощущает ограничение поля деятельности. Нормы и правила, которым он вынужден подчиняться, придавливают его.

⁵⁰ Marlena Krzyżostaniak: Sennik..., s. 160.

Оранжевая → **Сад** – спящему удалось создать свой рай на земле, в котором он живет вдали от зла и ненависти мира. Однако в этом искусственном эдеме отсутствуют и позитивные стимулы – чувства.

При таком толковании важными оказываются не звери, как дикие, так и нет, сидящие в клетках в каком-то месте, а то, что наличие этих клеток, в которых заключены природа и естество, есть следствием вымысла, изобретением, имеющим двойное дно: направленным внутренне на улучшение, которое внешне и в своем результате себя объявляет как ограничение, сдавливание, стискивание, аномалия, утрата (чувств) и разлом. Пространственный компонент, который при этом присутствует, оборачивается способом реализации, местом осуществления данного замысла. В этом случае можно было бы говорить о *локативе деформатива* в отношении *rerum natura* (локативе нарушенного, искаженного естества).

'Пространственность' локатива как переживание

Возвращаясь к мысли о том, чем и как способно себя выразить или, точнее было бы говорить, проявлять пространство во сне и (или) сновидении, стоило бы обратить внимание, не вдаваясь пока что в подробности, на момент, который можно было бы объяснить воплощенной идеей переживания. Ощущением себя находящимся в месте, которое дает чувство связи, соединения, контакта и сопричастности с ним. Пребывающий в данном месте испытывает на себе воздействие с его стороны, которое можно было бы определять не как слияние, а как резонирование (за неимением более точного объяснения). «Я» находящегося внутри, помещенное в нем, в этом месте, начинает, не то чтобы подстраиваясь, но, возможно, настраиваясь, что-то переживать. Место откладывает на пребывающего в нем свой, способный уйти, улетучиться, миновать, отпечаток. Это печать психологического, эмоционального, чувственно-рефлексирующего, рецепторно-интуитивного и перцептивно-реагирующего, отзывающегося, хотя во многом и не осознанного, контакта-включения. Далекое от паранормальных либо парапсихологических объяснений, которое, скорее и более точно, можно выявить и обозначить как своеобразный настрой, подстроенность, не подстраивание, на определенный лад, предполагающие то, что определяется как чувство комфорта либо дискомфорта, удовольствия, слаженности, в конечном счете, климата и атмосферы.

Место входит в психологическую структуру субъекта (точнее было бы говорить о сенситивной и эмотивной сфере субъекта), с одной стороны, и, с другой, включает, вбирает ее в себя. Языковыми отображениями подобного впечатления

могут быть фразы типа *Я как в раю побывал. Как после бани себя почувствовал (ощутил). Как искупался в море. Омылся чистой и свежей водой. Как с юга вернулся.* И прямо противоположные – *Как холодной водой окатили. Как помоями облили. Как в хлеву оказался. Как в мусорнике проночевал. Сижусь тут вот в четырёх стенах.* Выражения типа *У вас тут как на вокзале.* (и, с другой стороны, *Живем как на вокзале. Дома чувствую себя как на вокзале.*) *Чувствую себя как в тюрьме. Дом у них как сарай. Не квартира, а проходной двор. Как у тети на именинах.*, которые лишь отчасти связаны с тем, о чем речь, а точнее, никак не связаны, поскольку затрагивают мысль об обстоятельствах, типично воспринимаемых применительно к месту, типично сопровождающих его, а не с тем ощущением, чувством, переживанием его, этого места, в этот данный момент, которые должны это все подключать. Переживание это более точно, и следовало бы, определять как пространственно-перцептивное подключение, контагиозно-аффилиативное (сближающее) вхождение и пребывание в месте.

Интересно и не случайно в этом смысле и отношении то, что лат. глагол *commoror*, *commoratus sum* и производное от него существительное *commoratio*, обозначающее пребывание, в своем первом и основном значении связываются с идеей задержки, замедленности, медлительности, промедления и останавливания: *commoror* 1) пробыть, остаться, задержаться, промедлить; 2) останавливаться; 3) *реже* задерживать, замедлять; *commoratio* 1) медлительность, замедление, пребывание. Для того, чтобы пережить момент пребывания где-то, почувствовать на себе эффект его действия, необходимо приостановиться, промедлить, войти и остаться на время где-то, в каком-либо месте, пропитавшись его, от него исходящим, воздействующим на пребывающего впечатлением. Корневым по отношению к *commoror* будет лат. *moror*, *moratus sum* [*mora*] 1) медлить, тянуть, затягивать; 2) замешкаться, заставлять себя ждать; задерживаться, оставаться; 3) задерживать, замедлять, тормозить, препятствовать, мешать; 4) удерживать; 5) занимать, забавлять, радовать, очаровывать. И, соответственно, *mora* 1) замедление, промедление, задержка; 2) *воен.* привал, днёвка; 3) остановка, пауза; 4) промежуток времени, время: *mora* с течением времени, постепенно; 5) препятствие, преграда, помеха. Пребывание связывается, тем самым, с необходимостью вчувствования, предполагающего задержку, остановку, медленность, торможение, связываемые далее с промежутком времени, течением, ходом времени, постепенностью и поступательностью, а также, в переживании, с тем, что можно воспринимать как препятствие, преграду и, в конечном итоге, помеху. Помеху, препятствие и преграду тому "поток", который можно интерпретировать как дви-

жение «я» субъекта в переживании и проживании им своей жизни и бытия. Пространственность пребывания приостанавливает на какое-то время этот "поток", создавая ему "преграду" в месте его нахождения в данный момент и давая возможность прожить, пережить и прочувствовать окружение, обстоятельства и позицию данного места как его атмосферу и его самого. Приблизительно так можно было бы объяснить то, о чем идет речь в связи с определяемым нами переживанием.

Возвращаясь к тому, о чем говорилось применительно к снимаемому 'зоопарку' и его разбираемому толкованию, «изменение естественного положения вещей, создание искусственного рая на земле», соотносимые с чувством «сдавливаемого кольца, ощущением ограничения поля деятельности», следующего из «давления правил и норм» как излишней, повышенной упорядоченности, которая, с одной стороны, дает вроде бы ощущение защищенности и безопасности, а с другой, отсутствия позитивных стимулов в виде чувств, – не говоря о входящих в подобное представление значениях, можно ли это все относить и воспринимать как описанное перед этим пространственно подключающее переживание?

Иными словами, тот 'зоопарк', который снится и выступает как положение (*situs*) в сновидении и во сне, интерпретируясь описанным образом, является ли пространством, "местом", данного переживания как состояния или, скорее, знаком чего-то другого, а не включением «я» в него и к нему подключением? Скорее, это второе, и тогда и поэтому так интерпретируемый 'зоопарк' свою "пространственность" в сновидении отображает как проигрываемое, экранизируемое место искаженного правилами и регуляциями природного естества, в человеке и для него. 'Зоопарк' фигурирует, следовательно, не как место, в котором «я», находясь, переживает свою сопричастность и сонастроенность данному месту, а как экран, на котором отображается, находит свое выражение что-то совсем другое, обобщающее и переводящее мысли и знания о зоопарке в нечто, что может субъекту служить подсказкой его беспокоящих внутренне и не всегда (либо плохо и недостаточно) осознаваемых состояний. 'Зоопарк' при таком объяснении выступает не как *комморатив* (если воспользоваться представленными перед этим латинскими определениями), не как комморатив-локатив (либо, возможно также, инкорпоратив), а как *локатив-форматив*, позволяющий в видимой и допустимо наглядной форме отобразить все то, что стоит за нею (относительно изменения естественного положения вещей, сдавливаемого кольца, регуляций и пр.).

Сновиденческий локатив как форма реализации проецируемых представлений

В дополнение к сказанному следовало бы добавить, что, если рассмотренный перед этим как имагинативный образ 'зверинец' концентрировался на представлении и отображении через себя 'диких зверей', всего того, что с ними в сновиденческих толкованиях, так или иначе, связано, то 'зоопарк' в объяснении М. Кжижостаняк, т.е. также как имагинативный образ, обращается внутренне к представлению в нем не зверей, скорее не столько зверей, а через них естества и природы, регулируемых искусственным, упорядочивающим (расставляющим по местам и по клеткам), организующим действием человека. 'Зоопарк' предстает в этом случае как проекция, форма реализации данного действия.

А. Баумгартен⁵¹ толкует интересующий нас образ в таком отношении:

зоо символизирует сферу влечений, причем для более точного восприятия символа необходимо интерпретировать находящиеся в зоо животных (см. в соответствующих словарных статьях). Обобщенно это призыв к тому, чтобы мы более управляли своими влечениями и инстинктами либо наоборот – чтобы мы их так сильно не подавляли.

В подобной интерпретации 'зоопарк' представляет собой вариацию на тему 'зверинца'. Отсылочные статьи должны объяснять значения тех или иных влечений, которые следует регулировать (управлять ими) либо, наоборот, дать им бóльшую волю. Это последнее вводит с собой представление о зверях, посаженных в клетках, – аспект, который рассматривается как недостающий либо, напротив, избыточный. 'Зоопарк' становится местом, дающим возможность подобное отобразить. Тем самым, и в этом случае он выступает как локатив-форматив, экран и одновременно проектор, позволяющий видеть, им отражаемое и с ним привносимое, а между представленным перед всем этим 'зверинцем' и так понимаемым 'зоопарком' сколько-нибудь существенное отличие было бы трудно увидеть. Снится ли спящему зоопарк или зверинец, оказывается, с точки зрения передаваемого в каждом из этих случаев смысла, в общем-то безразлично. Закономерным и объяснимым в этой связи можно считать ту особенность, о которой уже говорилось, что в словарях сновидений содержится либо та, либо другая статья: если есть 'зверинец', то нет 'зоопарка' и наоборот. Поскольку нас интересует пространственный, точнее пространственно-позиционный аспект, проявляющий себя в том, что было определено как положение (*situs*) отображаемого сновиде-

⁵¹ Andreas Baumgarten: Wielki sennik..., s. 607.

нием состояния, обнаруживающего себя в состоянии сна (тавтология, к сожалению, здесь неизбежна), без определения, добавим к этому, состояния одного и другого, – постольку на эти отличия, как пространственно-позиционные отображения и впечатления, внимание следует обращать. 'Зверинец' и 'зоопарк' при таком подходе и понимании не одно и то же, а если как знаки, практически полностью совпадающие при толковании, они предстают, то как знаки их можно и следует воспринимать в виде образов не пространственно-позиционных, т.е. в себя погружающих, а сигнализирующих (*situs 'ov*) положений. Одно другое при этом вовсе не исключает, говорить только следует о разных аспектах все тех же не расподобляемых имагинативных образов. В первом случае образ переживается «я», «я» находится в нем, воспринимая либо не воспринимая несомую им (может быть) информацию, во втором – «я» задумывается (при интерпретации и обращении к образу после сна) над несомой им информацией, ищет ее для себя, возможно, интуитивно чувствуя, переживая и проживая ее, но как значение, а не нахождение в нем, внутри. Не как собственно переживание: переживая образ как мысль и идею, а не ошущаемое на себе и в себе положение и состояние. Мысль и идея, значение положения могут быть общими и совпадать, тем самым, как получается из рассуждений, у 'зверинца' и 'зоопарка', но не само положение того и другого и проживаемое, переживаемое видящим сон нахождение в том и другом. Переживаются в сновидении 'зверинец' и 'зоопарк' не равно и не одинаково, что следует из различий их конфигуративов (различность пространственной организованности), а с этим их сенситивов и эмотивов (ощущений и эмоционально заряженных представлений о них).

Р.Э. Гилей, в свою очередь, в своем «Соннике»⁵² в отношении 'зоопарка' предлагает следующее (что мало чем отличается, необходимо добавить, от того, что ранее было уже представлено):

Зоо

Связанная либо сдавливаемая звериная природа, звериные страстные желания либо инстинкты.

Другое значение: хаос.

И в этом случае 'зоопарк' предстает не как место, а как форма заключения, связывания, содержания в клетках, не на свободе, лишения воли, но на этот раз не природы и естества, не столько природы и естества, сколько того, что связано с ее проявлением в необузданной дикости, с выходом из-под контроля и не держа-

⁵² Rosemary Ellen Guiley: *Srnnik...*, s. 330.

нием себя в руках, неумением либо нежеланием себя в них держать. Крайней степенью подобного отпущения с выходом на свободу и из клеток "распущенности" становится представление о хаосе, с его не столько как таковой деструктивностью, сколько неупорядоченностью, неоформленностью, отсутствием правил, структуры, формы, организации и регуляций. Образ, тем самым, связывается у данного автора с расподоблением, распадом, уничтожением в человеке того, что делает его социализированным, или общественным, существом, обращая его к архетипу в нем дремлющего дикаря, но не в смысле первобытной общинности, а в зверином своем объявлении. Речь, тем самым, необходимо вести о бестиарном начале, видевшемся и проявлявшем себя при толковании все того же 'зверинца'.

Л. Тангай⁵³, разрабатывая ту же самую тему, но как бы с обратной ее стороны, в своем толковании обращает внимание на неумение находить равновесие, неумение направлять, управлять, контролировать, не вмешиваясь, не искажая, т.е. фактически не контролируя, естественную, природную в себе составляющую, способную дать человеку многое, а при таком "вредоносном" контроле теряющую заложенную в ней способность давать. 'Зоопарк', в связи с этим со всем, приближаясь опять же к 'зверинцу', не давая возможность то и другое разграничивать и различать, и в этом случае, при таком объяснении, выступает формой, не местом:

ЗОО: Символизирует отсутствие возможности развития собственных инстинктов, вредоносный контроль над порывами, импульсами в психике, вызванный отсутствием зрелости, инфантилизмом.

См. ЖИВОТНЫЕ.

Своеобразным в ее интерпретации становится поворот к отсутствию зрелости и инфантилизму. Способность разумно контролировать и управлять, допуская к проявлению в себе здоровых порывов, импульсов и инстинктов, связываясь в ее представлении с зоопарком, наводит на мысль и, как следствие, ставит вопрос об отношении к этому 'зоопарку' как образа и как связываемого с ним как с образом соответствующего представления, понимания и восприятия зоопарка. То есть того, что в нем как в образе возникает и формируется на основе его эмотива. Берется ли это от неприродности, скажем так, нарушенной искусственным контролирующим вмешательством естества в зоопарке, и отсюда, как следствие неумения, появляется отсутствие зрелости и инфантилизм? Или, что, может быть, также не исключено, инфантилизм возникает из детскости приходящего в

⁵³ Lucille Tanguay: Wielki sennik..., s. 709.

зоопарк любопытствующего? Поскольку, с одной стороны, детей, в первую очередь, водят смотреть в зоопарке зверей, чтобы с ними знакомить, в то время как с другой, во взрослом при контакте с животными в зоопарке (потому как где же в таком разнообразии и количестве еще?) пробуждается его в нем "ребенок". И потому еще, в добавление к этому, что звери, животные, будучи «братьями нашими меньшими», напоминают взрослому человеку своим поведением и проявлениями детей, всем тем, что общественными, социализированными, людьми, если когда-то где-то в чем-то и было, и иногда бывает и есть, то в целом в обыденной повседневности и регулируемой рутине себя не обнаруживает, выглядя как забытое и утраченное.

Каким бы образом ни разрешать поставленный в предыдущем абзаце вопрос в отношении детскости и недетскости, инфантилизма и отсутствия зрелости, связь с 'зоопарком' как имагинативным толкуемым образом следует видеть и находить в его, как имагинативного образа, эмотиве. Это первое. И второе, поскольку отсутствие зрелости и инфантилизм связываются у Л. Тангай с тем, что она определяет как «вредоносный контроль», исходя из мысли, заложенной ею в подобное представление, следовало бы сказать (не исключая всего перечисленного и остального), что этот мотив, скорее, имеет смысл интерпретировать (у нее) с сажанием по клеткам и расставлением по местам в зоопарке того, что является собой живая в животных природа. То есть и в данном случае приходится говорить о его формате. Пространственный аспект зоопарка (если это можно так определять) объявляет себя как форма, организующая то, что находится в нем, не как место такого, а не другого какого-то переживания, точнее как место, и как такое место, но вследствие его организующей формы на этот, а не другой какой-нибудь вид и лад. В этом особенность локатива как *форматива*, а не как *инкорпоратива* (*комморатива*), включающего, вводящего и вбирающего в себя, пропитывающего и насыщающего собой.

Е.П. Цветков⁵⁴, в свою очередь, зоопарк объясняет через его отношение к зверям:

ЗВЕРИ – в зоопарке – волнения; дикие – враги; отчетливо видеть – несчастный случай; убежали из клеток – неприятность в семье; преследуют – дурная слава.

Интересующий нас пространственный аспект 'зоопарка' при таком толковании не задействуется. Положение диких животных, помещаемых в клетках,

⁵⁴ Е.П. Цветков: В царстве сна и смерти..., с. 50.

определяется, с одной стороны, с позиции нарушенного спокойствия («волнения»), хотя трудно было бы воспринимать это, как в предыдущих случаях, применительно к искусственной, исходящей от человека, регуляции природного естества, а с другой, как традиционно представляемые и упоминавшиеся нами ранее дикость, звериность в аспекте врагов, неприяательства, несчастий, препятствий и пр. Волнения и неприятность в семье («звери в зоопарке» и «убежали из клеток»), исходя из того, что ближе к рассматриваемому нами предмету, имеет смысл воспринимать, в обоих случаях, как то, с чем лучше не иметь дело. То есть лучше, когда ни в каком своем виде и отношении 'зоопарк' не приходит во сне. Поскольку при упорядоченном и привычном для него положении, когда звери сидят по клеткам, он выявляет нарушенность эмоционального равновесия спящего (происходящее, по-видимому, от беспокойства замкнутых, лишенных свободы зверей), а в ситуации напряжения, опасности и беспорядка, когда они убежали из клеток, обнаруживая связь со своим родовым, начинает обозначать распространение, расширение признаков 'дикого' на других, тех, кто близок (неприятность в семье). Замкнутая или себя освободившая 'дикость' звериного в равной мере оказывается в имажинативе знаком не позитивным, не сулящим ничего хорошего.

'Зоопарк' в разбираемом случае также не проявляет себя как место включающего в себя переживания (комморатив) по отношению к спящему, но как форма (форматив) соответствующего значения, обнаруживающего себя в имажинативном образе. От самого зоопарка, реально как объект существующего, остается лишь то, что в нем находятся звери, и что звери эти не на свободе, а в клетках, что с таким же успехом и равно может быть отнесено и к зверинцу, и к цирку, и к любому месту, где звери находятся в таком положении. Зоопарк, тем самым, при таком понимании, можно воспринимать как своеобразное обобщение 'несвободы зверя в каком-то неопределенном числе'. Иными словами, признаками объекта-имагинатива, о котором речь, были бы 1) то, что 'звери'; 2) то, что 'каким-то числом'; 3) то, что 'замкнуты', не на свободе, по клеткам. Пространственного аспекта, как уже отмечалось в начале абзаца, при таком понимании в отношении 'зоопарка' как такового нет.

'Зоопарк' как граничное место контактного переживания и пребывания в нем

Неожиданно выбивающимся из общего ряда описанных представлений выглядит толкование, предлагаемое М. Купаль⁵⁵:

⁵⁵ Marie Coupal: Sennik..., s. 472.

300 Видеть: сообщение о том, что хорошо было бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку мы можем многому от них научиться. Они говорят нам, какой способ поведения следует оставить, а к какому стремиться.

В этом случае зоопарк предстает как место, допускающее возможность более или менее близкого контакта с животными и наблюдения за ними. Собственно говоря, это тот аспект, который непосредственно связан с его назначением. Спящему в его состоянии, актуальному к положению во сне, не достает "животной" естественности проявлений. Зоопарк фигурирует в данном случае как место, сохраняющее, за счет животных, находящихся там, заложенную в нем идею своеобразного образца, эталона природной, не искаженной искусственными и социальными наслоениями, натуральности. Не важно то, что звери в нем не на свободе, что они по клеткам, что расставлены по каким-то рядам, упорядочены и размещены в соответствии с видами «хищные», «травоядные», «человекоподобные», «птицы», «рыбы» и пр., что зоопарк занимает какую-то площадь, что в нем есть аллеи, могут быть развлекательные программы, что он где-то находится, что за вход надо платить и возможность пребывания в нем предполагает время открытия и закрытия и т.п. Все эти свойства и признаки не задействуются. Видеть зоо для М. Купаль означает одну лишь возможность контакта с теми, кто привычно находится там и кто нигде в другом каком-либо месте, также доступном, как правило, не находится. Тем самым, из тех трех признаков, перечисленных в предыдущем описанном толковании, в разбираемом случае можно говорить об одном: зоопарк – это 1) 'звери', доступные для контакта и восприятия, и это был бы признак 2) 'демонстрируемые', т.е. предоставляемые к наблюдению. Вполне понятно, что при таком понимании также трудно было бы говорить о пространственности как переживании (переживается не пребывание в месте, которое 'зоопарк', а возможный контакт с животными, предоставляемый зоопарком как предназначенным к этому месту, что не одно и то же).

'Зоопарк', тем самым, и здесь фигурирует как локатив-форматив (не инкорпоратив и не комморатив). Равно как и трудно было бы говорить о специфичности так понимаемого 'зоопарка', отличающей его в его собственных признаках от чего-то другого подобного, зверинца, как уже ранее отмечалось, цирка либо чего-то еще, что может отдельного обозначения не иметь, но каким-то образом подразумеваться, представляя собой коллекцию, сбор, собрание животных или зверей. Развивая мысль о доступности взаимодействующего и обучающего контакта с животными, подобным местом можно считать (поскольку нет слова о

клетках) и заповедник, и национальный парк, где животные на свободе, и сафари, и ранчо, и ферму, и деревенское хозяйство, и хлев, и пастбище, т.е. все то, где можно встретить животных, их наблюдать, контактировать с ними. Тот признак, который был выведен нами как второй ('демонстрируемость') может быть интерпретирован в отношении доступности взаимодействия и восприятия и, тем самым, расширен.

В связи с этим всем, 'зоопарк' в этом случае также можно интерпретировать как пространственное по своему характеру обобщение, но не 'несвободы зверя в каком-то неопределенном числе', как в предыдущем примере, а его 'доступности для контакта и наблюдения в облагораживающе-поучающих целях для человека'. Расширяя это понятие и представление, о 'зоопарке' можно было бы говорить как о граничном месте (наиболее обобщенном по сравнению с другими подобными), предполагающем возможность контакта и связи человеческого (в социально-психологическом, в первую очередь, смысле) с животным, с тем, что в животных и сохраняется ими в своем не испорченном естестве.

Семантика переносов в их отношении к способности имагинативного расширения

Возвращаясь к мысли об отражении разбираемой семантики в языке, с тем чтобы увидеть связи и соотношения этой семантики с представлениями ее и не только ее в разбираемых имагинативных образах, обратимся теперь к переносным значениям *зоопарка*, поскольку его прямое значение, равно как и переносные значения у *зверинца*, были уже рассмотрены. Первое, на что следовало бы обратить внимание в указанном отношении, это на то, что переносных значений для *зоопарка* в толковых словарях русского языка мы не находим. Так же, впрочем, как и в отношении *зверинца*. Тем самым, следует говорить не о значениях (лексико-семантических вариантах) у данного слова как слова, а о возможных словоупотреблениях, которые, как представляется, следовало бы относить к узualным, общеизвестным и довольно устойчивым, характерным для разговорной речи, или, как в последнее время, исследователи данного языкового явления предлагают это определять, разговорного языка⁵⁶. Проявляется эта семантика, как бы ее по-научному ни определять, в выражениях и фразах типа *Устроили тут зоопарк. Ну идите уже, не стойте, вам тут не зоопарк. Смотрю на всю*

⁵⁶ См. работы Е.А. Земской по данным проблемам (поскольку это не предмет нашего рассуждения, не будем их по названиям перечислять).

эту публику как на зоопарк. И в зоопарке не надо быть, тут такое можно увидеть! Нет, ну просто зоопарк какой-то! Зоопарк (цирк), да и только!

Речь, тем самым, идет об аспекте, связываемом с демонстративностью. Ближе всего это было бы к представлению некоей группы людей, вызывающих своим видом, а чаще всего поведением, странное впечатление, связываемое с неадекватностью, чудачествами, диковатостью, экстравагантностью, необычностью, несоответствием общепринятому или ожидаемому, возможно, нелепостью, несообразностью и комизмом. В.В. Химик в своем словаре⁵⁷ приводит и объясняет не вполне то же самое, но разговорное также, значение следующим образом (сопровождая его примерами из современной прозы экспрессивно вульгарного свойства, а в качестве близких по значению давая *цирк* и *балаган*):

***ЗООПÁРК**, а, м. *Насмешл. неодобр. разг.* О нелепом, смешном, странном внешнем виде или поведении людей. *Настоящий з.*

Небезынтересно и показательно, что слова *зверинец* в таком же разговорно-переносном употреблении данный словарь не содержит, что может отчасти быть объяснено устарелостью, а отчасти, возможно, меньшей употребительностью, не нашедшей своего воплощения в отбывавшихся при его составлении источниках.

Зоопарк в интересующем нас переносном значении имеется в «Словаре современного русского города»⁵⁸, включающего, по определению его авторов, «все лексические пласты, которые образуют разговорную речь современного крупного русского города: разговорную литературную лексику, городское просторечие, жаргоны, табуированную (ненормативную) лексику, а также диалектизмы, бытующие в городских условиях»:

ЗООПÁРК, -а. – *сущ. sing. tantum 2 скл. муж. р. неодуш. – ирон. – молод. – СМА.* – Беспорядок. – *см. аврál.* – [*ну-и заапарк у-нас сиводья дóма; давай-ка убирёмся*]1996.

Слова *зверинец* при этом также нет в этом словаре. В связи с чем можно было бы не без основания предполагать, что 'зоопарк' вытесняет 'зверинец' из языкового сознания современных носителей. Будучи близкими, эти понятия замещают одно другое, а поскольку с зоопарком в условиях города, так или иначе,

⁵⁷ В.В. Химик: Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. Санкт-Петербург, 2004. Знаком * перед объясняемым словом автор отмечает «слово в переносном значении (сниженные и экспрессивные значения нейтральной нормативной единицы)».

⁵⁸ Словарь современного русского города. Под ред. Б.И. Осипова. Москва, 2003. Аббревиатура *СМА.* при дефиниции означает, что данное слово в описываемом значении зафиксирована в «Словаре московского арго» В.С. Елистратова (Москва, 1994).

приходится иметь дело намного чаще, чем со зверинцем, лишь время от времени могущего туда и сюда наезжать, то и отходит этот самый 'зверинец' на задний план, имея к тому же и по словарям, как было замечено ранее, не вполне объяснимое представление, то ли как историзм, то ли как не историзм, но без толкового обоснования и объяснения того и другого. И хотя вроде бы с точки зрения своей мотивационной прозрачности и выразительности как средство возможной оценки *зверинец* мог бы конкурировать с *зоопарком*, регулярность и актуальность последнего, соотносясь к тому же дополнительно с очень активным в оценочном отношении *цирком*, образуя с ним прочную пару «цирк – зоопарк», куда постоянно водят детей как в места, где находятся звери, где можно их показать, все это, вместе срабатывая, делает представление о зоопарке неколебимым.

Говоря о ментально-языковых наслоениях и характеристиках анализируемого пространственного объекта, точнее концептуально-оценочного и смыслового представления о нем, показательным видится его расширение с выходом в сферу не только разговорного языка с его экспрессивностью, что нашло свое отражение в словаре В.В. Химика и что вряд ли можно считать явлением последнего времени, но и в жаргоны и сленг. Не будем вдаваться в особенности всех этих процессов, связанных с эволюцией языка, предполагающего на современном этапе своего развития переживаемые им явления широко понимаемой сленгизации и жаргонизации, поскольку все это далеко от предмета нашего интереса, обратимся только к одной его стороне. Той, которую можно отметить и наблюдать на примере рассматриваемого здесь 'зоопарка', и как слова, и как устойчиво сопровождающего представления о нем как объекте, элементе пространства современного города. С тем чтобы, выявив связанную с ним ментально-оценочную тенденцию, которая может далее находить свое не прямое, но отраженное воплощение в имажинативных, к тому же по-разному объясняемых, образах сновидений.

Оттолкнемся, однако, от разговорной сферы, поскольку, будучи общеупотребительной и широко известной, не ограниченной в своих проявлениях и отношениях к носителям своего языка, она вместе с тем дает представление о свободном, скажем так, заряженно экспрессивном, эмоциональном, оценочном и характеризующем употреблении вербализуемых средств языка. Обращаясь этим своим проявлением и такими своими особенностями к тому, фактически, как и что мыслят, как воспринимают мир, как оценивают его говорящие, не будучи скованы строгими литературными нормами, с одной стороны, а с другой, и при этом же, видя и чувствуя в языке не только средство взаимодействия с нацио-

нально-культурной традицией, не только средство для оформления мыслей и передачи их собеседнику, но и то, средство, которое позволяет свое субъективное отношение к тому, о чем говорится, передавать. И оформлять это, и воспринимать от других как то, что дает возможность увидеть, почувствовать, выработать систему понятий и представлений о происходящем и окружающем, выкладывая это в виде определенных оценочно-концептуальных ориентиров, общих во многом, если не совпадающих с теми, которые вырабатываются и складываются таким же образом и других.

Коммуникативно-информационный обмен, о чем не следует забывать, обеспечиваемый средствами языка, лишь исходно и в самом общем, не прорисованном, виде осуществляется средствами того языка, который привычно определять словами общий, общеупотребительный, национальный и литературный. Далее, переставая быть только тем обменом, о котором следует говорить как о коммуникативно-информационном, этот обмен становится в очень значительной степени, средством адаптации к окружению, средством вписывания себя в окружающий свой близкий мир. Обмен этот, через коммуникативный обмен информацией, становится тут же обменом концептуально-оценочных ориентиров, т.е. обменом ориентирующих и ориентирующихся ментальных систем. Литературный язык, представляя собой достояние и достижение данного национального общества в его традиционно-культурной основе и исторической, в первую очередь, ретроспективе, плохо, с большим трудом поддается (если вообще способен) обработке, в своем изначальном узуально-словарном и растолкованном виде, сознанием не вполне образованного, мало начитанного и недостаточно ориентирующегося в вероятных, а потому и различных, системах ценностей современного человека. С тем чтобы на основе и вследствие такой обработки иметь возможность найти и выработать что-то свое. Такая задача становится для него не по силам, тем более когда почти что готовая разработка-решение имеется под рукой в виде отстоящих, только внешне похожих на не заряженный на современный лад литературный язык, внутренне часто противоположных ему, прежде всего и самое главное, оценочных и ориентирующих систем, находящихся свое вербальное отражение и выражение в жаргонах и сленге. Отчасти в этом можно было бы видеть их притягательность и широкую распространенность в современных условиях повседневного бытования языка, с его не только уже разговорностью, что понятно и объяснимо и было всегда, но и активным взаимодействием с языками широко понимаемого подстандарта. Взаимодействием не просеиваемым, не защищенным, открытым и, в принципе, дезориентирующим. Таким, которое в по-

исках ментально-оценочных и системоценностных ориентиров легко утрачивает ориентиры того, что важно, что объективно, что неизменно, не вырабатывая с этим также и ориентиры индивидуально-собственного и своего, обходясь, ограничиваясь тем, что содержится и что предлагает социолектно организованное и в себе для себя уже все это выработавшее языковое сознание.

Ментально-оценочное в представлении о 'зоопарке' и его возможное имагинативное отражение

Посмотрим теперь только с этих позиций и в таком повороте на то, чем является и как себя объявляет в ментально-оценочном представлении 'зоопарк', который далее может быть, а может не быть в этой части своей составляющим имагинативного образа, самостоятельного и полного, оборачиваемого и интерпретируемого, вариантного либо инвариантного, либо индивидуального и ситуативно-контекстного (аспекты, о которых речь не пойдет, но которые можно будет поверхностно и не основательно как-то затронуть).

Итак, *зоопарк*, как характеризующее и оценочное представление, поскольку «*О* нелепом, смешном, странном внешнем виде или поведении людей» (В.В. Химик), связывается, в первую очередь, будучи переносно-метафорическим употреблением, с *зоопарком* в прямом значении, которое определяется, согласно МАС, как «научно-просветительское учреждение, в котором содержатся и изучаются дикие и некоторые домашние животные», но которое, как уже ранее отмечалось, будучи энциклопедичным, мало подходит к тому представлению, которое существует в сознании говорящих, носителей современного русского языка. В связи с чем, прежде чем пойти далее, имеет смысл это прямое значение в соответствующем отношении, применительно к языковому (впрочем, не только) сознанию, несколько прояснить.

Порассуждаем на эту тему. Зоопарк – это место, в городе, обычно не в центре, занимающее определенную территорию, огороженное, открытое в течение дня, предполагающее плату за вход, где животные, в основном и в первую очередь, дикие и экзотические, содержатся в помещениях, а также в вольерах и клетках, доступные к обозрению посетителями. То есть это место, с точки зрения приходящей публики, развлекательное, доставляющее удовольствие от лицезрения и знакомства с животными, с которыми непосредственно и вживую человек, как правило, не имеет контакта, а потому вызывающее интерес, удовлетворяя, если не любознательность, то любопытство. Как место, предполагающее возможность такого контакта, оно имеет, в том числе, если не в первую очередь, по-

знавательно-обучающий и воспитательный смысл, а потому может служить хорошим средством такого, наглядно реализуемого к тому же, воздействия на детей, почему их туда часто водят.

Отражается ли все это сказанное в том представлении, которое сформировано в том, что «нелепо, смешно, странно во внешнем виде и поведении»? Применительно к животным нет или сомнительно и нерелевантно. Применительно к людям да, но через метафорический перенос с животного на человека. То есть речь идет о привычном использовании зоонимов, обозначений животных, для соответствующей характеристики человека, что находит свое регулярное отражение в языке. *Зоопарком* обозначается то, что имеет свое выражение в человеке, но не отдельном и собственном представителе, а применительно к группе людей. В определении в словаре В.В. Химика ничего не говорится о группе. «О нелепом, смешном странном внешнем виде или поведении людей» может выглядеть и пониматься как характеристика разных, равно как и отдельных, людей, не обязательно собранных вместе. В подобном определении нет представления о совокупном множестве, т.е. об определенном образом представляемой группе лиц. Нет его и оно никак не выводится из приводимых в словарной статье иллюстративных примеров, что позволяет считать, что словом этим в современном употреблении в разговорной речи (языке) определяется, может определяться, не только и даже не столько группа каким-то образом представляемых и характеризующихся лиц, сколько в том числе и отдельные представители.

Приведем для ясности тот иллюстративный материал, который дается в его словарной статье, одновременно ограничившись этим. Поскольку если имеются и такое определение, и к нему иллюстрации, выводимый из *зоопарка* прямого значения признак "соборности", т.е. совокупной множественности собранных в одном месте животных-людей, людей как животных, ведущих себя как животные и похожих в чем-то на них, не является признаком обязательным:

Главный зашел попрощаться. Вован напрягся... Но дедушка сказал только: «Вам, молодой человек, потом будет стыдно» – и почапал себе пешим строем. Чистый зоопарк, блин. Б. Акунин. Сказки для идиотов. В витрине за стеклом улыбается потасканная тучная негритянка. Жир свисает с нее складками, она ковыряет в ухе. – Обрати внимание на этот зоопарк, – говорит Гера. ... В. Печерский. Немецкий омнибус.

В первом примере контекст не подсказывает, относится ли используемая оценочная негативно заряженная, неодобрительно-пренебрежительная характеристика к почапавшему себе пешим строем дедушке или к чему-то, кому-то дру-

гому. Если к нему, то указанную в определении нелепость и смешной странный вид можно относить к его старческим и, возможно, чудаковатым, связанным с возрастом, проявлениям. Человек в слегка из ума выжившем возрастном состоянии начинает вести себя как уже не вполне человек, как животное из зоопарка, "сбежавшее" из зоопарка (человек-зоопарк, ходячий, "чапающий себе по-своему" зоопарк; ср. несколько сходную в метафорическом отношении модель оценочно-го определения *артист (артистка) из погорелого театра* и сюда же *ходячий театр (комедии), передвижной цирк (да и только), кино (просто кино, с ним и в кино не надо ходить)* и т.п. – об одном человеке). Второй пример, в свою очередь, не оставляет сомнений. Словом *зоопарк* характеризуется неприятно отгалицивающий внешний вид и манера поведения, свидетельствующая о недостатке культуры, но в отношении одного таким образом негативно оцениваемого лица. Из чего прямо следует вывод, что ожидаемого обозначения группы, собрания, сборища странных своим поведением и внешним видом лиц в отношении приво-димых употреблений не наблюдается.

Зоопарком, следовательно, может быть названо в разговорной речи (современном разговорном языке) лицо, вызывающее впечатление о зоопарке, ведущее и/или выглядящее так, как животные (либо животное, но без уточнения, какое) в зоопарке – в клетке, в вольере, выставляемое напоказ, проявляя в своем поведении, манере держаться, манере ходить, в одежде, во внешнем виде, в комплекции, физиономии и т.п. "животное" свойство и сходство. Одно дело, скажем, о таком человеке, к примеру, сказать *обезьяна (в клетке), обезьяна из зоопарка*, а также *мартышка, макака, павиан, горилла* или какой-нибудь *крокодил, тапир, бегемот*. И другое дело совсем – *зоопарк, чистый, настоящий, этот, просто, истинный*. В первом случае, без различий и уточнений, обособление и не обобщенность, конкретизация, не предполагают и не содержат признака зрительности, демонстрирования, указания, дейктичной выставленности напоказ, доступности обозрению и всеобщему осмеянию, всех тех, кто присутствует как пришедшая публика, собравшаяся, чтобы увидеть и, любопытствуя, наблюдать. Признака, скажем так, 'публичной присутствующей зрительности' в отношении характеризуемого словом объекта. Характеризующий, оценивающий акцент падает на отдельность нелепым образом себя проявляющего субъекта-лица, как экземпляра, т.е. на его эту самую 'экземплярность', имея в мысли «смотри, что за уникам». Во втором случае, при назывании его *зоопарком*, его эта самая уникальность не то, что снимается, но приобретает публичный, доступный всеобщему

обозрению и осмеянию, а потому, скорее и более, обобщенно, а не индивидуально характеризующий оттенок и призвук.

Тем самым, модель вероятного переноса с прямого значения будет строиться на основе уподобления внешнего вида и поведения человека внешнему виду и поведению животного в зоопарке, а поскольку там, то доступного для обозрения и оценки со стороны любого присутствующего и не только присутствующего лица, как потенциального посетителя этого самого им представляемого собой "зоопарка". «Человек = животное в зоопарке = зоопарк», тем самым, проявляет себя в объединяемых в единое целое признаках 'внешне объявляющая себя нелепость, предоставляемая на всеобщее обозрение, являющаяся объектом публичной оценочной характеристики'.

Подобное представление, в принципе, мало укладывается в привычную в подобных случаях метонимизацию, которая строилась бы на основании животное в зоопарке как представитель всего зоопарка, одно как обобщенное наименование целого, типа хрестоматийного пушкинского из «Полтавы» *Швед, русский колет рубит, режет*. В представленном переносе видится что-то другое, какой-то иной ментально-логический механизм, появившийся, может не появившийся, но развившийся и ставший довольно активным в последнее время. *Зоопарком*, и это важно для разбираемого случая, называется человек, который, напоминая животное в зоопарке, ассоциируясь с ним, является не представителем этого самого зоопарка в своем "животном" (при этом это не животное начало в нем, но он сам такое животное), но 'зоопарком' в себе самом. Он представляет собой зоопарк, является зоопарком, потому что так себя проявляет, так выглядит и так себя при этом ведет. На него можно смотреть как на зоопарк и видеть в нем зоопарк, поскольку, видя его, мы присутствуем в зоопарке. Не будучи метонимией, такой манипулятивно-логический, обрабатывающий прием можно определять как ассоциативное сжатие, семантическое сгущение, ведущее к опущению, пропуску возможных логических опосредующих. Это своего рода логический по своему характеру перескок: «вижу человека, похожего на животное в зоопарке, – просто умора, ну зоопарк!»

Отмеченный механизм смыслового сгущения, или сжатия, предполагающего такое отбрасывание необходимых признаков, которое свидетельствует о пренебрежении ими (трудно в этом случае говорить о нейтрализации и опущении, при которых признаки, замечаясь и воспринимаясь, намеренно опускаются, здесь же они, не отражаясь, не видятся), подобный механизм, характеризуя особенности современного речевого употребления, сниженного и экспрессивного,

позволяет говорить о компрессии как способе образования, появления нового на основе прежних, имеющихся единиц и ресурсов⁵⁹. Если сравнить представление о *зверинце*, в его переносном значении определявшемся в ТСУ (1935), при котором на первом месте стояло в такой дефиниции слово *сборище* людей, потерявших подобие и т.д., то очевидный сдвиг в сторону невосприятости данного признака в *зоопарке* современного разговорного экспрессивного значения становится несомненным. В разговорном языке (речи) второй половины XX века, как свидетельствуют приводившиеся перед этим примеры (*Устроили тут зоопарк. Смотрю на них как на зоопарк.*), утраченный позже семантический признак множественности, числа еще наблюдался.

Компрессия и экспрессивно-концептуальные ходы движения от прямого значения к переносным

О компрессии, видимо, следует говорить, но, возможно, другого типа и, возможно, не только о ней, исходя из того материала, который содержит уже не столько разговорный, в какой-то мере все еще литературный, язык, сколько также общеупотребительный (более или менее) и разговорный, но не вполне или вовсе не литературный язык, получивший распространение в языке последних нескольких десятилетий и определяющийся то как *городское арго* (по предложению и с теоретическим обоснованием В.С. Елистратова⁶⁰), то, что было бы, может быть, более верным, как *сленг*. Не будем входить в теоретические и практические аспекты данного языка и его определения, поскольку это не связано с нашей задачей. Рассмотрим то, что для него характерно, с одной только интересующей нас стороны – способа восприятия и представления (концептуального включения, скажем так, и обработки), на примере определяемого *зоопарка*, объектов реальной действительности с целью использования их при назывании чего-то, помимо них, но на их основе, другого. То есть с позиций семантической деривации и, не обязательно и не только метафорического, переноса, продолжая, тем самым, развитие и углубление темы сохранения, претворения, передачи и/или утраты семантических признаков прямого и первого к значениям дальнейшим, или последующим. Намеченная тенденция, выражающая себя в переносных

⁵⁹ Нечто подобное отмечается исследователями в словообразовании. Способы подобного рода определяются как междусловное наложение, телескопия, чересступенчатость и т.п. См., напр.: *Улханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. Москва, 1996, с. 52-53; Тимошенко Т.Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1975; *Валгина Н.С.* Актуальные процессы в современном русском языке. Москва, 2003, с. 144

⁶⁰ *Елистратов В.С.* Арго и культура // В.С. Елистратов: Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.). Москва, 2000, с. 574-692.

значениях лексемы *зверинец* (на месте которой можно представить также и *зоопарк*) разговорного языка первой половины XX века (материал ТСУ) – *зоопарк* такого же разговорного языка второй половины XX века (материал приведенных устойчивых выражений и фраз) – *зоопарк* экспрессивно-сниженного разговорного словоупотребления (материал словаря В.В. Химика), – эта тенденция получает далее свое продолжение в языке «современного русского города», который представлен в цитированном ранее словаре и, как арго, или сленг, в словаре В.С. Елистратова⁶¹. В этом последнем интересующая нас лексема и связанные с ней выражения толкуются следующим образом:

ЗООПАРК, -а, м. Шум, неразбериха, беспорядок, бардак.

Какие новости из зоопарка? – как дела?

Что нового в жизни зоопарка? – как дела? что нового?

Питомец зоопарка – глупый, тупой человек.

По сравнению с этим приводившееся ранее толкование в «Словаре современного русского города» (*зоопарк* ‘беспорядок’) выглядит как такое, которое из широкого спектра неопределенно множественных употреблений, что необходимо считать характерным для жаргонно-сленговых языков, определяемых нередко термином *социолекты*, выбирает, сужая, что-то одно, как общепринятое и определенное. Процесс, который отчасти можно воспринимать как "прояснение" лексического значения или в целом лексемной семантики. Воспринимать, но не объяснять, поскольку движение от социолекта, сленга или жаргона, к сниженно-разговорным сферам и формам общеупотребительной речи в этом не заключается. Это может быть равным образом выбор из нескольких вероятных лексических употреблений, и тогда это не прояснение: разговорный язык отбирает что-то одно, не замечая, не придавая значения, внешне "отбрасывая" все остальное. И это может быть прояснение, которое предполагает, что неопределенная, не вполне ясная, экспрессивно размытая семантика употреблений лексемы, предполагающая и допускающая как обозначение того, другого и третьего в разных контекстах и ситуациях, так и всего этого в каких-то случаях одновременно, в общеразговорном сниженно-экспрессивном, близком жаргонам и сленгу, речевом проявлении (о котором речь) будет что-то из этой одновременности воспринимать, нейтрализуя и погашая все остальное.

На конкретном примере *зоопарком* в сленге (городском арго в понимании В.С. Елистратова) называется нечто, поддающееся представлению о 'шум, нераз-

⁶¹ В.С. Елистратов: Словарь русского арго...

бериха, беспорядок, бардак', укладываемое в него. Теоретически как *зоопарк* может быть определено отдельно и шум, и неразбериха, и беспорядок, и какой-то бардак. Теоретически, поскольку в сленговом употреблении, как правило, все это выглядит, воспринимается и, соответственно, концептуально передается не расчлененно. Сленг, предполагая экспрессию, отношение, в ряде случаев не разграничивает в семантике, что именно и что конкретно, предполагаясь, имелось в виду. Собственно в этом и состоит его номинативная игровая особенность. «Словарь современного русского города», в свою очередь, объясняя все тот же сленговый по своему характеру и происхождению *зоопарк*, отмечает в его значении 'беспорядок', опуская все остальное, и приводимый пример о таком беспорядке в квартире (дома), предполагающем необходимость "убраться" может быть понят определенно и однозначно. Речь идет ни о чем другом, как о разбросанных по дому вещах, не прибранном мусоре, пыли и пр. Иными словами, это никак ни шум, ни неразбериха, а помимо беспорядка, разве что то, что может быть определено как *бардак*, который также неоднозначен и в одном из своих значений под подобное представление вполне подходит. Остановимся, однако, на этом в характеристике сленговых и околосленговых употреблений, поскольку нас все это интересует, как уже говорилось, лишь с одной стороны – концептуального механизма перехода от первого и прямого значения к возможным последующим.

Что остается от *зоопарка* в его прямом значении при таком переходе? Идет ли это движение как развитие прежде имевшегося в *зоопарке* разговорного языка второй половины XX века или же представляет самостоятельный, не связанный с этим значением, умственно-экспрессивный ход? Что будет первым – узкое представление о беспорядке (скажем, в квартире, но, видимо, не только в ней), и тогда какой это может быть беспорядок, который можно назвать *зоопарком*, поскольку, скорее всего, не всякий? Или неопределенно размытое, то ли одновременное, то ли все же раздельное, представление о том, что у В.С. Елистратова обозначено каким-то рядом, определяемым в виде 'шум, неразбериха, беспорядок, бардак'?

Несколько забегаая вперед, следовало бы сказать, что трудно, если возможно, более или менее однозначно ответить на эти вопросы, в силу, прежде всего, самих особенностей перебираемых, экспрессивных по своему характеру, не нормируемых и открыто-свободных, "гуляющих" в собственных словоупотреблениях языков, но и не в этом состояла бы наша задача. Вопросы эти были поставлены для того, чтобы обратить внимание не на то, что действительно есть и имеется в этих сленговых и околосленговых языках (тем более, что о том, что в них действительно есть и имеется вряд ли возможно судить, сам подобный вопрос

некорректен), а на то, каким может быть ход, движение номинативной "мысли", приводящей к тому либо другому в самой номинации разрешению. Иными словами, на то, какой вероятный комплекс внутренне ощущаемых, в конфигуративе, сенситиве и эмотиве воспринимаемого и умственно переживаемого "образа" (имагинатива отчасти и также) 'зоопарка' имеется, существует в сознании, который предполагает и разрешает себя в таком, а не каком-то другом значении.

К этому следовало бы добавить, что этот внутренний "образ" должен быть согласуемым с "образом" называемого – тем, что определяется как 'шум, неразбериха, беспорядок, бардак' (у Елистратова) или только как 'беспорядок' (в «Словаре современного русского города»). Чтó это может быть, какой такой 'шум, неразбериха, беспорядок, бардак' или один 'беспорядок', потому что все же, как представляется, не любой? 'Шум, неразбериха, беспорядок, бардак', отображаемые номинативно как *зоопарк* не любые и всякие шум, неразбериха, беспорядок, бардак, а такие, которые "образно" согласуются с существующим представлением о зоопарке (которое нас и будет интересовать).

Несколько забегаая еще раз вперед, а точнее, в сторону, следовало бы сказать, что толковые словари, а тем более те, которые касаются лексики ненормативной и экспрессивной, что вполне понятно и объяснимо, далеко не всегда способны достаточно ясно передавать тот смысл, который себя отражает в употреблении. Иными словами, читая словарную дефиницию, даже сопровождаемую иллюстративным материалом, не зная специально и хорошо, не всегда возможно решить для себя вопрос, когда и как уместно и хорошо использовать в речи, не промахнувшись, то или иное слово. Словари дают ответ на вопрос о том, что значит то или иное слово, точнее, что оно может в каком-то случае обозначать, а не о том, как и в каком контексте следует и возможно данное слово употребить. Кого и когда, обращаясь к примеру, можно, скажем, назвать *безобразником*, а кого и когда *сорванцом*, кого и когда *негодяем*, а кого и когда *мерзавцем*? Всегда ли это одно и то же, и только одну экспрессию неодобрения, неудовольствия и осуждения передает? Разумным ответом видится ответ негативный.

Не отвечая на эти вопросы, как уже было сказано, и не ставя перед собой задачи давать словарные дефиниции определяемого нами в рассматриваемом ключе в его переносных значениях *зоопарка*, обратимся к тому, каким может и должен быть представляемым, "видимым", для сознания и в сознании 'зоопарк', чтобы служить обозначением той самой неразберихи и беспорядка, и каких именно, если это возможно себе представить, из ряда других беспорядков и неразберих. Общее и возможное как наиболее принятое, распространенное и не

заряженное представление о зоопарке нами ранее было уже дано (Зоопарк – это место, в городе, обычно не в центре, занимающее определенную территорию, огороженное, открытое в течение дня ... и т.п.).

В указанном представлении практически ничего невозможно найти из того, что бы себя отразило в идее возможного беспорядка и неразберихи. Из чего следует необходимость его развития и уточнения, но уже не в концептуально-логическом, предметно-пространственном, ознакомительно-энциклопедическом и дефинирующем отношении, с характеризующим представлением типа и вида объекта, отличающим его от других, а перцептивном. С рецепторной позиции, скажем так, наблюдателя, с точки зрения того, что и как он видит и слышит (ему слышится-видится), воспринимая зоопарк как объект, обладающий собственными, отбираемыми его органами чувств, для него характерно-типичными свойствами. Зоопарк в этом смысле и отношении предстает как сигнализирующий, заявляющий о себе "раздражитель", соответствующим, "раздражающим", образом действующий на перцептивную сферу субъекта. И тогда зоопарк будет местом, где сидящие по своим клеткам звери (будучи собраны в это место и в нем по разным участкам размещены) "шумят", издавая громкие, резкие, непривычные многообразные звуки, определяемые как мычание, рык, ворчание, урчание, бурчание, мурчание, мяуканье, визг, вой, писк, хохот, клекот, гогот, порсканье, плесканье, теньканье, треньканье, лязганье, скрип, скрежет, шуршанье, шипение и т.д., и т.п. Всего очень много, по-разному воплощаемого и не поддающегося общему определению. При этом, если внутренне перейти от аудиального восприятия к визуальному (для сознания часто неразложимому), сопровождается все это и "наблюдается", ощущается, в виде метания в клетках, скакания, прыганья, беготни, лягания, царапания, шарахания, дерганья, маханий, драк и пр., что, также не поддаваясь единому представлению, воспринимается как неразбериха, а отсюда и беспорядок, а с этим, за этим бардак.

Восприятие объекта и возможное экспрессивное представление о нем как основа деривативной "образности"

Признаками обобщения данного перцептивного "образа" были бы, следовательно, а) собранная распределенность в едином пространственно организованном месте (звери по клеткам и в клетках, вольерах, по разным участкам, местам и рядам) б) большого неорганизованного, поскольку не однообразного, многообразного в видах и формах, числа в) представителей не человеческого, поскольку животного, а потому неуправляемого, дикого мира, не подчиняюще-

гося общественному порядку и не знакомого с необходимостью соблюдения норм г) в поведении, выражающем, обнаруживающем себя аудиально и визуально как раздражающий "шум" и не поддающиеся определению "неразбериха" и "беспорядок".

Зоопарком, следовательно, исходя из представленного, а потому скорее теоретически, при таком восприятии можно было бы называть такие 'шум, неразбериху и беспорядок-бардак', которые предполагают 'собранность в одном месте чего-то многообразного, раздражающе действующего избыточным своим проявлением (поведением, расположением и т.п.) на восприятие, прежде всего, если не в основном, на вид и/или на слух'.

Данное определение подходило бы и к представлению в «Словаре современного русского города» *зоопарка* как 'беспорядка', ограничиваясь визуальностатическим, скажем так, восприятием разбросанных по комнатам там и тут, не на местах своих, в неорганизованно-неупорядоченном, нормативно нарушенном своей "дикостью" и "бескультуры" предметов, нечистых и пыльных предметов, полупредметов, негодных предметов (определяемых терминами *мусор* и *хлам*).

Как следует из представленных характеристик, все это не слишком укладывается в продолжение и развитие "мысленной" темы того *зоопарка*, которая себя обнаруживала в разговорно-экспрессивных переносных значениях, отраженных в словарях ТСУ и В.В. Химика и в языке второй половины XX века. Данное восприятие, следовательно, необходимо рассматривать как, если не новое, то самостоятельное. Наборы признаков, в каждом из этих, "эволюционных" отчасти, поскольку фиксируемых (если не бытующих) в разном времени, проявлений единой лексемы, не совпадая между собой, обнаруживают способность (интересующую нас в первую очередь) воспринимаемого образа оборачиваться и представляться по-разному, разными акцентуруемыми своими аспектами и сторонами.

Продолжением и развитием темы в типично оценочном, характерном для городского сленга, ключе можно считать приводимые в словаре В.С. Елистратова идиоматические выражения с *зоопарком* в своем составе. Начнем с последнего, наиболее полно и точно передающего определяемый смысл: *Питомец зоопарка* как характеристика глупого человека. Можно было бы трактовать это как представление о человеке как о животном, умственно недоразвитом и отсталом по сравнению с другими, если бы не то обстоятельство, что чаще это не характеристика этих самых способностей, сколько оценочное определение того, кто не вписывается, не поддается имеющемуся, одобряемому и коллективно поддержи-

ваемому (с позиции *своих* как носителей сленга) мнению о том, каким следует быть, как себя проявлять и вести. Это также оценка неодобрения говорящим каких-либо действий и форм со стороны кого-либо, при этом не обязательно постороннего, этот кто-то может быть и своим, которые воспринимаются им как мешающие, создающие неудобства, вносящие нарушения и разлад. Иными словами, это характеристика все тех же 'неразберихи' и 'беспорядка', понимаемых и оцениваемых субъективно, однако с позиций своей социально-ментальной группы, т.е. тех, к кому говорящий себя причисляет с точки зрения принадлежности по показателям, прежде всего, системы ценностей, общих занятий, увлечений и интересов. 'Зоопарк' в этом случае становится (с добавлением к этому двух других выражений *Какие новости из зоопарка?* – как дела? и *Что нового в жизни зоопарка?* – как дела? что нового?) местом совместного вынужденного существования, где все и всё вокруг оставляют желать много лучшего, представляя собой мир так называемой тупизны, без здравого смысла и понимания. Говоря иными словами, обобщенным образом всего окружающего. Набор перечисленных ранее в пунктах (а, б, в и г) признаков, следовательно, остается тем же самым, меняя характер своего референта: всё и все вокруг в этом мире, в том мире, в котором мы все находимся и живем, имея в виду, прежде всего, непосредственно близкое окружение, но также и всё остальное, как его проявление и данный для восприятия и проживания в нем экзистенциальный, бытийный фрагмент. 'Зоопарк' при таком понимании, имагинативно, становится обобщенным образом человеческого существования и человеческого существа, оцениваясь с позиций неразберихи, беспорядка и бардака, как место, где все сидящие в неопределенно большом количестве по вольерам и клеткам производят одни только хаотические движения и бессмысленный невообразимый галдеж и шум.

Если бы приходилось оценивать его (такой 'зоопарк') как являющийся спящему в сновидении знак, толкование данного образа предполагало бы нечто похожее, по крайней мере, наиболее близкое, предлагаемому в «Соннике» Р.Э. Гилей в значении, отмечаемом ею как другое («хаос»), хотя и первое и основное ее толкование («Связанная либо сдавливаемая звериная природа, звериные страстные желания либо инстинкты») можно отметить как далеко не чуждое. С тем существенным дополнением, что эти связанные и сдавливаемые желания и инстинкты, звериную природу следовало бы интерпретировать в отношении проявляемых, заявляемых о себе, выходящих наружу, а звериность воспринимать как, в первую очередь, умственную недоразвитость и отмеченную ранее тупизну.

Соотношение семантических признаков и характера "образа", лежащего в основе сленгового словоупотребления, значения сленговой по своей природе лексемы, с толкованием образа в сновидении дает, с одной стороны, возможность раскрыть и увидеть общий для обеих семиотических форм (скажем так) механизм означивания, приписывания, часто не рефлекслируемого, автоматического, полуосознаваемого, чему-то одному чего-то другого по принципу переноса: окружающее = зоопарк, происходящее = зоопарк, люди = зоопарк. В то время как с другой стороны, позволяет отметить выводимые признаки в характерных для них сочетаниях как не случайные, следующие из отношения к миру, действительности, своему окружению и, через это, к себе самому. Отношения интерпретивно-оценивающего по своей изначальной природе, позволяющего одновременно говорить о том и другом, переводя объект названия в не его сферу, обобщенного, непрямого и, в первую очередь, сенситивного представления. Нечто такое, будучи таким и таким, не обозначаясь прямо, не характеризуясь так-то и так, в его объявляемых признаках, ощущаясь как если бы было тем-то и тем, воспринимаясь в для этого второго свойственном рецепторном и перцептивном ключе, позволяет сенсорно и чувственно все это в образе передать, "пережить" сознанием, не обязательно осознавая, а тем самым, и не задевая, не "раня" его.

Отмечаемую многими после З. Фрейда, если не всеми, вытесняюще-терапевтическую, подсказывающую, наводящую роль сновидений можно интерпретировать, таким образом, в нечто подобное, если не прямо с ней совпадающее по виду и механизму, в отношении "языков", понимая под ними способ репрезентативно-сигнализирующего, не уточняемого и не вполне ясного, а потому избегающего прямого и "ранящего" обозначения. "Языков" систем, необходимо добавить, возникающих и развивающихся на основе исходного, т.е. общего и нейтрального национального языка, называемых потому вторичными (в семиотике) по отношению к нему как к первичной системе. Понятие вторичности, точнее было бы говорить репрезентативности, можно расширить и применить и к первичной системе в отношении всех возможных в ней переносов и производных, как свойственный ей и ее характеризующий, определяющий деривативный, последовательно себя проявляющий, механизм.

Ощущение как основа определенного типа и вида лексических переносов

В данном случае, следовало бы добавить и уточнить, речь идет об одном лишь, определенного типа дериватов к тому же, аспекте (в основе которых лежит претворяющий то и другое во что-то третье имагинативный образ), который можно и следует воспринимать как аспект сенситивного по своей природе обозначения, следующего из толчка, приходящего в голову импульса, мысли, вызванной ощущаемым в данный момент переживанием: «Черт возьми! Чувствую себя с ними как в зоопарке.» После чего и само переживание, и самая эта мысль уйдут, а 'зоопарк' как впечатливший то и другое номинативный образ-обозначение останется. «Чувствую себя с ними (с ним), как если бы бредили (бредил), как если бы были в бреду» – это *бред*. «Чувствую себя с ними в аквариуме, я как в аквариуме», и это *аквариум*. «Чувствую себя как в тюрьме» – и *тюрьма*, и т.д. Основу подобных переносов и наименований нередко дает, составляя их, переживаемое в проявляющем положении данного состояния (*situs'e*) ощущение.

Небезынтересным и показательным в определенном смысле могут быть переносы, которые, в силу ограниченности порождающего их "языка", как вторичной системы и социолекта, не могут быть отнесены к обобщенно воспринимаемому и действующему, в большей или меньшей степени, на основе каких-то общепсихологических механизмов, связанных с восприятием окружающего в каком-либо ценностном, когнитивно-оценивающем ключе. Не вдаваясь в подробности, скорее и в первую очередь, теоретического характера, способные объяснить, чем существенно отличается вид и образ производимого переноса в тех "языках", которые следует относить к разряду, если не общеупотребительных (разговорный язык, сниженно-разговорный его регистр, городской сленг, из тех, что были предметом нашего рассмотрения), то, по крайней мере, не ограничиваемых в составе своих носителей, от вида и образа переноса в языках социального ограничения, имеет смысл обратить внимание на следующее. Ограниченность социолектов, которая себя проявляет в интересующем нас отношении, следует не из социумной их природы (ограниченный круг говорящих), а из природы предметно-тематической. Круг называемого, чаще и прежде всего, предметен и сведен тематически к области непосредственно проявляемой деятельности. Социолектами пользуются в определенных условиях, и характерные для них номинативные единицы, привязываясь к этим условиям, обозначая нередко что-то определенное и конкретное, не имея эквивалентов в общеупотребительном языке

ке, не проявляют тенденции нечто общее и не конкретно привязанное обозначать. Тем самым, для представления интересующего нас предмета, трудно было бы, если вообще возможно, говорить в их связи об имагинативе как "образе", лежащем в основе каких-то чувственных объявлений. Точнее, можно было бы, с оговорками, говорить, но это был бы образ какой-то двойной и смещенной природы.

Отойдём теперь от рассуждений и попробуем сказанное показать на примерах. Словарь молодежного сленга Т.Г. Никитиной⁶² содержит в отношении разбираемого нами слова такую статью:

ЗООПАРК, -а, м. **1.** Гом. *Сквер у Большого театра в Москве – место встреч гомосексуалистов.* Кз., 49. **2.** шутол. Комп. *Компьютер, в котором несколько вирусов.* Садошенко, 1996.

Из чего следует, что оба эти значения, встречаясь в речи современных представителей молодежи, с одной стороны, не обязательно могут или должны быть известны всем молодым, прибегающим к сленгу (для не живущих в Москве первое значение не актуально, так же как второе для тех, кто не строит из себя компьютерного эксперта-псевдопрофессионала), а тем самым, в сленге уже предметно и тематически ограничены. В то время как с другой стороны, объявляя себя в языке молодежи соответствующим образом, языку этому, собственно, не принадлежат, представляя собой включения и использования (не заимствования) из, соответственно, речи (арго) гомосексуальной субкультуры, относясь к этому их языку, и из речи (жаргона, профессионалекта) компьютерщиков. Иными словами, это не что иное, как единицы не молодежного сленга (в котором могут быть самые разные единицы из "ограниченных" языков, и в этом его особенность как языка молодежи), а, в первом случае, определенного субкультурного социолекта (социального жаргона, арго), во втором же определенного профессионалекта, или профессионального жаргона. Не будем заниматься уточнением понятий и терминов, различно интерпретируемых и понимаемых, достаточно видеть в том и другом языки ограниченного употребления, предметно и тематически в первую очередь.

Интересовать нас будет вопрос, что́ стоит за представлением такого-то и такого сквера в Москве, т.е. единственного в своем роде и определенного, имеющего название, воспринимаемое и понимаемое всеми как его имя собственное,

⁶² Т.Г. Никитина: Молодежный сленг: Толковый словарь. Москва, 2003. Указанные ею источники при значениях обозначают: Кз. – В. Козловский: Арго русской гомосексуальной субкультуры: Материалы к изучению. New York, 1986; Садошенко – Д. Садошенко: Computer Slang Dictionary. Version 1451. Dnepropetrovsk, 1996. // 2:464/2000. 16@fidonet. 1996.

не просто как-нибудь там, а как зоопарк, с помощью слова, номинативно ему соответствующего и прямо к нему относящего. Так же как, с другой стороны, почему и в связи с чем, по каким основаниям, компьютер, наделенный определенными признаками (вирусами), называется, и к тому же шутливо, по замечанию автора словаря, *зоопарком*? Скорее, не шутливо, поскольку шутливость профессиям не свойственна, а насмешливо-иронически, а потому фамильярно-пренебрежительно, объявляя экспертно-небрежную снисходительно-профессиональную осведомленность, рубашность, знакомство и панибратство с объектом, который свой в доску, с которым все вдоль и поперек и с которым его "хозяин" не как-нибудь там, а на «ты». Сопровождающее сенситивное и эмотивное по природе своей отношение, которое применительно к разбираемому не безразлично.

Начнем с этого первого. Сквер у Большого театра в Москве (бывшая площадь Свердлова) называется так не потому, что он сквер у Большого театра, какими-то признаками соответствующим образом наделенный и отличающийся этим от остальных, а потому что это известное место встреч гомосексуалистов (трудно сказать, не зная точно, обоих полов или только мужского пола, поскольку слово *гомосексуалист* закрепилось прочно, в первую очередь, за вторыми). Иными словами, важно исходно не то, что это сквер у Большого театра, единственный такой сквер в Москве, и даже не то, что это сквер, а не что-то другое. Важно, что это место встреч гомосексуалистов, по-видимому, следовало бы добавить, не единственное такое место в Москве, в связи с чем возникает вопрос, почему именно он, этот сквер, называется *зоопарком*? Называется *зоопарком*, продолжим развитие мысли, самими гомосексуалистами как участвующими и задействованными в соответствующей деятельности, предполагающей встречи, как заранее оговоренные, так и нет, т.е. знакомства, не оговариваемые, а потому открывающие новое, увлекающие и познавательные? Или, что может быть в принципе не исключено, *зоопарком* сквер этот называется теми, кто к данной субкультуре не принадлежит, не является ее представителем и относится, может к ней относиться, как-то, если и без предубеждения, то, по крайней мере, дистанцируясь и со стороны либо сочувственно и (или) снисходительно. Или, что может быть третьим, *зоопарком* данный сквер первоначально назывался в речи гомосексуалистов (может быть, и продолжает ими так называться, но наряду с другими возможными обозначениями либо без них), перейдя затем от них в молодежную речь, став единицей молодежного сленга. Трудно представить, не зная, в каких контекстах и как уместным было бы видеть употребление данного слова, и

в речи кого, чтобы лучше его в семантических и коннотирующих проявлениях увидеть, почувствовать и понять, а потому придется от этого, важного для представления, параметра и критерия отказаться.

Предположительно, как наиболее вероятное разрешение вопроса, можно было бы полагать, что, пусть даже только первоначально, а потом и в молодежном сленге, *зоопарком* сквер перед Большим театром в Москве как место встреч гомосексуалистов, назывался самими гомосексуалистами. Предполагаемый "образ" такого обозначения можно увидеть в том, что 1) встречающиеся там либо находящиеся там для знакомства и договоренных встреч в определенное время (скорее всего, возможно и то, и другое) субъекты (слово это здесь следует понимать безоценочно) представляют собой довольно пеструю, чтобы не сказать экстравагантную, публику, с точки зрения одежды, причесок, внешнего вида и поведения, т.е. подходят под определение, укладывающееся в представление *цирка*, или "собрания разных зверей" (сюда же *ковчег*, где для смеху, как правило, иронически говорится о *каждой твари по паре* с мыслью о необычности и неповторимости каждой и каждого, сюда же, в таком же насмешливо-карикатурном, возможно, и ироническом представлении *музей друзей* и т.д.); 2) все это необычное обзаведение, "интересная публика", располагается в сквере по разным местам, рядам, со скамейками, ступеньками, парапетами и т.п., так, как это себя разрешает и в зоопарке с его аллеями, клетками, павильонами и вольерами; 3) с целью себя продемонстрировать, выставляя напоказ, *светиться*, как говорится в подобных случаях.

Тем самым, три перечисленных признака – экстравагантная необычность, мирабельность⁶³ (назовем это как-нибудь так), характер расположения, расставленность (дислокативность⁶⁴) и экспозитивность – связывают описываемый объект в его отношении к находящимся там с зоопарком. Другой какой-то подобный объект мог бы не отвечать в такой мере всем этим признакам, но даже не это важно для номинации, важна его конвенциональность, приписываемая данным социумом связанность: зоопарком пусть будет то-то и то-то, потому что у всех на виду, потому что в центре, потому что известно более других и, тем самым, выделяется на фоне возможных других. К перечисленным трем признакам по этой причине следовало бы добавить еще и то, что зоопарк, обычно и как правило, в городе только один и получает название по городу (*Московский зоопарк* –

⁶³ Лат. *mirabilis* 1) странный; 2) удивительный, изумительный, замечательный, необыкновенный; от *miror, miratus sum* 1) дивиться, удивляться, поражаться; 2) задаваться вопросом, недоумевать, спрашивать, желать знать; 3) с удивлением осматривать, любоваться, восхищаться.

⁶⁴ Лат. *disloco, diclocatum* 'расставлять, размещать'.

и все знают, о чем идет речь), т.е. его, в конечном итоге, оппидативную⁶⁵ (данного города, местности, места, в его представляемых границах) сингулятивность. Этот последний признак непосредственно связывает описываемое название с индивидуальным объектом – сквером у Большого театра в Москве, как единственное такое место (пространственный сингулятив) в городе (оппидативность).

Еще раз (в связи с деривацией) о трех составляющих имагинативного образа

Из всего этого складывается тот имагинативный образ для 'зоопарка', который ложится в основу подобного о нем представления – в конфигуративе (позиции расположения, расставленность по местам всех тех, кто находится, пребывает в нем как субъекто-объекты участвующего знакомства и изучения), в сенситиве (необычность, экстравагантность, выставяемость напоказ находящихся там для знакомства и встречи) и в эмотиве (те же признаки, что и для сенситива, но с поворотом не к ощущениям, а к знаниям, сведениям, с добавлением к этому оппидативной сингулятивности, которая, как ощущение и чувство, себя проявляет также и в сенситиве).

Три составляющих имагинативного образа – его конфигуратив, сенситив, эмотив, воспринимаясь как три стороны единого, в признаках не представляется возможным разделить, признаки того, другого и третьего общие, оборачиваемые к восприятию внешнего (структуры и формы) в конфигуративе, его ощущению чувством и отношением, полусознанием, несознанием в сенситиве как к воспринимаемому, "чувствуемому" в себе объекту, включаемому в субъектную сферу «я» и к существующему, имеющемуся представлению о нем, основываемому, как правило, на социально обусловленных и освоенных знаниях (следствие интериоризации и ее отпечаток в сознании, рефлекслируемые и видимые "следы" в эмотиве).

'Зоопарк' при таком представлении оказывается местом, где можно встретить и познакомиться с необычными и интересными экземплярами, представителями местной (или не только местной) "фауны" (гомосексуальной среды), где они собраны вместе и размещены. Причем это место в определенном смысле единственное, с точки зрения его представительности и вбирающей, втягивающей в себя, "центральности" в городе, а потому обладающее своей специфиче-

⁶⁵ Лат. oppidum, i 1) воен. укрепление, укрепленное место; 2) город; 3) архит. барьеры в цирке (т.е. то, что огорожено, имеет свои границы как место, отделено от другого и остального барьерами, ограждено).

ской атмосферой (микроклиматом 'зоопарка'), статусом, значимостью и привлекательностью.

Подобное восприятие можно соотнести лишь с одним толкованием имажинативного образа 'зоопарка' для сновидений, описываемым в «Соннике» М. Купаль, если понимать его в контактно-обсервативном и познавательном повороте. Однако, если интерпретацию его разбираемого представления («**ЗОО** Видеть: сообщение о том, что хорошо было бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку мы можем многому от них научиться. Они говорят нам, какой способ поведения следует оставить, а к какому стремиться.») видеть в ее основе, то следовало бы сказать, что имажинативный образ в его конфигуративе, сенситиве и эмотиве, в составе трех своих составных частей можно рассматривать как единый и общий с представленным для 'зоопарка' как места встреч у Большого театра. «Хорошо бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку мы можем многому от них научиться» и т.д. по ее словарю предполагает видение зоопарка как «места, где можно встретить и познакомиться с необычными и интересными экземплярами» и т.д., цитируя определение из предшествующего абзаца, и это не что иное, как аттрактивно-познавательный и "обучающий" аспект зоопарка, неотъемлемо свойственный ему из самого его словарного определения как научно-просветительного учреждения, в котором содержатся, демонстрируются и изучаются дикие (и не только) животные. Понимая под "познавательно-обучающим" признаком необходимость идентифицирующей поддержки (со стороны подобных себе других) не всегда уверенных в себе представителей гомосексуальной среды, чувствующих себя нередко вследствие осуждающего давления и неприятия общества "животными" в своем "зоопарке". Достаточно повернуть соответствующим образом мысль, заложенную в «мы можем многому от них научиться. Они говорят нам, какой способ поведения следует оставить, а к какому стремиться» в следующем из сказанного ключе, и мы получим общий, единый образ того 'зоопарка', который в одном случае "учит" сновидящего во сне, призван его научить, а в другом "научает" (тому же способу поведения) и вводит, контактами, встречами, взаимодействием и общением, в свой защищающий от постороннего мира круг, ограждающий своего рода "клетками и заборами", вольеров, барьеров, загонов, от любопытствующих наблюдателей, далеко не всегда благодушно настроенных, нередко насмешничающих, не понимающих и издевающихся – посетителей общего и твоего, в данном случае, "зоопарка".

Тем самым, можно было бы вывести закономерность, касающуюся особенностей представления и отражения имажинативных образов на примере рассматривавшегося перед тем 'зоопарка':

'Зоопарк' как то, что (обладает признаками мирабельности, дислокативности, экспозитивности с дополнением вероятной, хотя и не обязательно актуализируемой, оппидативной сингулятивности) и есть не что иное, как имажинативный образ в составе единства конфигуратива, сенситива и эмотива, отобранного из общего, существующего о зоопарке как городском пространственном местообъекте, представления и соответствующим образом для восприятия и отчасти сознания (подсознания) организованного.

Этот образ для спящего в его сновидении объявляется, может так объявляться, в своем для него значении как «сообщение о том, что хорошо было бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку...» и т.д. по М. Купаль.

Тот же самый образ для представителей гомосексуальной аргосубкультуры в Москве в своем значении проявляется как «сквер у Большого театра – место встреч».

И то же самое для лица как отдельного человека, с его «я» и в отношении его «ego»⁶⁶, как индивида и как субъекта, спящего в его сновидении, приснившийся ему зоопарк будет что-то там в его собственной индивидуальности и обусловленности означать, не вполне, может быть, такое, как представляется у М. Купаль, или такое же, но приложенное к себе. Как своеобразное, а может и нет, предцирование общего для других, значения. И все то же самое, но обладающее индивидуальными признаками собственного значения и связанными с ним коннотациями, включающими индивидуальные знания, переживания ситуаций и ассоциации (если таковые имеются), для одного какого-нибудь отдельного представителя гомосексуальной московской среды либо другого кого-нибудь. И все это также будет собой представлять, если не предцирование (предцированием оно становится в речевом высказывании), то что-то вроде семантики словоупотребления, повторяющегося и обладающего для сознания своего носителя закреплённостью и "узуальностью".

Важным для нашей задачи из всего перед этим сказанного будет то, что имажинативный образ рождается из аспекта, набора признаков, выбираемых из существующих представлений объекта. Признаки эти, складываясь в единый для

⁶⁶ Между «я» и «ego» лица-индивида можно усматривать соотношение самотождества, осознания себя для «я» и субъектной составленной, структурированной сферы психологического для «ego».

них конфигуратив-сенситив-эмотив, воспринимаются целостно и отдельно от вероятных других наборов признаков, способных к формированию собственных имагинативных образов на основе того же объекта. Те и другие признаки разных имагинативных образов отбираются из общих для них представлений, имеющих в сознании носителей, если не данного языка, то ментальной культуры. Тем самым, разные имагинативные образы стоят за различными толкованиями зоопарка по словарям сновидений. Равно как и разные они присутствуют в переносных значениях, рассмотренных ранее на материале ТСУ, языка второй половины XX века, словаря разговорной лексики В.В. Химики, словаря городского арго (В.С. Елистратова и современного русского города), словаря молодежного сленга Т.Г. Никитиной (с пометой Гом.). При том, что между первыми и вторыми – сновиденческими и речевыми, значениями и проявлениями, вполне возможно и наблюдается имагинативная общность, единый либо сходный набор отбираемых признаков продуцирующего значения "образа" может стоять и нередко стоит, проявляя себя в онейрическом и языковом (речевом) воплощении.

"Имагинативное" представление как основа лексических переносов и сновиденческих образов

Второе, "компьютерное", значение словаря молодежного сленга Т.Г. Никитиной для *зоопарка* («Компьютер, в котором несколько вирусов») отсылает нас к представлению совершенно иной природы. Из чего, забегая вперед, можно сделать вывод о том, что порождающий и возникающий в представлении имагинативный образ будет другим, отличным от того, который себя проявлял в отношении первого, по ее словарю, перед этим рассмотренного значения. Отправной позицией данного представления будет то, что вирус в компьютере определяется словом *зверь* (6-е значение данного слова в ее словаре с отсылкой к тому же, что и для *зоопарка* 2-го значения, источнику – Садошенко, 1996). Исходя из этого, движущиеся, бегающие, живущие своей жизнью в компьютере вирусы-звери (не будем входить в детали переноса 'вирус < зверь', поскольку это не входит в задачу) в каком-то их "множественном" (вирусов несколько), поскольку не единственном все же, числе, находясь, обитая внутри компьютера, пребывая в нем, а потому за его пределы, заключенные в нем, не выходя, представляют в этих его пределах, для него, соответственно, его 'зоопарк'.

Из чего следуют признаки для разбираемого имагинатива: 1) "звери" – 'живые', 'животные', 'дикие' (поскольку не поддаются контролю и регуляции)

‘существа’ 2) в не единственно-множественном своем числе, 3) собранные и заключенные в одном общем месте. Или, иными словами ‘собранный и замкнутый в одном месте разнообразно-множественная звериность (дикость + животность)’ как общее представление, с конфигуративом его отношения к компьютеру, воспринимаемому и ощущаемому как "населенный подобной дичью" для сенситива местообъект и эмотивом в следствиях из подобного угрожающего, по крайней мере, ничего хорошего не сулящего, положения (подобия *situs* 'y).

Данное представление и имагинативный в его основе образ ближе всего к тому, который находит свое отражение в «посещении зверинца» у Г.Х. Миллера с его «множеством неприятностей» и теми «волнениями и дикостями» в связи со зверями в зоопарке, которые описываются у Е.П. Цветкова. Можно предположить, не вдаваясь в детали и уточнения, принципиальное единство их породившего имагинативного образа с представлениями о зверях как диких, не повинующихся контролю и регуляции существах, собранных в определенном числе в одном, их замыкающем, месте. Отсюда, хотя одной только этой "замыкающей" стороной, сходство данного признака с *Зоопарком* → *Тюрьмой* у М. Кжижостаняк, в целом предполагающим в основе даваемого ей толкования наличие совсем другого имагинативного образа, вид которого мы не будем здесь разбирать, с тем чтобы не возвращаться в связи с этим к ранее сказанному.

В завершение производимого рассмотрения *зоопарка* в его переносных значениях, развивающихся за границами литературного, а также и общего языка, имеет смысл обратиться к еще одной разновидности ограниченного употребления, также собой представляющей социолект. Речь идет о так называемом (авторами соответствующего словаря) тюремно-лагерно-блатном жаргоне, включающего, как можно предполагать, лексику разного времени и разных форм уголовного языка, однако не это опять же нас будет интересовать, а то, какой мотивирующий номинацию образ, ментальный по своему характеру и существу, кладется и, следовательно, может быть положен в основание переосмысливаемого применительно к зоопарку переноса, метафорический он или нет. Характеризуемый и воспринимаемый нами как пространственный, а следовательно, как местообъект, 'зоопарк', занимая в сознании говорящих определенную позиционную форму, обладает способностью, оборачиваясь в том же сознании теми либо другими приписываемыми ему сторонами, распознаваемыми в нем как определяющие, отмечая что-то другое, выделять, подчеркивать в этом другом те признаки, которые представляются имагинативно-образными для него.

Данное положение означает, что воспринимаемый, "видимый" внутренним зрением 'зоопарк' в сознании говорящих, носителей данной ментальной культуры и языка, есть тем, что, втягивая в свою орбиту объекты иного рода, интерпретируя, определяя, разрешая их в своих понятийных терминах и в своем концептуально-оценочном характеризующем ключе, наделяя их свойствами "от себя", с одной стороны, расширяет зону своего представления, а с другой, выполняя функцию призмы и увеличительного стекла, выпячивает в них признаки, которые иначе были бы незаметны. Сфера ненормативных и ограниченных составом своих носителей языков, характеризующихся общими системоценностными, концептуальными и оценочными параметрами, принимающих данный язык и использующих его в силу далеко не только номинальной и взятой на себя принадлежности к соответствующей группе как языковому социуму, – эта сфера, в отличие от не отмеченных этими свойствами других коммуникативных сфер, может быть более точно и определенно с позиций сознания своих говорящих охарактеризована. Иными словами, обобщая и не вдаваясь в подробности и объяснения, а потому и не обстоятельно, можно сказать, что язык такого, ограниченного с позиции социально обусловленной деятельности выбора, являет не в последнюю, если не в первую, очередь, определенный способ мышления и отношения к окружающему. Это язык заряженного концептуально-оценочного отношения к действительности, обладающий собственными, в том числе и имагинативно-образными, чертами, отличающими его от других. Говорящие на таком языке видят мир, ощущают его в себе, не так, как все остальные, а по-своему, и это видение мира и его ощущение в себе для них, с одной стороны, сигнально, дает возможность в своем почувствовать своего, а с другой, перцептивно и генеративно, формирует и определяет сознание каждого из носителей данного языка, равно как и всех их вместе и одновременно. Язык в этом случае становится той когнитивной "массой", которая лепит и формирует массив своих представителей, в обратную сторону, лепясь, формируясь ею, слепленной и сформированной по известному до того "образцу". Создаваемый носителями шаблон выступает шаблоном для них же, для своих говорящих, и шаблон этот есть шаблон нарицающего эмотивного отношения.

Оттолкнувшись от этих посылок, проанализируем 'зоопарк' как имагинативный образ на основе значений, предлагаемых названным ранее словарем⁶⁷:

⁶⁷ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Москва, 1992.

ЗООПАРК – 1. Школа для умственно отсталых детей. 2. Спецшкола для трудновоспитуемых детей.

Наблюдаемые внешне соотношения не сложны и довольно очевидны. Школа – место и одновременно собрание, коллектив, то, где всё находящееся в ней, представляет каким-то определенным образом организованное размещение (встречавшаяся ранее дислокативность) их по местам, по классам, как в вольерах и клетках для зоопарка. В школе учатся и находятся дети, которые, как известно, спокойствием не отличаются, ведут себя шумно, неорганизованно и беспорядочно (признак, встречавшийся ранее при рассмотрении значения *зоопарка* для беспорядка-неразберихи, назовем его тумульгативность⁶⁸). Указанное поведение детей, позволяя соотносить их самих с животными, посаженными в клетках зоопарка, усиливается представлением о том, что это дети, в дополнение ко всему, умственно отсталые. Умственная отсталость, недоразвитость, в лишенном сочувствующего отношения мире, первично-первобытно воспринимается и интерпретируется как звериность. Такой человек, ребенок отождествляется с животным и соответствующим образом трактуется. Из чего следует третий признак представителей не человеческого, поскольку животного, а потому неуправляемого мира, не подчиняющегося порядку и не знакомого с необходимостью соблюдения соответствующих норм, что и проявляется в их поведении (четвертый признак), воспринимаемом как раздражающий "шум" и не поддающийся определению "беспорядок". Полученная картина, таким образом, полностью совпала с выделенными ранее признаками (а, б, в и г) рецепторно-перцептивного воображения о зоопарке (см. с. 3), обнаруживающего себя в 'локализованной дислокативно-множественной бестиарной тумульгативности'.

Представленный концептуальный образ внешне вроде бы не выглядит оценочно. *Зоопарк* как 'зоопарк' и *зоопарк* как 'школа для умственно отсталых', 'спецшкола для трудновоспитуемых', имея совпадающие в своей основе "раздражители", различаются смещенно-расходящимся, а потому и внутренне оценочным, отношением, которое одновременно и вместе с тем, направленным оказывается в обе стороны. Отношение к зоопарку как к 'зоопарку' не может быть в этом контексте одобрительно-серьезным. 'Зоопарк' (в таком представлении) – это 'собранный в одно место множественная недоразвитость и глупость, бестолковый и неуправляемый "шум"', исходящий неважно от кого, от детей или животных'.

⁶⁸ Лат. *tumultus* 1) смятение, беспорядок; 2) шум, гам; 3) бушевание; 4) мятеж, бунт, возмущение, волнение; *tumultuor, tumultuatus sum* 1) быть возбужденным, волноваться; 2) *ob oratore* шуметь, неистовствовать, оратор; 3) терять самообладание.

Из чего следует полное не расподобленное тождество того и другого. Тождество, следующее из рецепторно-перцептивного представления, которое, побуждаясь раздражением и неприятием, ведет к тождеству также и концептуальному. Как (умственно отсталые) дети и животные одно и то же, так одно и то же зоопарк и такая их школа. Равным образом *зоопарком* и как 'зоопарк' может быть названа и интерпретирована и общеобразовательная школа (ничем не отличающаяся в восприятии для школы умственно отсталых и спецшколы трудновоспитуемых).

Различия ментальных проекций имагинативно единого

Имагинативный образ представленного в пунктах (а, б, в и г на с. 3) 'зоопарка', следовательно, отображает себя в значениях 'шум, неразбериха, беспорядок', 'школа для умственно отсталых' и 'спецшкола для трудновоспитуемых'. И согласуется, лежит в основе того толкования сновиденческого образа, которое дается в «Соннике» Р.Э. Гилей («Связанная либо сдавливаемая звериная природа, звериные страстные желания либо инстинкты. Другое значение: хаос.»).

Вопрос, который в этой связи следует поставить, заключался бы в том, чтобы понять, какой механизм и как регулирует различия в значениях, проекциях, единого, вследствие чего выходит, получается, объявляет себя разное. Это вопрос, фактически, воспринимающего сознания. Сознание, наделенное представлением об окружающей действительности как о бестолковой в своем целом, беспорядочной, мало приятной (если вообще такой) житейской "лабуде", не слишком заслуживающей одобрения и сколько-нибудь ценного внимания со стороны ее так оценивающего и воспринимающего «я» носителя городского сленга. И сознание, которое к той же действительности относится как к неприятной и чуждой, если не враждебной, и как к пространству жизни (Lebensraum), в котором надо выжить, а чтобы выжить, надо "красть" (действительность в ее составе становится объектом ее насилующего отчуждения в свою пользу). Надо быть сильным, хитрым, злым, немилосердным, "зверем надо быть в зверином мире". Это сознание, носителя уголовного жаргона, по-другому будет общее имагинативно (для воображения, в его "образе", том или другом) интерпретировать, оценивать и воспринимать.

Образ действительности как зоопарка, в котором хаос, бестолковщина и всяческая тупизна (ср.: *Питомец зоопарка; Что нового в жизни зоопарка?* у В.С. Елистратова). И образ действительности, в котором только звери – дикие и хищ-

ные, гуляющие на свободе (если не посаженные в клетку), охотящиеся на других зверей, домашних, травоядных, неповоротливых, медлительных, тупых (овец, баранов, оленей, лосей, тюленей и т.п.), и есть, в свою очередь, такие, которым место в зоопарке (не на "свободе"), по их недоразвитию, физическому и умственному, и неспособности самостоятельно существовать, потому что дети они, умственно отсталые или трудновоспитуемые. Тот и другой образ действительности порождает два разных представления об общем 'зоопарке' (равно как и о чем другом) имагинатива воображения, с совпадающими признаками рецепторно-перцептивного раздражения, переводящего все это в концептуально-оценочную плоскость субъектно-объектного пренебрежительного отношения.

Равно как нейтральное, не обусловленное, не предубежденное, скажем так, сознание спящего, не определяемого в его концепциях и предпочтениях, будет видеть, должно, предполагаясь, видеть в том же имагинативном "образе" приснившегося 'зоопарка' нечто не заряженное изначально, но применительно к себе – не зверю, утратившему в себе звериное начало, и не смотрящего на окружение как на наделенное и населенное повсюду им. Отсюда связанные, закрепощенные, сдавленные в себе звериные инстинкты, страстные желания, требующие выхода, и хаос как окончательная форма выхода, выпуска их из клеток на свою свободу. Имагинативный образ, следовательно, как виртуальное, но лексемного уровня, оформленное свое значение, как виртуальное семемного уровня, получает в ментально обусловленном, проецирующем системном контексте его воспринимающего и вписывающего в себя сознания, в свое представление о действительности и отношение к ней. Сознание объединенной группы носителей в этой связи имеет смысл рассматривать как категорию, определяющую (наряду с предципированием, но до него) форму значения, характер его проявления в допустимых, предполагаемых, возможных употреблениях в речи.

Множественность толкования 'зоопарка' по словарям сновидений (равно как и других онейрических образов), давая возможность, с одной стороны, задаваться вопросом о неединственности стоящих за всем этим имагинативных образов, следующих из разных стоящих за ними воображений и представлений, о чем уже говорилось, а с другой, поставить вопрос о возможной их типологии. Отчасти это решалось, показываясь на примере рассматривавшихся перед этим 'аллеи', 'амбара', 'аквариума', с выведением и определением приблизительно допустимых видов и типов, основываемых на существующих снотолкованиях. Оставим на время этот далеко не простой и многослойный вопрос, требующий своего отдельного разрешения, и обратимся к аспекту, который ближе других к постав-

ленной перед этим исходно задаче, сводящейся к заявленному в заглавии представлению о том, что такое и каковыми являются пространства в снах. То есть сновидениях, поскольку в одном из значений *сон* тождествен, равен тому, что снится, что является и приходит во сне – своему *сновидению*.

Не будем вдаваться в достаточно очевидные обстоятельства метонимического по своему характеру переноса, обратив внимание только на то, что не вполне совпадающими оказываются для сознания представления того и другого. Ограничимся для уяснения отличий лишь некоторыми примерами возможных употреблений. *Мне вчера снился сон. Сны бывают разные. Ночь была полна сновидений, все время что-то и кто-то являлся во сне.* Сон, будучи тем, что снится, выступает как бы сопровождением состояния сна: человек спит, и ему снится сон, во время сна ему снится сон. Сон поэтому внутренне не отмечен границами, он открыт, наступая с момента в сон погружения, то ли сразу, то ли не сразу (в данном случае речь не идет о научном определении, но о внутреннем ощущении того, что такое сон), поскольку равен сну-состоянию. Сновидение семантически, в смысловом отношении, самостоятельно, это не столько сопровождение сна, сколько нечто в него входящее, имеющее свои границы, начало, развертывание, конец и сюжет. Отсюда осмысленным и вполне объяснимым представляется выражение *мир сновидений*, как мир историй и образов, возникающих, возможных во время сна, в то время как *мир снов*, *в мире снов* будет, скорее всего, представлять состояния (*Он живет в мире снов*), при которых видится, кажется и является что-то такое, что не может являться в состоянии бодрствования. Безусловно, семантика различения ‘сон + видение’ и ‘сон = сон’ на это оказывает самое непосредственное влияние, для нас будет важно представить, что если *сновидение* – это образы и видения, появляющиеся во время сна, то *сон*, как то, что снится, – это то, что, фактически и в первую очередь, оформляет состояние сна, делая его, это состояние, отличным от другого какого-либо состояния, также способного быть и мыслиться состоянием имагинативным, сопровождаемым воображением, впечатлением, возможно также приписыванием, домысливанием чего-то равно как реального, так и не реального и кажущегося, будь то состояние бодрствования, потери сознания, бреда, галлюцинации, психических изменений, вызываемых психотропными средствами, заболеваниями и т.д., и т.п. На границе таких видений, не характерных для состояния сна, отличающих сон от всего остального, стоять будет не сновидение, которое объявляется, являясь во сне, а сон как видения, сопровождающие и одновременно с этим обособляющие, отделяющие и ограждающие сон как сон от того, что не он, от другого и также возможного. Ес-

ли сон, иными словами, видение, свойственное и характеризующее состояние сна, то сновидение – это история в образах, картины, являющиеся и себя объявляющие, показывающиеся во сне.

В связи с этим и будет поставлен вопрос о пространствах. Пространства в снах и пространства в сновидениях и в отношении сновидений – одно ли и то же или же не совсем? Не будет ли неоправданной подобная постановка вопроса? Чтобы ответить на тот и другой вопрос, положительно ли, отрицательно, зададимся еще одним. Не тем, что такое пространство и каким оно может быть, и даже не тем, каким предстает, может быть пространство во сне, в сновидении, а какими оказываются, объявляют себя те типично нами воспринимаемые (как пространства) пространства, но не во снах и не в сновидениях, а на основе снотолкований их представляющих образов. Рассмотрение их, этих пространственных по общему представлению образов, в соответствующем определяющем и распределяющем по видам и формам ключе, может, если не прямо, то косвенно предположить возможный для снов и для сновидений ответ. Опираясь в своих рассуждениях мы предполагаем намеренно не на научных, а на, скажем так, общежитейских обыденных представлениях, тех, которые находят свое преимущественное отображение в языке как средстве общения всех и каждого независимо от знаний, образования и теоретической подготовки.

Отвлекаясь от философских и физических объяснений, пространство можно себе представить как нечто, что можно увидеть, вообразить, в чем может что-то, кто-то себя проявлять, ощущать, находясь внутри либо сверху, пребывая и (или) действуя. То есть пространство в этом ключе будет тем, что потенциально либо реально в себя включает, вбирает и поглощает, заряжая по этой причине собой, создавая видимой форму как место своего пребывания. С обыденной точки зрения невозможно представить себе состояния 'быть нигде', всегда и единственно это 'быть' значит 'где-то'. Пространство в этом смысле витально и экзистенциально, предоставляя возможность существовать. Для сознания, следовательно, это если не обжитое пространство, то что-то вмещающее, что-то в себе содержащее, даже если это что-то мыслится, представляясь как 'пустота'. Второе значение слова *пространства* по МАС, наиболее близкое данному объяснению, определяет его как «2. Место, способное вместить что-л.», пространство в этом значении, следовательно, выступает как место – вмещения, положения, размещения, пребывания, бытия.

Пространственные представления объектов в их возможных отличиях и совпадениях

Отойдем и от этих теперь рассуждений, обратившись к конкретной проблеме в связи с тем, что было рассмотрено. Что являются собой как пространства зоопарк, сад или парк, сад и парк, соответственно (отчасти об этом уже говорилось, но теперь это будет в сновиденческом повороте и следующей из соответствующих толкований связи), а также, опять же только пространственно и в указанном повороте, зоопарк и зверинец, и чем оно, то и другое, может, способно, отличаться пространственно-онейрически от аквариума? Для чего придется рассмотренные ранее приводившиеся примеры с их толкованиями повернуть (имея на мысли возможную в будущем типологию) в их пространственную (онейропространственную) аспектуальность.

Начнем с простого, того отчасти, о чем уже говорилось. Каким по виду, т.е. конфигуративно, как место, мыслится для сознания в первую очередь зоопарк? Из всего того набора признаков, которые ранее были представлены, думается, не было бы чем-то несообразным представить его как такое место, в котором находятся, пребывают, "вмещаются" звери, которые, в отличие от других вероятных мест, где они также находятся и пребывают, сидят там по клеткам, в вольерах, не на свободе и взаперти. То есть это не что иное как 'локатив дислоцированно-клаузивного бестиарного хабитатива'⁶⁹. Словарные приводившиеся толкования, близкие к энциклопедическим, ничего такого, как уже ранее отмечалось, не предполагают.

Что значит для восприятия это размещенное запертое сидение диких зверей по вольерам и клеткам? Сходное, если не равное, с представлением о "зверинной тюрьме"? Вместе с тем для обыденного сознания с его антропоцентричным подходом ко всему окружающему представление это оборачивается в место, где этих самых зверей, в силу их запертой дислоцированности, можно удобно и безопасно обозревать. Локатив дислоцированно-клаузивного бестиарного хабитатива развивается, продолжая себя, в 'локатив бестиарного секуративного'⁷⁰ 'обсерватива', объединяясь с ним так, что одно без другого для сознания оказывается не представимым. При этом первое становится условием второго, которое для взаимодействующего восприятия с зоопарком является ведущим. Зоопарк – это, прежде всего, место, куда можно пойти, чтобы посмотреть на зверей. Зверинная

⁶⁹ Лат. claudo, clausum [одного корня с clavis 1) ключ; 2) задвижка, засов] 1) запираеть, замыкать; закрывать; 3) окружать; с. aliquid aliqua re обнести, окружить что-л. чем-л.; habito, habitatum 1) обитать, жить, проживать, населять; 2) пребывать, постоянно находиться.

⁷⁰ Лат. securus 1) беззаботный, безмятежный, спокойный; 3) безопасный, огражденный от опасностей, надежный.

тюрьма становится местом посещений, за плату, идущую на содержание сидящих в ней.

Опустим этическую и философскую сторону рассматриваемого представления, обратившись к еще одному важному для нас вопросу – какое отношение, сначала пространственное, а потом пространственное онейрическое, если такое удастся увидеть, имеют ко всему этому ментально представляемые образы 'сад' и 'парк'? Поскольку и в слове, точнее словах, *зоосад* сначала, потом *зоопарк*, и при толковании в словарях имеется, с точки зрения образования вполне понятная отсылка к ним – см. *зоологический (сад, парк)*. Сохраняется и действует ли она также и для представления о 'зоопарке', 'зоосаде', как о 'парке', 'саде', которые *зоологические*? И что бы это значило, не с точки зрения образования этих слов, а с точки зрения представления о 'парке', 'саде', которые 'зоологические', прежде всего пространственного представления о них, т.е. как о таких, а не других местах и локативах?

Толкование по русским объяснительным словарям того и другого (речь идет о *парке* и *саде*, *зоопарке* и *зоосаде*) уже давалось, обратимся поэтому к таким же толковым словарям польского языка, представляющих интересующее нас явление как местообъект несколько в ином повороте. Не будем вдаваться в имеющиеся разночтения и несовпадения в источниках, ограничимся лишь уже ранее цитировавшимися двумя – типичным толковым последнего времени и словарем иностранных слов. Первый содержит следующее объяснение интересующего нас слова (в переводе на русский язык), предполагая первоначально отсылку:

zoo (зоопарк) – это иначе зоологический сад (*ogród zoologiczny*)⁷¹.

С такими примерами, иллюстрирующими зоопарк как место прогулок и познавательно-развлекательного посещения с детьми: *Poszliśmy na spacer do zoo... / Мы пошли в зоопарк на прогулку... W zoo dzieciom najbardziej podobały się słonie. / В зоопарке детям больше всего понравились слоны.*

• **Ogród zoologiczny** (зоологический сад) – это огороженная территория, на которой содержатся животные со всего мира, чтобы люди могли их смотреть.

Иллюстративных примеров при толковании данного словосочетания не содержится, что в немалой степени связано с тем, что данная единица в разговорной речи малоупотребительна, выступая официальным обозначением интересующего нас объекта. Показательно также то, что в представлении о зоопарке не

⁷¹ Inny słownik..., t. II, s. 1380.

содержится мысли о саде (*ogrodzie*), зоологический сад не сад, а огороженная территория, если следовать за толкованием. Тем более это значимо, что ботанический сад (*ogród botaniczny*) в той же словарной статье, формально составленный так же, представляя собой устойчивое сочетание существительного с прилагательным (*ogród + botaniczny / zoologiczny*), объясняется через *сад* (*ogród*), во всем остальном повторяя определение при зоологическом саде:

• **Ogród botaniczny** (ботанический сад) – это сад, в котором выращиваются растения со всего мира, чтобы люди могли их смотреть. (Иллюстративных примеров и здесь не приводится.)

Из чего следует первое и основное: зоологический сад (*ogród zoologiczny*) – это, прежде всего никакой не сад. Само слово *ogród* (сад), при котором в качестве единиц расширения даются приведенные два примера, толкуется следующим образом:

Ogród (сад) – это участок земли, на котором выращиваются цветы, овощи либо фрукты. Сад обычно находится около дома либо поблизости от него.

Примеры иллюстрируют сказанное: *W ogrodzie rosły maliny i porzeczki... / В саду росли малины и смородины. ...ogród warzywny... / овощной сад ...ogród kwiatowy / цветочный сад.*

Отличие польского представления о саде от аналогичного русского можно усматривать в том, что польский сад, согласно определению в словаре, обычно при доме либо поблизости от него, что для русского представления не обязательно и предполагало бы уточнение (*сад при доме*), и что польский сад может быть более специализирован – в нем выращиваются цветы, овощи либо фрукты и, соответственно, в приводимых примерах – овощной сад, цветочный сад. Русский сад, как правило (если он не промышленный, не колхозный и не совхозный), допускает и то, и другое, и третье, и фрукты, и овощи, и цветы, а потому и специализация будет себя выражать по-другому: *огород* (где овощи), *цветник* (цветы), *фруктовый сад* (где только фрукты). Интересен также порядок: цветы, овощи либо фрукты (на первом месте цветы, затем идут овощи и только на третьем месте даются фрукты), в то время как согласно толкованию в МАС *сад* – это «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками». Сначала идут деревья, причем не обязательно и не только фруктовые, потом такие же не специализированные кусты, и только затем, в дополнение, даются цветы. Проложенные (обычно) дорожки в польском определении не отражены. Из чего можно сделать вывод, складывающийся из трех показателей:

сад типичного представления 1) в русском языковом восприятии это то, где растут (в польском – выращиваются) деревья, кусты и цветы, без указания на отношение к дому, в то время как для польского восприятия это все, согласно приведенному определению, обычно при доме либо поблизости от него; 2) для русского представления сад допускает и даже предполагает возможность выращивания одновременно и фруктов, и овощей, и цветов, для польского в саду может выращиваться и что-то одно – цветы, либо овощи, либо фрукты; 3) сад русского представления может быть предназначен не только и даже не столько для выращивания в нем каких-то полезных культур, но и для прогулок, хождения, отдыха, чему служат обычно прокладываемые дорожки, а потому, не привязываясь специально к дому, не в основном и не в первую очередь располагаясь при нем, может быть как малым, так и большим, т.е. величина, как таковая, ему для сознания не приписывается, это не определяемый с точки зрения занимаемой площади участок земли, в то время как польское представление, как можно предположить исходя из сказанного, этот участок видит закрытым и ограниченным.

Этимологически близкое польскому *ogród* русское *огород*, согласно определению в МАС, содержит именно такое, связываемое с домом, примыкающее к нему, представление: **1.** Участок земли, обычно вблизи дома, для выращивания овощей. 2-м значением, что также будет для нас показательно, дается в этом словаре у этого слова **2.** Изгородь. Значение, которое прямо следует из происхождения: *огород* – *городить*, обл. *огорода*, *ограда*, т.е. огороженное, отделенное от прочего место. У Даля, как уже отмечалось ранее, отличие сада от огорода укладывается в рассматриваемые представления: если *сад* у него бывает *плодовый*, или *потешный*, для прогулок, то *огород* «для разводки полезных, более съедомых растений», «овощник, отдельное и обычно огороженное место, обработанное под посев или посадку *огородных овощей*, съедной зелени, ботвы, капусты и кореньев: репы, моркови, картофеля, луку ипр.».

И, соответственно, близким русскому саду, хотя и не полностью с ним совпадающим, можно считать польское того же корня и происхождения *sad*:

Sad – это участок земли, на котором выращиваются фруктовые деревья и кусты.

С таким примером: *Szli czereśniowym sadem w kierunku domu.* / *Шли черешневым садом по направлению к дому.*

Из чего следует, что *sad*, прежде всего, если не единственно, должен быть фруктовым, и что он так же, как и *ogród*, может быть при доме. Иначе говоря, и *sad*, и *ogród*, будучи при доме (*ogród* предпочтительнее), предполагают различие

в специализации: если *sad* предполагает фруктовые деревья и кусты, то *ogród*, в первую очередь, цветы и овощи, фрукты в меньшей степени. Различие менее выразительное, чем между русским *садом* и *огородом*, поскольку последний, будучи специализирован на зелени и овощах, ни цветов, ни фруктов не предполагает.

Опираясь на этимологические представления, отчасти отраженные в семантике, можно было бы сказать, что если *ogród* / *ogorod* (*ogród* нас будет в первую очередь интересоваться в связи с представлением об *ogród zoologiczny*) – это исходно и первоначально огороженное место, назначаемое к выращиванию растений, в основном употребляемых в пищу, то *sad* / *cad* – это место, опять же исходно и первоначально, назначаемое к засаживанию, посадке («стараньем человека», по определению Даля) растениями, которые и декоративны, и дают цветы, плоды, радуя глаз, принося пользу и давая отдых. *Ogród* / *ogorod*, тем самым, будучи огорожен, охраняем, защищаем, более прагматичен, чем *sad* / *cad*, как место не столько огороженное и охраняемое, сколько окультуренное и приспособленное, освоенное, обработанное для эстетических, рекреативных, а не только продуктовых нужд.

Возвращаясь к представлению о зоопарке, польское *ogród zoologiczny* на первое место выставляет для сознания мысль об огораживаемом участке, территории, где содержатся животные со всех концов земли, для того чтобы можно было их смотреть. В русском *зоосаде*, *зоологическом саду* (поскольку нет возможности говорить о нем как об *огороде*) такое представление не будет основным и первым. Поскольку это *сад*, речь может идти об окультуренной стараниями человека территории, где все же, хотя и есть деревья и кусты-цветы, не это главное, а то, что это место освоенное и приспособленное для эстетических, ознакомительных и рекреативных нужд. *Зоопарк*, *зоологический парк*, вытеснивший *зоосад*, утрачивает представление об окультуренности территории стараниями человека, назначаемой к реализации таких-то нужд, заменяясь как ведущим представлением, о котором говорилось – локатива бестиарного обсерватива, куда можно прийти, чтобы увидеть зверей, нигде в другом каком-то месте не доступных вживе, из чего особый смысл приобретает признак экстраординарного (бестиарного обсерватива). Интерес в этой связи представляет (коль скоро речь идет о пространственности зоопарка) то, в какой мере и как отражает себя во всем этом то, что это 'парк', не первоначальный 'сад', не польский 'ogród'.

Польский словарь иностранных слов содержит дефиницию, существенно не отличающуюся от приведенной из толкового:

zoo «иначе зоологический сад (*ogród zoologiczny*) (→ *zoologiczny*)» <ang. *zoo(logical garden)*>

zoologiczny «касающийся зоологии» ◇ **ogród zoologiczny** «огороженная территория, предоставляемая посещающим, на которой разводятся животные, происходящие из разных географических районов и проводятся над ними научные исследования; zoo» <от *zoologia*>

Показательно в этом определении то, что это территория, предоставляемая посещающим, т.е. посещение – допустимо разрешимая, но не ведущая и не основная вещь, в то время как основным и ведущим признаком, вынесенным вперед, оказывается огороженность – отделенность, обособленность от остального. В таком представлении зоопарк становится местом исключения, отсепарирования от остального.

В свою очередь «*Uniwersalny słownik języka polskiego*»⁷² содержит несколько иные толкования интересующих нас значений, что свидетельствует о не единственности возможных представлений для сознания носителей языка:

ogród «территория, занятая под выращивание декоративных и потребительских растений с обозначенными аллеями, дорожками, грядками, украшенная газонами, клумбами цветов и т.п.»

Представление, как можно видеть, более близкое рассмотренному русскоязычному и одновременно более развернутое.

Δ *zool.* **Ogród zoologiczny** «территория, приспособленная для разведения и акклиматизации животных, происходящих из разных географических районов, являющаяся научно-исследовательским учреждением, предоставляемая для посещающих; zoo, *zwierzyniec*»

Определение содержит указание на научность (*zool.*), перед нами термин, отсюда цели зоопарка как научно-исследовательского учреждения на первом месте, территория которого предоставляется для посетителей, что не без значения, но не является определяющим и основным. В свою очередь, не терминологическое слово *zoo*, как и в предыдущих словарях, дает отсылку к «*ogród zoologiczny*».

Sad в этом словаре определяется как исключительно фруктовый, прямо передаваясь как *ogród owocowy*:

⁷² *Uniwersalny słownik języka polskiego* // sip.pwn.pl/slowniki/Uniwersalny-slownik-jezyka-polskiego.html [15.02.2015]

sad «территория, на которой высажены фруктовые деревья и кустарники; ogród owocowy (фруктовый сад)»

С примерами:

- Sad wiśniowy, morelowy, jabłoniowy. (Сад вишневый, абрикосовый, яблоневый, т.е. предполагающие строгую специализацию)
- Zbierać owoce w sadzie. (Собирать фрукты в саду)
- Dom otoczony sadem. (Дом, окруженный садом)

Англоязычное определение зоопарка (коль скоро этимологически польское *zoo* связывается с ним), согласно Википедии, в принципе мало чем отличается от приведенных:

A **zoo** (short for **zoological park** or **zoological garden**, and also a **menagerie**) is a facility in which animals are confined within enclosures, displayed to the public, and in which they may also be bred. / Зоо (сокращение от зоологический парк или зоологический сад, а также менажерия) – учреждение, в котором животные содержатся внутри оград, доступные публике, и где они могут также и размножаться.

Английское толкование включает в себя представление о зоопарке и о зоо-саде, обращаясь одновременно также и к представлению о менажерии (бродячем зверинце) в самом начале. То есть зоо может равным образом парком и садом, восприниматься в том и другом для себя направлении, не исключая возможности перемещения. Первое, на что обращает внимание данное определение, – это на помещение зверей за оградами, показательным можно также считать, что англ. *confine*, имея первым значением ‘ограничивать’, во втором означает ‘заточить, держать взаперти; заключать в тюрьму’, а *to be confined* ‘быть прикованным’. Тем самым, с позиции данного представления, животные в зоопарке, в первую очередь, не свободны, заперты, ограничены и заключены, что служит тому, чтобы быть доступными публике. Признак обсерватива, следовательно, выступает прямым продолжением их дислоцированной клаузивности в данном месте. Появляется также возможность их размножения, зоопарк, тем самым, становится местом не просто их пребывания и обитания, но и ассимиляции, укоренения, появления последующих поколений. Животные на природе и животные зоопарка предстают двумя параллельными, не пересекающимися и не соприкасающимися разновидностями того и другого вида.

Приведем еще одно англоязычное определение для сравнения с рассмотренным⁷³, небезынтересное для обсуждаемого нами предмета:

zoo (zu) / зоо

1. Also called **zoological garden**, a parklike area in which live animals are kept in cages or large enclosures for public exhibition. / Также называемое *зоологический сад*, паркоподобная территория, на которой живые животные содержатся в клетках и больших ограждениях для публичного обозрения.

2. a place, activity, or group marked by chaos or unrestrained behavior. / место, деятельность либо группа, характеризующиеся беспорядком (хаосом) либо необузданным поведением.

Заключенное в полном названии представление о саде получает развитие в определении *паркоподобная* территория, т.е. сад здесь на первом месте, а парк выступает тем, что его через подобие себе поддерживает и дополняет. Зоо, следовательно, есть тот (зоологический) сад, который территориально похож на парк, поскольку также примерно выглядит. Как и в предыдущем случае содержание живых животных в клетках и ограждениях служит целям доступности для обозрения, повторяя структурно-концептуальное соотношение дислоцированной клаузивности ради обсерватива. Небезынтересно второе значение, своей широтой (отношение к месту, деятельности или группе), не говоря о самом содержащемся далее смысле (беспорядочность, хаотичность и необузданность поведения), соотносимое с тем, которое наблюдалось для городского сленга (арго) у В.С. Елистратова и в «Словаре современного русского города».

'Зоопарк' как сепаратив (отделенный местообъект от всего остального и прочего)

Обратимся теперь непосредственно к пространственному аспекту разбираемого представления. На основании всего сказанного складывается картина о зоопарке, прежде всего, как о месте, отделенном своей огороженностью от всего остального, которая, предполагая ограниченность самостоятельного активного проявления, следующую из замкнутости помещаемых там, то, и другое, и третье имеет целью доступность для обозрения. Определяющим признаком, следовательно, необходимо считать обособление и отделенность (сепаратив – как показатель разряда, группы других возможных в том же ряду локативов), который связывается далее (для возможной подгруппы того же разряда сепаративов) с

⁷³ Dictionary of the English Language, Fifth Edition. 2011 Published by Houghton Mifflin Harcourt Company. // www.thefreedictionary.com

размещаемой замкнутостью находящихся там (дислоцированный клаузив, оба признака как не разделяемые фигурируют вместе) ограниченных в своих проявлениях (акциональный лимитатив) диких животных (бестиарность), что находит свое мотивирующее, финитно-предистинативное (целевого предназначения), оправдание в том, чтобы быть доступным для обозрения (пропозитивный обсерватив). В результате мы получаем такое значение, которое может быть выражено, будучи формализовано, как ‘локатив дислоцированно-клаузивного / акционально-лимитативного сепаратива с целевой разновидностью в бестиарно-пропозитивном обсервативе’:

Loc [(DislocClaus/ActLimit)>Bestiar(ProposObserv)] Separat

Получаемое представление о зоопарке можно определить как трехчастное. Первой частью будет включающий все остальное в себя Loc ... Separat (сепаратив-локатив). Второй, соответственно, также двучастный DislocClaus/ActLimit (дислоцированно-клаузивный акциональный лимитатив), части которого связываются между собой как целевая необходимость DislocClaus дальнейшего и ее неизбежное результативное следствие в ActLimit: замкнутость предполагает ограничение акциональной свободы. Третья часть, целевого предназначения размещенной замкнутости DislocClaus, представляя собой Bestiar(ProposObserv), также двучастна: объект – Bestiar (дикие звери, животные) назначения в ProposObserv (доступность для обозрения).

Если из этой формулы и, соответственно, представления убрать бестиарно-объектную как финитно-предистинативную часть, полученное (при соответствующем дополнении) окажется равным значению мест заключения, т.е. лагерю и тюрьме. Зоопарк от лагеря и тюрьмы отличается только характером, видом объекта для него характерного и ему придаваемого предназначения, т.е. того, что внешне, а не переживаемо внутренне. С точки зрения тех, кто находится там (животные в зоопарке, заключенные в лагере или тюрьме), это отличие, может, не столь и существенно, а предназначение – быть объектом всеобщего обозрения либо общественного, т.е. также всеобщего, наказания и осуждения, составляя элемент морально-этического дополнения, трудно сказать, в какой мере по-разному переживается, представляя собой предмет размышления над показателями своего сенситива.

В свою очередь, если в указанной формуле заменить одну только ее составляющую, животную Bestiar, на человеческую Human, получится то представление, которое известно под видом так называемого *человеческого зоопарка* (Human Zoo), известного тем, что в вольерах и клетках для обозрения публики

помещались не звери, а люди, представители своим внешним видом существенно отличающихся от европейцев этнических типов и рас. Цель подобного предприятия, имевшего место в XVIII и XIX столетиях, ничем практически не отличалась от зоопарка зверей, сопровождаясь разве что дополнительно представлением о том, что есть люди и люди, которые только по некоторым своим признакам объявляют сходство с людьми, будучи мало в чем отличающимися от животных, во всяком случае недалеко от них отошедшими, не столько, может быть, внешне, сколько по не цивилизованной природе своей. Представление, возникающее на этой основе, следующее из концептуально-морализаторского расширения финитно-предистинативного компонента подобного зоопарка, неизбежно будет иным, отличным от зоопарка звериного, не только и не столько, может быть, увеселительно-развлекательно-познавательным, сколько супрематистским, оправдывающим акционально-экзистенциальную необходимость колониально-расистского европеоцентризма. Впрочем, все это было бы за пределами разбираемого нами предмета.

К рассуждению о человеческом зоопарке примыкает отчасти известный из французской истории полумифический, скажем так, сюжет. Мифический – в силу сомнительно-опровергаемой рядом историков полуправды, с одной стороны, а потому и полумифический. И как проявление "небожительского" проявления земного воплощения Аполлона, с другой, – короля, бога-солнца, с охотой, луком и стрелами: свет и радость экстаза дионисийства, смешанные с девичеством и чистотой Афродиты-охотницы во вседозволенном, поскольку божественном, полубогам полагающемся, соединении, и поэтому также полумифическом. Речь идет о так называемом парке с оленями Людовика XV. Одними подобное заведение рассматривалось и продолжает рассматриваться как притон на открытом воздухе его старческого разврата с малолетними девочками (не старше пятнадцати лет), "нагоняемыми" для подобного рода королевской охоты в этот парк егерями, размещаясь по домикам и павильонам (как в вольерах и клетках). Другими все это, считаясь досужим вымыслом, имевшем целью уронить моральный облик, а тем самым, и само достоинство короля и представляемой им власти в глазах его подданных, определялось как место его уединения, отделенное от всего остального в Версале (т.е. опять же сепаратив), парк с павильонами и беседками для отдыха и размышлений.

Как в том, так и в другом равно возможном для нашего рассуждения случае, поскольку наша задача состоит в уяснении не исторической правды, а существующих представлений о ней, в том числе и мифических, полумифических, а

потому полуправд и неправд, – в обоих случаях имеет смысл говорить о парке как "огороженном", обособленно-недоступном, закрытом месте, замкнутом для посещения всех остальных.

Иными словами, формула локатива-сепаратива, продолжая оставаться сепаративом дислоцированного клаузатива, в дальнейшей части претерпевает определенные изменения, которые делают парк с оленями чем-то принципиально иным, противоположным заложенному в зоопарке обсервативу. Не будем, однако, далее его определять, поскольку следующий уровень уточнения потребовал бы различения парка не только с оленями, но и с "оленьями" для удовлетворения старческих половых перверсий и парка только с оленями для уединенного отдохновения измученного государственными обязанностями правителя, а это бы не входило в задачу, хотя и давало бы представление о разных возможных типах, в том числе и имагинативного локатив-сепаратива. Неполная формула такого парка, с опущенным третьим, определяющим, компонентом могла бы выглядеть следующим образом: *Loc [(DislocClaus/ActLimit)> ...] Separat*, при *ActLimit* возможным, но не обязательным и по-другому (по сравнению с зоопарком) себя воплощающем.

Можно было бы задаваться вопросом, если бы такой парк с оленями, в том либо другом своем виде, приснился кому, было ли бы это чем-то таким же, как выводилось для него в отношении локатив-сепаратива дислоцированного клаузатива с тем или иным своим расширением, предполагающим то и другое разные имагинативные образы, а тем самым, и разные следствия для них? Отнесемся к поставленному так вопросу как к теоретическому, а потому оставим его без ответа, перенеся проблему в широкую плоскость – нечто, о чем имеется более или менее определенное в общем сознании представление, которое можно вывести и показать (как это выглядело в парке с оленями, с человеческим зоопарком, к примеру), это нечто как имагинативный сновиденческий образ будет, не толковаться, а определяться в составе признаков так же или не так?

О том, что на основе одного и того же пространственного объекта реальной действительности возможно возникновение разных имагинативных образов, уже говорилось и, следовательно, сами наборы признаков, укладываемые в те или иные формульные ряды (как это было показано на примере рассмотренного определения значений у 'зоопарка'), эти наборы признаков и формульные их ряды будут у одного и того же объекта разные. Продолжая теоретически рассуждать, можно было бы предложить примерно такое возможное разрешение. Существующее в сознании представление об объекте, будучи многосторонним, спо-

собно формировать представления частные, своего рода векторные, которые, образуя единство и целостность каждое по отдельности и для себя, выкладываются в некие образы. Те, в свою очередь, могут стать имагинативными, т.е. образами различных видов и способов видения и воображения, часть из которых становится, может, точнее, стать сновиденческими имагинативными образами, которые, в свою очередь, могут по-разному разными интерпретаторами затем толковаться, как общие, могущие являться в своих значениях разным, так и, на основе различных методик, как частные, типовые и индивидуальные.

Образы, о которых речь, будь то возможные на основе представлений, общих и частных, будь то имагинативные или сновиденческие имагинативные, общие, типовые, индивидуальные, соотносятся, а возможно, лежат в основе, существующих языковых значений соответствующих уровней, групп, разрядов, подгрупп, подразрядов, общих, частных, индивидуальных и пр. Приняв такое теоретическое по своему характеру объяснение, а потому во многом предположительно допустимое и не жесткое, обратимся теперь к дальнейшему рассмотрению выбранного для этого материала, чтобы увидеть, что и как действительно проявляет и действует в отношении его.

Для начала вернемся к тому представлению зоопарка, которое, легши в основу тех переносных значений у слова, которые, находя свое воплощение в значениях, объясняемых в русскоязычной традиции как типичные для городского сленга (арго), а в англоязычной, без обобщения, на материале одного только приведенного словаря, как значение 2, давало бы результат, отличный от только что перед тем рассмотренного.

Речь, тем самым, пойдет не о том, как зоопарк, в котором звери сидят по клеткам, и зоопарк как неразбериха, хаос, беспорядок и необузданность, связаны и соотносятся между собой, о чем уже ранее говорилось с применением представления, основываемого на рецепторно-сенситивных признаках восприятия характеризуемого объекта. Речь пойдет (чтобы двигаться далее, оттолкнувшись от выведенного и ранее сказанного) о том, как лежащие, в основе того и другого значения, восприятия, представления, признаки, формируясь в какие-то формульные ряды, связываются с пространственным аспектом характеризуемого зоопарка, которые а) представляют его как локатив или не локатив, и какой локатив, если первое, какого вида и типа; б) как этот локатив или не локатив относится к воображениям о других локативах (не локативах), какое потенциальное место он может занять в их ряду, имея в виду его, этот ряд, как типологию имагинативных сновиденческих образов (ибо они представляют собой рассматриваемые

мый нами предмет) и, наконец, и как частное, в) как эти самые признаки для двух представлений о зоопарке (где звери сидят и где неразбериха и беспорядок) связываются или не связываются с тем, что зоо может равным образом мыслиться как 'зоосад' и как 'зоопарк', т.е. как то и другое находит свое выражение, если находит, в том, что в сознании имеется представление о том, что есть 'сад' и есть 'парк', что это нечто похожее и не вполне, и что, если есть для сознания 'зоологический сад' и 'зоологический парк', то один ли и тот же это будет имагинативный, а затем и сновиденческий имагинативный образ или два разных.

При этом последнем пункте надо будет отвлечься от большей либо меньшей употребительности, актуальности либо не актуальности и устарелости *зоосада* как слова для современного русского языка по сравнению с *зоопарком* как словом. Поскольку не в этом дело, а в том, чтобы выяснить, что за пространство такое, которое 'зоосад', а что за пространство, такое же или другое, которое 'зоопарк', и при этом не для себя, а для сновиденческого имагинативного образа, который будет то ли один для них общий, то ли для каждого свой, а потому и два разных. Вопрос, который иметь будет как теоретический, так и типологический далее выход и результат. При том, что, забегая вперед, следовало бы сказать, что, опираясь на материал словарей толкования сновидений, мы не увидим никакого отличия между тем и другим, зоопарк или зоосад, зоо, зверинец (*menagerie*, *menagerie*) различаться не будут, представляясь как один и тот же сновиденческий образ.

Можно поставить, опять же несколько забегая вперед, вопрос о том, а одно ли и то же, для представления и сознания, 'зоосад' и 'зоологический сад', 'зоопарк' и 'зоологический парк'? Думается, что все-таки нет, и дело тут не только в характере вербального оформления: *Мы были с ним в зоопарке* и *Мы были с ним в зоологическом парке* все же разные вещи. И если легко допустимо представить что-то вроде высказывания *В зоологическом саду мы видели самых разных зверей*, то уже *В зоосаду мы видели самых разных зверей* будет рождать для себя определенные и не случайные неудобства. То, что легко выкладывается и легко представляется для одного его обозначения, для другого его же обозначения будет связываться с определенным рода недоумениями и неловкостью. И можно предположить, ничто не мешает этому, что упирается все это не в оформляющие и называющие это место слова, а в представления, стоящие за словами. Используя терминологию, принятую в семасиологии, не углубляясь в детали предмета, можно было бы (вроде бы) говорить о денотативных совпадениях при сигнификативных отличиях: *зоопарк* и *зоосад* денотативно суть одно и то же, но, выра-

жая себя с помощью разных слов, порождают разные представления об одном и другом.

Обращение к денотату и референту, однако, в интересующем нас предмете и случае мало в чем может помочь, поскольку одно и то же можно самым разным способом, обозначив, назвать, и это не объясняет ничего из того, о чем речь, поскольку денотативные признаки называемого во многом условны. Речь же идет не о денотате и референте, и не о сигнификате того либо другого называемого, обозначаемого словом денотата и референта, речь идет об образе, который, будучи свойствен сознанию и представлению, становится далее, может, способен стать имагинативным образом, образом семантической мотивации того либо другого значения, сновиденческим имагинативным образом, причем во всех этих случаях это может быть общая для сознания единица. Переведя все сказанное в наглядно-конкретную плоскость, вопросом было бы – может ли сниться, присниться кому-либо зоосад, который, с его точки зрения и в его восприятии, зоосад, но не зоопарк? И он будет настаивать – я не зоопарк, я зоосад во сне своем видел. И будет ли, следуя далее, зоопарк одно, одним каким-либо имагинативным сновиденческим образом, а зоосад другое, другим имагинативным сновиденческим образом? Тем более это важно, что и зоопарк способен себя проявлять не в одном своем имагинативно-сновиденческом образном виде.

Пойдя несколько в сторону, а может быть, также и далее, с определенной долей уверенности можно бы было сказать, что имагинативно не одно и то же то (все остальное будет неважно), что передается словами, одновременно и представляясь за ними, «я нахожусь в зоопарке (брожу, хожу, стою, смотрю в нем и пр.)», «я вижу (представляя в сознании), что нахожусь в зоопарке», «я думаю (воображая в мыслях), что нахожусь в зоопарке», «я вижу во сне, что нахожусь в зоопарке», «я вспоминаю утром, что видел во сне, что нахожусь в зоопарке», «я, вспоминая, рассказываю, пытаюсь в деталях припомнить свой сон, что нахожусь во сне в зоопарке». Оставим, однако, эти различия без рассмотрения, лишь обозначив их как вполне допустимые в отношении имагинатива, т.е. для воображения как в воображении "видимого".

'Зоопарк' как сепаратив проекций не обязательно имагинативно единого

Оттолкнемся от этого «я нахожусь в зоопарке» как момента переживания пребывания в соответствующем указанном месте. Что переживается, что находится перед глазами, что воспринимается вместе с этим и одновременно на слух,

на нюх, всем телом и кожей? Комплекс всех этих раздражителей для того, а не другого, не всякого зоопарка, равно как и индивидуально, будучи специфическим, неповторимым, с точки зрения восприятия и затем осознания, редуцируясь, фильтруясь, просеиваясь, подсознательно и ненамеренно, получит в наиболее общем, типичном случае оформление обобщенное, способное потенциально быть предметом коммуникативно обработанной передачи. Воспринимается, в наиболее общем, типичном случае, снова следует подчеркнуть, не столько то, что действительно есть, а то, что выхватывается сознанием на основе его знания-опыта, на основе существующих в нем представлений, оформляемых ментально, вербально и образно.

Представим себе теперь, что «я нахожусь в зоопарке» сигнализируется сознанием, с одной стороны, как место, в котором звери сидят в вольерах и клетках, и их по этой причине можно, ходя по аллеям, спокойно себе рассмотреть. В то время как с другой стороны, то же самое, то, что звери сидят в вольерах и клетках, сопровождается шумом и гамом, криками, звуками, запахами, движениями, шевелениями либо, напротив, неподвижными состояниями, сидениями, стояниями, жеваниями и пр. все тех же животных.

Будет ли восприниматься это место, в котором «я теперь нахожусь», как отделенное для меня от всех остальных? Видимо, все же будет, может, не с позиции представления "отделенное", а такое, которое по всем этим мною воспринимаемым признакам в данный момент не похоже на все остальные, особенно, отличается в этих особенностях от всех остальных, а потому и предполагает особенность моего при нахождении в нем переживания. Эту особенность спокойно в принципе можно перевести в представление отделенности, исключительности и обособленности. Тем самым, и в случае тех значений, которые себя проявляют как сленговые шума, неразберихи, необузданной неуправляемости, хаоса и беспорядка, можно было бы говорить об имажинативном образе локативного сепаратива, хотя и другого, сопровождаемого не столько признаками (DislocClaus/ActLimit>Bestiar(ProposObserv), которые теперь становятся мало важными или даже не важными, сколько укладывающимися в такое представление о шуме и если не хаотичности, то нерегулируемой множественности издаваемых звуков и производимых движений, которое не соотносится ни с каким известным другим.

Иными словами, это был бы сепаратив производимых движений и воспринимаемых звуков (а также запахов, ощущений и пр.), который связывается не только с местом, но и с активностью, проявлениями тех, кто находится в нем, что

не исключает также и места, поскольку, с одной стороны, нигде находиться нельзя, а с другой, те, кто так себя проявляет, проявляют себя в этом месте, данное место характеризуя собой с соответствующей беспорядочно-хаотической, неуправляемой стороны. Из этого следует то, что, будучи ранее названо векторностью, можно считать определяющим для представления о чем-либо (нахождения где-либо, в чем-либо) в отношении возникающих на его основе проекций, его концептуальных и рецептивных "образов", которые, становясь в воображении "видимыми" либо кажущиеся, воображаемые видимыми, будучи по этой причине имагинативными, могут также как имагинативные образы себя объявлять и во сне. Отсюда, как следствие, образ может выпячивать и заслонять те свои "признаки", которые связываются у него для него с переживанием его как локатива, чувствованием его как места в себе и себя в нем как в месте.

Тем самым, выходит, что беспорядок, хаос и шум могут восприниматься мной как то, что я переживаю в данном таком-то месте, в нем находясь, и могут восприниматься, но не привязываться и как бы не следуя прямо из места моего в тот или иной момент нахождения, равно как и одного только воображения о нем. Векторность представления то и другое равно предполагает. Следовательно, то, что сепаратив производимых, необычных поскольку, движений и звуков становится сепаративом данного локатива, локативным сепаративом (имеющим отношение к месту, которое вместе с тем не определяет его), либо сепаративом не локативом, вне локатива, оторванным в восприятии от него, – все это, то, и другое, и третье, зависит от имагинатива, моего представления и воображения о нем.

Что касается парка и сада применительно к зоо, но для начала без такового, может ли то и другое восприниматься в пространственном отношении как сепаратив? Это видится важным, поскольку при приводившихся толкованиях зоопарка и зоосада (с отсылками к *зоологический – парк* или *сад*) мало когда говорилось, что то и другое все-таки парк или сад, но учреждение, огороженная территория. Если вспомнить этимологическое определение парка („Старшее знач. французского *parc* – «отгороженное место», «загон»»⁷⁴) и то первоначальное представление как об очищенной (чистой) рощи, обычно огораживаемой (англ.), которое дается у Даля, то сепаратив для него, изначально заложенный, может быть осущитим. В отношении сада, как места насаженного растениями и приспособленного человеком для своих нужд, такого весомого отображения сепаративного признака для представления о нем мы уже не находим, ведущими будут другие.

⁷⁴ П.Я. Черных: Историко-этимологический словарь...

Порассуждаем на эту тему с позиции возможного для того и другого, переживаемого, скажем так, восприятия. С чем, как место, ассоциируются, связываются в сознании не то, чтобы в первую очередь, но как наделенные соответствующим представлением, парк и сад, способны ли они и в каком отношении, если способны, одно другое собой заместить? С точки зрения современного представления, сад и парк не одно и то же. И хотя парк толкуется через сад («Большой сад, роща с аллеями и т.п.»), воспринимается он как такое место в городе, в котором нет, прежде всего, городского движения, растут деревья, стоят скамейки и тишина, что связывается с его особым все в том же городе предназначением. В то время как сад, если это не так называемый садовый участок, загородный обычно и не публичного пользования, это что-то совсем другое, с точки зрения предназначения, – либо это ботанический сад, либо фруктовый, промышленный, сельскохозяйственный, коллективный. Для современного представления, следовательно, сад и парк как явления разошлись. Небезынтересно с этой точки зрения то, что если зоологический сад, зоосад, еще первой половины XX века, стал, в конечном итоге, зоологическим парком и зоопарком, вытеснив во второй половине того же столетия зоосад, то сад ботанический так и остался садом, своего представления, связанного с назначением, не поменяв.

Основным отличием парка от сада, при всех несомненных сходствах, следует в связи с этим искать в их предназначении. Парк предназначен и открыт для публичного посещения с целью прогулок и отдыха. Сад – для работы в нем с целью выращивания каких-то растений, деревьев, кустов, цветов, предназначенных для наблюдения над ними, формирования, проведения опытов, демонстрации результатов (ботанический сад) либо для получения плодов. Прогулка и отдых в нем, а также возможное посещение публикой не цель и не предназначение, могут рассматриваться как нечто сопровождающее и дополнительное. Общим для парка и сада, помимо растущих там и там деревьев, трав, кустов и цветов, наличия дорожек, скамеек, качелей, грядок и клумб, можно считать возможность контакта с живой природой в ее растительном проявлении, природы как флоры. Зоопарк к этому добавляет возможность контакта с животными, т.е. природы как фауны, оттесняя флору на задний план.

Будем считать, что именно это, с интересующей нас стороны, объединяет представление парка и сада – возможность взаимодействия и контакта с живой природой в растительном, вегетативном ее проявлении, которого нет, не хватает в условиях современного города. В первую очередь, применительно к городу об этом, видимо, следует говорить, поскольку, если какой-то такой же, открытый

для публичного посещения, сад или парк имеется также в деревне, то его назначением, предполагаемым и приписываемым, будет нечто другое. При значительно большей возможности контакта с живой природой у деревенских жителей по сравнению с городскими, по причине чего таковая потребность у них имеет иной характер. Ведущим признаком такого парка либо сада для них будет возможность публичного посещения и в нем появления, с тем чтобы себя показать и людей посмотреть (индикативно-остентативный⁷⁵ признак контактно-коммуникативной потребности). Без необходимости, с одной стороны, привычной сельской работы в нем, как в совместных фруктовых садах либо у себя на участке, а потому для переключения и отключения от привычных видов времяпрепровождения и деятельности. В связи с чем, по всей видимости, все же не прямо для отдыха (хотя для прогулок, но прогулки по парку и саду специфичны по-своему, о чем следует говорить), поскольку 'отдыхать' деревенского представления вряд ли будет соотноситься с возможностями садово-паркового контакта с природой. В то время как с другой стороны, эта публичность, открытость, доступность для появления в нем всех и каждому, будет иметь для деревенских жителей, скорее и в первую очередь, культурно-коммуникативный, цивилизованный, скажем так, характер, отличный от такого же открытого и доступного для посещения (и, соответственно, появления в них) других, не рабочих и "диких" природных мест – полей, лесов, рек, озер, рощ, оврагов и всего прочего, имеющегося на открытых деревенскому взору пространствах.

Выводимые на этой основе признаки, такой, как 'контактно-обсервативная адьюнктивная (приобщенная) вегетативность', предполагающая такой вид взаимодействия с живой природой, который, вольно или невольно, сознательно или нет, дает ощущение связи с растущим, движущимся, преобразующимся в растениях (не только растениях – птицах, белках в парке-саду) проективном, скажем так, коде, который, присутствуя в человеке, как правило, не ощущается им, а потому вызывает особые, симулятивно-стимулятивные по своему характеру переживания и чувства. Как ограниченная, обычно не вмешивающаяся и также 'контактно-коммуникативная публичность', если не индикативно-остентативная, представляющая себя на всеобщее обозрение и других для такого же обозрения для себя, то обсервативная, т.е. наблюдающая, допускающая такую возможность, предполагающая на сей раз взаимодействие не с живой природой, а с живыми

⁷⁵ Лат. *indico, indicatum* 1) указывать, определять; 2) показывать, заявлять, открывать; 3) отражать, проявлять, выражать, обнаруживать; *ostento, ostentatum* ... 2) показывать; указывать в качестве примера; 3) (хвастливо) выставить напоказ, хвастать...

людьми на природе, в "освобожденном" для них от всего остального, скажем так, если не общении, то конгрессивном⁷⁶ контакте с ними. То есть это будет публичность с дополнительным признаком конгрессивной эмансипативности, отделенности от другого, привычного, втягивающего в свою колею. И далее признак, который можно определить как 'амбулятивность'⁷⁷, предполагающий перемещение, хождение по кругу, взад и вперед, расслабление, отключение, переключение в сферу нецеленаправленной деятельности, освобождающей от выполняемых обязанностей, регуляций, забот и хлопот. Тем самым, это будет 'релаксативно-трансмутативная амбулятивность'. И тот же признак, который можно представить как 'спациативность'⁷⁸, с упором не столько на перемещение и хождение по кругу, туда и сюда, сколько на своеобразный выход в пространство, подключение, предоставление себя ему, распространение, расширение в нем как во что-то привычно другое, живое, открытое, большее, что бы предполагало своим уточнением 'экзито'⁷⁹-эмансипирующую спациативность'.

Все эти признаки, в принципе, можно рассматривать как такие, которые свойственны парку, а отчасти и саду, может быть только в другом порядке и с дополнениями, которые мы не будем распространять, как локативному сепаративу, отделяющему, отключающему эти местообъекты от того другого, которое рядом, на фоне и проявляет себя в их связи. Парк и сад воспринимаются и осознаются в привычном пространстве, прежде всего городском, но и деревенском, как то, что вокруг не сад и не парк, как обособленно-отделенные в этом смысле и на этом фоне места – по тем признакам, которые были приведены. Воспринимаются ли они как такие, которые составляют и насыщают собой этот самый сепаратив или же сепаратив этот в них не осознается и не ощущается, будет зависеть от актуального поворота, аспекта, их для сознания, для того или иного высказывания, либо сна, отображаясь в для себя характерном в каждом подобном случае имагинативном и концептуальном "образе", стоящим за тем либо другим таким поворотом. *В парке было тихо, (только) чирикали птички, где-то внизу журчал протекавший ручей.* О какой тишине идет речь, если звуки были, чири-

⁷⁶ Лат. *congregior, congressus sum* 'сходиться'; с. *cum aliquo* 'находиться в сношениях (поддерживать общение) с кем-л.'; с. *inter se* 'повстречаться'; *congressio* 1) встреча, сближение, связь, общение...; *congressus* 1) сближение, схождение, общение...

⁷⁷ Лат. *ambulo, ambulatum* 1) ходить, прохаживаться, прогуливаться, гулять; бродить, расхаживать; проходить, проезжать...; *ambulatio* 1) хождение взад и вперед; гулянье, прогулка; 2) место для прогулок.

⁷⁸ Лат. *spatior, spatiatum* 1) прохаживаться, прогуливаться; 2) расширяться, распространяться; от *spatium* 1) пространство, протяжение, простор, место; 2) величина, размеры, длина; 3) расстояние, промежуток; отрезок, путь ... 5) место для гулянья...

⁷⁹ Лат. *exitus* 1) место выхода, выход ... 3) цель ... 5) развязка; заключение; исход, конец, завершение; 6) результат...; от *exeo, exitum* 1) выходить, уезжать ... 2) вытекать ...

кали птички, журчал ручей? О той, которая связывается с природой и исключает шум человеческий и городской, т.е. это будет сепаратив контактно-обсервативной адьюнктивной вегетативности. Другой пример будет давать другое его проявление. *Мы долго ходили по парку, беседовали, он мне очень понравился в этом новом для нас окружении.* Что можно считать проявлением сепаратива экзито-эмансипирующей спациативности. Или какое-нибудь *Мы с ним встретились в парке. Я ее видел в парке вчера,* – как сепаративы конгрессивно-контактной публичности.

То же самое могло бы касаться и обстоятельств сновиденческих проявлений, в которых возможная и заложенная изначально сепаративность либо будет иметь значение, определяя интерпретируемый в толковании далее смысл, либо такого значения может и не иметь, оставляя его за кадром, на заднем плане, фоном и тоном чего-то другого, более важного, выставяемого на первое место. Попробуем показать это на примерах сновиденческих толкований о зоопарке, от сада и парка как сепаративов уже отойдя. Важным для этого рассуждения будет (помимо общей идеи сепаратива, себя обнаруживающего либо нет) аспектность, концептуально-оценочные и сенситивно-эмотивные повороты общего в представлении 'зоопарка' (а также 'зверинца') как имагинативного, проявляющего себя в сновидении, образа (либо образов), сходного (сходных), если не полностью совпадающих в конфигуративе исхода. Рассмотрим лишь некоторые из них, ранее характеризовавшиеся и цитировавшиеся, опуская отсылки к источникам, не суть важные в данном случае.

Об аспектуальности ментально-имагинативных проекций

То, что «видеть во сне посещение зверинца – означает множество неприятностей в ближайшем будущем», можно воспринимать как аспект, для которого признак сепаративности выглядит несущественным. На первое место выносятся признак, связываемый с его 'бестиарностью', из которой следует такое имагинативно-образное представление о зверях, находящихся в нем, которое определялось нами как 'инкорпоратив деструктивного реверсива' – 'дикость' внутри человека, в нем самом, которая, резонируя с окружением, встречаясь с ним, находя, ощущая, воспринимая с его стороны негативную, расщепляющую, отделяющую от прогрессивного позитива поддержку (сепаратив инкорпорирующего деструктив-реверсива), переносится, трансмутирует в «я» к его достижениям в ближайшем будущем.

'Зверинец', а также и 'зоопарк', как имагинативный образ, воспринимается в этом случае как то, особое по своему характеру, место, в котором находят свое выражение, выходят наружу, начала звериного в человеке, разрушительно действующие на его человеческую природу, препятствующие его успеху, развитию и продвижению вперед (через уподобление человеческого начала звериному в нем же). 'Зверинец' и 'зоопарк', предстают, тем самым, как то, что, как бестиарное, неуправляемо, задерживает, останавливает, тормозит, тянет назад и, тем самым, разлагает, расподобляет и портит. Это был бы своего рода перверсивно-дегенеративный⁸⁰ аспект 'зоопарка'.

Ему соответствующий имагинативный образ, стоящий за ним, представлял бы его как место, дышащее скрытым жаром охваченных страстью тебя-поглощения и причинения тебе вреда человекозверей, пугающий страх от которых и разносимое в необузданной дикости зло, не осознанное, не ощущаемое, хуже, чем воспринимаемое и осознаваемое, поскольку его такое трудно, не видя, предотвратив, от себя отвести. Опираясь на приведенную формулу $Loc [(DislocClaus/ActLimit) > Bestiar(ProposObserv)] Separat$, следовало бы сказать, что, если второй компонент ($DislocClaus/ActLimit$), присутствуя, отступает на задний план, при объемлющем сохранении первого – $Loc \dots Separat$, то развитие получает третий – $Bestiar(ProposObserv)$, с необходимым, развертывающим уточнением в $Bestiar$ (указанные признаки поглощения и необузданной дикости, ведущие к разрушению), с переворачиваемым, обращаемым смыслом в ($ProposObserv$), при котором тем "предлагаемым к обозрению", т.е. объектом воздействующего, контактирующего, инкорпорирующего, входящего, разложения становится сам сновидец, его ничего такого не подозревающее и не готовое к этому «я».

Три последующих снотолкования из приводившихся ранее:

Если вам приснился зверинец, то это значит, что вам предстоят контакты с людьми, которых только обстоятельства будут удерживать от враждебной деятельности по отношению к вам.

Menażeria

Встретишься с неприятными людьми

Menażeria (zwierzyniec) – познакомишься с неприятными людьми, –

⁸⁰ Лат. *perversio* 1) переворачивание; 2) *перен.* извращение; *perversē* 1) превратно, дурно; 2) неправильно, наоборот, от *perverto, perversum* 1) опрокидывать, переворачивать ... 2) ... расстраивать; портить, губить; *degenero, degeneratum* 1) выродиться, переродиться, измениться, испортиться; 2) превращаться, переходить.

можно рассматривать как развитие того же самого имагинативного образа с акцентами на те либо иные признаки его представления и их уточнениями, что, осложняя своими подробностями процедуру, мало что вносило бы в то, о чем говорится. Образ и объясняющая его составное значение формула оставались бы принципиально теми же, поэтому мы не будем входящие в нее признаки уточнять.

Еще одно представление, соотносившее 'зоо' с 'тюрьмой' и 'оранжереей':

Зоо → **Тюрьма** – изменение естественного положения вещей, создание искусственного рая на земле; → **Оранжерея**, –

обращает внимание на тот аспект, который видит в зоо, прежде всего, то место, в котором естественность и природность животного (как витального и экзистенциального, не звериного, т.е. бестиарного) состояния оказывается нарушенной вмешательством, а потому и искусственной, со стороны человека. Цель и внутренний смысл такого вмешательства воспринимается как стремление, отгородившись (зоопарк как ограда и, следовательно, отделяющее от остального и сепаратив) от внешнего и окружающего, создать некий мир, существующий по своим и улучшенным правилам (ср. окультуренное пространство, себя проявившее, в первую очередь, в отношении 'сада', а тем самым и 'зоосада', а с ним, отчасти и 'зоопарка').

Не будем входить, развивая, в детали подобного представления, остановившись на определяющем признаке, распадающемся, собственно говоря, на два взаимосвязанные. Первый, сводимый к первой части снотолкования, становится необходимым условием для второго, соотносимого со второй его частью. Речь идет об изменении, нарушении, можно сказать, искажении, для создания чего-то нового и совершенного. Первая часть, определявшаяся нами как деформатив (в отношении *rerum natura*), оборачивается креативом артефактного беатификатива⁸¹ части второй: деформатив натуратива > креатив артефакт-беатификатива.

Формула (будем рассматривать ее как исходную), содержащая конструктивно организуемые признаки, характерные для определения 'зоопарка', Loc [(DislocClaus/ActLimit) > Bestiar(ProposObserv)] Separat, сохраняя объемлющий первый свой компонент Loc [...] Separat, поскольку 'зоопарк' в разбираемом случае предстает именно как отделяющее от всего остального местопространство, начинает претерпевать изменения в отношении двух других своих компонентов. Третий, Bestiar(ProposObserv), при таком толковании отступает на задний план, –

⁸¹ Лат. beatificus [beatus + facio] 'дающий счастье, приносящий блаженство'.

не суть важно то, что звери, сидящие там, служат объектом, предлагаемым к обозрению, не это делает определяющим вводимое представление об искусственном рае. Возникает в этой связи вопрос – отступление, отход компонента на задний план предполагает его, если не нейтрализацию, то затенение или, если не замещение чем-то другим, то проступание в нем каких-то в другом своем виде иных, хотя собственных, "затененных" признаков? Иными словами, звериное в Bestiar, предлагаемое в Propos к обозрению в Observ, поворачивается в себе другими какими-то сторонами, заслоняя в себе же одно и выставляя, выводя на поверхность другое? Попробуем ответить на этот вопрос после определения второго формульного компонента.

Итак, перед нами DislocClaus/ActLimit, дислоцированно-клаузивный акциональный лимитатив, предполагающий, что находящиеся в данном пространственном месте, в нем, в этом месте, по своим местам и порядкам распределены, Disloc, и в этих местах своих замкнуты, Claus, что ведет и сопутствует ограниченности в Limit их свободного проявления в перемещении и, соответственно, деятельности (акциональности) применительно к Act. Заданием будет установить, в какой мере и как все это согласуется с представлениями о деформативе натуратива в креативе артефактного беатификатива. Замкнутость и ограниченность активной деятельности тяготеет будет к деформативу натуратива. То, что закрыли кого-то где-то, лишив свободы и ограничив в возможностях акционального проявления, воспринимается, интерпретируется именно как подобного рода деформатив, нарушение, искажение его натурального положения. То, что все это сделано не беспорядочно и не как-нибудь там, а с распределением по местам и порядкам в Disloc, приближает к идее беатификатива. А поскольку это делается по плану, создается, организуется, строится и формируется, беатификатив этот выглядит как артефактный и следует из креатива. Получается, таким образом, что разбираемый признак Disloc, задуманный как организация и порядок внутри локатива, становится, собственно говоря, полученным результатом, следствием артефактного креатива, а то, что он воспринимается при этом как беатификатив, будет следствием уже из него самого, т.е. дислокатива. В свою очередь, замкнутость и акциональная ограниченность Claus/ActLimit, связываясь необходимо с Disloc (поскольку иначе как возможно было бы по местам и в порядках зверей разместить, если не запереть их по клеткам, вольерам, расставленных в рядах тут и там?), оказываются, поворачиваясь соответственной аспектуальной своей стороной, нарушением, искажением, натурального положения вещей (в отношении запертых по клеткам животных), – деформативом натуратива.

О КОНСТРУКТИВНОЙ РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРИЗНАКОВ (ЗАМЕЧАНИЯ К БУДУЩЕЙ ТИПОЛОГИИ)

Из всего этого следует, что те или иные признаки, осознаваясь и воспринимаясь в том или ином своем виде и проявлении, могут быть так же, как и в исходной формуле, далее конструктивно распределены и определены. Иными словами, на их основе могут получаться свои собственные конструкции, входящие компоненты которых могут отыгрывать, при восприятии и затем в представлении, свою собственную, более или менее важную для того или иного значения, роль. При этом роли и места-повороты следует видеть как обратимые и организуемые, поворачиваемые, устанавливаемые в разных порядках и видовых положениях в зависимости от направления мысли о них. То есть в зависимости от придаваемого им смысла и стоящим за всем этим организуемым строем представления. Обращаясь к рассматриваемому второму в исходной формуле компоненту, сказанное с опорой на произведенные в предыдущем абзаце распределения можно бы было представить как-нибудь так:

Disloc /CreatArtefact/ > Claus/ActLimit(DeformNatur) Beat, что следовало бы читать примерно в таком отношении: организованная размещенность Disloc, как результат того, что искусственно создано человеком /CreatArtefact/, хотя и ведет к замыканию Claus, связанному с ограничением в деятельностном проявлении для ActLimit, представляющим, собственно, искажением натурального положения вещей в DeformNatur, подразумевает некое лучшее, рай на земле в Beat.

Все это входило бы в общую для них трехкомпонентную формулу, подразумеваясь в ней, скрыто и неосознанно либо, напротив, явно и осознаваемо, в зависимости от аспектов мысли о данном предмете (зоопарке, рае, оранжерее, тюрьме и т.п.) и вводимых в нее, соответственно, концептуальных задач. Как в

случае с тем либо иным его "снотолкованием", равно как и чем-то интерпретативно другим. При самом же данного вида и рода снотолковании некая часть общей формулы представления, отступая на задний план, понимаясь и подразумеваясь носителем данного представления, высвечивает, выставляет, выводит, делая облигаторным и значимым, тот проигрываемый в сознании и для сознания компонент, который и составляет данного снотолкования значимо видимую основу. Из формулы, следовательно, выявляется CreatArtefact ... Beat, все остальное ставя в тень само собой разумеющегося, а потому и не важного. То, что Волга впадает в Каспийское море общеизвестно и вовсе не требует постоянного упоминания, а то, что воды в этом море критически убывает, знание важное, хотя и не новое, и заставляя искать причину в положении Волги, скажем, в связи с водохранилищами на ней, не потребует особо глубокого объяснения. Само собой разумеющееся, присутствуя в голове, не должно находить своего отражения в актуализируемом обозначении чего-либо связанного с ним.

То, что в зоопарке ограда и клетки с вольерами по рядам, и то, что клетки с вольерами предполагают замкнутость и ограниченность находящихся в них, и есть такое само собой разумеющееся, всем известное и понятное. Но то, что все это можно интерпретировать как такое изменение естественного положения вещей, которое предстает созданием искусственного рая на земле, это новое и неожиданное, хотя и вполне объяснимый, а потому и разумный, по его осознанию, аспект, выводимый как следствие из само собой разумеющегося. По тому же правилу, по которому, если Каспийское море мелеет, то вполне вероятной причиной могут быть волжские водохранилища, причинно-следственно связанные со складывающимся положением вещей, хотя бы внешне-пространственно от него и весьма отдаленные.

Тем самым, для формулы разбираемого снотолкования исходный вид Loc [(DislocClaus/ActLimit)>Bestiar(ProposObserv)] Separat преобразуется во что-то вроде Loc [Beat^{Disloc}(CreatArtefact/DeformNatur^{Claus/ActLimit}) ...] Separat. Зоопарк как место обособления и отделения от другого, Loc [...] Separat, предстает для сознания в аспекте измененной в результате креативной деятельности человека природы с мыслью о ее улучшении.

Для выведения общей и полной формулы остается решить вопрос с опущенным третьим ее компонентом, вроде бы как никак себя не объявляющем и незаметным, т.е. в отношении признаков Bestiar(ProposObserv) – предлагаемых к обозрению зверей. Как это связано с представлением об искусственном рае с предполагаемым и закладываемым к этому замыкаемому размещению с ограни-

чением в деятельности в нем обретающихся зверей? Имеет ли смысл о пропущенном в формуле говорить? Опускается он, этот компонент, или также каким-то образом, отгесняясь на задний план, выставляет из себя что-то иное и новое?

Подойдем к представленному вопросу с двух возможных сторон. С позиции самого пропускаемого при первом подходе третьего компонента в его отношении к ставшим ведущим признакам искусственно создаваемого рая, предполагающего изменение естественного положения вещей. И с позиции роли и смысла входящих в формулу компонентов, трех и больше (если отделять сочетаемые признаки, пусть это будет в отношении разрешаемой задачи четырех, с отделением Bestiar, как стоящего вне связи с другими и к тому же за скобками, точнее перед ними).

Позиция от компонента предполагает установление, чем является это самое Bestiar(ProposObserv) для Beat(CreatArtefact/DeformNatur), пользуясь соответствующими обозначениями. То, что оно определяется тем, что в DislocClaus/ActLimit, вполне понятно, но это будет иметь свое объяснение при рассмотрении роли и смысла трех (четырёх) компонентов общего формульного состава.

Порассуждаем на эту тему. Искусственно созданный рай на земле, о котором речь, может быть следствием представления о том, что животные, звери в вольерах и клетках, не будучи на природе, находятся под своеобразной защитой и в безопасности. Кроме этого всё для них в зоопарке заранее установлено и определено, в отношении прогулок, пребывания на воздухе, в помещении, в зависимости от погоды и прочих условий, они обеспечены медицинской опекой, находятся под наблюдением, а то, что их можно при этом, приходя, публично обзрывать, имеет свое отношение к тому, что искусственно и ненатурально, является в принципе изменением естественного положения вещей. В итоге, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, можно было бы говорить, что выведенное на основе имеющегося снотолкования конструктивное расположение Beat(CreatArtefact/DeformNatur) пронизывает и подразумеваемое в компоненте Bestiar(ProposObserv). Фактически следовало бы говорить о том, что присутствующее в исходном как основное, не уходя и не исчезая, выводит, выставляя из себя на поверхность все то, что содержится в снотолковании. Получаемая формула могла бы иметь примерно такой свой вид:

$$\text{Loc}[\text{Beat}^{\text{Disloc}}(\text{CreatArtefact/DeformNatur}^{\text{Claus/ActLimit}}\langle\text{Bestiar(ProposObserv)}\rangle)\text{Separat},$$

что бы предполагало это самое 'звериное, предлагаемое к обозрению' в Bestiar(ProposObserv) как само собой разумеющееся и подразумеваемое (поэтому в формуле в виде индекса к основному набору и сверху) сопровождающее условие проективной реализации смысла. То, что хочешь создать (как искусственный рай на земле в результате и вследствие изменения естественного положения вещей) есть 'зоопарк'. 'Зоопарк' как имагинативный образ, а не что-то другое, наглядно "осознаваемый", но для сознания, как не 'зоопарк', а с ним, через него и в нем, также и что-то еще, не "видимый". Ощущаемый в своем проступании (сенситивом, конфигуративом и эмотивом), но не отслеживаемый, не фиксируемый и не рефлексивируемый. Такой, который шевелится где-то внутри, но не высвечивается мыслью, не выхватывается ею на вид, не стоит перед ней как задача.

С этим далее связывается необходимость его представления как такого, а не другого, имагинативного образа, о чем будет речь, но перед этим вернемся к роли входящих в общую формулу компонентов.

О роли входящих в формулу компонентов

Не вдаваясь в подробности ее построения, концептуально-ментальные по своему существу, ибо не в этом для данного рассуждения состоять будет смысл, пойдём по пути простого уподобления, небезразлично значимого, в первую очередь, для него самого. Представим разбираемую формулу как формальное отображение некоего подобия знака, языкового, воображаемого, имагинативного в интересующем нас ключе. Языкового постольку, поскольку с его помощью передается некий подразумеваемый, в ту или иную сторону способный быть развернутым и представленным, смысл. Воображаемого – поскольку все это в своей совокупности присутствует в воображении, в образно воплощаемой мысли о нем, а потому и в этой связи, как следствие, также и имагинативного, характерного для 'видимого невидимого' в сознании и являющегося, сознательно, полусознательно и/или неосознанно, в размышлениях, в мечтах, в галлюцинациях, в бреде, в видениях, в сновидениях и т.п. Как то, что видится, кажется, мнится, чувствуется, ощущается, переживается, снится и пр.

Исходя из этого, некоторый компонент можно было бы определять как представляющий, эксплицирующий, содержащий идеей, что оно есть такое, каким проективом, какой стороной себя объявляет. Пусть это будет тот компонент, который дает представление, в известном смысле условно, о "форме", "виде" того, о чем речь. Роль его, как представляющего, будет ролью несущего. В разби-

раемой формуле это позиция Loc [...] Separat, определявшегося ранее как компонент объемлющий, включающий, заключающий в себе все входящее остальное.

Другой компонент, соответственно, будет в своей такой роли компонентом организующим, распространяющим, проявляющим первый в форме, придающим ему присущий определенный вид. Это нечто вроде структуры формы, если обратиться к подобию языковому знаку. Такой компонент можно было бы определять, в отношении видимой формы и ее смысла, как развертывающий. В разбираемой формуле им был бы обозначенный как второй, т.е. DislocClaus в его проективном сопровождении, а потому через косую черту, в /ActLimit.

Насыщающим, определяющим "содержание" зоопарка, следовало бы видеть такой, который дает представление о находящихся в нем, т.е. это были бы звери и им соответствующий компонент Bestiar. Трудно представить все это организуемое и огражденное местопространство-объект, как структуру и форму, без того, что и есть, составляет его содержание – животных, или зверей. По этой самой причине занимает им соответствующий признак, и по той же причине как компонент, свое особое место, не в соединенной паре с другим и перед скобками, в которых стоит соотносимый с ним, представляющий все это в предназначении. Объясняющий, для чего животные, Bestiar, в этом особом и отделенном в своем ограждении месте для Loc [...] Separat, сидят по вольерам и клеткам замкнутыми с ограничениями свободы для DislocClaus/ActLimit. Для того, чтобы быть доступными к обозрению в ProposObserv. Компонент этот, будучи по своему существу мотивирующим, можно рассматривать (говоря о подобии знаку) как подобие его внутренней формы.

И тогда, имея в виду ту формулу, которая выводилась из соответствия разбираемому снотолкованию, а именно $Loc[Beat^{Disloc}(CreatArtefact/ DeformNaturClaus/ActLimit)_{<Bestiar(ProposObserv)}]Separat$, можно было бы интерпретировать (предполагая из этого следствие для определяемого, лежащего в его основе имагинативного образа), дифференциальный для него компонент $Beat(CreatArtefact/DeformNatur)$, с опущением как само собой разумеющихся и подразумеваемых его оснований, даваемых в индексах и надстрочными, с позиции занимаемого им в формуле места, как развертывающий. То есть важный в отношении, прежде всего, строения, организации и структуры того представления, которое вводится им и стоит по этой причине за ним. Компонент насыщающего все это содержания в Bestiar и мотивирующего внутренней формы в ProposObserv не случайно оказываются затемнены, поскольку роль передаваемого в развертывании через второй компонент вводимого в

Beat(CreatArtefact/DeformNatur) именно и состоит в представлении, несении через конфигуратив зоопарка в Loc [...] Separat, другого, нового, открывающегося через соответствующий имагинативный образ, вносимого с ним, содержания и его мотивации (объяснения в его собственной внутренней форме).

Модуляции признаков в составе общего представления, непосредственно связываемого с зоопарком и выводимого из него, подводят к необходимости описания всего этого в виде имагинативного образа. Тот или иной имагинативный образ, возможный на основе набора признаков, извлекаемых из общего представления о каком-то объекте, выявляет важное свойство, связанное со способностью данного представления порождать, выделяя внутри себя, выводя на поверхность нечто одно в определенном составе, что, упорядочиваясь и собираясь в конструкцию, создает представление о том же самом в том или ином его концептуальном и, соответственно, имагинативном ключе. Признаки порождают признаки, на самом же деле содержат их (речь идет об объекте в его отношении к знаниям и представлению о нем), более или менее осознаваемые носителями данной ментальной культуры и ее языка, которые, если их вывести и собрать, могут дать максимально полное воображение о предмете, способное осознаваться и восприниматься и быть характерным, свойственным для объекта в его отношении к ним, представителям данной ментальной традиции и культуры. Признаки и, соответственно, имагинативные образы обладают к тому же способностью быть возможными, потенциально или окказионально приписываемыми в том или ином своем представлении. Так же, как и единицы, в том числе и слова, языка.

Второй имагинативный образ, стоящий за выведенной конструктивной формулой, построенной на основе разбираемого снотолкования («изменение естественного положения вещей, создание искусственного рая на земле»), будет существенно отличаться от первого. Этот первый, о котором ранее говорилось, связывается, скорее, не с зоопарком, а со зверьми, которые в нем. При этом звери, толкуясь в контексте традиционного представления о них применительно к человеку как то, что, будучи диким, руководствуется инстинктами, а потому неуправляемо и разрушительно в нем, в том числе, если не в первую очередь, для него самого. Из чего следовало, что зоопарк представал как такое, их в себе разных, и собирающее, и представляющее, и концентрирующее в единстве и совокупности место. Во втором имагинативном образе звери, как уже говорилось, отходят на задний план. Важным становится принцип создания и организации – того, что природно, т.е. естественно, подчиняя его определенному плану и регуля-

ции и получая, тем самым, нечто искусственное ради достижения какой-то внутренне оптимизирующей цели.

Зоопарк в этом случае предстает, в имагинативном своем отражении, как такое особое место, отделяющее от всего остального тех, кто находится в нем, которое, по сравнению с живой и дикой природой, для них безопасно, надежно, обеспечивает заботой, питанием, наблюдением, не предполагая необходимости постоянной борьбы за существование и страха за свою жизнь – быть убитым, растерзанным, съеденным. Это место покоя и отдохновения, которые, оплачиваясь утратой активной свободы, взамен предлагает вынужденное бездействие и неизбежные ограничения. Хорошо ли тебе, человек, будет в таких условиях и на этой, самим тобой созданной для других и себя, упорядоченной, "райской" земле? Хочешь ли ты сидеть, находиться сам в таком, тобой созданном "зоопарке"? Следует заключенный в таком имагинативно-образном представлении, внутренне появляющийся, обращенный к сновидящему при таком толковании вопрос.

О концептуально-оценочных свойствах имагинативных образов

Имагинативный образ, следовательно, разрешая, развертывая себя в том или ином концептуальном ключе, содержит, способен в себе содержать, оценку, возможно скрытую и не однозначную, и мотивирующую, причинно-следственную и стимулирующую, побуждающую к рефлексии и реакции мысль. Имагинативный образ не просто концептуально-оценочен, но и, по крайней мере внутренне, импульсивен.

Имеется ли все это, только что выведенное, в зоопарке, в знании и представлении о нем? Когда пишут и говорят о современной роли существующих зоопарков, часто обращают внимание на их изначальную двойственность. С одной стороны, звери в них в безопасности, для целого ряда вымирающих видов это едва ли не единственная оставшаяся возможность себя сохранить. С другой стороны, животные в них утрачивают способность жить на природе, становясь непригодными к самостоятельному существованию и к активному проявлению в действии, теряя не просто инстинкты, реакции, но и сам навык, умение, приспособленность к не искусственному, не вымороченному, требующему постоянной ориентации, бытию. Природа их вырождается, животные, в конечном итоге, перестают быть зверьми. Искусственный рай на земле, если возможен и будет когда-либо осуществлен, неизбежно влечет за собой утрату природных способностей и вырождение. Для отдельно взятого человека, поскольку о нем идет речь в разби-

раемом снотолковании, живущего в условиях так называемых цивилизованных джунглей, цивилизацией созданной, но остающейся дикой по-своему природы, с необходимостью, пусть и другого рода, но все же борьбы за существование, не на всем готовом, как правило, и не во вполне безопасном для себя окружении, такой 'зоопарк', способный лишить его самозащитных инстинктов, привлекая внешне "райской" искусственностью, может обернуться ловушкой, 'тюрьмой' либо 'оранжереей', к которым дается отсылка.

В этом концептуально-оценочном и мотивирующем (импульсивном) ключе и можно рассматривать то, о чем речь. Иными словами, рассматриваемый имажинативный образ, вычлняемый из общего представления о зоопарке, соответствует определенному аспектуальному кругу знаний, высказываний и соображений о нем. Зоопарк в природно-зверином и инстинктивном своем начале и повороте первого образа и представления дополняется во втором, расширяясь и уточняясь, креативно-организующим аспектом природы, перестающей быть дикой в нем. Звери, как следствие, перестают быть зверьми, что-то одно утрачивая и что-то другое в себе развивая, становясь в результате такого воздействия на их природу *зоопарковыми* животными особями. И это еще одно важное знание, не отрицающее первого и строящегося на нем. Для более полного восприятия и разностороннего понимания зоопарка в контексте, в первую очередь, современных мнений и представлений о нем.

Развитием, хоть и в несколько измененном, по сравнению с прежней интерпретацией, первого имажинативного образа, с выведением на первое место того, что зоопарк – это, в первую очередь, звери, сидящие в нем, обладающие, по сравнению с человеком, чертами, которые привычно укладываются в представление об инстинктах (в связи с чем возникает вопрос, что такое инстинкт применительно к имажинативу), – развитием в подобную сторону можно рассматривать следующее, ранее уже приводившееся, снотолкование:

зоо символизирует сферу влечений, причем для более точного восприятия символа необходимо интерпретировать находящихся в зоо животных (см. в соответствующих словарных статьях). Обобщенно это призыв к тому, чтобы мы более управляли своими влечениями и инстинктами либо наоборот – чтобы мы их так сильно не подавляли.

И сюда же:

Зоо

Связанная либо сдавливаемая звериная природа, звериные страстные желания либо инстинкты.

Другое значение: хаос.

И с тем же связанное, но как обратное:

ЗОО: Символизирует отсутствие возможности развития собственных инстинктов, вредоносный контроль над порывами, импульсами в психике, вызванный отсутствием зрелости, инфантилизмом.

См. ЖИВОТНЫЕ

Из всего приведенного в отношении снящегося кому-либо 'зоопарка' в его не совпадающих внешне, отчасти, поскольку в деталях, напрашивается с неизбежностью мысль о проекции в нем как в представляемом, "видимом" концептуальном образе, и потому имагинативном, во-первых, а во-вторых, потому, что в своем сознании, для себя, для других, сам видящий либо тому, кто видел и, следовательно другой, человек стремится придать, приписать какой-либо смысл, — из всего этого неизбежно напрашивается мысль об отражении в 'зоопарке' как таком образе той категории, которая исследователями мифологий определяется в архетипическом противопоставлении как 'хаос / космос', 'дикое / цивилизованное', 'естественное (природное) / искусственное (созданное)', 'нечеловеческое (звериное, дочеловеческое) / человеческое' и т.п. Тем самым, в связи с тем, не то чтобы понимаемым, но так устанавливаемом, 'зоопарком', можно было бы говорить о границе, промежутке и рубеже между тем, что имеет свое отношение к человеку и выражение в нем, и тем, что его природе как человека не то, чтобы противоречит, но нарушает и разрушает либо, напротив, сдвоенное, ведет к несвободе в нем же самом.

'Зоопарк' при таком понимании выступает как то, что находится между тем и другим (мета, межа, *кон* конца-начала⁸²), являясь одновременно, точнее являя, объявляя и проявляя себя, как такой (в потенциально в себе заложенном) равновес, типа стрелки у чашек весов, который, если не регулирует, то указывает, способен указывать, применительно к человеку, на необходимость и вместе с этим позицию, состояние, положение (вспомним *situs* применительно к образу в сновидении или сказке) того и другого начала в себе — природно-животного, импульсивного и контролирующего, умствующего и сдерживающего. Зоопарк в этом смысле предстает, помимо всего прочего в нем, как такой локатив, сепаратив которого мыслится в отделении и одновременно возможной связи того и другого, концентрируемого и располагаемого, "дислоцируемого" в нем в находя-

⁸² Этимологически *конец* и *начало* имеют общее происхождение, от индоевропейского корня *ken- — «(вновь) выступать наружу», «появляться», «начинать» (П.Я. Черных: Историко-этимологический словарь... Т. I, с. 563.)

щихся, сидящих по своим вольерам и клеткам зверях. Зоопарк становится местом отделенного соединения и возможного потому перехода, обращения, туда и сюда, от инстинктов к рассудочному контролю и от рассудка с его ограничениями и подавлением к свободе и импульсивной, ничем не сдерживаемой либо сдерживаемой непосредственности.

В том же контексте и отношении можно было бы видеть, с одной стороны, в негативном его аспекте зоопарк со зверьми, через них и в них, в таком приво-дившимся толковании:

ЗВЕРИ – в зоопарке – волнения; дикие – враги; отчетливо видеть – несчастный случай; убежали из клеток – неприятность в семье; преследуют – дурная слава.

И в позитивном, с другой стороны, в таком:

ЗОО Видеть: сообщение о том, что хорошо было бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку мы можем многому от них научиться. Они говорят нам, какой способ поведения следует оставить, а к какому стремиться.

'Зоопарк', 'аквариум' и пр. обобщенного представления

Из всего на этом основании сказанного можно было бы говорить (опираясь на рассмотренные примеры, определения и случаи) о 'зоопарке' как таком онейрическом имажинативном образе (отвлечемся от всего остального, от переносных значений, энциклопедических и лингвистических толкований значения его как слова и пр., хотя все это было бы к месту, о чем, впрочем, уже говорилось, и что связывалось бы с предстоящим к установлению, однако уводило бы в сторону), – как о таком онейрическом образе, семантику и типологию которого в отношении представляемого им сепаратива, поскольку об этом шла речь, следовало бы обобщенно усматривать, в первую очередь, в сводимо-разводимом расположении двух надлежащих к уравниванию начал – природного и искусственного, натуратива и артефактива, фактически био- и социальной природы человеческого и околического бытия.

Рассмотренные толкования 'зоопарка' как образа проигрывали бы аспекты этого общего, уточняя и располагая его различные признаки в конструкциях, дающих, с одной стороны, представление о том, что и как можно мыслить о зоопарке и как его воспринимать, а с другой, на той же основе, уточняли бы его исходный типологически сепаратив в том или ином подчиняющем и развертывающем отношении. Общий для всех, на основе выведенного, локатив такого сепара-

тива, который, если не мыслится, то имагинативно (конфигуративом, сенситивом и эмотивом) укладывается, в сепаратив натур-артефактного эквитатива⁸³ (чтобы как-то его обозначить), далее может себя проявлять в отношениях сепаратива инкорпоратив-деструктивного реверсива, деформативного натуратива, креатив-артефактного беатификатива (на основе рассмотренных) либо как-то еще. Каждый из этих подвидов, подтипов, содержит в себе представление об исходном натур-артефактном эквитативе, поворачивающемся, себя отклоняющим, в ту либо иную сторону. Уподобляя явлениям в языке, их можно рассматривать как "падежи" – деклинативные проявления номинативно исходного.

Подобным же образом, как определенного, но другого исходного вида и типа, сепаратив необходимо определять и рассматривать ранее характеризовавшийся как имагинативный образ 'аквариум'. Основу его представления, точнее было бы говорить представления о нем, не вдаваясь в этом месте в описывающие и уточняющие в том или ином отношении детали, можно было увидеть в таком отделении от другого, которое предполагает обрыв, прерывание связей с другим, изолирование, замыкающее обособление от него, не допускающее взаимного проникновения и смешения, выхождения к нему. Пусть это будет для пробы, как приблизительный и недостаточно точный пример, сепаратив включающего в себя, содержащего и замыкающего в себе обрывающего контакты изолятива – сепаратив репозитив-комплетивного изолированно-мутуативного⁸⁴ обсерватива, который объединяет в себе обе стороны рассматривавшегося в снотолкованиях образа. Как того, что содержит и может быть полным либо пустым (репозитив комплетива), и как того, что, включая, тем самым, в себе, может это включаемое, свое содержимое от всего остального обособлять, отделять, допуская возможность за ним, равно как и того, кто внутри, а потому и взаимного, наблюдения (изолированно-мутуативный обсерватив). Та либо другая его сторона, проявляясь в снящемся образе, не нарушает представленного единства, но отклоняет, проигрывает его в "проступании", о котором упоминалось ранее в связи с признаком, характерным для имагинатива, в необходимом "деклинативно" для данного образа проявлении.

Возвращаясь к мысли о типологии, более развернутое представление которой предполагает отдельное описание, видится необходимым напомнить о построении, способном учитывать принципиальные расхождения во внутренне направляющем, скажем так, ориентирующем и ориентированном одновременно,

⁸³ Лат. *aequitas, aequitatis* 1) равномерность, соразмерность, пропорция, от *aequus* 1) ровный ... 5) равный...

⁸⁴ Лат. *mutuus* ... 2) взаимный, обоюдный...; *mutuum* 'взаимность, обоюдность'.

характере образов, обнаруженном нами в ходе анализа трех исходно не совпадающих онейрических положений (*situs 'ov*) объявляемых во сне состояний.

Первое сводилось бы к группе, представленной имагинативом 'аллеи', отнесенной к разряду юнктивов, или *связующих*. Это образы, проецирующие связь и контакт «я» с другими, другим, отмечающие возможность либо необходимость выхода за пределы себя, обращение и переход в другое, к другому. Помимо естественных для себя показателей перехода и обращения, они способны в себе нести, содержать идею оценки, признания либо непризнания, получения, посредничества с этим другим, приобретения либо утраты, потери, а также вынесения, выхода из прежнего своего состояния к новому и чему-то другому, открывающему новые перспективы, от себя сейчас к себе другому или в другом.

Конфигуративно все это передает себя схематическим образным воплощением линии, нити, пуповины, пути, веревки, полосы, канала, трубы, тоннеля, прохода, цилиндра, связки, сети, переплетения, взаимодействия одновременного многого, пучка, клубка, предполагающих внутренне вспучивания, колебания, флуктуации, подъемы, падения, взбугрения, выпячивания, опадания, движения поверхностей и т.п. Воплощается все это в вероятном для себя переходе, перенесении, вынесении в будущее, последующее, продолжение чего-либо, развитие данного состояния как имеющегося, в ожидаемых переменах и изменениях ближайшего и не ближайшего окружения, касающегося знакомых, друзей, родных, предполагая возможные в перспективе приобретения, вознесения, подъемы либо, напротив, падения и утраты.

Второе, представленное рассмотренным в ходе разбора 'амбаром' и отчасти 'аквариумом', предполагало бы группу репозитивов (депозитивов), или *вмещающих*. Это, как правило, емкости, способные, могущие в себе заключать, содержать, а потому и мыслимые, представляемые имагинативно, в воображении, в первую очередь, как таковые, наполняемые и опустошаемые, способные быть пустыми или полными. Конфигуративно это были бы, могли бы быть коробки, ящики, кубки, имеющие стенки и замыкаемый, ограничиваемый ими какой-то объем. И, наконец, третье, последовательно и обстоятельно расписанное на примере возможных сепаративов, предполагало бы группу (разряд) *отделяющих*, прерывающих, изолирующих, замыкающих, обрывающих либо, напротив, предписывающих необходимо-возможный контакт. Естественным и допустимо оправданным было бы предположить и другие группы (разряды), имеющие свой отдельный типологический смысл, что виделось бы как задача на бу-

дущее, предполагая последовательное и охватывающее разные виды и стороны парадигматическое и системное описание.

ЛИТЕРАТУРА⁸⁵

- Абдуллина А.А. Функционально-семантическое поле локальности в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1994.
- Абрагам К. Сон и миф. Очерк народной психологии / Пер. с нем. Москва, 1912.
- Авакумов С.В. Символизм леса и подземелья в сновидениях // <http://vapp.ru/node/110>
- Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. Москва, 1980.
- Берке У. Пространство-время, геометрия, космология. Москва, 1985.
- Васенькин В.В. Структурно-семантическое описание ЛСГ существительных со значением «пространство». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1987.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания. Москва, 1985.
- Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии, 1986, №3, с.103-112.
- Вельмезова Е.В. Семантика пространства лечебного заговора: К типологии формул отсылки болезни (на примере восточнославянских, чешских и французских текстов) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999, № 4, с. 50-60.
- Волчек О.А. ЛСГ «Пространство» по данным дистрибутивного анализа // Материалы Междунар. молодежного научного форума «Ломоносов-2013» (Москва, 8–12 апр. 2013 г.). М., 2013: <http://lomonosov-msu.ru/archive/>
- Волчек О.А. Состав лексико-семантической группы «пространство» (по данным психолингвистического эксперимента) // Веснік БДУ. Сер. 4, 2013, № 2, с. 30-34.
- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. Москва, 1982.
- Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я. О системном анализе психических состояний // Новые исследования в психологии. 1987, №1, с. 3-6.
- Габдреева Г.Ш. Самоуправление психическим состоянием. Казань, 1981.
- Габидуллина С.Э. Психосемантика городской среды (объективные и субъективные факторы отношения горожан к элементам городского ландшафта). Дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 1991.
- Гостев А.А. Актуальные проблемы изучения образного мышления // Вопросы психологии. 1984, № 1, с. 114-119.
- Гостев А.А., Рубахин В.Ф. Классификация образных явлений в свете системного подхода // <http://www.voppsy.ru/issues/1985/851/851033.htm>
- Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии, 1991, № 2.
- Ибрагимова В.Л. Отражение в языке категории пространства // Исследования по семантике. Семантика слова и фразеологизма. Межвуз. науч. сб. Уфа, 1986, с. 18-26.
- Иванова Т.В. Городская ментальность как предмет психологического исследования. Самара, 2003.
- Карасев Л.В. Метафизика сна // Сон – семиотическое окно. XXVI-е Випперовские чтения. Москва, 1994, с. 135-142.

⁸⁵ Список включает работы, лишь косвенно связанные с исследуемым предметом, приводимые по этой причине для общего представления о проблематике. В связи с чем далеко не все из него нашло в предлагаемой книге свое отражение.

- Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений // Язык и человек. Москва, 1970, с. 110-156.
- Колмаков В.Ю. Семантика менталитета // <http://arctogaia.krasu.ru/mentality/m4/kolmakov.shtm>
- Крейдли Г.Е. Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. 1994, № 5, с. 19-31.
- Кряж И.В. Психосемантическое исследование обыденных экологических представлений // Вопросы психологии. 1998, №1, с. 65-75.
- Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1997. Т. 56, №3, с. 22-31.
- Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. Москва, 2010, 330 с.
- Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. Москва, 1964.
- Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. Санкт-Петербург, 2002, 320 с.
- Леонтьев А.А. Психологическая структура слова // Семантическая структура слова. Москва, 1971.
- Леонтьев Д.А. Личностный смысл и трансформации психического образа // Вестник Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 1988, №2, с. 3-13.
- Линч К. Образ города. Москва, 1982.
- Лихачев Д.С. Поэтика художественного пространства // Поэтика древнерусской литературы. Москва, 1979.
- Логический анализ языка. Языки пространств. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва, 2000.
- Малкольм Н. Состояние сна. Москва, 1993.
- Маргарян Е.Г. Семантика моста в армянской и славянской мифопоэтической традиции // Критика и семиотика. Вып. 15, 2011, с. 5-23.
- Менегетти А. Словарь образов. Практическое руководство по имагогике. Москва, 1991.
- Мураускас В. Пространство – основа или параметр осознания // <http://www.openpage.ru/val/part11.html>
- Мурзин М.Н. Психолингвистический анализ организации пространственной лексики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1986.
- Мухачева А.М. Концепт «пространство» в русской языковой картине мира // <http://konferent.ru/nauka/931>
- Мухачева А.М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003.
- Панова Л.Г. Наивноязыковая физика и метафизика: слова “пространство” и “время” // http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_29.htm
- Петренко В.Ф. Построение семантических пространств как метод и форма модельного представления // Психология 1998 (3) // <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1998web3/psych/199830801.html>
- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. Москва, 1988.
- Петренко В.Ф. Психосемантический подход к исследованию сознания и личности // Психологическое обозрение. 1996, № 2(3), с.12-17.
- Плунгян В.А. К семантике русского локатива ("второго предложного" падежа) // Се-

- миотика и информатика. Вып. 37, Москва, 2002, с. 229-254.
- Подорога В. А. Кодекс сновидца // Грани познания: наука, философия, культура в XXI в. В 2 кн. Кн. 2. Отв. ред. Н.К. Удумян. Москва, 2007, с. 275-309.
- Поспелов Д. А. Представление знаний. Опыт системного анализа // Системные исследования. Москва, 1986.
- Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) Комментарии Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой. Составление, научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. Москва, 1998.
- Прохоров А. О. Интегрирующая функция психических состояний // Психологический журнал. Т.15, №3, 1994, с. 136-146.
- Прохоров А. О. Образ психического состояния: феноменологические особенности и личностные корреляты // Психологические исследования, 2011, №. 3(17).
- Прохоров А. О. Психические состояния и их функции. Казань, 1994.
- Прохоров А. О. Семантические пространства психических состояний. Дубна, 2002.
- Прохорова Д. А. Семантические пространства психических состояний. Дисс. ... канд. психол. наук. Казань, 1999.
- Психологический анализ виртуальной реальности psychology.rsuh.ru/archive/spirarticle1.rtf
- Путий Е. С. Концептосистема немецкой фольклорной сказки // Когниция, коммуникация, дискурс. 2011, № 3, с. 53-63.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва, 2000 // <http://itas2013.iitp.ru/pdf/1569758773.pdf>
- Рахилина Е. В. Семантика русских именных конструкций с генитивом 'устойчивость' // Slavica Helsingiensia 35. Helsinki, 2008, с. 338-349.
- Селиверстова О. Н. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов. Ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. Москва, 2000, с. 189-242.
- Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б. Христофорова. Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. Москва, 2001.
- Современная теория сновидений / Под ред. С. Фландерс. Пер. с англ. Москва, 1998.
- Соколов Е. Н., Вартанов А. В. К исследованию семантического пространства // Психологический журнал. 1987, №2, с. 58-65.
- Сосновикова Ю. Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика. Горький, 1975.
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Москва, 1983, с. 227-285.
- Федосеева Л. Н. Пространственные отношения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004.
- Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории философии искусства и археологии. Москва, 2000.
- Мария-Луиза фон Франц. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке / Пер. с англ. Р. Березовской и К. Бутырина; Науч. ред. В.В. Зеленского. Санкт-Петербург, 1998.

- Франк С. Реальность и человек. Санкт-Петербург, 1997.
- Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван, 1991.
- Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века. Москва, 1991, с. 95-102.
- Холл Дж.А. Юнгианское толкование сновидений. Практическое руководство. Пер. под общей ред. В. Зеленского. Санкт-Петербург, 1996.
- Черванева В.А., Артеменко Е.Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж, 2004.
- Шамне Н.Л. Универсальные характеристики категории пространства и ядерные средства их репрезентации в языке // *Croatica et Slavica Iadertina, Zadar*, 2009, с. 265-279.
- Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // *Социологические исследования*. 1998, № 4, с. 94-98.
- Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. Санкт-Петербург, 2004.
- Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. Киев, 1994.
- Юран А. Пространство и время в психоанализе http://prev.lacan.ru/articles/space_and_time.html
- Bentler P.M., La Voie A.L. An Extension of Semantic Space // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*. 1972, V. 11.
- Bowerman M. Learning a semantic system: What role do cognitive predispositions play? In Mabel L. Rice & Richard L. Schiefelbusch (eds.) // *The teachability of language*. Baltimore: P.H. Brookes Pub. Co. 1989.
- Brugmann C., Macaulay M. Interacting Semantic Systems: Mixtec expressions of location. In *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley Linguistics Society, 1986, p. 315-328.
- Clark H. Space, time, semantics, and the child. In Timothy E. Moore (ed.) // *Cognitive development and the acquisition of language*. New York: Academic Press. 1973.
- Einstein A. Vorwort // Jammer M. *Concepts of Space*. Cambridge / Mass.: Harvard University Press, 1953, p. 3-19.
- Erk K. Vector space models of word meaning and phrase meaning: A survey // *Language and linguistics compass*. 2012. Vol. 6 (10).
- Herskovits A. Space and the prepositions in English: Regularities and irregularities in a complex domain. PhD dissertation, Stanford University, 1982.
- Horovits M.J. *Image Eormation and Cognition*. N.Y., 1970.
- Imai Sh. *Spatial Deixis: How Demonstratives Divide Space*. Doctoral dissertation. University at Buffalo, State University of New York, 2003.
- Jackendoff R. *Semantics and cognition*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983.
- Talmy L. How language structures space. In Herbert L. Pick, Jr. & Linda P. Acredolo (eds.) // *Spatial orientation: Theory, research, and application*. New York: Plenum Press, 1983.
- Talmy L. The representation of spatial structure in spoken and signed language // *Perspectives on Classifier Constructions in Sign Language*. Ed. by Karen Emmorey. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 2003, p. 169-195.
- Turney P.D., Pantel P. From frequency to meaning: Vector space models of semantics // *Journal of artificial intelligence research*. 2010. Vol. 37, p. 141-188.
- Wunderlich D. *Raum, Zeit und das Lexikon/ Harro Schweizer (Hrsg) // Sprache und Raum*.

- Psychologische und linguistische Aspekte de Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit. Ein Arbeitsbuch für Lehren und Forschung. Stuttgart: Metzler, 1985, s. 66-89.
- Wunderlich D. Sprache und Raum // Studium Linguistik. 1982, 12, s. 1-19; 13, s. 37-59.
- Zubin D.A., Svorou S. Orientation and gestalt: Conceptual organizing principles in the lexicalization of space // In Proceedings of the 20th meeting of the Chicago Linguistics Society Parasession on Lexical Semantics. Veena Mishra Testen and Joseph Drogo, with Soonja Choi (eds)/ Chicago: Chicago Linguistic Society, 1984, p. 333-345.

Источники материала

- Всеобщее толкование снов (сонник). Из собрания Отдела письменных источников ГИМ / Государственный ордена Ленина Исторический музей. Москва, 1990.
- Древнейший толкователь снов. Сонник, составленный две тысячи лет тому назад. Ярославль. 1991.
- Карлос Кастанеда: Искусство сновидения. Пер. с англ. Киев, 1999.
- Стивен Лаберж, Ховард Рейнголд: Практика осознанного сновидения. Пер. с англ. Киев, Москва, 1996.
- Г.Х. Миллер: Сонник, или что происходит во сне. Научное и практическое изложение. Санкт-Петербург, 1993.
- Миллионъ сновъ. Новый и полный сонникъ. Репринтное воспроизведение 1901. Москва, 1990.
- Одинъ миллионъ 500,000 сновъ. Толкованіе сновъ, выбранныхъ изъ сочиненій знаменитыхъ египетскихъ и индійскихъ мудрецовъ и астрономовъ ... известной французской сногадательницы г-жи Ленорманъ. Москва, 1896. Репринтное воспроизведение. Москва, 1990.
- Сонъ и сновидѣнія. Научно обоснованное толкованіе сновъ, составленное знаменитымъ медиумомъ Миссъ-Хассэ. Съ передовой статьей о снѣ и сновидѣніяхъ психопренолога Х. Шиллеръ-Школьника. (Болѣе 1000 сновъ). Варшава, 1912. Репринтное воспроизведение издания 1912 года. Москва, 1990.
- Цветков Е.П.: В царстве сна и смерти. Москва, 1991.
- Энциклопедия сновидений. Тула, 1993.
- Jack Altman: 1001 snów. Ilustrowany przewodnik po snach i ich zbaczeniu. Wstęp David Fontana. Z angielskiego przełożyła Elżbieta Kowalewska. Tytuł oryginału: 1001 Dreams. Warszawa, 2003.
- Andreas Baumgarten: Wielki sennik. Z niemieckiego przełożył Michał Antkowiak. Tytuł oryginału: Das große Buch der Traumdeutung. Warszawa, 2005.
- Christine Benoit: Jak odczytywać nocne koszmary. Z francuskiego przełożyła Joanna Józefowicz-Pacula. Tytuł oryginału: Les cauchemars réveillent qui vous êtes... Warszawa, 2005.
- Ginette Blais: Wyrocznia snów. Symbolika i narzędzia odczytywania marzeń sennych. Z francuskiego przełożyła Janina Dembska. Tytuł oryginału: Chasseur de rêves. Captez et interprétez les messages de vos rêves. Warszawa, 2005.
- Brüder Grimm Kinder- und Hausmärchen. Herausgegeben von Heinz Rölleke. Stuttgart, 1997. (Göttingen, 1857)

- Marie Coupal: Sennik. 2200 haseł. Mitologiczna, psychologiczna i psychoanalityczna symbolika snów. Z francuskiego przełożyła Hanna Pawlikowska-Gannon. Tytuł oryginału: *Le rêve et ses symboles*. Warszawa, 2002.
- Gaile Delaney: Wszystko o snach. Dlaczego śnimy... Z angielskiego przełożyła Hanna Pawlikowska-Gannon. Tytuł oryginału: *All About Dreams*. Warszawa, 1999.
- Eili Goldberg: Sennik. 1200 symboli i ich znaczenie. Z angielskiego przełożył Sławomir Falkowski. Tytuł oryginału: *The Ultimate Dictionary of Dreams*. Warszawa, 2006.
- Rosemary Ellen Guiley: Sennik. Symbole i interpretacja. Z angielskiego przełożyła Dorota Żywno. Tytuł oryginału: *The Encyclopedia of Dreams*. Warszawa, 2002.
- Rosemary Ellen Guiley: Tao. Tajemny język snów. Nowe podejście do snów, zdrowia i uzdrawiania. Z angielskiego przełożyła Elżbieta Kowalewska. Tytuł oryginału: *The Tao of Dreaming*. Warszawa, 2007.
- Georg Haddenbach: Sennik. Sny nasze drugie życie. Tłumaczenie z języka niemieckiego Anatol Hanftwurcel. Tytuł oryginału: *Traumdeutung*. Warszawa, 1997.
- Marlena Krzyżostaniak: Sennik. Symbole i marzenia. Wrocław, 1998.
- Laurent Lachance: O czym śnią nasze dzieci. Sennik, 1300 haseł. Z francuskiego przełożyła Joanna Józefowicz-Pacuć. Tytuł oryginału: *Interprétez les rêves de votre enfant*. Warszawa, 2004.
- Helen McLean, Abiye Cole: Potęga snów. Z angielskiego przełożyła Batalia Wiśniewska. Tytuł oryginału: *The Dreamcatchers Handbook*. Warszawa, 2002.
- Stanisława Niebrzegowska: Polski sennik ludowy. Lublin, 1996.
- Stanisław Nowak: Sny przepowiadające przyszłość. Warszawa, 2005.
- Sennik Babuni. Warszawa, 2001.
- Sennik egipsko-chaldejski. Studio asrtopsychologii. Białystok, 2004.
- Ewa Sienkiewicz-Hippler: Psychologia i parapsychologia snów. Studio asrtopsychologii. Białystok, 2004.
- Andrzej Sieradzki: Sennik. Współczesna interpretacja snów. Warszawa, 2004.
- Lucille Tanguay: Wielki sennik uniwersalny. Z francuskiego przełożyła Barbara Walicka. Tytuł oryginału: *Les Rêves – 1000 Facettes de la conscience humaine / Les Rêves – La maîtrise de son conscience*. Warszawa, 2006.
- Marie-Louise von Franz: Ścieżki snów. Przełożył Henryk Smagacz. Tytuł oryginału: *The Way of the Dream: dr Marie-Louise von Franz in Conversation with Fraser Boa*. Warszawa, 2007.

Словари

- Большая советская энциклопедия (БСЭ). Гл. ред. С.И. Вавилов – Б.А. Введенский. Т. 1-51. Москва, 1949-1958.
- Большой англо-русский словарь. Под общ. рук. И.Р. Гальперина, 3-е изд. (т. 1-2) Москва, 1979.
- Большой толковый словарь русского языка (БТС). Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000.
- Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. Москва, 1991.

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Москва, 2000 (по 2-му изд. 1880-1882 гг.).
- Елистратов В.С. Словарь русского аргю (материалы 1980-1990-х гг.). Москва, 2000.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (т. 1-2). Москва, 2000.
- Латинско-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков. Под общ. ред. С.И. Соболевского. Москва, 1949.
- Малая советская энциклопедия. Энциклопедический словарь в трех томах. Гл. ред. Б.А. Введенский. Москва, 1955.
- Немецко-русский словарь. Гл. ред. В.В. Рудаш. Москва, 1942.
- Немецко-русский, русско-немецкий словарь. Под ред. И. Бёме и В. Байкова. Санкт-Петербург, 2000.
- Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. Москва, 2003.
- Подосинов А.В., Белов А.М. Русско-латинский словарь. Москва, 2000.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I (IV). Москва, 1998 (2007).
- Словарь иностранных слов. Гл. ред. Ф.Н. Петров. 9-е изд. Москва, 1982.
- Словарь русского языка в 4-х томах (МАС). Гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд. Москва, 1981-1984.
- Словарь современного русского города. Под ред. Б.И. Осипова. Москва, 2003.
- Словарь современного русского литературного языка. Под ред. В.И. Чернышева. Т. 1-17. Москва-Ленинград, 1948-1964.
- Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Москва, 1992.
- Толковый словарь русского языка (ТСУ). Под ред. Д.Н. Ушакова (т. I-IV). Москва, 1935-1940.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд. Москва, 1986-1987.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. Санкт-Петербург, 2004.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стетеротип. Москва, 1999.
- Dictionary of the English Language, Fifth Edition. 2011 Published by Houghton Mifflin Harcourt Company. // www.thefreedictionary.com
- Inny słownik języka polskiego PWN. Red. naczelny M. Bańko. Warszawa, 2000.
- Słownik wyrazów obcych PWN. Opracowanie L. Wiśniakowskiej (na podstawie Wielkiego słownika wyrazów obcych PWN pod red. M. Bańki). Warszawa, 2004.
- Uniwersalny słownik języka polskiego // sip.pwn.pl/slowniki/Uniwersalny-słownik-języka-polskiego.html

Научное издание

Пётр Червинский

Пространства в снах.
Семантика ориентационных мотивов

Дизайн обкладинки, верстання та макет: Юрій Завадський.

Мова видання: російська.

Підписано до друку 2.06.2015. Папір офсетний.

Гарнітура Times. 16,6 ум. др. арк.

Тираж 500 примірників.

Видавництво «Крок»

Свідоцтво ДК No.3538 від 30.07.2009 року

вул. Гайова, 56, Тернопіль, Україна, 46006

тел. +38 0352 248436

info@krokbooks.com

KrokBooks.com